

Донна Валентино Рыцарь прерий

OCR Roland

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158452

Рыцарь прерий: АСТ; Москва; 1997

ISBN 5-7841-0799-2

Аннотация

Молоденькая вдова Джульетта Уолберн упорно хранит память об умершем муже и запрещает себе даже мысль о новой любви, пока на пороге ее дома не возникает... прекрасный рыцарь. Самый настоящий рыцарь в великолепных сверкающих доспехах! История появления этого таинственного незнакомца в маленьком городке на Дальнем Западе столь неправдоподобна, что все принимают его за лжеца или безумца – все, кроме Джульетты, с первого взгляда поверившей странному рыцарю...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	17
Глава 2	45
Глава 3	65
Глава 4	85
Глава 5	102
Глава 6	117
Глава 7	132
Глава 8	148
Глава 9	173
Глава 10	199
Глава 11	232
Глава 12	248
Глава 13	272
Глава 14	293
Глава 15	309
Глава 16	333
Глава 17	358
Глава 18	373
Глава 19	399
Глава 20	416
Глава 21	432
Глава 22	452

Глава 23	471
Глава 24	485
Глава 25	498
Эпилог	510

Донна Валентино

Рыцарь прерий

Моему агенту Черри Вейнер, чья поддержка и поощрение всегда со мной, и сэру Джозефу, который всегда оставался со своей дамой.

Пролог

Северо-западная Англия, 1283 год

Джефффри д'Арбанвиль пригнулся к вытянутой вперед шее Ариона, громко подбадривая его, хоть и сомневался, что жеребец сможет расслышать его крики сквозь собственное тяжелое дыхание и топот копыт. Джефффри знал, что у его коня несравненно мужественное сердце, а у него самого – могучий удар меча. Но один воин и один конь, какими бы отважными они ни были, не могут противостоять преследующей их дикой орде и должны спастись бегством.

Он рискнул оглянуться и яростно выругался. Дрого Фицболдрик со своими людьми на целые сто ярдов сократили расстояние, которое отделяло их от начавшего уставать Ариона. На этой голой местности укрыться было негде, если не считать купы окутанных туманом древних дубов, которую Джефффри надеялся миновать. Ходили слухи, что никому не

удавалось проехать под их зеленым пологом и остаться в живых. Говорили, что ни одно живое существо, если не считать Божьих птах, не решается проникнуть в эту священную рощу. Говорили, что дубы окружают зияющую пропасть: настолько глубокое ущелье, что свалившийся в него человек будет падать и падать целую вечность, уже не принадлежа ни к живым, ни к мертвым.

Глупые суеверия. Джефффри повернул своего боевого скакуна к дубам. Древний талисман кельтов, надетый на шею, бился в его грудь в такт мощным скачкам Ариона. Это был знак Энгуса Ока, таинственного божества кельтов. Говорили, что талисман возвращает жизнь тем, кто расстаётся с нею во имя любви. Король Эдуард, сюзерен Джефффри, уверил его, что сей магический предмет будет оберегать своего носителя. Он позволит Джефффри искать прибежища в местах, подобных этой священной дубовой роще, а буде кто из врагов короля попытается помешать ему, пока Джефффри доставляет талисман на место назначения, эта реликвия окружит его щитом кельтской магии.

Если кто-нибудь из церковников заметит знак, болтающийся у Джефффри на шее, ему будет грозить отлучение от церкви. Что до остального, то рыцарь не сомневался: это всего лишь легенды и фантазии.

Под первыми ветвями дубов Арион резко замедлил шаг – почти остановился. Неужели коню не хотелось вступать в рощу, где обитает божество? Скорее дело просто в обычной

конской рассудительности: ведь о выступающие из земли корявые корни можно споткнуться. Джеффри сомневался, чтобы лошади разделяли людские суеверия. И действительно, в ответ на прикосновение колена всадника боевой конь послушно двинулся вперед. Два чудовищно огромных, узловатых вековых дуба охраняли вход в рощу, словно кряжистые стражники; их кора и листья заглушили все звуки, как только Джеффри проехал между ними – словно за его спиной закрылись гигантские невидимые двери. В наступившей вдруг тишине Джеффри слышал только тревожное фырканье Ариона да неровное биение собственного сердца. Слух не улавливал даже щебетания птиц, которые якобы обитали в роще. Не доносилось и звуков преследования, затеянного этим предателем Дрого.

Неужели в языческих преданиях об этой роще и об этом талисмানে есть доля правды? Кельтская реликвия почти обжигала кожу, так что на какое-то мгновение Джеффри испытал соблазн отбросить свои христианские убеждения. Но только на мгновение. Потому что едва Арион успел наострить уши, интересуясь незнакомой местностью, а сам Джеффри сосредоточиться на прохладном полумраке святилища, как деревья содрогнулись: яростная погоня Дрого нарушила тишину.

Вот и конец туманной надежде на то, что талисман защитит своего владельца с помощью кельтской магии...

Арион стремительно метнулся вперед – настолько быстро,

насколько позволяли тяжелая упряжь и доспехи. Джеффри снова низко пригнулся к холке коня. Казалось, они проскакали совсем немного, как Арион вдруг остановился и встал на дыбы, и его испуганное ржание разнеслось по роще. Передние ноги жеребца повисли над бездной: отважное животное едва успело встать на дыбы, остановившись на самом краю ужасающего провала, зиявшего в земле.

Первозданная Пропась. Джеффри пытался успокоить отпрянувшего назад Ариона, надеясь, что конь не почувствует, какое отчаяние охватило всадника при виде отвесных краев провала, уходившего в самое сердце земли, до самого ада.

Резко повернув Ариона, Джеффри вытащил меч, чувствуя, что времени на поиски путей к отступлению у них не будет. И действительно, дорога назад уже оказалась отрезана. Дрого и десяток его людей стояли полукругом; напряженно-радостные лица потрясавших оружием врагов дали Джеффри понять: живым из этой рощи ему не выйти. Джеффри слышал собственное хриплое дыхание. Кто-то должен был услышать его последние вздохи на этой земле!

И Дрого их услышал. Его жесткие тонкие губы скривились в злобной усмешке:

– Ну вот, люди добрые, мы поймали не кого-нибудь, а настоящего рыцаря!

– Поймав меня, ты сам рыцарем не станешь, – отозвался Джеффри, зная, как болезненно относится Дрого к постоянным отказам короля Эдуарда посвятить его в рыцари.

Глаза Дрого – карий и голубой – были отметиной сына шлюхи, переспавшей сразу с двоими мужчинами. Джефффри не любил встречаться взглядом с Дрого: его собственные зеленовато-серые глаза никак не могли решить, какой глаз предпочесть – темный или светлый. Но сейчас эта проблема исчезла: чувство торжества зажгло лихорадочным огнем оба глаза Дрого.

– Отдай талисман, – приказал Дрого, протягивая руку.

Джефффри сдернул с головы шлем, пристроил его на луку седла и приставил ладонь к уху, словно плохо расслышав обращенные к нему слова:

– Что-что?

– Отдай талисман! Немедленно!

– А! Я хотел убедиться в том, что правильно тебя расслышал.

Тщательно прицелившись, Джефффри плюнул прямо в протянутую к нему ладонь Дрого.

При виде такого презрения к своему предводителю люди Дрого возмущенно взвыли. Один кинул камень и попал в оставшийся незащищенным лоб Джефффри, оцарапав кожу. Тонкая струйка крови некстати потекла вниз, мешая ему видеть левым глазом. Однако он все же заметил, что, когда банда подалась вперед, Арион вынужден был отступить на шаг, опасно приблизившись к пропасти.

– Отдай талисман, – повторил Дрого. – Я сам отвезу его Деметре в замок Рованвуд.

Джеффри коснулся ладонью в перчатке основания шеи и почувствовал, как талисман вдавливается в тело.

Древняя реликвия принадлежала непокорному приграничному лорду Джону Рованвуду, супругу Деметры. Один из сотоварищей Джеффри, наемный рыцарь Эдуарда, организовал похищение Джона во время охоты и передал его королю за выкуп. Пребывание в сырой темнице короля Эдуарда сломило непокорного лорда, особенно когда король пригрозил, что начнет осаду замка Рованвуд, изморит голодом супругу Джона и разорит прилегающие к замку земли.

– Я не могу допустить, чтобы моя возлюбленная супруга Деметра страдала, – умолял короля Рованвуд, давая клятву стать его верным вассалом. – Отправьте ей этот талисман. Этот знак Энгуса Ока скажет ей, что я готов пожертвовать всем ради нашей великой любви. Деметра увидит в нем мой приказ не удерживать замка против ваших людей, и мы примем вас как нашего сюзерена в обмен на ваше прощение.

Король, которого позабавило, что супружеский пыл может решить одну из самых неприятных пограничных проблем, поручил Джеффри доставить талисман и принять сдачу замка. Если Деметра вопреки обещаниям мужа не захочет сдаться, то Эдуард обезглавит его, а потом возьмет замок в осаду, опустошив окружающие его земли.

Предательское вмешательство Дрого Фицболдрика грозило расстроить их хрупкое соглашение, еще не успевшее вступить в силу.

– Выбери другой момент, чтобы досаждать мне, Фицболдрик. Сейчас неподходящее время для расправы с такими, как ты.

– Ага! Ставки так велики, что у меня голова идет кругом, д'Арбанвиль. Как только ты отдашь мне талисман, Деметра распахнет ворота замка и примет меня с распростертыми объятиями, думая, что я привез ей вести о муже. Возможно, ей не понравится, когда я сделаю ее своей рабыней, но постараюсь, чтобы она привыкла к моему вниманию. Видишь ли, как только супруг Деметры погибнет от руки Эдуарда, я заставлю ее выйти замуж за меня и заявлю свои права на замок Рованвуд и все его земли.

Дрого мерзко ухмылялся, и его предательство от этого казалось куда более гнусным. Джеффри перехватил меч так, чтобы попытаться метнуть его наподобие кинжала, но передумал, зарывчав от досады: люди Дрого угрожающе двинулись вперед.

– И тебе нет дела до того, какие несчастья и беды это вызовет?

– Мне есть дело только до того, что великолепный Джеффри д'Арбанвиль самолично даст мне в руки средство, с помощью которого я овладею замком Рованвуд. Эти места еще не знали таких опустошений, какие я могу устроить, нападая из моей приграничной крепости. Эдуард горько пожалеет о каждом оскорблении, о каждом презрительном слове, брошенном в мой адрес, и в конце концов будет умолять смерть

прийти за ним и избавить его от унижения.

– Я скорее умру, нежели передам реликвию тому, кто подло ерзает брюхом по земле – похлеще, чем самый жалкий червяк.

– Напрасная жертва. Не получив талисмана, я просто начну осаду замка. Его хозяйка быстро обезумеет от жажды и голода. – Непристойный жест Дрого вызвал одобрителный хохот его наемников. – И начнет умолять меня, чтобы я утолил ее желания.

От разглагольствований этого негодяя о своих низких замыслах Джеффри стало тошно. Рыцарь смахнул со лба капли крови, намеренно брызнув ими в сторону Дрого, и снова надел шлем, понимая, что этот жест – свидетельство его намерения стоять насмерть.

– Эдуарду надоест ждать моего возвращения. Он начнет подозревать, что Деметра не послушалась мужа, направит свои войска к замку Рованвуд и увидит твои предательские действия.

Дрого повеселел.

– О, спасибо тебе, что растолковал мне тактику короля! Молодец, д'Арбанвиль. Мне и в голову не пришло бы охранять тылы и приготовить королю ловушку. Поскольку Его Королевское Самодовольство не будет ожидать встречи со мной, то подловить его будет нетрудно.

– Ты не хуже меня знаешь, как воюет король, Фицболдрик. Так что нечего обвинять меня в том, что я выдаю во-

енные планы.

– Но зато ты осознал, как легко было бы присоединиться ко мне и спасти свою жизнь, правда? Я буду снисходительным сюзереном – полагаю, что окажусь намного щедрее скупердяя Эдуарда. Или, может, король наконец пожаловал тебе титул и поместья, о которых ты так мечтаешь?

Джефффри даже не пытался скрыть отвращения.

– Эдуард был прав, отказав тебе в посвящении. Трусливый шакал – и тот благороднее, чем ты.

– О да! Мне никак не удавалось усвоить твоего добропорядочного рыцарского кодекса. – Презрительный взгляд Дрого устремился за спину Джефффри, напоминая ему, в какой опасной близости к краю провала стоит Арион. А потом, обведя глазами своих людей – не менее двадцати человек в полном вооружении, смотревших на рыцаря с кровавадной ненавистью, – Дрого заставил Джефффри еще раз оценить своих противников. – Наверное, нам всем полагалось бы трястись от страха перед лицом твоей рыцарственной решимости.

Дрого хмыкнул и резко дернул плечом; изо рта его вырвался откровенно издевательский хохот.

Один за другим его наймиты подхватили этот смех, так что звуки насмешливой радости разнеслись по всей роще. Когда Дрого наконец перестал хохотать, дергаясь всем телом, то у него даже голос охрип.

– Что мне твоя показная храбрость, д'Арбанвиль? И не

надейся, что моя осада кончится ничем! От меня даже особых усилий не потребуется. Деметра сама распахнет мне ворота замка. Всех нас тебе не одолеть. Мы уже пустили тебе кровь. Можешь сопротивляться, дАрбанвиль, но знай: я все равно получу талисман, когда ты умрешь. Я сам вырву его из твоих мертвых холодеющих пальцев.

Дрого дал знак своим людям: видимо, теперь, когда победа была обеспечена, ему надоело развлекаться, потешаясь над беспомощным противником.

– Прикончите его.

Джеффри случилось сражаться против пяти воинов и побеждать, против десяти – и добиваться ничьей. Но выстоять против двадцати, включая Дрого, было невозможно. Тем не менее, прежде чем пасть в неравном бою, Джеффри сможет устроить хорошую бойню. Он поднял меч и почувствовал, как напрягся Арион, почуввав приближение битвы.

И тут снова прозвучали в его голове слова Дрого: «Я все равно получу талисман, когда ты умрешь».

Достаточно неприятно сознавать, что тебя ждет унижительное поражение от хохочущих подонков. Жестокая шутка – знать при этом, что реликвия, олицетворяющая вечную любовь, послужит орудием насилия, казни, вдовства и массы смертей, и это несмотря на то что Джеффри был твердо намерен принести последнюю жертву, которая причитается сюзерену от верного ему рыцаря.

Он всегда знал, что умрет молодым. Но может быть... мо-

жет быть, ему удастся спасти даму?

Выкрикнув воинственный клич, которым он в последний раз пользовался в Святой Земле, Джеффри со свистом раскрутил меч над головой и плотно загнал его в ножны. Запустив пальцы за ворот кольчуги, он выхватил из-под нее кельтский талисман и поднял его высоко над головой, словно в знаке благословения.

А потом на глазах изумленного Дрого Джеффри резко повернул Ариона и бросился с ним прямо в Первозданную Пропась.

Он держал талисман на весу, надеясь, что лучи солнца отразятся от тусклого олова, дразня Дрого и насмехаясь над его честолюбивыми планами в тот момент, когда реликвия навеки уйдет от него. Конечно, Дрого все равно попытается осадить замок Рованвуд, но при счастливом стечении обстоятельств хозяйка замка сможет выстоять достаточно долго и избежать унижений, которые предназначил ей этот негодяй. Если судьбе будет угодно, Эдуард не попадет в ловушку Дрого, и самого худшего оборота событий можно будет избежать.

Удача, судьба... Ни один рыцарь, достойный своего звания, не возлагает надежды на удачу. Очень жаль, что талисман кельтов не обнаружил обещанных магических свойств.

– Даю тебе клятву, – изо всех сил прокричал Джеффри, жалея, что его слова останутся лишь пустым обещанием, – что сумею вернуться и отомстить тебе, Дрого Фицболдрик!

Торжественная клятва рыцаря Эхом разнеслась над бездной пропасти, когда он и его конь в падении стремительно неслись навстречу верной гибели.

Странно, что в эту минуту Джеффри подумал, как интересно было бы узнать отношение Энгуса Ока к жертве, которую никому не известный рыцарь принес ради любви обреченной супружеской пары.

Глава 1

Брод Уолберна, Канзас. Август, 1859 год

Джульетта Уолберн увидела стада бизонов.

Пассажиры, тесно набившиеся в фургон за ее спиной, навряд ли могли его рассмотреть, поэтому Джульетта заставила уставших мулов преодолеть еще несколько сот футов и только потом поставила повозку на тормоз.

– Вот они, Алма, – негромко сказала Джульетта, обращаясь к школьной учительнице, которая помогла ей организовать эту экскурсию.

– Смотрите внимательно, дети, – посоветовала Алма. – Мисс Джей сказала вам правду: когда-нибудь внукам расскажете, как видели неподалеку от Брода Уолберна стадо бизонов.

– Я их вижу! Вижу! – пропищала крошечная девчушка, пытаясь вырваться из рук успевшей поймать ее Алмы Харкинс.

– Не шумите и не вылезайте из фургона, – предупредила их Джульетта.

Женщины и дети, которых она привезла посмотреть на стадо, набились в фургон, словно сельди в бочку, и Джульетта боялась, что если вытащить хоть одну, то все остальные посыплются на землю.

– Но нам отсюда и не увидеть этих ваших бизонов, мисс

Джей! – запротестовал Робби Уилкоккс.

– Не нахальничай с мисс Джей! – одернула его мать. – Мы пообещали твоему па, что если нам удастся встретить бизонов, то близко подъезжать не станем. Ну, все оставайтесь в фургоне. Нам надо подбираться к ним тихо-тихо, понемножку.

Джульетта закрепила вожжи и встала, прикрыв глаза от солнца ладонью. С высоты фургона ей хорошо была видна прерия, расстилавшаяся во все стороны.

Десятки бизонов склонили громадные косматые головы к выжженной солнцем траве. Даже издалека было видно, как их огромные тела отбрасывают зловещие тени. Воздух вибрировал от глухого фыркания и басовитого мычания.

– Мой сын Герман будет мною очень недоволен, – тревожилась миссис Эббот. – Он все время уговаривает меня съездить к нему на Дальний Запад погостить. Вот погодите, услышит он: целый фургон с одними только женщинами и детьми приехал смотреть на бизонов. Я уверена, он мне скажет: «Мама, зачем было так рисковать? Если бы ты только приехала жить ко мне – тебя охраняла бы вся служба военных инженеров-топографов».

Джульетта подавила вздох досады, хотя могла бы и не трудиться, поскольку все ее пассажиры в один голос застонали. Видимо, Алма разделяла их чувства, потому что не стала ругать детей. Постоянные упоминания о преуспевающем сыночке миссис Эббот рано или поздно выводили из себя каж-

дого. Поскольку экскурсия к пастбищу бизонов заняла большую часть жаркого, пропеченного солнцем утра, то хвастливые замечания миссис Эббот давно всем надоели.

– Я подъеду немного ближе.

Джульетта решила, что все они заслужили эту скромную награду, и хотя один старый бык предупреждающе на них зафыркал, стадо продолжало спокойно пастись, не обращая внимания на посторонних.

Но не успела она опуститься на сиденье, как небо вдруг почернело, а потом расколосось от ослепительной вспышки молнии.

Кто-то из детей захныкал. Гулкие раскаты сотрясли воздух – настолько громкие, что казалось, само небо разрывается по невидимым швам. Хныканье перешло в испуганный крик, и когда Джульетта обернулась, чтобы успокоить расплакавшегося ребенка, то потеряла равновесие, но все же не упала, а тяжело села прямо на землю рядом с фургоном. От такого резкого движения и боли у нее перехватило дыхание, а с головы слетела шляпка, так что длинные волосы выбились из нетуго сколотого узла.

Как в тумане Джульетта увидела, что ее прекрасно вымуштрованные мулы прижали уши, и услышала их испуганное ржание. Джульетта пережила сотню гроз в канзасских прериях, но такой внезапной и сильной бури еще не видела. Фургон трясло, дети кричали и цеплялись друг за друга, к общему шуму присоединились и испуганные вопли женщин.

Робби крикнул Джульетте:

– Это индейцы, мисс Джей! Они спугнули бизонов! Несколько десятков бизонов, конечно, не могли бы с такой силой сотрясать землю, и небо из-за них не потемнело бы, но их острые копыта и безжалостные рога могли кого-нибудь покалечить или убить. Нельзя было допустить, чтобы такая катастрофа случилась с юными жителями Брода Уолберна. Джульетта стряхнула с себя вызванное болью недоумение и поспешно поднялась с земли, чтобы скорее оказаться у голов рвущихся и лягающихся мулов. Сейчас она могла думать только о том, что ей необходимо каким-то образом обезопасить перепуганных женщин и детей.

Она бросила испуганный взгляд в сторону бизоньего стада и чуть не потеряла сознание от чувства облегчения.

Мычащие животные неслись к западу, прочь от фургона. Какая странная гроза! Не упало ни капли дождя – и тем не менее тучи, испугавшие бизонов, рассеялись как утренний туман, а на небе снова благосклонно засияло солнце, словно оно никуда и не пряталось.

Растирая ушибленные ягодицы, Джульетта решила больше не думать о странных переменах в погоде. Зоркие глаза Робби правильно определили причину внезапного испуга животных: пять верховых индейцев скакали рядом с обезумевшими бизонами и, умело управляя лошадьми, заставили нескольких из них отделиться от стада. Джульетта, разволновшись, забыла об испуге и своем неловком приземлении.

– Смотрите все! – приказала Алма. – Может быть, вам больше никогда не удастся увидеть такого.

Некоторые дети продолжали плакать. Миссис Эббот, как оказалось, хлопнулась в обморок, так что Алме Харкинс и еще двум женщинам пришлось лишь втроем успокаивать самых младших и объяснять им, что происходит. Джульетта понимала, что и ей следовало бы внести свой вклад в утешение детворы, но заставить себя так и не смогла. Как бы часто и упорно ни старалась она в подобные моменты справиться со своим легкомыслием и порывистостью, любопытство и восторг захлестывали ее и брали верх над здравым смыслом.

Ей бы следовало давно привыкнуть к обычным сценам покорения человеком животных. И то, что природа все-таки продемонстрировала свое превосходство над человеком только для того, чтобы смягчиться и позволить благосклонному солнцу разогнать грозные тучи, просто не могло вызвать у Джульетты ничего, кроме глубокого облегчения. Все-му виной ее романтическая натура. Потерять родителей и мужа и все равно не расстаться с непреодолимой уверенностью в том, что в один прекрасный день с ней произойдет что-то светлое и необычайное! Такие полеты фантазии простительны для ребенка или совсем юной девушки. Но не для уважаемой вдовы.

Джульетта обрадовалась, заметив краем глаза какое-то движение, которое отвлекло ее внимание от индейцев и собственных неуместных мыслей. На секунду представшее пе-

ред ней зрелище показалось настолько невероятным, что она решила: удар о землю повредил ей рассудок. Джульетта трянула головой, отбросив с глаз пряди волос, но видение от этого не исчезло.

Посреди прерии сидел мужчина. Он весь сверкал, словно руки и ноги его были залиты расплавленным серебром. Он сжался и наклонился к коленям, обхватив руками свою металлическую голову. Рядом с человеком раскачивалось из стороны в сторону какое-то четвероногое существо. Поскольку сзади у него развевался длинный хвост, а уши стояли торчком, Джульетта решила, что это лошадь, но на животном была надета немыслимая юбка – под стать свободной тунике, что была и на сверкающем человеке. Видимо, все дело было в игре солнечных лучей, которые засияли с новой силой, как только исчезла та мимолетная грозовая туча.

Скорее всего Джульетта снова повернулась бы, чтобы наблюдать за индейцами, решив проигнорировать свою невероятную галлюцинацию, если бы не яростное мычание бизонихи, застывшей над неподвижным телом детеныша. Животное неожиданно вырвалось из стада: похоже, и ему попало на глаза это невероятное видение. Нагнув голову, бизониха понеслась на странного сверкающего мужчину, намереваясь отомстить тому, кто осмелился напасть на ее чадо.

Металлический человек и лошадь в юбке, казалось, не замечали опасности. Еще несколько секунд – и бизониха налетит на них. Ее мощные копыта комьями взрывали землю.

Джульетте показалось, что злобные глаза животного горят радостной ненавистью, а рога покачиваются в предвкушении того, как они погрузятся в мягкую, застигнутую врасплох плоть.

Будь они хоть трижды призраки и фантомы, Джульетта не могла допустить, чтобы человека и лошадь вот так просто взяли и уничтожили.

– Убирайся, глупая корова! – неожиданно для себя заорала она.

Не обращая внимания на протестующие крики соседей, Джульетта побежала прямо на потерявшую теленка бизоницу. Женщина размахивала руками, ее волосы и юбка развевались на бегу. Она жалела, что не прихватила с собой ружья, и еще молила Бога, чтобы бизоницу было так же легко отогнать, как и обычную корову.

Джеффри мучительно хотелось снять шлем. Такую страшную боль не могла причинить ссадина от камня, брошенного кем-то из людей Дрого. И в то же время Джеффри страшился выяснить причину боли: он почти всерьез опасался, что если снять шлем, то у него разлетится на куски череп и расплещутся мозги – настолько сильна была боль. Но когда воин все-таки осторожно снял шлем, с головой ничего не случилось, так что он снова рискнул и сдвинул с головы капюшон кольчуги, а потом сорвал тонкий кожаный подшлемник. Джеффри застонал и тут же вынужден был напрячь горло, чтобы его не вырвало: в глотке у него стало так гадко, что

желудок запротестовал, словно доблестный рыцарь в последний раз отобедал тухлятиной, а не пировал у короля Эдуарда.

Рядом сипло дышал Арион. Конь стоял, с трудом держась на разъезжающихся ногах, – таким измученным он не бывал даже тогда, когда Джефффри не слезал с него на протяжении целого дня турнирных поединков.

«Это был изумительный прыжок, мой старый друг. Молодец», – хотел сказать Джефффри, но у него свело губы: так и не удалось вымолвить ни единого слова. Ценой огромного напряжения сил он сумел поднять руку и прижать пальцы к дрожащей передней ноге скакуна. У воина перехватило горло от безмолвной благодарности.

Они остались живы. Они бросили вызов Первозданной Пропasti – и остались живы. Сейчас рыцарь сидел на доброй и надежной земле, и Божье солнце горячими лучами обжигало его потную кровоточащую голову. Только теперь Джефффри заметил, что сжал талисман Энгуса Ока так сильно, что чуть не превратил его в часть ладони.

Казалось, нельзя было разжать пальцы, судорожно стиснувшие талисман, но он подчинил их своей воле, так же заставил губы изогнуться в улыбке. Еще никогда улыбка не давалась с таким трудом и не была такой приятной, как сейчас, при мысли о бессильной ярости Дрого Фицболдрика, видевшего, как реликвия исчезает с его глаз. Несмотря на эту приятную картину, Джефффри поморщился от боли, которую

вызывало даже самое слабое движение. К тому же возникло неприятное чувство, будто земля, на которой он сидит, дрожит и трясется. Рыцарь поморщился и зажмурил глаза от слишком яркого света, но грохот только усилился.

Джеффри решился чуть приоткрыть один глаз, и тут ему пришлось изумленно выпучить сразу оба. Земля сотрясалась и грохотала не из-за их падения: они с Арионом, похоже, рухнули в самую глубь ада, потому что на них с трех сторон устремились демоны.

Прямо на Джеффри неслось создание сатаны – бородатый горбатый зверь с раздвоенными копытами, голову которого венчали рога его господина.

Справа несся верховой лучник – монгол, судя по форме глаз и носа, вот только кожа у него была неправильная: адское пламя, видимо, обожгло ее, превратив из обычной желтоватой в какую-то красно-коричневую. Череп у монгола был практически голый, если не считать узла на затылке, из которого струился хвост наподобие лошадиного. К тому же голую кожу на его голове покрывал тонкий слой грязи необычайного алого цвета. Кожу туловища украшали тонкие полосы того же цвета. Странный человек был почти наг и управлял неоседланной лошадыю с совершенно нечеловеческой ловкостью.

Но самое страшное зрелище представляла собой растрепанная ведьма, мчавшаяся на них слева. Облаченная в немыслимое одеяние, на которое могла решиться только

колдунья, она стремительно неслась к рыцарю, и ее пальцы царапали воздух, словно нечестивая пыталась подчинить своим заклинаниям даже силу солнечных лучей.

Если воин короля действительно умер и оказался в аду, то демоны не могут причинить ему серьезного вреда: они просто приветствуют его появление в их подземном обиталище. Но что-то мешало Джеффри д'Арбанвилю спокойно сидеть на месте, пока вокруг него бушуют демоны, пусть даже и безвредные. Проклиная предательскую немощь суставов, ослабших сейчас, словно изъеденные дровоточцем балки, рыцарь сумел уцепиться за доспех Ариона и с трудом подняться на ноги. Он попытался надеть шлем, но не смог его поднять, так что пришлось сунуть его под мышку, где тот брякнул о щит, брошенный за спину. Только с третьей попытки Джеффри удалось спрятать талисман Энгуса Ока себе за ворот, на грудь. Будь он проклят, если потеряет его сейчас! Теперь меч... Джеффри раз десять хватался за его рукоять, но так и не собрал достаточно сил, чтобы вытащить его из ножен.

Сатанинский зверь уже почти добежал до него, оказавшись настолько близко, что Джеффри ощутил на себе его дыхание, которое оказалось удивительно похожим на обычное коровье, тогда как в пору было ощутить запах горячей серы. Арион в ужасе закатил глаза и издал слабый испуганный звук, совершенно не похожий на его обычное сильное и вызывающее ржание. Стремительно приближавшийся мон-

гольский всадник натянул тетиву лука и так выпустил стрелу, что она пронеслась прямо перед кожистым носом зверя. Тот резко остановился и зафыркал, уставился на Джеффри красными глазами и копнул землю копытом, явно намереваясь вскинуть его на рога. И тут животное увидело вопящую ведьму: она на бегу выкрикивала заклинания, и платье колыхалось вокруг ее талии, словно облако. Поджав свой длинный змееподобный хвост, сатанинский зверь резко развернулся и обратился в бегство.

«Как следовало бы сделать и мне», – подумал Джеффри, когда ведьма приподняла руку, неуверенно, приветствуя монгола. Воин в ответ вздернул вверх свой лук, и лошадь унесла его следом за сбежавшим зверем без какой-либо видимой команды со стороны монгола. Джеффри остался один лицом к лицу с ведьмой, ощущая, как под ногами у него дрожит земля. Сказать по правде, в эту минуту Дрого Фицболдрик показался бы ему менее опасным противником.

– Кто вы?

Джеффри заморгал, считая, что чувства ему окончательно изменили. Слова ведьмы были непонятными, но мягкие звуки голоса тем не менее умили его головную боль. При ближайшем рассмотрении волосы женщины оказались не всклокоченными, а скорее... струящимися – густой волной шелковистых темно-русых кудрей, мягко колеблемых легким ветром.

– У вас лоб в крови. Что с вами?

Когда она говорила, у нее мило изгибались губы. Между дугами бровей, взметнувшимися над огромными яркими глазами, залегла тревожная морщинка. Глаза были синими, и в них отражались волнение и любопытство. Джеффри слышал от людей, что у ведьм глаза всегда черные и тусклые, словно вулканическая порода, что они похожи на мутные омуты, готовые поглотить душу человека. Но им бы больше подошли синие глаза, как у этой, потому что Джеффри испытал острое желание утонуть в их лазоревых глубинах. Он на несколько секунд отпустил рукоять меча, чтобы осенить себя крестным знаменем, отгоняя нечистые помыслы.

– Что с вами? – снова спросила женщина, протягивая руку к его ссадине. Он попятился, чтобы избежать прикосновения ведьмы. Она спрятала руку в складках своего странного одеяния. – Как вас зовут? Вы чуть было не погибли.

Джеффри запомнил ее слова и сравнил с десятками языков, которые выучил за многие годы службы рыцарем-наемником. Он всегда легко схватывал новые языки – это был Богом данный талант, как у других способность сыграть на лютне только раз услышанную мелодию или дословно пересказать запутанное повествование барда. Для человека его профессии такой навык был как нельзя кстати, если учесть, какое количество господ пользовались его услугами за эти годы. Эта ведьма явно говорила не на его родном французском. И не на итальянском, и не на греческом. Ее слова звучали резковато, но не так глухо, как в немецком языке. В

ритме и интонациях он уловил нечто знакомое. Английский? Ну конечно! Ведь Первозданная Пропасьть рассекала именно английские земли.

– Ваш бедный конь! – Она искоса взглянула на Ариона.

«Конь», – мысленно повторил рыцарь, пробуя слово на вкус. Да, английский: на редкость примитивный вариант этого варварского языка простолюдинов, но достаточно простой, чтобы его без труда усвоил человек, который столько лет состоял на службе у английского короля. Джеффри следовало бы быстрее опознать этот язык, если вспомнить, сколько лет он мечтал об английских имениях отца.

К ведьме подбежала стайка детей. Они пристроились к женщине, используя ее наподобие живого щита, вцепившись замурзанными пальцами в складки нелепого платья.

Неужели это она родила их всех? На ее гладком лице не было заметно отпечатка той характерной усталости, что свойственна многодетным матерям. К тому же фигуру женщины украшали тонкая талия и гордые округлости груди – маловероятно, чтобы они остались настолько упругими, если бы вскормили такой приплод. Нижнюю половину тела скрывала пышная юбка, доходившая до колен, и странные мешковатые шаровары, так что нельзя было определить, соответствуют ли скрываемые ими формы многообещающей стройности верхней части фигуры. Джеффри никогда не видел, чтобы женщина, пусть и ведьма, была одета настолько глупо.

Болтовня детей назойливо вторгалась в его мысли, и хотя

слова мало чем отличались от вороньего грая, рыцарь сосредоточился на них, уверенный в том, что сможет их понимать, как только разберется в грубом произношении.

– Кто он, мисс Джей? Что он здесь делает? Почему он так смешно одет? А почему его лошадь в юбке?

– Ко... коннь, – прошептал Джеффри, с трудом выталкивая незнакомое слово из горла, которое пересохло и разучилось говорить за ту вечность, которая могла пройти с тех пор, как он в последний раз пользовался речью.

– Дети, возвращайтесь к фургону и оставайтесь с мисс Харкинс. Робби, принеси нашу флягу с водой.

По приказу ведьмы от неохотно рассасывающейся толпы отделился юнец, который бросился бежать к непомерно большой повозке.

Ведьма оценивающе посмотрела на Ариона и Джеффри, и рыцарь вдруг заметил, что стоит, сжимая рукоять меча, а под мышкой у него – боевой шлем. Большинство мужчин побоялись бы подойти к рыцарю в полном вооружении. А эта ведьма, которая, конечно же, не могла знать о том, что кости у него стали мягче теста, тем не менее сделала глубокий вдох и шагнула к нему. Макушка ее головы едва доходила ему до плеча, ее худенькая фигурка была вдвое тоньше его туловища – и тем не менее эта женщина стояла перед ним с отвагой собрата-воина.

Она протянула к нему руку, очаровательно робко и в то же время решительно.

– Вашему коню надо попить, – сказала она и потянула к себе его шлем. – Дайте-ка мне это ведро.

Тревога за лошадь странного незнакомца заставила Джульетту остаться на месте, хотя ей инстинктивно хотелось загнать женщин и детей обратно в фургон и пуститься в бегство. Боже милосердный, да ведь этот человек может оказаться приграничным разбойником, а она взяла и спасла ему жизнь! Незнакомец буквально нависал над ней. Возможно, странное впечатление, которое он производил, было отчасти связано с его диковинным одеянием: казалось, от этого человека исходит невероятная сила. Костюм, скрывавший его с головы до ног, состоял из крошечных металлических колец, скрепленных друг с другом. Поверх металлического костюма была надета светло-голубая шерстяная туника без рукавов, перепоясанная по талии более темным ремнем. Роскошная вышивка шелком на груди изображала яростного темно-синего ястреба, который атакует огрызающегося золотистого льва. Надетая на коня юбка была таких же цветов и с такой же причудливой вышивкой. За спиной у мужчины висел какой-то деревянный щит, а к плечам были привязаны металлические пластины, и все украшал один и тот же узор с ястребом и львом.

Каштановые волосы незнакомца, доходившие до плеч, влажно липли к черепу, промокнув от пота, а там, где их пропитала кровь, стекавшая из огромной ссадины на лбу, они стали еще темнее.

Если бы не кровь, то можно было подумать, что он целый день пахал в этом наряде. Слипшаяся от крови прядь волос зацепилась за сдвинутый на спину капюшон. Взгляд Джульетты невольно задержался на мощной, как колонна, шее и показавшихся в ворота темных завитках волос.

Мужчина разжал руку, позволив Джульетте извлечь ведро, и она заметила, как на плече вздулись металлические кольца, повторяя очертания мускулов. Она понимала, что ей следует убежать, пока он не употребил своих окованных металлом мускулов на то, чтобы вытащить прикрепленный к поясу меч, но тревога за коня заставила ее остаться на месте. По крайней мере, уверяла себя Джульетта, дело только в коне, а вовсе не в муке и недоумении, которые она читает в серо-зеленых глазах незнакомца.

– Коннь.

Он повторил это единственное слово так, словно других не знал.

– Я напою вашего коня. А если он слишком устал, чтобы пасть, мы нарвем ему немного травы, – пообещала Джульетта, но взгляд мужчины по-прежнему выражал недоумение.

– Вот вода, мисс Джей!

Запыхавшийся Робби остановился рядом с Джульеттой. Та взяла ведро незнакомца за страшно неудобные ручки и раздвинула закрепленную на петлях крышку, удивляясь, зачем было делать на ведре крышку, которая не закрывает его

до конца. Робби наклонил над ведром флягу, и тут незнакомец угрожающе шагнул к ним.

– Non!

В его низком голосе слышался явный приказ. Робби отреагировал на властный тон и выпрямил флягу прежде, чем вода полилась в ведро.

– Но? – повторила Джульетта. Похоже, этот человек знал только слова, относящиеся к лошадям.

Его лицо осветилось улыбкой. Вокруг глубоко посаженных глаз разбежались крохотные морщинки, и напряженное, недоверчивое лицо смягчилось. Даже тень от пробивающейся на щеках щетины вдруг стала светлее, и Джульетта почувствовала, как сердце у нее затрепетало в ответ.

Она заворуженно смотрела на незнакомца, прижимая к груди его ведро, а тот опустил на одно колено и разыграл перед ними сложную пантомиму. Дотронулся до головы, поморщившись, когда случайно задел рану. Указал на ведро, изобразив, будто наливает туда воду, и энергично затряс головой. Потом застонал и принялся что-то оттирать, выкручивая и снова расправляя воображаемую тряпку, а потом поднял невидимое ведро к небу, заглянул в него и прижал к голове обе руки.

Джульетта смотрела на странного лицедея, ничего не понимая, но тем не менее заинтересовавшись происходящим. Почему-то ей захотелось, чтобы пантомима продолжилась и она смогла еще немного понаблюдать за его заворуживаю-

щими движениями.

– Кажется, он хочет воды, чтобы смыть кровь с волос, мисс Джей, – высказал предположение Робби, заставив Джульетту вернуть свои улетевшие непонятно куда мысли обратно к реальности.

– Ну, это было бы просто глупо. Воды тут не настолько мало, хватит и человеку, и лошади. – Она снова протянула ведро Робби. – Наливай.

Незнакомец ссутулил свои широкие плечи и безнадежно покачал головой.

Как оказалось, он был прав. Чертово ведро протекало по всем швам, но если он хотел предостеречь ее относительно этого, то делал это крайне неудачно. Джульетте пришлось забыть о том, что приличествует благовоспитанной женщине, и скачками кинуться к лошади, пока вся вода не вытекла. Измученное животное удивленно принюхалось, но жадно опустило нос в воду.

Позади Джульетты прохладная тень встала между нею и солнцем, и она догадалась, что незнакомец подошел к ней. По коже у нее побежали мурашки, но не от страха: казалось, в ней вдруг расцвело какое-то радостное предчувствие. Мужчина взялся за ведро, коснувшись руки Джульетты металлической перчаткой, и сам стал поить коня.

Если не считать этого мимолетного и легчайшего прикосновения, незнакомец не пытался до нее дотронуться или как-то задержать, но Джульетта почувствовала, что не в силах

сдвинуться с места. Казалось, от мужчины исходит какой-то жар и обволакивает ее, словно шелковые нити вышивки на одеянии незнакомца.

Конь шумно втянул последние капли влаги, странный тип опрокинул ведро и протер его изнутри краем своей туники, недовольно покачав головой при виде чуть заметных следов ржавчины, оставшихся на мягкой голубой ткани.

– Мисс Джей! Мисс Джей! Бизоны убежали!

Бизоны? Господи, она совершенно позабыла о чисто познавательной цели их экскурсии! Рассердившись на себя за то, с какой легкостью она забыла о своих обязанностях, Джульетта повернулась к фургону и увидела, что Алма оставила детей под присмотром одной из мам и сейчас решительно направляется к ним.

Робби так огорченно смотрел на Джульетту, что она улыбнулась и взъерошила ему волосы.

– Может, когда-нибудь поблизости окажется другое стадо.

– Это все он виноват! – Робби бросил на незнакомца негодующий взгляд.

– Робби, – упрекнула его Джульетта, – бизонов могло испугнуть все что угодно. Это могли сделать мы сами или индейцы, или та гроза...

Она недоуменно замолчала: на безоблачном небе ярко сияло солнце, и ничто не напоминало о кипящей тьме и внезапном оглушительном громе и вспышке молнии, из-за которых Джульетта и соскочила с фургона перед самым появ-

лением незнакомца.

– И вообще – откуда он взялся? – разгневанно поинтересовался Робби, но его воинственный тон моментально сменился надеждой: – Может, он тот, кого ждет мой па? Он обещал ма, что когда-нибудь придет человек от компании по вегетарианскому освоению новых земель и вернет людям потерянные деньги.

Уилкоксы, как и многие другие, приехали в Канзас как члены этой компании. Переселенцы-вегетарианцы объединили все свои денежные средства, чтобы создать земной рай, но руководители компании сбежали со всеми деньгами.

В Октагон-Сити, как назвали вегетарианцы свое поселение, так, по сути, ничего и не построили, кроме убогого дома для собраний. Многие из разочарованных переселенцев вернулись обратно на восток. Но некоторые, как Уилкоксы, не желали признать своего полного поражения и приобрели участки земли в близлежащих поселениях Канзаса. Все они ожесточились, а некоторые, если верить слухам, вообще сошли с ума из-за того, что все потеряли. Может, этот приبلудный незнакомец действительно имеет какое-то отношение к вегетарианскому сообществу...

– Он не вегетарианец, – объявила Алма, разбив надежду Джульетты на то, что незнакомец не окажется приграничным разбойником. Учительница запыхалась от быстрой ходьбы по прерии. – Нельзя вырасти таким огромным, если не есть мяса. Ой, вы посмотрите, у него на лбу кровь!

– Он не разрешил мне осмотреть его лоб. Казалось, Алму это мало смутило.

– Мисс Джей, по-моему, он одет в костюм рыцаря! – Тут школьная учительница повернулась к Робби: – Ты помнишь, что мы учили в классе относительно твердых и мягких согласных, молодой человек?

– Ага. То есть я хотел сказать – да, мисс Харкинс. Р-ы-ц-а-р-ь. Второе «р» звучит мягко, и на конце слова надо поставить мягкий знак.

Когда Робби послушно произнес это слово, незнакомец резко повернулся к нему и его гулкий голос прервал опрос.

– Р-ы-ц-а-р-ь? – Его губы двигались, словно смакуя каждый звук, а потом на его лице вдруг появилось радостное выражение. – Рыцарь? – Когда Алма неуверенно кивнула, он восторженно улыбнулся и с силой ударил себя кулаком в грудь, так что металлические звенья его костюма зазвенели, а грудь загудела, как барабан. Голос его стал звучным, словно новое слово придало ему новые силы. – Рыцарь! Рыцарь!

– Ох, мисс Джей, вы только на него посмотрите! – вздохнула Алма и разве что не растаяла при виде того, как незнакомец напряг свои мощные бицепсы и хлопнул рукой по холке коня.

– Коннь... конь! – Потом он лягнул землю прерии. – Тра... трава! – Повторив движение Джульетты, он провел обтянутой металлом рукой по волосам Робби. – Отрок!

– Мальчик, – поправила его Алма наставительным тоном,

заменив устаревшее слово. Незнакомец безупречно повторил его следом за ней, и она одобрительно улыбнулась такой улыбкой, какой учитель хвалит своего самого отстающего ученика за первую сложную фразу.

– Алма, подобной нелепицы я в жизни не слышала! – за протестовала Джульетта. – Рыцарей больше не существует. Но даже если бы существовали, то что им делать в Канзасе?

– Ну, я же не говорю, что он настоящий рыцарь!

– А тогда что же он за рыцарь?

– Я знаю! Спорим – он актер! – вмешался Робби.

– Актер? – Алма радостно улыбнулась мальчику. – О, да вы, дети, действительно слушаете, когда я читаю вслух газету! – Она объяснила Джульетте: – Пару месяцев назад я читала в классе заметку из «Канзас трибюн» про труппу актеров шекспировского театра, которые приехали из самой Англии, чтобы играть в новом театре в Лоренсе. Может, он один из них?

– Алма, отсюда до Лоренса два дня верхом!

– Может, он заблудился? Или, может, он ехал в другой город, а на него напали приграничные разбойники? Наверное, актеры обороняться не умеют.

– Это объяснило бы его рану на лбу, – согласилась Джульетта. – Но как насчет этих его непонятных одеяний?

– Костюм, – уверенно кивнула Алма. – Он актер.

– Кос-тюм. Ак-тер, – сказал незнакомец и кивнул, точь-в-точь как Алма.

– Я правильно догадался, да, мисс Харкинс? – сказал Робби.

– Да! – ответила Алма, захлопав в ладоши.

– Д-да! – И незнакомец тоже захлопал в ладоши.

Зная, насколько редко на долю Робби выпадают похвалы, Джульетта не стала высказывать своих сомнений: слова и действия незнакомца были слишком буквальным подражанием Алме и потому показались ей неубедительными. Надо за ним понаблюдать.

– Ну, я рада, что эта тайна разгадана, мисс Джей. Другого объяснения его наряду я не вижу. Признаться, я не ожидала от театральных костюмов такого внимания к деталям. Посмотрите на его щит. И кольчуга, и герб... И лошадь у него необычная – это... как их там?... —... боевой скакун. Он в костюме рыцаря, как те, что были при дворе короля Артура.

– Рыцарь, – пророкотал незнакомец, словно соглашаясь. Он одарил Алму лениво-самоуверенной улыбкой, а потом перенес все внимание на Джульетту, словно безмолвно бросая ей вызов.

– Ну, может, не короля Артура, – продолжила Алма. – Кажется, Шекспир про него пьес не писал. Вы знаете отрывки из «Ромео и Джульетты», мисс Джей. Почему бы вам не прочесть ему что-нибудь: может, к нему вернется память?

– Не глупите, Алма. С чего это я начну читать незнакомому человеку Шекспира посреди прерии?

Боевой скакун, король Артур, кольчуга, рыцарский

герб... Джульетта встряхнула головой, жалея, что не может с такой же легкостью отряхнуться от впечатления о нарастающей странности происходящего вокруг. Похоже, Алма намерена и дальше молоть чепуху, а незнакомец начал открыто с ней заигрывать, отчего Джульетте вдруг остро захотелось лягнуть его в обтянутую кольчугой лодыжку... только вот при этом можно было отбить себе ногу. Скорее всего этот человек – вооруженный до зубов приграничный разбойник, посланный сторонниками рабства, чтобы мутить воду в Броде Уолберна, а у нее тут полный фургон женщин и детей и даже нет ружья, чтобы их защитить.

Но с другой стороны, он устроил настоящую пантомиму, когда хотел, чтобы она не наливала воды в его шлем. Может, он действительно актер – просто не слишком хороший.

– Пора бы нам вести детей домой, – проговорила Джульетта тоном столь же натянутым, как ее нервы, и, схватив Алму и Робби за локти, потащила их к фургону.

– Но как же он? Как этот рыцарь... э-э... актер? – спросила Алма, пытаясь вывернуть шею, чтобы посмотреть на незнакомца.

– Вы же знаете, что доверять неизвестным людям опасно, Алма. Кто бы он ни был, он как-то смог оказаться посередине прерии, так что пусть сумеет вернуться туда, откуда появился.

Они еще не успели дойти до фургона, когда Робби потянул Джульетту за рукав.

– Он идет за нами, мисс Джей. А лошадь у него еле на ногах держится.

Тревога за лошадь – Джульетта убеждала себя в том, что дело было только в лошади, – заставила ее неохотно оглянуться назад.

Незнакомец (а она решила, что не станет называть его рыцарем) издали встретился с ней взглядом. Он шел, гордо выпрямившись, но его длинные ноги сильно сокращали шаги, примеряясь к скорости измученного животного. Казалось, для себя он сочувствия не просит. Джульетта почувствовала себя виноватой.

Ее мысли отказывались ей повиноваться и снова и снова возвращались к тому, как он ударял себя в грудь и гордо объявлял, что он – рыцарь. На одну секунду она вдруг позволила себе безумную фантазию: прерии исчезли, и она оказалась на поле для рыцарских турниров. Представила себе, что слышит, как звуки труб возвещают появление незнакомца на горячем, норовистом боевом скакуне: он держит в руке щит, высоко поднимает меч... На голове у него похожий на ведро шлем, и невидимые толпы людей приветствуют его одобрительными возгласами и забрасывают свежесорванными розами. А он принимает все похвалы – сильный, властный, уверенный в себе... Такую уверенность могут дать только многократные победы.

Рыцарь. Никем иным он быть не может.

Но тут воображаемая картина исчезла, призрачные кри-

ки сменились свистом вездесущего ветра прерий. Джульетта стиснула зубы. Ее фантазия скоро разыграется сильнее, чем у Алмы.

– По-моему, нехорошо просто его тут бросить, мисс Джей, – прошептал Робби.

– Вы ведь спасли ему жизнь, – поддержала его Алма. – И это вроде как налагает на вас ответственность за него, правда же?

– Я хотела осмотреть его рану, а он отшатнулся, словно я пыталась его убить.

Джульетта с изумлением поняла, что все еще досадует на то, какое странное выражение лица было при этом у незнакомца и как он незаметно наспех начертал рукой в воздухе знак креста, словно хотел защититься от нее.

– Просто он ранен и сбит с толку, – сказала Алма, похлопывая Джульетту по руке, словно обиженного ребенка. – И потом, только у вас есть где поселить его, пока он не придет в себя. А поскольку этот месяц я жиру у родителей Робби, я буду близко и смогу время от времени заходить и... и помогать вам общаться с ним.

Высказывая это предложение, Алма густо покраснела. Джульетта прекрасно поняла, в чем причина: Алма глубоко заинтересовалась закованным в металл и обожающим свою лошадь актером, которому понравилось называться рыцарем.

Ах, если бы Джульетта могла заявить, что ее постоя-

лый двор переполнен! Но сейчас у нее жил только престарелый капитан Чейни, ее единственный постоянный гость. Две ее лучшие комнаты оставались свободными, и об этом знал весь город. Традиционное приграничное гостеприимство плюс то, что она уже вмешалась в дела незнакомца, требовали теперь предложить стол и кров человеку, который скорее всего не сможет за них заплатить, и стойло его кляче, которая тем не менее сейчас наряжена богаче, чем когда-либо одевалась Джульетта.

Джульетта снова оглянулась. Испачканная ржавчиной туника незнакомца хлопала по ветру, напомнив ей, как он пытался помешать им налить воду в ведро. Не в ведро – в шлем. Если верить Алме, то это часть театрального реквизита.

– Может, он хотел здесь поселиться, и ранили его по дороге к Броду Уолберна? – строила догадки Алма. – Вы ведь всегда так рады приветствовать новых поселенцев, мисс Джей! Господи, да, может, мы уговорим его устроить представление! Может, наши горожане получат в нем роли. Все наверняка будут очень рады развлечению.

Джульетта чувствовала, что все ее возражения улетучиваются.

Если есть шанс, что этот незнакомец захочет здесь поселиться, то незачем отталкивать мужчину, сильного физически, пусть даже он не вполне силен умом. Особенно если он сможет устроить какое-нибудь развлечение: кому как не ей знать, насколько важно горожанам хоть как-то скрасить свою

однообразную жизнь в конце лета. Кроме того, к нему наверняка вернется память. Если же все это тщательно продуманная маскировка... ну, долго ее дурачить никому не удастся, даже актеру.

– На два дня.

– На месяц, – парировала Алма.

– На неделю, – уступила Джульетта. – И при условии, что на бесцеремонные вопросы миссис Эббот отвечать будете вы сами.

– У вас доброе сердце, – с искренней улыбкой сказала Алма. Повернувшись к самозваному «актеру», она энергично замахала ему, приглашая идти следом.

– Ничего подобного, – резко ответила Джульетта, стараясь скрыть изумление, которое вызвали слова Алмы. Ведь по-другому она просто не могла поступить! Она оглянулась на незнакомца и почувствовала совершенно неуместное желание улыбнуться, с которым, правда, быстро справилась. – Я просто стараюсь поступать так, как лучше для нашего города, то есть как всегда.

Глава 2

С каждым шагом, сделанным вслед за фургоном, к Джефффри возвращались силы. С каждым вздохом его разлетевшиеся мысли приходили в порядок. Ему хотелось бы сбросить доспехи, но хотя Арион, похоже, тоже восстанавливал силы, не стоило обременять измученного коня весом кольчуги. Кроме того, Джефффри ведь так и не знал, к какому именно замку приближается фургон этой самой Мизджей. И какие силы его встретят там, когда они приедут. Возможно, очень скоро он будет рад тому, что остался в тяжелых доспехах.

Неожиданно появившийся рыцарь далеко не всегда встречал теплый прием. Однако человек, которому принадлежали эти ровные, поросшие травами земли, похоже, мало заботился об охране своих владений. Нигде не видно было сторожевых башен, ему навстречу не выехали рыцари, чтобы узнать о цели его приезда. Здешние крестьяне строили свои лачуги так далеко друг от друга и в таких не приспособленных к обороне местах, что никакой лорд не смог бы спасти их всех в случае неожиданного нападения.

Джефффри хоть и не имел надежды унаследовать земли своего отца, все равно сумел бы гораздо лучше позаботиться о своих крестьянах. Сейчас в нем снова поднялась давно загнанная в глубь души тоска по собственной земле. Он отогнал ее прочь – так же как недавно отбросил глупую фанта-

зию, будто он каким-то образом приземлился в аду, а Мизджей – это ведьма. На самом деле она, конечно же, просто довольно пригожая поселянка с на редкость немелодичным именем.

Через некоторое время Мизджей остановила свой перегруженный фургон и высадила пару ребятишек рядом с избенкой, сложенной из странного материала, на вид напоминающего огромные кирпичи из торфа, и крытую соломой. Хотя земля должна была бы изнемогать от преджатвенного изобилия, позади избенки оказалось всего несколько возделанных акров, окруженных волнующейся на ветру травой. Поле мотыжил всего один крестьянин.

Стратегическое чутье и ноги Джеффри равно протестовали, когда они прошли по крайней мере полмили, прежде чем добраться до следующего жилья. На этот раз дом был сделан из набитых одна над другой дощечек, а поля опять оказались практически невозделанными, и работавших на них крестьян было так же недопустимо мало. Там сошло еще несколько пассажиров, с любопытством разглядывавших рыцаря и Ариона.

Теперь в фургоне нашлось бы место и для Джеффри, но Мизджей его не пригласила: она сидела неподвижно и смотрела прямо перед собой, словно ее запрягли так же надежно, как мулов. А еще она надела тряпичный шлем, похожий на те, что были на остальных женщинах. Он скрыл ее роскошные волосы и спрятал лоб и щеки, почти как головные уборы

монашек.

Джефффри пытался сообразить, не выкрикнул ли он в своем смятении после прыжка слово «ведьма», – тогда ее неприветливость стала бы вполне понятной. Больше он вроде ничем не заслужил такого непримиримого недоверия. Ведь испытывать страх перед рыцарем противоестественно для женщины – пусть даже настолько недалеко, что ей, похоже, не доверяют никакой работы, кроме как возить женщин и детей.

Мизджей управлялась с мулами удивительно ловко, если учесть, что никакой дороги не было и в помине – только узкая колея, пролегавшая в траве. Джефффри хотелось бы немного приблизиться к фургону: его страшно заинтересовали колеса. Ничего похожего ему еще видеть не приходилось – в каждом было около дюжины спиц, окруженных тонким металлическим ободом. Казалось немыслимым, чтобы такие колеса могли выдержать вес тяжелой повозки.

Но наибольший интерес вызывала эта странная женщина-возница. Он напрягал слух, пытаясь поскорее освоить новый вариант языка, но по сравнению со своими пассажирами Мизджей оказалась молчуньей. Постепенно Джефффри начал осваивать странное произношение. Понимать этих людей будет нетрудно, хотя для того чтобы заговорить на их необычном диалекте, ему понадобится некоторое время.

«Где я?» – этот вопрос он задаст первым делом. Все вокруг казалось каким-то подозрительно странным. Обшир-

ные невозделанные земли. Просторные пастбища, где никто не пасся. Тот демонический скот, от топота которого сотрясалась земля. Крестьяне, бродившие без всякой цели, говоря по-английски – и все-таки не совсем по-английски... их странные одеяния, обмен приветствиями с воинами-монголами...

Джеффри расправил плечи, испугавшись неприятной мысли, которая пришла к нему в этот момент. Господи, а что, если он сорвался с края земли и оказался в варварском Китае?!

Фургон, за которым шли Джеффри и Арион, все ехал и ехал, высаживая по дороге детей. Каждая дурно построенная лачуга, к которой они приближались, стояла одиноко и успевала давно исчезнуть из виду, прежде чем они подъезжали к следующей. В конце концов в фургоне остались только Мизджей, та женщина, которую она звала Алмой, и явно злющая старуха, которая не переставала на него хмуриться.

Джеффри подумал было, не соорудить ли ей ответную гримасу, но тут фургон подъехал к жалкому скопищу лачуг и рыцарь нетерпеливо вытянул шею, убежденный в том, что они наконец приближаются к деревне. Скоро он начнет считать стада и отары, увидит роющихся под дубами свиней, хорошо возделанные поля с обильным урожаем и массу крестьян, которые ухаживают за жизнедарящими животными и посевами. Он увидит высокий замок с гордо развевающимися на ветру знаменами, и на них будет герб лорда, который

столь небрежно правит этими плодородными землями.

Но его взгляд так и не встретил ничего, кроме нескольких жалких лачуг да все той же волнующейся под ветром травы, уходящей вдаль до самого горизонта.

Мизджей остановила мулов: все три женщины покинули свои места и встали рядом, сложив руки и наблюдая за приближением Джеффри. Довольно смелая поза для представительниц низшего сословия в присутствии человека его звания.

Хотя Джеффри плохо видел их лица, затененные непривлекательными тряпичными шлемами, можно было разглядеть, что внешне эти женщины совершенно не похожи друг на друга. Хмурая старуха была самая высокая и толстая, и ее узкие губы были сурово сжаты. Та, которую звали Алмой, тоже была пышного телосложения, но не обладала достаточным ростом, который бы компенсировал полноту и добавил бы ей грации. Платья обеих плотно облегли фигуру, а ниже спускались пышными складками почти до земли. Отнюдь не крестьянское одеяние, и совсем непохожее на те, что носили женщины при дворе короля Эдуарда, но все-таки не такое невообразимое, как наряд Мизджей.

Казалось, Мизджей почувствовала на себе его взгляд: она стянула головной убор, так что ветер мог свободно играть длинными прядями ее волос. Несколько локонов упали ей на грудь, немного не достав до бедер, но упругая легкость волос говорила о том, что их обладательница недавно мыла го-

лову. Редкий случай – крестьянка, ухаживающая за своими волосами! Женщина настолько привлекательная и отважная – трудно понять, как это она осталась вне поля зрения своего лорда и как может свободно бродить по этой безлесной равнине, не опасаясь, что к ней на каждом шагу будут приставать мужчины.

– По-моему, это была плохая мысль. – Говоря, старуха нахмурилась еще сильнее, но тем не менее ухитрилась выглядеть испуганной. – Да вы только посмотрите, какой он огромный! Вы ничего не сможете сделать, если ему в голову придет... ну, вы знаете. Если бы мой сын был здесь, а не с Военной службой инженеров-топографов.

– Не глупите, миссис Эббот, – прервала ее Алма, непривлекательно покраснев. – Капитан Чейни не допустит, чтобы с мисс Джей произошло что-то плохое.

– Этот старый обманщик! – пробормотала миссис Эббот и тоже густо покраснела. Набрав в легкие побольше воздуха, она снова пошла в атаку: – Да он наверняка уедет по каким-то там своим таинственным делам как раз в тот момент, когда мисс Джей больше всего в нем нуждается. Вам бы следовало запереть этого незнакомца в сарае, пока мужчины не вернуться с полей. Пусть они выяснят, кто он такой и зачем сюда явился.

И тут Мизджей встретила глазами с Джеффри, но взгляд ее задержался лишь на миг, устремившись куда-то мимо рыцаря, а ее золотистая кожа чуть зарозовела.

Заливающиеся краской женщины, все трепещущие в присутствии рыцаря, – ну что ж, хоть что-то в этих владениях так же, как и везде. Улыбка Джеффри была не столько результатом привычной любезности, сколько выражением облегчения.

Мизджей заморгала, и ее гордый подбородок вздернулся вверх, словно его улыбка нанесла ей сильный удар.

– Миссис Эббот права, Алма: мы ничего не знаем об этом человеке и не можем ему доверять. – Голос ее звучал холодно, но в то же время ласкал слух и был мелодичнее, чем у остальных. – Я оставлю его в сарае вместе с конем.

Лоб у незнакомца перестал кровоточить, что было очень кстати, поскольку сам он не обращал на свою рану ни малейшего внимания, а Джульетта не собиралась повторять своей попытки его осмотреть.

Сложив в сторонке шлем, меч и щит, он тщательнейшим образом обиходил своего коня, хотя любой мог бы сказать, что у него самого буквально все поджилки трясутся от усталости. Джульетта еще никогда не видела подобной преданности по отношению к животному. Кольчуга на мужчине казалась чрезмерно тяжелой. Джульетта решила, что даже привыкший к такому нелепому одеянию актер должен был бы тяготиться подобным грузом. Она испытывала укоры совести при мысли о том, что заставила его пешком идти за фургоном – и это при его ране! – но поспешно отбросила эту мысль, напомнив себе, что по-прежнему совершенно ничего

не знает об этом человеке.

Куда девалась вся ее рассудительность? Что за глупость – стоять тут и наблюдать за ним, когда вокруг нет ни души, чтобы прийти ей на помощь, если он вдруг на нее набросится? Ну, хорошо хоть, что она оставила дверь сарая открытой, чтобы солнечный свет попадал внутрь помещения. Если этот тип на нее кинется, кто-нибудь, возможно, услышит ее крик.

Однако незнакомец не обращал на нее внимания: он сосредоточенно снимал с коня тяжелое седло, а следом за ним и юбку, покрывавшую животное от ушей до хвоста. Грудь коня оказалась прикрыта каким-то сооружением, очень похожим на кринолин, только изготовлено оно было из пучков соломы, продетых через деревянный каркас. При виде этой удивительной конструкции Джульетта громко ахнула. Незнакомец остановился и посмотрел на нее поверх спины своего коня.

В этом сарае, построенном для пары мулов обычного роста и пары дойных коров, еще никогда не было столь внушительного жеребца, но у Джульетты вовсе не поэтому неожиданно перехватило дыхание. Ей вдруг показалось, что в тесном сарае стало еще теснее, что она не смеет даже сделать вдоха, пока взгляд незнакомца прикован к ней.

– Кто вы? – прошептала она.

Он чуть наклонил голову и сосредоточенно нахмурился. Джульетта указала на его лошадь, пытаясь найти какой-то способ общения с незнакомцем.

– Конь?

Незнакомец улыбнулся, мгновенно разгадав ее намерение, и оперся руками о спину животного.

– Конь. Арион.

– Арион, – повторила Джульетта, пытаясь привыкнуть к музыкальному звучанию его голоса. Она положила руку себе на грудь: – Джульетта. Джульетта Уолберн.

В его взгляде отразилось недоумение.

– Мизджей?

Уважительное обращение, к которому она так старательно приучала окружающих, вдруг показалось ей грубым и некрасивым.

– Ну... да. Мне нравится, когда меня называют мисс Джей. Но мое настоящее имя – Джульетта.

С чего это вдруг она ему это сообщила: ведь она почти четыре года пыталась заставить всех, кто ее знал, забыть о таком легкомысленном имени!

– Джульетта, – произнес он, и она затрепетала, услышав, как нежно прозвучало в его устах это имя: немного по-британски, словно пришедшее из столь любимых ее отцом пьес Шекспира. Так поклонник мог бы окликнуть возлюбленную из укрытия под ее окнами.

– Джульетта, – снова повторил незнакомец, словно ничуть не сожалея о том, что ее отец наградил дочь таким неуместно романтическим именем.

Он положил руку в металлической перчатке на свою

грудь.

– Д'Арбанвиль.

«Джюльетта. Д'Арбанвиль». Такое тесное соседство двух имен заставило Джюльетту совершенно неуместно залиться краской. Напевный голос гостя напомнил Джюльетте речь одной вегетарианки, с которой она встретилась в Октагон-Сити. Та попала в Канзас из Франции через Монреаль и тут потеряла все свои деньги, как и множество других переселенцев-вегетарианцев. Может, этот самый д'Арбанвиль приехал сюда тем же путем?

– Джеффри, – добавил он.

– Д'Арбанвиль Джеффри? – переспросила Джюльетта и поморщилась: настолько резким ей показалось собственное произношение.

Казалось, он ничего не заметил, а только ослепительно улыбнулся и отрицательно помахал рукой.

– Джеффри д'Арбанвиль?

Гость наклонил голову в ее сторону и сделал полупоклон, не спуская с нее глаз. И здесь, в пропыленном старом сарае, где вокруг жужжали мухи, а в углу был свален навоз мулов, перемешанный с соломой, вдова Уолберн вдруг ни с того ни с сего ощутила себя балованной юной аристократкой-итальянкой, принимающей ухаживания от запретного для нее Ромео.

Джюльетте не понравилось, несколько не понравилось нахлынувшее на нее смущение, из-за которого она одной ру-

кой начала приглаживать складки своего наряда, а другой – густые пряди, вольно рассыпавшиеся по ее плечам.

Чтобы скрыть свои чувства, Джульетта принялась отдавать распоряжения.

– Вон в тех бочках есть корм для вашего коня, но обязательно снова закрепите крышку, чтобы туда не смогли забраться мыши. Ведро воды можно налить из насоса на дворе. Вам надо будет самому каждый день чистить стойло Ариону. И я надеюсь, что вы отгоните его на пастбище, как только он окрепнет.

Джеффри внимательно смотрел на ее губы, чуть склонив голову набок.

– Ой, вы не играете! Вы действительно ударились головой и теперь не можете как следует говорить! Вы не поняли ни единого моего слова, да? – спросила она в отчаянии.

Он медленно кивнул.

– Понимать. И аз... глаголать ваш английский... скоро. – Он успокаивающе похлопал Ариона по спине, а потом направился к Джульетте и дотронулся до ее груди с самым серьезным выражением лица. – Помогать мне... Джульетта?

Она намеревалась ответить ему, что уже и так достаточно много ему помогала, и чтобы поправить неловкую фразу Джеффри – сказать ему, что предпочитает обращение «мисс Джей». Но Джеффри остановился всего в одном шаге от нее, и все внимание Джульетты сосредоточилось на его широкой груди, вытеснившей у нее из головы все остальные

мысли. Его руки начали медленно опускаться и выгибаться. Солнечные лучи упали на металлические звенья, и казалось, что раскрываются крылья ангела-хранителя, чтобы окружить ее бережным объятием. Ее рыцарь явился, чтобы защищать Джульетту от всякого зла.

– Помогать мне, Джульетта, – снова прошептал он, и ее душа затрепетала, откликнувшись на его мольбу.

И тут она поняла, что Джеффри всего-навсего неловко поворачивает руку для того, чтобы оттянуть край туники, который зацепился за ослабевшие звенья кольчужного капюшона.

Джульетта на мгновение окаменела от досады. Она тут трепещет перед ним, словно героиня Шекспира, загипнотизированная его голосом, и воображает себе крылья ангела – Господи! – а ему всего только и нужна ее помощь, чтобы высвободить ткань. Да уж, он настоящий актер – умеет заморозить своих слушателей. Как бы хохотал весь Брод Уолберна, если бы его обитатели узнали, что она наслаждалась тем, как красиво в его устах звучит ее нелепое имя!

Разозлившись на себя, Джульетта сильно потянула мягкую голубую ткань, не обращая внимания на то, что она разорвалась по шву. Так ей и надо – теперь придется еще и зашивать! Джульетта ненавидела шитье, так что самым подходящим наказанием для нее будет орудовать иглой и размышлять о том, почему ей приходится это делать.

Джеффри отступил от женщины на шаг, предоставив ей

складывать его тунику, словно сам понятия не имел, как следить за собственной одеждой. Согнувшись в талии, он несколько раз дернул плечами – и кольчужная рубашка упала к его ногам серебристой горкой. Джефффри немного пошатнулся, избавившись от ее веса, но сразу же пригнулся и начал копаться в кольчуге, пока не извлек оттуда кожаную полосу, на которой болтался оловянный кулон. Тут он выпрямился, облегченно вздохнув, и прижал подвеску к сердцу. Через секунду он завязал кожаный ремешок и выпрямился – и тут Джульетта обнаружила, что снова сходит с ума.

На мужчине оказалась необычная рубашка из тонкой и мягкой кожи, без рукавов и с глубоким клинообразным воротом. На его обнаженных руках вздувались мускулы, подобных которым ей в жизни видеть не приходилось: казалось, его руки от запястья до плеча закованы в мышцы. Подвеска утопала в густых темно-каштановых завитках, покрывавших его грудь в вырезе рубашки. Пряди длинных волос упали ему на плечи – тоже каштановые, но чуть позолоченные солнцем.

Грудь Джефффри бурно вздымалась, словно на то, чтобы снять свою металлическую одежду, он затратил массу сил. При каждом вдохе кожаная рубашка натяги валась, плотно облекая мощные формы, говорившие о недюжинной силе. Без кольчуги он показался ей более молодым и даже более сильным: каждый дюйм его подвижного натренированного тела свидетельствовал о том, что его обладатель – мужчина, наслаждающийся каждой минутой расцвета своих сил.

И все его пропорционально сложенное сильное тело было обезображено серебристо-белыми шрамами. Тонкие полосы, треугольные ямки и длинные извивающиеся следы – словно сквозь защиту его кольчуги много раз пробивались острия кинжалов и клинки мечей. Она никогда не подумала бы, что столько шрамов может быть у солдата, не говоря уже о человеке, выбравшем в качестве профессии актерскую игру.

Джеффри заметил, куда устремился взгляд Джульетты: вытянув руки перед собой, он повернул их, демонстрируя, что отметины есть со всех сторон.

– Рыцарь, – повторил он, и это загадочное слово было его единственным объяснением.

Хотя гладкий лоб Джульетты прорезала крошечная морщинка, когда Джеффри обнажил перед ней знаки своего сословия, рыцарь не почувствовал в ней тошнотворного отвращения, которое порой заставляло женщин отшатываться от него, прижимая ладони ко рту. Но в ней не было заметно и жадного наслаждения, с которым женщины другого сорта водили пальцами по его шрамам: словно им доставляли удовольствие мысли о боли, которую он испытывал, получая их.

Встревоженные глаза Джульетты встретились с его взглядом. В их лазурных глубинах он, кажется, прочел сочувствие к себе – к человеку по имени Джеффри д'Арбанвиль. Не к рыцарю, который получал немалую награду за пролитую кровь, а просто к человеку, в тело которого так часто впи-

вался острый металл. К тому, кто знает цену страданиям.

Казалось, от нее исходит исцеляющий свет, обещавший беспокойной душе мирную гавань. Джефффри неожиданно понял, почему аристократы готовы были навлечь на себя королевский гнев, вступая в союз с такими женщинами, почему безземельные скитальцы вроде него осмеливались мечтать об отказе от рыцарства, чтобы променять свои серебряные шпоры на простые радости: жену, деревенский дом, десяток акров пахоты...

Может быть, исполнив королевское поручение и свою клятву о мщении, освободив землю от мерзкого присутствия Дрого Фицболдрика, Джефффри тоже захочет осуществить подобную мечту. Но сейчас не время для таких грёз. Кельтский талисман тяжело давил ему на грудь, напоминая о данной клятве, об обязательствах, о долге, о людях, чьи жизни зависят от его возвращения.

Сегодня ночью, когда его старые друзья – звезды начнут свой путь по небесам, Джефффри покинет это странное место. Не важно, где именно он оказался после прыжка в Первозданную Пропась. Такой человек, как он, чей меч служил повсюду, начиная с Италии и кончая Святой Землей и Англией, без труда найдет дорогу обратно по тем же самым звездам, пусть даже он попал в какое-то англоговорящее поселение Востока.

Чтобы перенестись сюда, Джефффри прыгнул в пропасть – похоже, что для возвращения ему придется карабкаться

вверх. Так что он станет разыскивать горы.

Внимание рыцаря привлекло какое-то шарканье у двери в конюшню. Там оказался мужчина-поселянин: судя по ссутулившимся плечам и седине в шевелюре и бороде, почти старик. Джефффри подумал, что когда-то этот человек был высок и крепок, но сейчас, похоже, попал в когти чахотки.

Кровь Господня, но до чего же странные одежды облачали тела этих людей! На старике была туника, заправленная в свободные штаны; оба предмета одежды украшал спереди один ряд идущих сверху вниз кружочков цвета обглоданной говяжьей кости. Талию старика опоясывала прочная с виду полоса кожи, на которой болтался кожаный футляр. Из футляра торчала рукоятка – тоже цвета кости. Поселянин схватился за рукоятку и быстрым движением вытащил ее. Судя по тому, как ловко он это сделал, движение было отработанным. На кости оказалось длинное круглое рыло из какого-то темного металла. Он угрожающе направил странный предмет на Джефффри – как направляют нож на противника.

Однако это был не нож. За все свои скитания Джефффри ни разу не доводилось встречать подобного оружия. И все же по виду поселянина не казалось, будто он предлагает какой-то дар.

– Только посмей сделать к ней хоть шаг – и я уложу тебя на месте! – объявил поселянин. – Стыдись! Нельзя обижать вдову.

– Джульетта? Вдова?

Эта новость крайне заинтересовала Джеффри. Но Джульетта не проявила желаний объяснить свое семейное положение.

– Капитан Чейни! Нет! Уберите револьвер!

С этими словами она бросилась между Джеффри и воинственным поселянином.

Джульетта подняла руки, словно хотела отвести удар – но ведь поселянин стоял в добрых десяти шагах от них! Невозможно было стерпеть то, что какая-то женщина настолько усомнилась в его способности отреагировать на угрозу – пусть даже она застала его в тот момент, когда он сидел на траве, слабый, как изголодавшийся ягненок. Оставалось только обхватить Джульетту за тонкую стройную талию, приподнять – так же легко, как седло для Ариона, – и спрятать ее у себя за спиной.

Поселянин издал какое-то рычание, поднял странный предмет из металла и кости и прищурил один глаз. Джеффри нагнул голову и тоже прищурился, не понимая толком намерений поселянина. Джульетта тревожно вскрикнула и попыталась его обойти. Джеффри чувствовал тепло ее тела, запах позолоченных солнцем волос, колебания воздуха от каждого ее движения. Ему не представляло труда ей помешать: достаточно сдвинуться в сторону или преградить ей путь вытянутой рукой. Джульетте никак не удавалось обогнуть его.

– Капитан Чейни, не стреляйте! – крикнула она.

– Не могу я стрелять, пока вы прыгаете тут, как кролик!

Отбегите подальше, мисс Джей, и не мешайте мне. Если он попытается броситься за вами, я всажу в него пулю.

– Да не станет он за мной бросаться. А вы не всадите в него пулю.

Джефффри ощутил прикосновение теплых пальцев к своей руке – сначала неуверенное, потом смелое. Джульетта отталкивала его руку вниз, чтобы видеть разгневанного поселянина. Джефффри спрятал ухмылку: несмотря на его усталость, ей не удалось справиться с одной его рукой! Джульетта вздохнула, видимо, признавая это, но тут же хитрым маневром поднырнула под руку Джефффри. Кинув на него торжествующий взгляд, она повернулась к капитану Чейни. Джефффри стиснул зубы, уверенный в том, что эта неприятная сцена привела только к одному хорошему последствию – помогла ему еще немного освоиться со странным языком. Своими знаниями он собирался воспользоваться для того, чтобы отругать свою непрошеную защитницу.

Джульетта кинула на него еще один взгляд – почти смущенный.

– Мы нашли его в прерии в совершенно невменяемом состоянии. У него разбит лоб. Алма решила, что он актер.

И она постучала пальцем по виску.

– А я считаю, что он может оказаться приграничным разбойником, мисс Джей!

– Но нельзя же так просто войти и пристрелить его, не выяснив это наверняка, капитан Чейни!

– И что может мне помешать?

– Цивилизованность. Это же теперь не Дикий Запад! – укоризненно напомнила она. – Сейчас тысяча восемьсот пятьдесят девятый год от Рождества Христова!

Джеффри показалось, что бессмысленные слова Джульетты эхом разнеслись по сараю. Он проклял свою неуместную гордость, заставившую его решить, что он уже овладел ее языком – ведь он определенно неправильно понял ее последнюю фразу!

– Сейчас тысяча двести восемьдесят третий год от Рождества Христова!

Эти слова, хриплые и неуверенные, вырвались из горла Джеффри вопреки его воле. Сердце его отчаянно забилось при виде того, как уставились на него Джульетта и старый поселянин: она – с грустным сочувствием, он – разинув рот.

Прошло несколько мучительно долгих секунд, а потом Джульетта спросила его:

– Вы и правда не знаете, где вы, да, Джеффри? Рыцарю претила тревога, отразившаяся в ее глазах, ее успокаивающий, но робкий тон, словно эта женщина решила, будто имеет дело с безумцем... Или, может быть, она испугалась, что несмотря на все ее попытки не дать ему встретиться с важными персонами, он все-таки определил, где находится. Гордо выпрямившись, он проговорил как можно увереннее:

– Китай. Тысяча двести восемьдесят третий год от Рождества Христова.

На лице поселянина отразилась жалость, и он опустил вниз странный предмет с костяной рукоятью.

– Теперь я понял, что вы имели в виду, мисс Джей.

– Ох, Джеффри! – прошептала Джульетта.

Глава 3

Прижимая к груди одежду, одолженную капитаном Чейни, Джульетта наблюдала за тем, как Джеффри бродит по ее гостиной, словно кот, которого перенесли в ящичке в незнакомое помещение.

От внимания гостя не укрывалась ни одна мелочь, начиная с рамы кровати и кончая стеганым покрывалом. Высокомерно приподнимая бровь, он безмолвно требовал, чтобы она сообщала ему название каждой вещи. Стекло – которое, надо признаться, в глуши Канзаса было редкостью – совершенно зачаровало Джеффри. Он провел мозолистыми пальцами по окну, засалив блеск, который Джульетта навела с помощью слабого раствора уксуса, и восхищенно хмыкнул, когда она показала, как можно поднять оконную раму, чтобы впустить в дом вечерний ветерок. Он отсоединил ламповое стекло и стал смотреть через него, словно это была подзорная труба. Джульетта не на шутку испугалась за свое драгоценное зеркало, когда гость краем глаза увидел там свое отражение и мгновенно приготовился защищаться, стремительно протянув руку туда, где должен был находиться его меч. Хорошо, что она уговорила его оставить оружие в сарае.

Ну и рыцарь – готов воевать с собственным отражением!

– Капитан сказал, что может одолжить вам вот эту одежду, – сказала она, бросив многозначительный взгляд на его

кольчужные штаны и стараясь при этом не смотреть на облаченный в кожу торс. – Вы примерно одного роста. Конечно, ее надо будет вернуть, как только у вас появится собственная. Или, может, вы все-таки вспомните, куда девали свою... э-э... обычную одежду?

Джефффри не стал обращать внимания на этот вопрос, а вместо этого взял аккуратно сложенную домотканую рубашку и расправил ее. Когда по комнате разнесся запах камфары, он наморщил нос.

– Они были спрятаны и защищены от моли, – объяснила Джульетта. – Вам надо бы промыть рану. У меня есть бальзам и чистые бинты из холста. И на душ воды хватит, если хотите помыться. А пока вы будете приводить себя в порядок, можно будет вывесить одежду на улице, и она проветрится.

Джефффри ответил мрачным взглядом, потемневшим от недоумения. Потом он снова начал рассматривать рубашку, все более тревожась и водя огромными пальцами по каждой пуговице по очереди. Потом его взгляд упал на грудь Джульетты, и не успела она сообразить, что он намерен делать, как его рука коснулась ее шеи, и, захватив длинными и ловкими пальцами ворот ее платья, он расстегнул верхнюю пуговицу.

– Джефффри! Не надо трогать мои пуговицы!

Она быстро отскочила назад, но он успел вытащить из петли и вторую. Он подался вперед. Одного движения огром-

ного тела Джеффри было достаточно, чтобы сократить разделявшее их расстояние, так что Джульетте без слов стало ясно, что убежать от него она не сможет. У нее отчаянно забилось сердце, но заставить себя сдвинуться с места она не могла. Дыхание ее участилось, когда Джеффри склонил голову к ее груди, так что его теплое дыхание ласкало ее шею и нежную кожу, показавшуюся над краем рубашки. Перекинув одолженную капитаном рубашку через плечо, он обеими руками принялся за одежду Джульетты. Но, как почти мгновенно убедилась Джульетта, вовсе не для того, чтобы позволить себе какие-то вольности. Сосредоточенно сдвинув брови, Джеффри д'Арбанвиль сконцентрировал все свое внимание на том, чтобы снова застегнуть две верхние пуговицы на ее платье.

А потом он снова их расстегнул. Только эти две.

И застегнул обратно.

Джульетта решила, что, если он не перестанет, она обезумеет так же, как и ее гость. Ее сводило с ума осторожное прикосновение его пальцев к ткани, которая с тем же успехом могла вообще превратиться в пар и исчезнуть – настолько мало она защищала ее сейчас. Жар его тела и его запах, сам ритм его дыхания наполняли легкие Джульетты с каждым вздохом, который ей удавалось сделать.

Джеффри в последний раз застегнул пуговицы, и его большой палец задержался на верхнем диске, чуть вдавив его в основание шеи. Стянув рубашку капитана с плеча, он стук-

нул по одной из пуговиц и улыбнулся, хотя в глубине его глаз затаилась глубокая печаль.

– Понять, Джульетта. Понять.

Теперь ее собственные своевольные пальцы начали дрожать от желания помочь ему одеться, чтобы можно было вот так же поиграть с пуговицами на его рубашке. Она попятилась, чтобы не дать воли столь нелепому порыву, и налетела спиной на край двери.

– Капитан Чейни зайдет и покажет вам, где что искать. Ужинаем мы в пять. Я умираю с голоду. Готова спорить, что вы тоже.

Его рука легко легла на живот, на секунду задержавшись на сердце.

– Пусто, – согласился он.

Джефффри шел следом за капитаном Чейни на кухню к Джульетте, чувствуя себя чистым и бодрым, несмотря на слишком тесную одежду, которая сдавливала ему руки и ноги. Ему сильно не хватало своего оруженосца Хьюго. Тот захохотал бы при виде ржавчины, которая появилась на шлеме из-за небрежного обращения с ним Джульетты, но как бы он изумился при виде необычайной ткани, из которой были сшиты новые штаны Джефффри! Как качали бы головами они оба при виде глупого обычая закрывать необходимый всем мужчинам разрез впереди еще одним рядом пуговиц! И Хьюго сумел бы лучше него освоить эти самые пуговицы: у Джефффри не получилось такого ровного ряда, каким была

украшена рубашка на капитане Чейни.

Он принял предложение капитана Чейни воспользоваться странной штукой, которую тот назвал «душем», – и пришел в восторг от дождя воды, обрушившегося ему на голову. Нагревшаяся за долгий жаркий день вода вызвала в его почти потерявшей соображение голове удивительно ясные мысли. Если бы королю Эдуарду стало известно о таком устройстве, он наверняка приказал бы, чтобы в каждом замке его страны была установлена бочка для воды с проржавевшим и продырявленным ведром, чтобы все рыцари могли становиться под него и освежаться перед битвой.

Но Джеффри достаточно часто приходилось ездить с королевской персоной, чтобы не сомневаться в том, что король Эдуард никогда не слышал о существовании душа. Как и о дисках под названием «пуговицы». И об устройстве, названном знакомым словом «бритва», но в отличие от той бритвы, к которой привык Джеффри, имевшем настолько остро заточенное лезвие, что ею надо было пользоваться с величайшей осторожностью, чтобы не перерезать себе заросшее щетиной горло. И нигде еще ему не приходилось встречать у поселян многокомнатных домов с подвижными стеклянными окнами и гладкими стенами. Было очень тревожно видеть, как здесь простолюдины пользуются роскошью, которой в стране Джеффри не знают и люди из правящего сословия.

Станным было все, с чем приходилось сталкиваться Джеффри с момента прыжка в Первозданную Пропась, –

начиная со зверей с изогнутыми рогами и кончая тонким ароматом, исходившим от волос Джульетты. Этот же запах он почувствовал от прекрасного мыла, которым пользовался под душем.

Но Джеффри не даст этим людям исподтишка убедить его в истинности их невероятного утверждения, будто сейчас, тысяча восемьсот пятьдесят девятый год от Рождества Христова. Пока ему не удалось догадаться, с какой целью они пытаются это сделать. Разве что их пугает его появление и они решили обезвредить его, заставив усомниться в здравии собственного рассудка? Вполне вероятно, что и до этого далекого уголка дошла слава о его подвигах, и они придумали столь необычный способ его обезвредить.

Приостановившись на пороге хижины Джульетты, Джеффри подумал, не сбегать ли ему к конюшне, чтобы взглянуть на Ариона: ему вдруг отчаянно захотелось поддержать свой дух видом чего-то хорошо знакомого.

Когда он пригнулся, чтобы пройти в слишком низкий для него дверной проем, взгляд Джульетты заставил его на секунду застыть на месте, поразившись произошедшей в ней перемене. Она надела другой, не такой странный с виду наряд голубого цвета, похожего на фон его герба. Ее блестящие глаза сейчас казались темнее, кожа сияла, как золоченая, а расчесанные волосы мягким узлом лежали на шее. До Джеффри донесся едва уловимый цветочный аромат. Ему вдруг пришло в голову, что, возможно, она пользовалась тем же

мылом в душе до него. От этой мысли по телу рыцаря разлилась волна жара, достигшая чресел, так что ему пришлось сделать пару глубоких вдохов. Если сама Джульетта или капитан Чейни заметят, как действует на него ее присутствие, они попытаются воспользоваться этой его слабостью в своих целях.

Рыцарю надо постоянно быть начеку, чтобы не попасться на женские чары.

Поэтому Джеффри перенес все внимание на невысокое металлическое сооружение наподобие гробницы, на которое Джульетта поставила свой сосуд с водой. Рыцарь изумился исходящему от него жару. Странной была и длинная труба, шедшая от задней части гробницы к стене.

Женское хихиканье, донесшееся из угла комнаты, привлекло его внимание к кучке перешептывавшихся поселян. Судя по косым взглядам в его сторону, предметом пересудов был он сам. В числе прочих Джеффри узнал пассажирок фургона: к ним присоединилось несколько недовольных мужчин, стоявших в вызывающих позах.

– Садитесь, Джеффри.

Джульетта изящно махнула рукой в сторону табурета с такими тонкими выгнутыми ножками, что Джеффри ни за что не решился бы доверить ему свой вес, будь он в доспехах. Он и так опустил на него с крайней осторожностью, сжимая рукой край стола, чтобы не упасть, если табурет его не выдержит. Если эти люди собрались посмотреть, как будет

падать рыцарь, их ждет горькое разочарование.

Джульетта суетилась вокруг гробницы.

– Еще пара минут – и я подам вам кофе и чего-нибудь поесть.

Случайно задев рукой водяной сосуд, она вскрикнула: судя по тому, как она сунула кончики пальцев в рот, можно было подумать, что она их обожгла, хотя даже дурню было ясно, что огня поблизости нет.

Один из мужчин вышел вперед, крепко держа за воротник отрока Робби, который осмелился быстро улыбнуться Джефффри.

Мужчина кинул на гостя вызывающий взгляд.

– Скажите, зачем вы приехали, сэр?

Мужчина назвал его «сэр»! Наконец-то нашелся человек, обратившийся к нему подобающим образом! Джефффри не забыл, что должен быть настороже, но постарался найти нужные слова для ответа.

Однако не успел он ничего сказать, как маленький Робби пискнул:

– Я же сказал, па. Он рыцарь.

И за то, что ребенок сказал правду, отец хорошенько его встряхнул.

– Никакой он не рыцарь, я же тебе говорил! И он еще раз встряхнул ребенка.

– Мистер Уилкокк, пожалуйста, не надо! – прошептала Джульетта. Хотя остальные недовольно хмыкали, но боль-

ше никто не осмелился упрекнуть вечно всем недовольного мужчину за его неподобающее поведение.

Отец имел полное право обращаться со своим сыном, как ему вздумается, но в груди Джеффри зажглась искра ярости. Взбучку еще можно было бы считать заслуженной, если бы сам отец не обратился к Джеффри, используя слово «сэр». Встряхнув мальчика, Уилкокс показал неискренность собственной показной вежливости, и, что еще хуже, он сделал неприятное Джульетте. Такое нельзя было спустить с рук.

Джеффри вскочил с табурета, который подтвердил свою ненадежность, завалившись на пол. Не обращая внимания на грохот, Джеффри устремил на Уилкокса самый суровый взгляд, на какой только был способен.

– Будь со мною мой меч, я за такое оскорбление вонзил бы его вам в грудь.

Он не знал, правильно ли произнес все слова, но, похоже, поселяне без труда поняли его угрозу. Женщины и дети ахнули в один голос и уцепились друг за дружку, трусливо попятившись к стене. А мужчины повыхваты-вали из-за поясов трубки с костяными ручками вроде той, которую так высоко ценил капитан Чейни, и повернули их дырки в направлении сердца Джеффри.

Джульетта встревожилась.

– Прекратите сейчас же, слышите! Разве вы не видите, что после **удара** по голове он совершенно не в себе?

Ее слова заставили присутствующих смущенно захихи-

кать и замахать странными трубками. Джульетта вернула табурет на место и успокаивающе положила **руку** Джеффри на плечо. Тепло от прикосновения прошло сквозь ткань его рубашки, и в ответ на легкое нажатие Джеффри снова опустился на сиденье, не спуская сурового взгляда с Уилкокса.

– Он не сумасшедший, мисс Джей! Он просто немного сбит с толку. – Вперед пробилась Алма, прижимая к пышной груди какой-то шуршащий сверток. – Я сбегала домой за тем номером «Канзас трибюн», о котором вам говорила, – там, где написано про трупку актеров на гастролях в новом театре в Лоренсе. – Она положила пакет на стол и пододвинула к нему: – Посмотрите-ка, Джеффри. Тут написано про трупку актеров, и дата проставлена, ясно и четко: второе июня тысяча восемьсот пятьдесят девятый год, Канзас. Теперь вы все вспомнили?

У Джеффри на лбу выступил пот. Он непонимающе уставился на плоский, покрытый чернильными следами предмет, оказавшийся перед ним. В комнате вдруг стало тесно и душно – возможно, из-за того, что сюда набилось так много народа. Только этим можно было объяснить, почему в отсутствие очага или камина ему казалось, что поблизости пылает жаркий огонь.

Алма постучала длинным ногтем по одной группе значков – не менее неразборчивой, чем все остальные.

– Вот, Джеффри. Прочтите заметку.

Прочесть?! Разве эта плоская, хрупкая с виду поверхность

– пергамент, заботливо обработанный церковными писцами? Разве Джеффри какой-нибудь монах, чтобы принять от них такое густо написанное и ничем не украшенное письмо! Разве уважающий себя рыцарь станет тратить свое время на ремесло, подобающее только немощным людям?!

Джеффри зажал край странного предмета большим и указательным пальцами и загнул угол, изумляясь послушности материала. Он никогда не видел ничего подобного, и от этого его охватило острое отчаяние. Сколько еще непонятных предметов возникнет перед ним? Сколько незнакомых людей будут глазеть на него, стараясь убедить в том, что он сошел с ума?

Его руку сотрясла сильная дрожь, от которой принесенный Алмой предмет разорвался с резким шуршащим звуком. Джеффри вскочил на ноги, и тонконогий табурет снова с грохотом упал на пол от его резкого движения. Рыцарь изо всех сил ударил кулаком по столу.

– Хватит! – прорычал он, наслаждаясь тем, как его сильный и вполне разумный голос отдается от стен хижины. – Если вам необходимо, чтобы кто-то вам читал, наймите себе монаха. И не терзайте меня более, чтобы не навлечь на свои невежественные головы всю силу гнева д'Арбанвиля!

С этими словами он гордо удалился, особенно порадовавшись тому, как трусливо сжался этот истязатель детей, Уилкокс. Направляясь в комнату, которую отвела ему Джульетта, Джеффри молил Бога, чтобы Арион хорошо отдохнул и к

утру был готов нести его на себе: он не в силах оставаться в этом проклятом месте ни секунды больше, чем необходимо.

– Ну, знаете!.. – громко фыркнула миссис Эббот, нарушив молчание, которое наступило после гневной выходки Джефффри. – Невежественные? Мне это совершенно не нравится, знаете ли. Будь здесь мой сын Герман...

– Я уверена, что офицер Военной службы инженеров-топографов не дал бы никому устроить подобную сцену, – сказала Джульетта, снова поднимая с пола опрокинутый Джефффри табурет. – А теперь я попрошу вас всех разойтись по домам. Прежде чем проводить моего гостя в дорогу, я хочу с ним поговорить.

– Вам нельзя идти к нему одной, мисс Джей! – запротестовал капитан Чейни, поддерживаемый одобрительным ропотом всех собравшихся.

– Он не причинит мне зла, – заступилась за Джефффри Джульетта. Почему-то она была совершенно в этом уверена. У нее не было никаких доказательств в пользу этого убеждения – только нежность, с которой он обращался со своим усталым конем, да отважная, хоть и нелепая попытка заслонить ее от пистолета капитана Чейни. Да еще гнев, который вспыхнул в его глазах при виде того, как грубо обращается Джозайя Уилкоккс с юным Робби.

Джульетте хотелось, чтобы все соседи ушли и оставили ее с Джефффри наедине... и от этой мысли ей стало страшно стыдно. Она обещала своему умирающему мужу, что посвя-

тит себя созданию духа добрососедства, добьется, чтобы жители их городка заботились друг о друге. Под его предсмертный хрип она громко поклялась, что остаток своих дней будет трудиться над тем, чтобы Брод Уолберна превратился в город, достойный носить имя Дэниеля.

Тогда ей казалось, что это самое малое, что она обязана сделать: ведь в душе она так и не следовала своему обещанию любить и лелеять Дэниеля, пока он был жив. Благодарность жене скрасила его последние минуты – и только это утишило ее молчаливый вопль ужаса при мысли о том, что теперь она до конца своих дней будет привязана к Броду Уолберна. Тогда Джульетта твердо сказала себе, что это – честная замена. И сейчас она снова напомнила себе об этом.

Она мягко выпроводила горожан, успокоила капитана Чейни, поставив его в конце коридора и пообещав, что закричит изо всех сил, если Джефффри посмеет бросить хотя бы один угрожающий взгляд в ее сторону. А потом она громко постучала в дверь отведенной Джефффри комнаты и вошла.

Ее охватило возбуждение – возбуждение, конечно же, вызванное страхом: ведь никакая респектабельная женщина не пришла бы в восторг от мысли о том, что снова останется наедине с сумасшедшим!

Казалось, Джефффри ничуть не заинтересовало ее появление. Он стоял у окна, упершись поднятыми руками в раму, и смотрел вдаль. В его широких плечах можно было заметить крошечный намек на печальную сутулость.

– Джеффри? Все ушли. Вы не хотите вернуться на кухню и немного поесть?

Прошла целая минута, прежде чем он со вздохом признал, что заметил ее присутствие. Оттолкнувшись руками от окна, он повернулся к ней лицом, держась настолько уверенно и сурово, что Джульетта решила: его печальная ранимость ей просто померещилась.

– Мне надо было догадаться, что они почувствуют мою слабость и пришлют вас.

– Я не понимаю, – растерянно отозвалась она. От гостя исходила обиженная враждебность, словно Джульетта чем-то его предала, оскорбила его доверие. Ну, вероятно, в некотором смысле это было действительно так. Его выходка доказала, что он вполне оправился от своей раны. Несмотря на все свое желание, чтобы Брод Уолберна процветал и пополнялся новыми поселенцами, Джульетта была твердо намерена отругать Джеффри за невежливость и попросить, чтобы он и его прожорливый на овес конь отбыли с рассветом.

– Мне мои слова кажутся ясными. Неужели я настолько плохо освоил ваш язык, что вы не можете разобрать смысла моих речей?

– Я неплохо понимаю, что вы говорите, но некоторые ваши слова действительно кажутся странными, – призналась она.

– Некоторые слова? – повторил гость, возмущенно хмыкнув. – Хотел бы я, чтобы это было единственной странно-

стью, в которой вы меня вините.

– Ну, в одежде ничего странного нет, мистер, однако посмотрите, что вы сотворили с совершенно нормальными рубашкой и брюками!

На кухне толпилось столько народа, что Джульетта даже не заметила тогда, насколько плохо ему удалось одеться. Рубашку он застегнул хуже четырехлетнего ребенка: ворот широко распахнулся, потому что верхнюю пуговицу Джеффри продел в петлю, расположенную чуть ли не посередине рубашки, отчего левая пола оказалась на пять дюймов короче правой. И вместо того чтобы аккуратно заправить низ рубашки в брюки, он оставил ее снаружи и перетянул крепкой кожаной полоской, которая ничуть не помогла удержать на месте брюки, рассчитанные на более обширную талию. Можно было подумать, что он никогда не продевал ремня в брюки! Шерстяные носки гость натянул поверх брючин, а длинные шнурки его ботинок, перекрещиваясь, шли по носкам до самых колен.

Взгляд Джульетты задержался на его вороте. Неправильно застегнутая рубашка распахнулась, обнажив место, где мощная колонна его шеи соединялась с мускулистой грудью. Диковинный амулет тускло поблескивал – словно олово или плохо отполированное серебро – на фоне золотистой кожи.

– Я не причинил никакого вреда рубашке и брюкам, – сказал Джеффри, заставив Джульетту вздрогнуть: мысли ее далеко ушли от только что начатого ею разговора. Он хмуро

посмотрел на нее. – Поскольку вы не прислали оруженосца, чтобы он помог мне одеться, я сделал с этими странными одежаниями все, что смог.

Он скрестил руки на груди и уставился на Джульетту с возмущенным видом человека, которого намеренно оскорбили. Казалось, он ждет, что она станет извиняться за то, что не прислала человека, который помог бы ему застегнуть старую одежду капитана Чейни. Джульетта вспомнила, как ловко пальцы гостя справлялись с ее пуговицами, и почувствовала, что где-то в самой глубине ее существа зародился трепет при мысли о том, как она стояла бы рядом с ним, перебивая ему рубашку, вдыхая запах его тела... И рубашка бы ровно легла на его мускулистую грудь. От этой шальной мысли у нее вдруг сел голос.

– У нас в Канзасе оруженосцы не водятся. Тут принято, чтобы каждый одевался сам. А с людьми, которые хотят нам помочь, мы разговариваем вежливо. И не болтаем чуши относительно того, какой сейчас год.

Джефффри побледнел, хотя держался все так же прямо.

– Хочу вас уверить, что вы можете больше не беспокоиться по этому поводу. Я обо всем подумал и понял, что произошло.

Джульетта испытала огромное облегчение. Он в здравом уме! И хотя ей не должно было быть до этого дела, почему-то это было важно – настолько важно, что у нее даже закружилась голова.

– Это из-за бизона, да? Вы где-то повредили себе голову, и когда та корова на вас бросилась, это немного вас ошеломило, правильно?

– О бизонах я не ведаю. – Гость сделал два быстрых шага, оказавшись прямо перед ней. – Моему странному состоянию можно дать только два объяснения: либо я сплю, либо я умер.

Эти слова мгновенно испортили Джульетте настроение: она почувствовала одновременно досаду и беспомощный гнев.

– Ну что ж, если вы спите, то я – часть кошмара. А если умерли, то кто же я тогда?

– Ангел? – моментально предположил он с убежденностью человека, который немало размышлял над этим вопросом. Голос его был нежен, как весенний ветерок.

Джульетта потеряла дар речи и могла только стоять совершенно неподвижно. Палец Джеффри легко очертил круг по ее волосам на макушке.

– Но я не вижу здесь нимба, Джульетта. – Его рука нежно скользнула ниже, прикоснувшись к спине на уровне лопаток. – И крыльев не нахожу. – Она снова ощутила прикосновение его пальцев: на этот раз он высвободил ее волосы из послушного узла, и они изящной волной рассыпались по плечам. – Но вот это что? Облако с ароматом цветов? Я принял вас за ведьму, но тогда где же неотвязный запах зелий? Почему вы не разеваете щербатый рот в жутком хохоте? Мне

совершенно ясно, что вы не сон, – значит, вы должны быть ангелом.

– Джеффри! – Джульетта понимала, что ей следует возразить против подобного обращения, но не могла бы сказать, почему именно это необходимо. – Джеффри, поверьте, я во все не ангел!

– Превосходно, – отозвался он. – Ведь ангелы имеют дело только со святыми, а я отнюдь не святой.

Он обхватил ее голову обеими руками, приподняв лицо. Его пальцы принялись рисовать круги на ее щеках, по гладкой коже под глазами.

– Оспин нет, – проворкотал он. – И дыхание сладкое, как у ребенка, который еще не знает, что такое больные зубы.

Даже выросший в глуши фермер мог бы подыскать более красивые комплименты. В свои более легкомысленные дни Джульетта слышала их немало – но это было до того, как она в течение одного года стала женой и вдовой и поняла, что романтические склонности женщины могут обречь ее на жизнь, полную разочарований.

– Докажи мне, Джульетта, что ты не сон и не ведьма. И целоваться ей приходилось – если уж говорить правду, то больше, чем следовало бы, – но ничто не подготовило ее к чувствам, которые вызвало в ней прикосновение губ Джеффри д'Арбанвиля к ее губам.

Несмотря на слова беззаботного флирта, в его голосе слышались нотки отчаяния, и прикоснулся он к ней не с лю-

бовной лаской, а так, словно ему жизненно важно было убедиться в том, что ее волосы, кожа, губы – все это реальное, а не плод его фантазии. У Джульетты подкосились ноги, она пошатнулась в его объятиях, и Джеффри пришлось поддерживать ее своими сильными руками. И тут Джульетту предали ее собственные руки: не обращая внимания на ее твердое желание высвободиться из объятий гостя, они легли ему на плечи. Джульетта вцепилась в него так же отчаянно крепко, как он ее обнимал.

Джеффри успокоился, когда она прижалась к нему, и чисто мужская дрожь страсти напомнила ей о том, насколько он огромен, сколько в нем силы. Его губы, уверенные, подвижные, опытные, ласкали и дразнили ее, так что все ее тело затрепетало от невыразимого желания.

Она почувствовала прикосновение его языка, и эта горячая ласка пробудила в ней тревогу. Задыхаясь, отчасти от необходимости наполнить легкие воздухом, а отчасти от осознания непристойности собственного поведения, Джульетта вырвалась из объятий Джеффри.

Он дышал так же тяжело, как она. Джульетта мысленно проклинала собственную слабость: при виде его тяжело вздымающейся груди у нее горело все тело, не забывшее, как оно прижималось к этому мускулистому торсу. Джульетта строго приказала себе перевести взгляд на что-нибудь другое: в комнате должно найтись нечто достойное ее взгляда, кроме этой груди над неправильно надетым ремнем. Внезап-

но она поняла, как рада, что Джеффри не заправил рубашку в брюки, что ее ткань, спускаясь из-под туго затянутого на талии ремня, падает свободными складками.

– Я пришла сказать вам, что вы должны уехать отсюда завтра с рассветом, – с трудом проговорила она, избегая его обжигающего взгляда.

Он кивнул, быстро и с готовностью, и это движение, казалось, вернуло ему самообладание.

– Должно быть, это к лучшему, Джульетта. Ведь вы доказали мне, что вы не сон и не ведьма. И некие части моего тела все еще желают действием доказать мне, что я не сплю и не умер.

Глава 4

Джефффри пробудился, когда на востоке только-только забрезжила тонкая серая полоска на фоне черной ночи, возвещающая о приближении рассвета. Чтобы не разбудить Джульетту и капитана Чейни, наткнувшись на что-нибудь в незнакомом доме, рыцарь поднял удивительно подвижное стекло и протиснулся в маленькое окно.

Джефффри сомневался, чтобы что-то могло заставить его остаться в этих местах. И все же лучше было не испытывать своей решимости, заставляя Джульетту встать с постели. Сонная, теплая и растрепанная, она стала бы для него слишком сильным соблазном. Не важно было, кто она: ведьма, соблазнительница или просто женщина. Кто бы она ни была, но она породила в нем ужасающую слабость, так что ради спасения собственной души ему следует поскорее умчаться отсюда на Арионе. Низко пригнувшись, Джефффри пробежал к конюшне, бесшумно ступая по толстому упругому дерну.

Арион приветственно заржал, и Джефффри показалось, что более отрадного звука он еще никогда не слышал.

Он ощупал все стены каждого стойла, но не нашел ни единой свечи или факела, или огнива, чтобы их зажечь. Опомнившись, он обругал себя за несообразительность: конечно же, для Джульетты естественно закреплять эти необходимые

вещи на том уровне, до которого сможет дотянуться сама! Он снова начал ощупывать стены, на этот раз ниже: необходимо было найти какой-то способ осветить темную конюшню. Однако ему не удалось найти ничего, кроме какой-то штуки из металла и стекла, от которой разило недогоревшим углем: по форме он определил, что она похожа на ту, которую Джульетта назвала лампой. Когда он задел ее рукой, в ней что-то заплескалось, покрыв его руку вонючей маслянистой жидкостью.

Он продолжал ощупывать стены, прибавив к объектам своих поисков тряпку, чтобы вытереть руки, и тут его пытливые пальцы наткнулись на живую человеческую плоть.

Несмотря на внезапный сильный испуг, реакция Джефффри была мгновенной: он издал душераздирающий вопль, прибегнув к боевому рыцарскому приему – в случае неожиданной атаки противника самому ошарашить его внезапным резким криком, – и бросился лицом вниз на устланный соломой пол. Однако он не услышал ни свиста стрелы, ни пения тетивы, ни взмаха разрезающего воздух меча – только явно детский возглас ужаса и стук маленького тела, упавшего рядом с ним в грязь.

– Джефф... Джефффри? – проскулил кто-то.

– Робби? – Джефффри поспешно поднялся на ноги, вглядываясь сквозь предрассветный полумрак в бледное пятно испуганного личика Робби. – Кровь Господня, будь у меня на поясе меч, ты бы уже остался без головы!

– Извините. Я тут решил пообщаться с вашим конем, чтобы ему не было скучно. Я еще никогда не видал такого коня.

Неловко получилось: перепугал мальчишку самым ужасающим боевым кличем, да еще плюхнулся на землю, словно заостроженный лосось. Но трогательная забота юнца об Арионе напомнила Джеффри, в каком странном месте он оказался: здесь не было под рукой оруженосцев, чтобы ухаживать за скакуном рыцаря, помогать рыцарю одеваться или освещать ему путь в темноте.

– И как поживает Арион? – спросил Джеффри, вставая и стряхивая солому и грязь с рубашки и брюк, которые внушали Джульетте столько забот.

– О, просто великолепно! Сейчас зажгу лампу, чтобы вы сами посмотрели!

Джеффри услышал негромкий скрежет, а потом до его носа донесся тот же сернистый запах, который исходил и от его пальцев. Послышалось громкое царапанье – и у кончиков пальцев Робби расцвело пламя.

– Кровь Господня! Да это же бесовское колдовство! Джеффри взмахнул рукой, чтобы сбить адский огонь с пальцев Робби, но мальчик прикрыл пламя рукой.

– Господи, Джеффри, па рассказывал мне: так легко дурачить краснокожих – чиркни спичкой, и они в ужасе! А я ему еще не верил! Может... Может, он правду говорит про вас? Вы никакой не рыцарь, вы краснокожий – вот вы кто!

Джеффри отнюдь не считал свою кожу красной и не мог

понять, почему это так важно для паренька и его отца. Пока Робби подносил огонь к лампе, бросая на Джеффри укоризненные взгляды, тот пытался сообразить, каким образом цвет его кожи мог повлиять на отношение к нему. Ни о каких краснокожих он никогда не слышал. Чернокожих мавров еще встречал, и говорят, у китайцев кожа совсем желтая, а что до красной...

Тут он вспомнил о легендарном императоре Карле, отбравшем в свои войска только тех людей, которые в минуты опасности не бледнели, а краснели. Видимо, слова Робби несли на себе печать детской пронизательности и имели прямое отношение к боевым подвигам Джеффри. Такая мысль необычайно обрадовала рыцаря.

– Ну вот.

Робби перенес почти весь огонь, который держал между пальцами, на торчащий из лампы фитиль, а остальное пламя стряхнул. Мальчик установил пустотелую стеклянную трубку над горящим фитилем и повесил лампу на гвоздь. Конюшня осветилась приятным и ровным светом.

– Чем питается пламя? – спросил Джеффри, не спуская с лампы подозрительного взгляда.

Робби изумленно уставился на него.

– Нефтью, конечно. Керосином. Кажется, мисс Алма говорила, что его добывают из угля.

– Ага! – Торжествующий крик Джеффри эхом разнесся по конюшне. Он обвиняюще ткнул пальцем в испуганно сжав-

шегоса мальчика. – Наконец-то я поймал хоть одного из вас на открытой лжи! Про уголь мне известно все, и в твоей лампе я не вижу ни единого его куска. И любому дурню известно, что уголь так ярко не горит – он тлеет красным огнем. Объясни, для чего тебе понадобилось меня обманывать?!

Обычно смугленькая мордашка Робби смертельно побледнела. Не успел Джеффри ничего сказать по этому поводу, как мальчуган с испуганным воплем выскочил из конюшни.

Беспричинно огорчившись своей резкости с ребенком, Джеффри направился к стойлу Ариона, раскидывая ногами пучки соломы.

– У мальчика нет задатков хорошего оруженосца, – проворчал он.

– У мальчика нет любящего отца.

Мягкий голос у него за спиной заставил Джеффри резко обернуться. Джульетта стояла, прислонившись к дверному косяку, и была именно такой соблазнительно сонной и растрепанной, как он и опасался. Волосы ее в беспорядке рассыпались по плечам. На ней было какое-то широкое белое одеяние, которое, несмотря на многочисленные складки, ухитрялось намеком показывать скрытое под ним гибкое женственное тело. На плечи Джульетта набросила шаль, которую сжимала у шеи своими тонкими изящными пальцами. Джеффри похлопал Ариона по холке, радуясь тому, что за крупным телом коня женщина не увидит, как отреагировала на ее при-

ход нижняя часть тела рыцаря. Джеффри шире расправил плечи, заметив, что на его наряде с чужого плеча все еще видны солома и грязь.

– Похоже, вы решили меня преследовать, – сказал он.

Опытная соблазнительница отреагировала бы на такие слова манящей улыбкой и игривыми словами. Какая-то непослушная часть существа Джеффри надеялась, что появление Джульетты говорит о попытке обольщения, и в то же время сокрушалась о том, что эта женщина взяла на себя такую роль.

В ответ на его замечание Джульетта небрежно пожала точенными плечами.

– Я хозяйка этого заведения. Я имею право знать, что происходит в моем собственном сарае. – И к этому возмутительному заявлению она прибавила слова под стать его собственным: – Похоже, вы намерены выкрикивать оскорбления в адрес всех, кого видите.

Можно подумать, что он стал бы тратить свой самый лучший боевой клич на этих простолюдинов!

– Вы еще не слышали моего настоящего ора.

– Рыка?

– Рычат львы, Джульетта.

Тут Джеффри инстинктивно стал подражать повадкам благородного зверя и мягким пружинящим шагом двинулся на «жертву». Однако «жертва» явно не испугалась «хищника» и сама пошла на него.

– Крика? Вопля? Воя? – вызывающим тоном требовала уточнить Джульетта, все ближе подходя к Джеффри.

– Глядя на меня, вы видите только необузданного дикого зверя, Джульетта?

К этому моменту они оказались так близко, что его дыхание шевелило ей волосы, и, Господь свидетель, рыцарь вдруг позавидовал всем диким созданиям, которые могут учуять свою пару и запросто соединиться с ней – и ничто на свете им не помешает.

– Я вижу перед собой волка в овечьей шкуре. Актера! – И Джульетта презрительно фыркнула, охладив его первобытный пыл. – Притворялись, будто не умеете как следует одеваться, будто не знаете, как надо говорить по-английски... А сейчас вы только посмотрите: все пуговицы застегнуты как надо, и разговариваете так, что за вами и на курьерском поезде не поспеть. И к тому же прицепились к ребенку! Надо признать, вы талантливы. Мне почти что стало вас жаль.

– Вам почти что стало жаль? – переспросил Джеффри д'Арбанвиль, расправляя свои плечи на весь их богатырский размах. – Меня?!

В нем все говорило о недоверии к ее словам – его поза, откровенная самоуверенность. На секунду пыльный сарай словно исчез, и Джульетта представила себе толпу затихших зрителей, окружившую залитую солнцем арену турнира, и Джеффри, торжествующе стоявшего над поверженным противником.

Она отогнала созданную своей фантазией картину, и в то же время не могла поверить в то, что этот самонадеянный тип, которого она видит перед собой, еще совсем недавно был тем самым сбитым с толку незнакомцем, вспоминала его нежные объятия. На секунду... на секунду он показался ей именно таким человеком, которого смело можно назвать рыцарем.

Но это было невероятно! Джульетта украдкой взглянула на его пояс. Кожаный ремень, аккуратно продетый во все петли, заправленная в брюки рубашка... Она вспомнила его узкий кожаный жилет, так туго охватывавший те же самые мускулы... Тот же человек. Она скользнула взглядом по мощным рукам, плотно обтянутым рукавами рубашки, одоженной у капитана Чейни. Тот же человек.

В ворота рубашки был виден только верхний край постоянно висевшего у него на шее медальона. Взгляд Джульетты переместился выше, к его чувственным губам – губам, которые еще вчера приникали к ней с отчаянной жадью, вскоре превратившейся в нечто еще более сильное, еще более необоримое. Те же губы. Тот же человек. И в то же время другой...

– Так я внушаю вам сочувствие, Джульетта? – снова спросил Джеффри, и его низкий хриловатый голос пробудил в ее душе ответный трепет.

Она покачала головой.

– Я думала, вам нужен друг.

Если он сейчас засмеется, она не переживет этого! Джульетте следовало бы держаться от него подальше – играть сухую, вечно недовольную вдову, какой ее все и считают. Ей следовало не изменять своей замкнутости, которую она столь старательно культивировала, и радоваться, когда он сядет верхом на коня и ускачет вдаль. Кому как не ей знать, к чему приводит потворство случайной симпатии, а тем более ее узаконивание: все кончается тем, что тебя сковывают клятвы, которые нельзя нарушить.

К несчастью, с тех пор как прошлым вечером ее поцеловал Джеффри, в ее груди словно поселился какой-то озорной бесенок. Никогда прежде Джульетта не теряла дара речи в присутствии постояльца. Никогда прежде не лежала без сна, трепеща от странно интимной мысли о том, что грубо сложенные стены ее дома отделяют их двоих от остального мира. В этих стенах она дышала тем же воздухом, которым дышал Джеффри, внимала тем же звукам, которые слышал он; они ощущали одни и те же запахи – воск, которым Джульетта полировала мебель, рагу, которое она приготовила на обед, смесь ароматных трав, которые она собирала сама.

– Ты хотела быть мне другом, Джульетта? – Джеффри склонил голову набок. От света лампы на четких чертах его лица играли золотые блики. Губы его тронула грустная улыбка. – Людям моего звания дружбу предлагают очень редко.

Она ощутила укол жалости. Естественно, переезжающему с места на место актеру трудно приобрести друзей.

– Может быть, вам следовало бы приобрести иное звание, заняться другим делом?

В ту же секунду с лица Джеффри исчезли бесследно вся мягкость и грусть. Он сделал резкий вдох и выпрямился, словно Джульетта смертельно его оскорбила.

– Рыцарство – это святая обязанность. От нее нельзя отказаться только для того, чтобы тебя окружало приятное общество.

Рыцари, вечно эти его рыцари! Ну одно можно сказать в пользу Джеффри – он последователен, чего не скажешь о ней. С минуты их встречи она мечется от одной крайности к другой, словно ива под порывами сильного ветра. Хоть Джульетта и пытается держаться твердо, но улыбка Джеффри легко склоняет ее в одну сторону, а слова – в другую, словно насмехаясь над ее решимостью не поддаваться его влиянию.

– Вы обещали, что больше не станете говорить о прошлой жизни. – Эти слова заставили ее вспомнить о том, в чем она недавно его обвинила. – И кроме того, пусть вы и актер, но лгать не умеете. Если бы вы хотели, чтобы мы поверили вашим сказкам...

– Это не сказки!..

– ...то вам не следовало сегодня утром одеваться так, словно вам прекрасно известно, как одеваются нормальные люди.

– Наблюдательность – это одно из важнейших качеств, которые должен выработать в себе рыцарь. – Он одарил ее тор-

жествующе-суровым взглядом. – Я внимательно рассмотрел мужчин, толпившихся у вас на кухне, и сегодня оделся так, как они.

Джульетта мысленно признала, что он быстро нашел убедительный ответ. И тут же улыбнулась, уверенная, что он не сможет столь же легко ответить на другое обвинение.

– А как насчет вашей манеры говорить? Вы время от времени употребляете какое-нибудь странное слово и коверкаете произношение, но язык наш вы выучили очень быстро.

– Конечно. – Он скрестил руки на груди и посмотрел на нее сверху вниз, сумев одновременно выразить взглядом заносчивость и оскорбленное достоинство. – Это у меня дар от Бога.

– Ха!

– Ха? – Он наклонился, так что его нос оказался всего в нескольких дюймах от ее лица, приподнял бровь и чуть заметно улыбнулся. – Принимая во внимание ваш веселый возглас, можно подумать, что вы сомневаетесь в том, что я освоил ваш язык.

– Когда люди вот так говорят «ха», это не признак веселья, – сообщила ему она.

– Значит, это оскорбление?

– Можно сказать и так.

– Ха! Можете меня проверить, Джульетта. Вызовите того монгольского воина, которого вы приветствовали вчера. Даю вам слово рыцаря, что не знаю ни слова на его варварском

наречии. Но мне понадобится совсем немного времени, чтобы целиком освоить его язык. Я покажу вам свой дар, «аговрив по-монгольски еще до исхода дня.

Джульетта невольно отступила на шаг. Его поддразнивание настолько ее ошеломило, что она с трудом понимала, о чем он говорит. Монгольский воин? Джульетта отошла на несколько шагов, и это помогло ей немного успокоиться – она догадалась, что речь идет об охотнике за бизонами, который накануне помог ей спасти Джеффри.

– В наших местах о монголах не слышали, – попыталась объяснить ему Джульетта. – Мы тут обычно встречаем осейджев, потаватоми, канзасских индейцев...

– И кто теперь рассказывает сказки? – Джеффри укоризненно погрозил ей пальцем. – Этот воин не был индийцем.

– Конечно, был! Это обыкновенный индеец.

– Джульетта! – Он строго покачал головой и невесело рассмеялся, словно вспомнил что-то неприятное. – Мне как-то пришлось провести целый месяц в отвратительном климате Индии. Сравнить этого воина с индийцем – все равно что назвать китайца египтянином.

Чем больше времени она с ним говорила, тем безумнее он казался. Хотя утреннее солнце уже било жаркими лучами в дверь конюшни, Джульетта поплотнее закуталась в шаль, жалея, что вышла следом за Джеффри в сарай, жалея, что не позволила ему просто сесть на лошадь и уехать, – тогда о его безумии можно было бы просто позабыть. Было бы приятно

хранить в сердце воспоминание о диковинном госте, время от времени воскрешая его образ – когда ночи покажутся ей бесконечными, а одиночество ощутится тяжким грузом. Тогда она могла бы вспоминать теплые и жадные губы Джеффри, прикосновение его пальцев к ее коже, когда он изучал ее пуговицы, и это воспоминание не было бы отравлено мыслью о том, что она трепетала от ласки сумасшедшего.

– Не хочу показаться негостеприимной, но если вы и ваш конь оправились после перенесенного вами, то я бы советовала вам отправляться в путь. Сюда со дня на день должен прибыть отряд солдат из Форт-Скотта, и для них понадобятся все мои комнаты.

Сухие и резкие слова Джульетты звучали непривычно жестко. Но, возможно, ей это просто показалось. В последнее время она говорила, словно глупенькая и легкомысленная барышня, и звучал при этом не ее обычный, уверенный и спокойный голос, а какое-то его бледное подобие. Может, именно поэтому возвращение к обычной деловой манере речи вдруг отдалось в ее ушах спесивым гнусавым диссонансом – словно чопорная старая дева бранит провинившегося ребенка.

Не может быть, чтобы она всегда говорила так противно. Это просто невероятно! Ведь Джульетта совсем недавно научилась сдерживать свою порывистость, а до этого ей говорили, что голос ее звенит серебряным колокольчиком. Странно, как она могла об этом забыть?

– Должен признаться, меня удивляет: как это вы позволяете мне уехать, если ваш лорд направил солдат, чтобы взять меня в плен?

Джульетта вдруг встревожилась. Бессонная ночь и этот ненормальный рыцарь словно сговорились, чтобы лишить ее сил. Неужели ему действительно хотелось, чтобы она вызвала солдат для его допроса? Ничего не говоря прямо, он сумел убедить ее в том, что он действительно актер. Человек не выходит на подмостки, если не стремится всегда быть в центре всеобщего внимания.

– Джефффри, солдаты приедут сюда просто потому, что здесь им удобно останавливаться на отдых. Вы их не интересуете. Они даже не знают, что вы здесь.

– Вы не сообщили своему лорду о том, что в его окраинной деревне появился рыцарь, принесший присягу другому?

Казалось, Джефффри был изумлен тем, что Джульетта не доложила о его появлении кому-то из властей.

– Какому лорду? Господи, да в Броде Уолберна даже мэра нет!

Он секунду поразмыслил над ее словами, а потом расправил плечи.

– Значит, это не ловушка? Я могу уезжать, не ожидая нападения сзади?

– Да.

При мысли о том, как она увидит исчезающую за горизонтом широкую спину Джефффри, голос Джульетты вновь обрел

непривычную мягкость.

В это мгновение Джульетта поняла, что все равно будет любовно хранить воспоминания об их недолгой встрече, пусть по сравнению с поведением Джефффри даже выкрутасы налакавшегося валерьянки котенка показались бы образцом рассудительности. А Джефффри, вспомнит ли он о ней, если голову его переполняет безумие?

– Только остерегайтесь приграничных разбойников. Они вряд ли станут вас беспокоить, когда вы отъедете подальше от города. Это шайка трусливых подонков, так что если они станут вам угрожать, просто порешительнее наставьте на них револьвер.

– О приграничных спорах я прекрасно знаю. Но вот «подонки», Джульетта? «Револьвер»?

Как странно: Джефффри говорил очень тихо, так что она едва могла его расслышать, и тем не менее от его голоса вибрировало все ее тело. Ни один мужской голос не вызывал в ней такого дивного волнения.

– Твой дар Божий не помог тебе понять эти слова? – спросила она, чтобы скрыть трепет.

– Руке Божьей никогда не мешает немного помочь. Она спрятала улыбку.

– Подонок... Ну, это такое ругательство... Но не неприличное. А что такое револьвер – это все знают, Джефффри.

– Все, кроме меня. – Его лицо потемнело от горькой улыбки. – Я сожалею, что должен отправиться на квест, и это

не позволяет мне задержаться и понять множество странных вещей, которые здесь попадают.

Ох уж эти мужчины и их драгоценные квесты! Джульетта слишком хорошо с ними знакома. Ведь и сейчас она бьется над тем, чтобы осуществить мечту Дэниеля! Она слышала о самых разных мужчинах, отправлявшихся на Запад, не зная самых элементарных вещей. Но все равно у нее больно сжалось сердце при мысли о том, что Джефффри предпримет свой таинственный квест, не имея представления об огнестрельном оружии, когда кругом бродят индейцы и приграничные разбойники.

Ей пришлось прижать пальцы к губам, чтобы тут же не предложить ему задержаться здесь хотя бы до тех пор, пока не научится владеть револьвером. Но она все-таки справилась со своим порывом. А что, если он обманывает? Может, Джефффри д'Арбанвиль сейчас и вправду немного не в себе, но он не производит впечатления неумехи, которого только что доставил сюда прибывший с востока поезд. Этот сильный мужчина казался настолько глубоко уверенным в себе, что трудно было поверить, чтобы он никогда не стрелял из револьвера.

Прекрасно, Джульетта устроит ему испытание. Единственным наследством, оставшимся от Дэниеля, был прекрасный охотничий револьвер. Он пылится без дела в ящике ее туалетного столика. Внутренний голос попытался шепнуть ей, что только полная идиотка станет вооружать сума-

сшедшего, пусть даже подаренное ею оружие заставит его хоть изредка вспоминать о ней. Но Джульетта безжалостно подавила в себе все сомнения.

– Я приготовлю вам позавтракать перед отъездом, – предложила она. – А потом принесу «кольт» мужа. Посмотрим, как хорошо вы сможете с ним обращаться и подарил ли вам Бог способность метко попадать в цель.

Казалось, при мысли о стрельбе в цель Джеффри повеселел. Он согнул руку, словно уравнивая что-то, и смерил Джульетту таким взглядом, что у нее чуть ноги не подкосились.

– Господь даровал мне немало грозных талантов, Джульетта. Полагаю, что смогу вас удивить.

Глава 5

Джеффри не стал хвалить роскошную еду, которую Джульетта предложила ему на завтрак, поскольку она явно намерена была убедить его в том, что все это просто стыдно было ставить на стол. За исключением капитана Чейни больше никто не составил им компанию, хотя Джеффри знал, что в округе множество крестьян. Ему было необычайно странно спокойно сидеть за таким столом, когда ничьи замурзанные руки не тянулись, чтобы тайком стащить лакомый кусочек с его тарелки, и псы не рылись в камыше. Да и камыша на полу не было – деревянные полы у Джульетты были чисто выметены.

Вилки... Она вытащила целую горсть этих редких вещей и положила одну перед Джеффри, одну – перед недовольным капитаном Чейни, который сел за стол раньше них, и одну взяла себе. Ломти аккуратно нарезанного и прекрасно поджаренного бекона лежали поверх похуже на гробницу штуки, которую Джульетта называла плитой. Тут были яйца – столько, что хватило бы на настоящий пир, – для него одного. А хлеб был белее того, что выпекали лучшие пекари короля Эдуарда. А еще на столе стояла какая-то занятная желтоватая каша, которую она назвала кукурузной – ее одной хватило бы, чтобы насытиться.

Соль была не в солонице, а в странном приспособлении,

с помощью которого можно было высыпать поверх еды ровную порцию приправы.

Был подан чай и этот сарацинский напиток – кофе, который Джефффри полюбил, пока был оруженосцем во время крестового похода, а став рыцарем, больше, к сожалению, не пробовал.

И сахар.

И сладкое под названием «ленивый пирог», благоухавшее корицей, мускатным орехом и специями, незнакомыми его обонянию.

И все подавалось на тонких тарелках, напоминавших прекрасный фарфор, но только без обычной глазури.

Джефффри отпил большой глоток кофе, а потом начал рассматривать кружку. Только одна страна могла бы похвастаться таким преизбытком предметов роскоши.

– Китай, – пробормотал он.

– Нет, это простой фаянс на каждый день, – отозвался капитан Чейни, жуя кусок бекона.

У Джефффри мгновенно пропал весь аппетит. Было страшно неприятно, что какой-то простолюдин чувствует себя совершенно спокойно и уверенно, говоря такую чушь, а Джефффри д'Арбанвиль при этом мучается от недоумения и неловкости. Надо будет положить этому конец – раз и навсегда.

– Показывайте ваш «кольт», если думаете, что можете сравниться в меткости с опытным рыцарем. Пора выйти на турнирное поле, – объявил он. Ударив ладонями о стол, он

вскочил на ноги, в очередной раз опрокинув табурет.

– Вам бы следовало отодвинуться от стола, прежде чем вставать, – с ухмылкой заметил капитан Чейни.

– Ха!

Швырнув ему в лицо это оскорбление, Джефффри возмущенно ушел в конюшню за Арионом и своим оружием.

Ребекка Уилкокс стояла у окна, бедром прижав тазик с водой к подоконнику, чтобы освободить обе руки. Если кончики ее пальцев будут красными и морщинистыми, Джозайя не заподозрит, что она весь последний час стояла, глядя в щелку между занавесками.

Он никогда напрямую не запрещал ей смотреть в окно, никогда не приказывал безвылазно сидеть в доме, пока он уходит на работу. Но за долгие годы она усвоила, что ей и Робби лучше, если она сидит в четырех стенах как клуша и притворяется, что ее ничто не интересует. При виде ее сморщившихся от воды пальцев и горы перемытой посуды, что свидетельствовало о том, как она много поработала, Джозайя, может быть, не потребует, чтобы она рассказала подробно, по часам, чем занималась целый день. И, может быть, он не станет до сумерек вглядываться в пыльный двор, выискивая там следы другого мужчины.

А может, и станет. Очень это трудно – любить мужчину, который тебе не верит.

Она смотрела на прерию в той стороне, где лежал Брод Уолберна, ожидая, когда на горизонте покажется темное пятно.

Она рискнула понаблюдать еще несколько секунд, пока пятно не превратилось в группу людей, состоявшую, за исключением Алмы Харкинс из одних мужчин. Алма имела несчастье до конца этого месяца квартировать у Уилкоксов. Приближавшиеся раскрыли рты в бесшумном крике и яростно жестикулировали...

Ребекка не увидела в толпе Робби: видимо, он остался помогать мисс Джей. Это взбесит Джозайю, но Ребекке всегда легче было переносить его ярость, когда мальчика не было рядом и можно было не опасаться того, что гнев отца обрушится и на ее ребенка. Ребекка кинулась к мойке, пока ее не успели разглядеть через окно. Услышав громкие голоса и шум шагов во дворе, она облила высохшую посуду чистой водой, чтобы казалось, будто она только-только закончила ее мыть.

– Кофе, хозяйка.

Переступив порог, Джозайя отдал приказ, словно вошедший в ресторан посетитель. В его голосе незаметно было и тени радости от того, что он снова видит жену после часовой отлучки.

– Да, хозяин.

Хотя в голосе Джозайи не было тепла, но сейчас в нем не ощущалось и враждебности, и Ребекка позволила себе чуть-чуть успокоиться.

– Вечер добрый, миссис Уилкокс. Привет вам. Кофе пахнет прекрасно.

Столпившиеся позади Джозайи соседи обращались к ней с приветствиями, до которых сам Джозайя никогда не снисходил. Ребекка обернулась и изобразила давно отработанную улыбку, не слишком радушную, хотя испытала неимоверное облегчение из-за того, что эти люди здесь и немного отвлекут Джозайю. Все они смотрели на ее мужа так, как обычно люди смотрят на врача, собирающегося прописать неприятную, хотя и спасительную дозу хины. Ребекку всегда изумляло, что люди, которым и в голову бы не пришло назвать Джозайю Уилкокса своим другом, обращаются к нему за всевозможными советами.

– Значит, мы решение приняли.

Джозайя пожирал глазами то одного, то другого соседа, словно выясняя, кто осмелится ему противоречить, а потом остановил взгляд на Алме Харкинс.

Большинство из присутствующих что-то забормотали, соглашаясь с хозяином дома, но Алма некрасиво покраснела.

– Не могу сказать, чтобы мне это нравилось. Ребекку охватило любопытство, но она по опыту знала, что ей не следует проявлять интереса к делам Джозайи. Сохраняя на лице неискреннюю улыбку, она разлила выдохшийся кофе в три имевшиеся в их доме жестяные кружки и подала их: первую Джозайе, а следующие две самым старшим мужчинам Брода Уолберна. Остальным придется ждать своей очереди, но судя по тому, насколько мало внимания везучие обратили на свои кружки, остальным лучше было бы отправиться за ко-

фе к себе домой.

– Я просто не понимаю, почему я должна это взять на себя, – возразила Алма. – Я школьная учительница, так что вполне естественно, что ко мне обращаются с... с самыми разными вопросами. Да если только станет известно, что я шпионила за беднягой Джефффри д'Арбанвилем, мне вообще перестанут доверять!

– Если это станет известно кому? – поинтересовался Берти Уолтере. – Сейчас в комнате присутствуют люди почитай что из каждой семьи в Броде Уолберна. Мы все знаем, что вы затеяли.

– Это ради блага города, – добавил Бин Тайлер. – Джозайя верно сказал: этот Джефффри может оказаться приграничным разбойником. Может, его заслали разнюхать, как защищен город.

Ребекка стерла со стола несуществующее пятно, скрывая от присутствующих свой интерес. Она бы все отдала, лишь бы пойти накануне вечером вместе с Джозайей и прочими жителями Брода Уолберна поглядеть на незнакомца. Она не сомневалась, что жены других мужчин там были, но ведь им не придется потом целый месяц выслушивать, как их ревнивые мужья вслух гадают, не вызвала ли супруга к себе этого незнакомца тайным письмом – или он прибыл на свидание, назначенное десятью годами ранее.

– Все равно это нехорошо, – упорствовала Алма. – Я ему, похоже, по... Я хотела сказать, в городе есть и другие неза-

мужние женщины, знаете ли. Например, мисс Джей. Почему бы нам не пригласить его на пикник вдвоем? Так я бы чувствовала себя гораздо лучше.

– Мисс Джей не признает такой пустой траты времени, как пикники, – сказал Берти.

– И она поселила его у себя, так ведь? Откуда нам знать, может, она с ним заодно, – добавил Джозайя.

Ребекка восхищенно слушала, как Алма, не испугавшись гнева Джозайи, встала на защиту мисс Джей.

– Как вы посмели сказать такое, Джозайя Уилкокс! Мисс Джей не станет связываться с приграничными разбойниками после того, что произошло с ее мужем и родителями!

– Может, и нет. – Ребекка готова была поклясться, что в голосе ее мужа послышались нотки неохотного извинения, но он мгновенно снова перешел в нападение и заговорил настолько резко, что уж теперь-то никто не осмелился бы ему перечить. – И вообще вы – единственная незамужняя женщина, которая живет на средства города! Замужней женщине приглашать его на пикник неприлично. Казалось бы, вы должны ухватиться за возможность быть полезной теперь, когда школу распустили до конца лета.

Алма так решительно захлопнула рот, что даже зубы у нее щелкнули. Ребекке страшно хотелось бы отважиться протянуть руку и ободряюще сжать пальцы школьной учительницы или хотя бы шепотом дать совет Алме: уступить и сделать то, чего хочет Джозайя. Алме придется прожить в его

доме самое большое еще несколько недель, а потом пусть он только попросит ее о чем-нибудь – она сможет прищелкнуть пальцами у него под носом! От этой мысли Ребекка одновременно ободрилась и ужаснулась: сама-то она приговорена, по сути, к пожизненному заключению.

– Ну это же просто пикник, Алма, – начал уговаривать ее Берти.

– А уж поесть вы определенно любите, – прибавил Бин Тайлер.

– О!

Последнее замечание настолько возмутило Алму, что она лишилась дара речи. Джозайя, никогда не упускавший удобного шанса, снова принялся убеждать школьную учительницу:

– Приятный денек на солнышке, Алма. Можете взять любые припасы из нашей кладовки. Расспросите его, что он ищет и сколько намерен здесь оставаться. Только и всего.

– Вы же знаете, что я не стал бы поддерживать плана, который мог бы представлять для вас опасность, правда, мисс Алма? – Сказав эти слова, Бин закашлялся, словно они дались ему нелегко.

– Ну ладно. Но предупреждаю вас: вы все почувствуете себя ужасно глупо, когда окажется, что он всего-навсего актер, который из-за ушиба головы ненадолго потерял память. – Покраснев еще сильнее, Алма не стала скрывать осуждения. – Я надеялась, признаюсь, очень сильно надеялась, что

он доставит нам всем удовольствие, устроив представление.

– Представление? – Берти весь сморщился от волнения. – Не знаю, Джозайя, здесь страшно скучно. Может, мы немного поторопились?

– Он может актерствовать после того, как докажет, что ничем не угрожает городу, – не сдавался Джозайя. Остальные мужчины неохотно согласились.

– Хорошо. А теперь прошу меня извинить: мне надо составлять планы уроков на следующий учебный год. – Неизящно фыркнув и встряхнув головой, Алма прошествовала мимо Бина Тайлера в сторону своей комнаты в задней части дома.

Завершив дело, мужчины не высказали охоты задержаться в обществе Джозайи. Ребекка едва успела пролепетать слова прощания, как осталась наедине с мужем. Их разделял только стол с тремя кружками остывающего кофе.

Как всегда, когда Ребекка оказывалась наедине с молчаливым и совершенно непонятным гневом мужа, его худое, как хлыст, тело почему-то начинало казаться гораздо более сильным. Он напоминал ей великолепную чистокровку, напрягающуюся в ожидании стартового выстрела. Теперь ей трудно было вспомнить то время, когда она не замечала этих пугающих черт его характера: когда-то она была совершенно заморожена копной иссиня-черных волос и глазами, казавшимися такими темными на фоне его худого лица. Ведь на самом деле они были не черные, а темно-синие! Но в те дни Джо-

зайя Уилкоккс улыбался и бережно ее обнимал. Как охотно она согласилась с его планами внести все сбережения в Вегетарианскую компанию и отправиться на неосвоенные земли Канзаса!

«Твое прошлое ничего не значит, Бекки. А мальчика я буду любить, как своего собственного». Он повторял эти слова так часто, что Ребекка не могла ему не поверить. Она утешалась его уверениями и не сомневалась в том, что все, о чем она мечтала для себя и своего сына, осуществится через ее любовь к Джозайе Уилкоксу.

– И что ты думаешь об этом Джеффри д'Арбанвиле, хозяйка? – спросил Джозайя. Его резкий тон настолько не соответствовал ее нежным воспоминаниям, что она невольно содрогнулась.

Она не могла смотреть мужу в лицо, зная, что его зоркий взгляд будет выискивать хоть малейший след интереса, который она может испытывать к таинственному пришельцу. И пусть ее любопытство будет совершенно невинным – он все равно усмотрит в нем нечто предосудительное. За годы, прошедшие со времени их женитьбы, все пошло необъяснимо плохо: обещания Джозайи забыть о ее прошлых проступках уступили место неумолимой и непрощающей ревности. Сейчас Ребекка пыталась найти какую-нибудь невинную фразу, чтобы его успокоить.

– Я не могу высказывать мнение о человеке, которого никогда не видела.

Собственные слова показались ей достаточно безобидными, но Джозайю Уилкокса они привели в полную ярость.

– А, так теперь тебе захотелось с ним встретиться? – издевательски осведомился он, совершенно исказив смысл ее ответа. – Может, этот сладкоречивый пришелец разрядился и прикидывается, чтобы скрыть, кто он на самом деле? Может, моя жена сможет узнать в нем кого-то из своего прошлого?

– Ох, Джозайя! – прошептала Ребекка, раздираемая гневом и отчаянием. Когда она наконец перестанет надеяться на то, что муж осознает всю беспочвенность своей болезненной ревности? И когда она перестанет сокрушаться из-за этого? Когда, наконец, ее любовь, постоянно подтачиваемая этими обвинениями, не выдержит и окончательно улетучится?

– Ну так посмотри на» ту занавеску! – с едким сарказмом продолжал изумляться Джозайя. – Похоже, сегодня кто-то провел немало времени, глядя в окно, хозяйка!

Свинцовая тяжесть легла Ребекке не сердце, когда она заметила, что ее пальцы оставили небольшую неровность на боковом шве: из-за того, что они были влажными, край мешковины немного растянулся.

– Я... я смотрела, не идешь ли ты. Чтобы кофе был готов.

– Да неужели?

Всего два слова, невинная фраза, но Ребекка знала, какие слова он хочет произнести на самом деле. «Лгунья. Бесстыдная шлюха». Иногда... иногда от всей этой несправедливости ей просто хотелось лечь и умереть. Но тогда Робби оста-

нется на милость отчима. А Джозайя уже никогда не узнает, как сильно она на самом деле его любит.

– Ужин готов, если хочешь, – с трудом выговорила она. Горло больно сжалось.

– Буду ожидать чего-то совершенно необыкновенного, раз ты целый день его готовила. – Направившись к двери, он кинул ей, не оборачиваясь: – Я выйду проверить двор. Поддай все через пятнадцать минут.

– Да, хозяин.

Пятнадцати минут было мало, чтобы и накрыть на стол, и выставить ужин – вегетарианские блюда, тщательно приготовленные в расчете на то, чтобы хоть немного смягчить тяжелый нрав Джозайи. Ей нельзя было терять ни минуты, но Ребекка не могла пошевелиться, чувствуя полное бессилие, словно ее парализовал укус змеи. Она стояла совершенно неподвижно, пока в комнату не вернулась Алма, на лице которой была написана такая жалость, что Ребекке на секунду захотелось забыть обо всех условностях, наплевать на брачные узы, уложить вещи ребенка и сбежать.

Алма ободряюще похлопала Ребекку по руке.

– Будь он хоть приграничный разбойник, хоть актер – да кто угодно, но похоже, этот Джеффри тут всех расшевелит.

– Ох, Алма, я вовсе не хочу ничего расшевеливать. – Ребекка устремила взгляд на, стоявшие на плите кастрюли, борясь с непривычным желанием вышвырнуть их все на улицу, в грязь, чтобы Джозайе было что найти. – Ты же видела, ка-

ков бывает мой муж, если ему что-то не нравится. Тебе оставаться у нас уже совсем недолго. Не знаю, что я буду делать, когда некому будет встать между нами.

– Ты могла бы пригласить мисс Джей на чашку кофе.

– Что?!

Алма принялась собирать столовые приборы.

– Вы с мисс Джей друг на друга сильно похожи.

– Ничуть. – Пораженная словами Алмы, Ребекка тяжело опустилась на стул. – Мисс Джей ответственная и независимая. Она ни секунды бы не стала терпеть припадки ревности Джозайи.

– Мисс Джей очень сильная – как и ты. И как и тебя, муж поставил ее в неприятное положение. И она терпит – точно так же, как и ты.

– Господи, я всегда восхищалась мисс Джей. – Схватив сложенную салфетку, Ребекка принялась ею обмахиваться. После стольких лет жизни с человеком, который был о ней ужасного мнения, ей казалось невыносимым поверить в то, что у нее есть достойные восхищения черты, роднящие ее с мисс Джей Уолберн. От такой мысли ей стало не по себе и в то же время как-то радостно. – А теперь если бы ты еще сказала мне, что Джозайя очень похож на Джеффри...

– Ну, раз ты сама заметила это сходство... – Алма озорно улыбнулась, не обращая внимания на протестующий вскрик Ребекки. – Я еще не встречала такой пары героев: полны самых безумных идей – и при этом без всяких на то оснований.

Похожи как две капли воды, Ребекка, просто как две капли воды.

– Мне бы такого в голову не пришло, но, пожалуй, ты права, Алма. Хотя какой мне от этого прок – не знаю.

Алма склонила набок голову и ласково улыбнулась Ребекке.

– Раз я приглашаю Джефффри на пикник, мне надо испечь торт. Что мне лучше сделать: разложить все составляющие по отдельным кастрюлькам или все-таки разбить несколько яиц и перемешать их с водой и сахаром, пока они не будут напоминать дорожную грязь после дождя?

Легкомысленная болтовня Алмы вызвала неуверенную улыбку Ребекки.

– Конечно, все надо сбить.

– Может, твоя проблема именно в этом, Бекки? Ты столько лет осторожничаешь, чтобы яйца не разбились, а сахар не растаял в воде. Может, тебе пора делать все немного иначе?

– Тебе всегда удается говорить по-учительски, – шмыгнула носом Ребекка, пытаясь не расплакаться. – Торты ведь не всегда получаются, знаешь ли.

– Да, но вкус у них всегда сладкий, даже если они комковатые и плоские.

С этими словами Алма опустила взгляд на свою пышную грудь, а потом возвела глаза к небу.

Ребекка не смогла не захихикать. Господи, ну до чего же приятно смеяться! И приятно знать, что в тебе есть хоть ка-

кая-то сила. Может, в теории Алмы относительно сбивания есть зерно истины!

– Хуже ведь уже некуда, правда?

Она задала этот вопрос с напускной веселостью – так она всегда говорила с Джозайей. И, как и Джозайю, Алму эта веселость нисколько не обманула.

– Всегда может стать еще хуже, Ребекка. Но время от времени – достаточно часто, чтобы мы не оставляли надежды, – происходит нечто чудесное, и тем, кто готов пойти на риск, становится лучше.

Глава 6

Джефффри шел рядом с Джульеттой, ведя на поводу Ариона. Его скакун, явно оправившийся после вчерашнего ужасающего прыжка в пропасть, мотал головой и недоуменно фыркал всю дорогу до поля для турниров. И вполне понятно, что Арион испытывал недоумение, – Джефффри и сам плохо понимал, что происходит. Несмотря на свое обещание, Джульетта не принесла никакого оружия, чтобы проверить его меткость. Да и никакого поля для воинских упражнений он не видел. Где столб с мишенью, где кольца, в которые можно направить меткое копьё? Этот кусок пастбища внешне ничем не отличался от бесконечных акров с густой травой, качавшейся на ветру, если не считать одного гнилого пня, торчавшего из дерна.

– Вот один!

Казалось, Джульетта безмерно обрадовалась, увидев этот пень. Она бросилась к нему и пригнулась, а потом стала шарить в траве, пока не отыскала камешек, который пристроила на неровном крае пня.

Вернувшись к Джефффри, она бросила критический взгляд на Ариона.

– По-моему, вам следовало оставить вашу лошадь в конюшне. Если вы говорите правду, то она никогда не была под огнем и может испугаться.

Джефффри весь ошетинился. Он не знал, о каком огне говорила Джульетта, но они с Арионом частенько шли в атаку под настоящим ливнем греческого огня. Джульетта всю дорогу уговаривала его вернуть Ариона в стойло, словно рыцарь может продемонстрировать свое умение поражать мишени, не сев верхом на коня, способного предвидеть все его движения! Может, сама не имея обученного коня, она хочет поставить Джефффри в столь же невыгодное положение? Но чтобы подвергать сомнению смелость Ариона!..

– По-вашему, Ариону не хватает храбрости в бою?

– Я уверена, что он очень отважен. И все же я на вашем месте покрепче держалась бы за его уздечку. – Она казалась озабоченной, когда вынула из кармана одну из уже виденных Джефффри трубок с костяной ручкой. Похоже, что здесь у каждого были такие штуки – приятно будет узнать, для чего они служат. Поднеся ее к лицу, Джульетта принялась поворачивать ее в разные стороны. – Дэниель, мой муж, научил меня защищаться, но я редко этим пользовалась. Пока вы седлали коня, я его почистила. Хотите стрелять первым? Дэниель приобрел этот револьвер у полковника, который его разработал. Он всегда говорил, что когда люди поймут, насколько это хороший револьвер, то все начнут пользоваться именно «кольтами».

Право, он никак не мог понять, чего она хочет. Он должен бросить этот предмет в камень?

– Покажите мне вы, Джульетта, – сказал он. Кивнув голо-

вой, она подняла револьвер до уровня носа и, прищуря один глаз, посмотрела поверх него на камешек: так капитан Чейни смотрел на Джеффри во время их первой встречи в конюшне. Возможно, Джульетта собиралась замахнуться и швырнуть странный предмет, как диск... Джеффри так этого и не узнал, потому что она успела только чуть шевельнуть одним пальцем – и громовой рев разорвал тишину. Одновременно с диким грохотом, непонятно откуда, взялось облако едкого дыма: казалось, сама земля раскололась на части, позволив осквернить воздух испарениями ада.

– Кровь Господня!

Проклятие Джеффри почти заглушило пронзительное ржание Ариона, однако сейчас рыцарю было не до испуганно рвущегося коня. Джеффри надо было любой ценой защитить Джульетту от напавших на них невидимых врагов! Он бросился на нее и повалил на землю, постаравшись упасть на вытянутые руки, чтобы основная часть его веса пришлась на них. Тем не менее оба тела весьма плотно прижались друг к другу, особенно их нижние части; Джеффри ощутил под собой тугие женские груди, которые терлись о его грудную клетку, когда Джульетта извивалась под ним. Она отчаянно пыталась освободиться, так что этот проклятый узел у нее на голове развязался и волосы свободно рассыпались по плечам. Окликая Джеффри по имени, Джульетта умоляла позволить ей встать.

– Не двигайтесь, я не понял, откуда они нападали, – предо-

стерег он ее. Дышал он тяжелее, чем следовало в данных обстоятельствах. Совершенно недопустимо, чтобы плотское желание давало о себе знать в тот момент, когда даме грозит непонятная опасность! При следующей встрече со священником ему придется исповедаться в таком нерыцарском поведении.

– Никто на нас не нападал, Джеффри.

– Кровь Господня, женщина, придержите язык, иначе они нас заметят! Я еще никогда не встречался с врагом, у которого столь страшное оружие.

– Джеффри, послушайте меня! Никто на нас не нападал. Этот шум устроила я. Я выстрелила из револьвера. Смотрите. – Джульетта с трудом высвободила руку и сунула револьвер ему под нос. Из открытого конца трубки поднимался легкий дымок, в котором Джеффри ощутил ту же едкую вонь, что наполнила воздух сразу же после громового раската.

– Это вы вызвали этот немыслимый шум, Джульетта, с помощью револьвера?

Она быстро кивнула, и ее шелковистые волосы скользнули по его рукам. Полное отсутствие в ней страха убедило Джеффри в том, что она говорит правду. Этот грохот, который, по словам Джульетты, устроила она сама, заставил бы большинство женщин впасть в ужас, кричать и рвать на себе волосы. От пришедшей уверенности в том, что поблизости не прячется неизвестный враг, Джеффри следовало испытать радость и облегчение, а вместо этого он почувствовал

себя круглым дураком: лежит, уткнувшись носом в землю, из-за проклятого фокуса, который наловчились применять эти странные люди!

Как же, видимо, про себя потешается над ним Джульетта!

Джефффри хотел отодвинуться от нее, но им овладело полное нежелание покидать свое мягкое ложе. Джульетта выпротала руку, чтобы помахать перед ним револьвером, в результате чего Джефффри еще сильнее прижался к ней животом, и хотя их разделяло несколько слоев материи, рыцарь хорошо ощущал, как под ним приподнимается и опадает женское тело. Чуть заметный цветочный аромат, напоминавший запах мыла, которым пользовались они оба, исходил от Джульетты, перебивая все другие запахи, и на секунду Джефффри совершенно забыл об испытанном унижении и смятении.

Джульетта ощутила быструю смену его настроений – от бесстрашного защитника к недоумевающему безумцу, а потом к страстному мужчине. Она понимала, что ей следует оттолкнуть этого неотесанного громилу и встать с земли. Господи! А что, если кто-нибудь увидит, как вдова Уолберн валется по прерии со своим сумасшедшим постояльцем?!

К несчастью для ее репутации, тело Джульетты отказалось повиноваться настоятельным приказам ее ума. Вместо того чтобы решительно оттолкнуть Джефффри, ее рука почему-то легла ему на плечо. Вместо того чтобы произнести резкие слова, ее язык робко скользнул вдоль губ, которые отчего-то

вдруг пересохли. Существовало бесконечно много причин, по которым благоразумная и рассудительная женщина, каковой она себя считала, должна была бы оскорбиться бесцеремонности, с которой он повалил ее на землю и теперь не давал подняться.

Но вместо этого Джульетта вся трепетала от мысли о том, что при звуке выстрела первой мыслью Джеффри было защитить ее. Даже и сейчас он укрывал ее своим огромным мускулистым телом, бережно держа в объятиях, подставив свою спину возможным врагам, словно рыцарь, который защищает даму своего сердца. И при этом совершенно не важно, что опасность оказалась чисто мнимой, плодом его больного воображения!

Она услышала тихий выдох, и в следующую секунду у ее плеча возникла бархатистая голова, оттолкнувшая Джеффри в сторону.

– Арион! Твоя нога!

Джеффри разразился потоком непонятных слов, наполненных таким ядом, что Джульетта без труда догадалась: это проклятия. Ей и самой хотелось бы пробормотать несколько слов покрепче, хотя Джульетта плохо понимала, почему у нее возникло такое желание, когда Джеффри стремительно отодвинулся от нее и присел на корточки около своей проклятой лошади.

– Боюсь, он растянул связку на передней ноге.

С мрачным лицом Джеффри прижимал пальцы к распух-

шему месту чуть повыше копыта Ариона.

– Я же говорила вам – лучше оставить его в сарае.

– Да, говорили. – Покачав головой, он вздохнул. – И для чего вы устроили такой шум, Джульетта?

Она постаралась как можно грациознее встать с земли, что оказалось весьма непросто – ноги у нее ослабели, пока Джефффри д'Арбанвиль лежал на ней всем своим телом.

– Вы говорили, что ничего не знаете об огнестрельном оружии, поэтому я хотела, чтобы вы увидели, с чем вам придется иметь дело, если вы столкнетесь с вооруженными приграничными разбойниками.

– Неужели эти приграничные разбойники не знают, как важно подкрасться к врагу незаметно? – Джефффри покачал головой. – Их легко застигнуть врасплох, если они объявляют о своем присутствии этими шумными револьверами.

– Шум слышен уже после того, как сделан выстрел, Джефффри. К тому моменту, как вы услышите револьвер приграничного разбойника, вы уже будете мертвы. – Джульетта указала на пень. – Посмотрите, я сбила выстрелом камень. Мой муж всегда говорил, что я прекрасно целюсь для женщины.

Джефффри кинул взгляд в сторону пня и кивнул:

– Да. Шум сбил камень, который был установлен не очень прочно. Уверяю вас, что меня сбить с ног совсем не так просто, хоть в последнее время мне и приходилось оказываться на земле.

Хотя Джефффри гордо поднял голову, в нем чувствовалось

смущение. Видимо, он осознал, насколько ей трудно поверить в то, что человек может так нарочито не понимать назначения револьвера, но, похоже, намерен продолжать свой блеф и дальше.

Прекрасно. Она не станет спорить с причудами этого актера. Из висевшего у пояса мешочка она извлекла пулю.

– Камень сбил не шум. Его сбילה вот такая же пуля, а если бы она попала в вас, то скорее всего вы были бы убиты.

Выпрямившись в полный рост, Джефффри устоял на лежавшую на ее ладони пулю, а потом легонько прикоснулся к ней пальцем. Когда пуля откатилась, кончик его пальца невольно дотронулся до нежной кожи Джульетты. Никогда еще легкое прикосновение не вызывало в ней такого трепета – казалось, он проник в самое сердце. А ведь она вдова, и знает, что бывает между мужчиной и женщиной. Почему-то ей показалось, что в ее реакции на Джефффри заключается измена Дэниелю.

– Это не может причинить мне вреда! – презрительно сказал Джефффри, зажав пулю между пальцев. Он вытащил из-под ремня нижний край рубашки, продемонстрировав для пущей убедительности свой живот. Мускулистая плоть была обезображена узловатым шрамом. Еще один шрам, змеясь, уходил от талии вверх и исчезал среди мягких завитков волос на его груди. Он прижал пулю к шраму. – Видите? Настолько тупой металл не может повредить мою прочную кожу.

Уронив пулю на землю, он поймал руку Джульетты и прижал к своей теплой коже, упругой и гладкой, усиливая давление до тех пор, пока она не ощутила под пальцами непривычную жесткость.

– Вот здесь, Джульетта, застряло острие меча моего смертельного врага Дрого Фицболдрика. Хотя в тот раз ему чуть не удалось меня выпотрошить, мой превосходный боевой маневр сломал его меч, как будто обгоревший прут. Я два дня истекал кровью, словно прирезанный кабан, а потом еще две седмицы метался в лихорадке. Если такое гордое оружие не смогло меня убить, то сомневаюсь, чтобы это удалось вашей крошечной пуле, с какой бы силой ни метнул ее в меня приграничный разбойник.

Пальцы Джульетты поднимались и опускались в такт дыханию Джеффри, его ровное сердцебиение отдавалось в ее сердце. Он два дня истекал кровью, метался в жару – и сейчас улыбался ей в полной уверенности, что огнестрельные раны ему нипочем!

– Ты точно такой же, как Дэниель! – Джульетта сама ужаснулась тому, насколько сдавленно звучал ее голос. – Ты тоже уверен, что с тобой ничего не может случиться.

Она отдернула руку и стремительно отвернулась от Джеффри. Если бы только можно было с такой же легкостью отвернуться от собственных мыслей! А ей ведь это удавалось уже несколько лет, пока этот... этот полоумный рыцарь не ворвался в ее жизнь, напомнив другого испещренного шра-

мами вояку.

– Я не Дэниель, Джульетта.

Он говорил успокаивающе и мягко, почти тем же тоном, каким обращался к испуганному выстрелом коню.

И тем не менее он говорил правду. По сравнению с Джефффри д'Арбанвилем тот был настоящим мальчишкой. Правда, какое-то сходство между ними все же имелось.

– Дэниеля просто завораживали сражения, – неожиданно для себя начала объяснять Джульетта. – Он, бывало, говорил, что все это – ради славы города, получившего его имя. А моя мать пыталась убедить меня, что для такого молодого человека это вполне простительно. Но я знала одно: Дэниель был моим первым другом. Возможно, даже единственным другом. Нас обоих растили отцы, которые все кочевали в поисках новых земель. Наши пути пересеклись тут, а когда отец Дэниеля собрался двигаться дальше, Дэниель уперся и остался здесь. Он назвал город своим именем и заявил, что живым или мертвым, но он навеки останется на этой земле.

Джульетта немного помолчала. Ей не хотелось говорить Джефффри, что совершенно невинные поцелуи Дэниеля разбудили в ней отнюдь не невинный отклик и продемонстрировали, какая необузданная страсть таится в ней под respectable внешностью. Дэниель сделал ей предложение как раз тогда, когда отец Джульетты высказал намерение обосноваться в Броде Уолберна. Но даже вручая себя Дэниелю, Джульетта подозревала, что ею движет не столько любовь,

сколько настоятельная потребность во внимании и ласке. Она обещала Господу, что будет изо всех сил стараться любить Дэниеля все сильнее и сильнее. Однако ей не дано было на это времени – и поэтому пришлось расплачиваться другой монетой.

– Когда начались нападения приграничных разбойников, я не переставая умоляла Дэниеля уехать. Я даже надеялась, что мой отец решит сняться с места и переехать всей семьей куда-нибудь еще, чтобы у меня был предлог звать Дэниеля с нами. А вместо этого мой папа и Дэниель просто блаженствовали из-за постоянно грозящей всем опасности.

Джульетта старалась полагаться на обещания Дэниеля: он говорил, что его любовь защитит Джульетту, что их усилия помогут Канзасу добиться статуса свободного штата в федерации. Дэниель не знал, что любовь Джульетты была недостаточно крепкой и верной.

Той ночью – ночью, напоенной сладкими ароматами весны, – Дэниель снова шептал ей на ухо те же обещания.

Поначалу легкий ветерок не приносил с собой ничего, кроме непрерывного шелеста высоких трав. Страстные ласки Дэниеля, которым он отдавался всем своим существом, никогда не заставляли Джульетту забыть об окружающем: она слышала все, что происходит вокруг. И на этот раз ровное биение ее сердца не заглушило ружейных выстрелов. Охваченный желанием Дэниель остался глух к ее мольбам узнать, что происходит. К тому времени как его удалось убе-

дить в том, что на Брод Уолберна напали приграничные разбойники, уже погибло шестеро невинных жителей – среди них и родители Джульетты.

– Ваш муж погиб по время одной из здешних стычек? – спросил Джеффри.

Она прикусила губу и кивнула, не сомневаясь в том, что на ее лице отразилось глубокое смущение.

– Мы пили вино из одуванчиков. Дэниель немного опьянел. Я не заметила, что он ушел, не захватив оружия.

– Он погиб благородной смертью, защищая свои земли, – сказал Джеффри.

Если бы только это было правдой! Джульетта покачала головой.

– Он получил рану в живот. Он умирал от нее долгих три месяца. Я обещала Богу, что сделаю все, лишь бы облегчить его страдания.

Джеффри побледнел.

– Надо быть очень осторожным, заключая сделки со Всевышним.

Джульетта тихо засмеялась.

– О, моя задача была легкой. Дэниель хотел только, чтобы я пообещала ему остаться здесь, в Броде Уолберна, закончила постройку нашего постоянного двора и помогала городу расти и процветать. Это было нелегко, но я это сделала. Я самая уважаемая жительница Брода Уолберна. Мой постоянный двор меня кормит. И у меня много свободного времени,

чтобы ухаживать за могилами.

Ее смех перешел в нечто больше похожее на рыдание.

– И вы больше не боитесь жить здесь, когда кругом царит насилие?

Джувьетта радостно ухватила за его вопрос, чтобы повернуть разговор в новое русло.

– Поначалу я не переставала бояться. Но такое количество смертей поразило даже разбойников, и они больше не беспокоили нас в Броде Уолберна. Вскоре после их нападения на наш город были почти полностью перебиты жители города Оссаватоми, так что разбойники потеряли немало число своих сторонников. Только в мае сторонник рабства застрелил в Марэ-де-Синь пятерых ни в чем не повинных людей. С тех пор нападения приграничных разбойников стали скорее досадной помехой, чем серьезной опасностью. Насколько мы слышали, теперь в Штатах неприятностей больше, чем у нас.

– Так что вы обосновались здесь навсегда и не намерены уезжать? – спросил Джеффри.

– Да, как колодец, ушедший глубоко в землю, – ответила Джувьетта.

Она превратилась в мисс Джей, во вдову Уолберн, владелицу собственности и уважаемую горожанку, чьей главной заботой стало процветание Брода Уолберна. Она гордо смотрела на тех, кто шептал, что ей никогда не достроить постоянного двора и не прокормиться своим делом. Она спрятала свою, как ей казалось, греховную натуру и боль от воспомина-

наний под толстым слоем респектабельности, она задавила все свои эмоции и погребла последние следы образа той жизненнолюбивой и вольной девушки, которой когда-то была. Теперь та Джульетта была похоронена вместе с погибшими, и ей никогда не позволено будет воскреснуть.

Но, похоже, с того момента, когда пальцы Джеффри д'Арбанвиля начали играть ее пуговицами, она забыла об этом своем решении.

Осознав, насколько далеко она ушла от собственной отстраненности, Джульетта испытала почти физическую боль, словно вышла на обжигающее солнце из прохладной и тихой пещеры. Конечно, можно снова привыкнуть к солнцу, но гораздо менее болезненно вернуться в пещеру и дожидаться, чтобы благословенная темнота скрыла все опасности. Как она могла настолько забыть?

Из норки выскочил кролик, собравшийся погрызть травки. Мисс Джей снова повернулась к Джеффри, уже не сомневаясь в своей способности вести себя по отношению к этому актеру, уже объявившему о твердом намерении уехать на какой-то свой квест, только как учительница.

– Ухватитесь покрепче за уздечку Ариона и смотрите на того кролика. Я покажу вам, на что способны пистолет и пуля.

Джульетта прицелилась. Выстрелила. Пока дым от выстрела еще не рассеялся, она отвернулась и прижалась лицом к шее дрожащего Ариона, а Джеффри с проклятиями

кинулся к кролику. На прерию опустилась тишина, воздух стал тяжелым и неподвижным, так что даже ни одна травинка не шелохнулась. Казалось, голова Джульетты вдруг стала неимоверно тяжелой – так трудно было ей повернуться к Джеффри. Она задохнулась, увидев, какое отчаяние написано на лице громадного мужчины, неподвижно пригнувшегося и державшего в вытянутых перед собой руках разбитое тельце кролика.

Отчаяние. Опустошенность. Хорошо, что она вовремя воздвигла вокруг себя привычные барьеры, потому что в отличие от Джеффри она не испытывала этих болезненных чувств. Не испытывала.

Тонкая блестящая струйка зазмеилась по шее Ариона, начинаясь от того места, где она прижималась к ней лбом: такой след оставили бы слезы, если бы какая-то мягкосердечная женщина решила расплакаться. Джульетта стерла влагу пальцем.

Глава 7

В жилах Джеффри текла древняя благородная кровь. В наследство ему достались врожденная гордость и уверенность в себе – качества, которым могли позавидовать люди менее знатные. Суровые воспитатели отточили его и без того острый ум, а тренировки длиной в целую жизнь, лишь изредка прерываемые недолгими увеселениями, превратили каждый дюйм его мощного тела в броню. Будучи не первым сыном в семье, он не унаследовал титула и фамильных поместий, но благодаря боевой отваге и яростной преданности жизненный путь Джеффри отмечали благосклонность и награды вышестоящих, внимание и восхищение окружающих.

И все это было уничтожено кусочком металла и дохлым кроликом. А перед этим – зловредным кельтским божеством.

Джеффри поднял голову к небу и зажмурился от ярких лучей солнца. Он помотал головой, и талисман Энгуса Ока хлопнул его по груди под самой шеей.

С момента появления в этом Богом забытом месте все инстинкты Джеффри предупреждали его о том, что здесь что-то неладно. Он не обращал внимания на свои подозрения, вернее, подавлял уверенность в том, что столь удивительные приспособления и столь странное поведение окружающих неестественны для крохотной деревушки в каком-то даль-

нем уголке Англии. Тяжелая тушка кролика, убитого кусочком металла, по размерам не превосходящим оливку, без слов подтвердила то, о чем все время повторяли ему все вокруг. Даже китайцы не могли бы похвастаться столь ужасающим оружием, способным убивать чуть заметным движением женского пальчика.

Незнакомые люди вокруг него говорили ему правду. И сейчас уже не тысяча двести восемьдесят третий год от Рождества Христова.

Они с Арионом каким-то образом пролетели почти на шестьсот лет вперед, в будущее.

Эдуард, король Англии, давно ставший кучкой догнивающих костей, поручил его заботам Энгуса Ока, возвращающего жизнь тем, кто погиб ради любви. Доказав свою готовность умереть ради талисмана, знаменовавшего собой любовь между Деметрой и Джоном Рованвудами, Джеффри кинулся в Первозданную Пропасть. Такой прыжок должен был бы обречь его на вечный полет в никуда, между жизнью и смертью.

И хотя Джеффри дышал, хотя ощущал горячее прикосновение солнечных лучей к своей коже, хотя сердце его сжалось от внезапно нахлынувшей боли, оказалось, что Первозданная Пропасть подтвердила все суеверия. Какая жизнь может теперь быть у такого человека, как он, – у рыцаря, поклявшегося завершить квест, начатый более полутысячи лет тому назад? Какая у него может быть жизнь, когда вся его

семья, все друзья, все надежды и мечты исчезли, как уголья, залитые дождем?

Он подвел своего короля. Кельтский талисман, висевший на его шее, вдруг стал невыносимо тяжелым. Перед мысленным взором Джеффри пронеслись терзавшие сердце картины того, какая судьба ждала тех, кто положился на его рыцарские таланты. Он прекрасно мог представить себе, какую нетерпеливую ярость испытывал Эдуард, считавший каждый час до того дня, как Деметра Рованвуд признает его своим сюзереном. И когда известий от нее не придет, Эдуард, конечно же, прикажет казнить ее мужа Джона и направится с войском к замку Рованвуд.

А Дрого Фицболдрик... Джеффри не сомневался в том, что этот негодяй осуществит свою угрозу осадить замок леди Деметры. Удалась ли ему осада? Если да, то предатель использовал нежную даму для утоления своих животных страстей и завоевал сильную крепость на далекой северной границе Англии. И пока Эдуард и Дрого сражались, наступило такое опустошение, от которого вполне могла прерваться царственная линия Плантагенетов, а единая страна непоправимо рассыпаться.

Это была страшная мысль: сама история могла изменить свой ход из-за непредвиденного путешествия Джеффри д'Арбанвиля в будущее.

Лучше бы ему было умереть, нежели испытывать эту нестерпимую боль при мысли о том, что все знакомое и лю-

бимое исчезло с лица земли. Лучше было умереть, чем признаться, что не исполнил рыцарского долга, несмотря на то что пошел ради этого на самую серьезную жертву. Будь он мертв, ему не надо было бы страдать от подозрения во взгляде Джульетты, не замечать насмешек, сменивших восхищение, которое он когда-то принимал как должное.

Будь он мертв, он горел бы в вечном огне ада благодаря длившемуся много столетий полету, подаренному ему языческим богом.

Кровь Господня, он оказался в безнадежном положении! И что теперь? Попросить Джульетту, чтобы она послала одну из своих свинцовых пуль в его шестисотлетнюю голову?

Череп кролика, расколовшийся, словно брошенная дыня, намекал на сладкое забвение, которое он получит в этом случае. В глубине тела Джеффри зародилась дрожь, и он постарался ее подавить, с такой силой выдохнув из легких воздух, что коричневато-серая шерстка на холодеющем тельце взъерошилась, а длинные ушки затрепетали поддельной жизнью. Револьвер избавил кролика от его земных горестей, но странному оружию не изменить того факта, что Джеффри держал в руках именно кролика.

Пусть ему уже больше шестисот лет, но он все равно остается рыцарем. Поддаваться отчаянию из-за того, что, похоже, попал в на редкость серьезную переделку, было не в характере Джеффри д'Арбанвиля. Ни один настоящий рыцарь не поставит себя даже под какую-то там пулю, пока не закон-

чит своего квеста. Можно представить себе презрение Господа, если Джефффри осмелится предстать перед Создателем с разнесенным на куски черепом и попробует переложить вину за свои земные неудачи на языческий талисман.

Ему необходимо найти дорогу обратно. Вот и все. Чтобы попасть сюда, он прыгнул в пропасть. Рыцарская логика подсказывала, что ему надо найти дно этой пропасти – горную цепь – и взобраться обратно наверх.

Горы. Ему необходимо найти в этом безнадежно плоском месте поднимающиеся к самому небу горы.

– Ха! – произнес он ругательство тысяча восемьсот пятьдесят девятого года и вскочил на ноги, потянувшись за кинжалом, чтобы выпотрошить этого кролика тысяча восемьсот пятьдесят девятого года, столь ловко доставленного ему столетом тысяча восемьсот пятьдесят девятого года. – Ха! Ха! Ха!!!

– Джефффри? Вас что-то насмешило? Мне тоже надо смеяться?

Джульетта приближалась к нему робко, словно юная олениха. Да, ей следовало испытывать робость.

– Если вы сейчас начнете надо мной смеяться, я не поручусь за вашу безопасность, – предостерег ее Джефффри, все еще не свыкшийся со своим положением.

– Вы не причините мне вреда! – воскликнула она, а в следующую секунду лазурные глаза Джульетты затуманило недоумение, словно ее изумили собственные слова.

Она сказала правду: Джеффри скорее отсек бы себе кисти рук, чем причинил ей хотя бы мимолетную боль. А вот ему было больно: его мучила невыразимая боль, которую не смог бы разделить с ним никто на этой земле тысяча восемьсот пятьдесят девятого года. Очень жаль, что он запачкал пальцы кровью кролика, иначе он привлек бы Джульетту к себе и зарылся лицом в ее пахнувшие солнцем волосы, наслаждаясь ощущением нежного женского тела, прижавшегося к его крепкому торсу. Какие силы дало бы ему прикосновение к живому, дышащему существу! Смятенные мысли Джеффри успокоились бы, и тогда можно было бы придумать план действий и все уладить.

Но если он обнимет Джульетту, это не поможет ему успокоиться. Скорее в нем поднимется целый рой совершенно неподобающих желаний и чувств. И в этом не будет ничего удивительного: ведь шестьсот лет прошло с тех пор, как Джеффри в последний раз лежал с женщиной. Надо полагать, что столь долгого безбрачия не придерживался и самый набожный монах. До чего угнетающая мысль! Если сейчас родной отец Джеффри наблюдает за ним с небес, он должен радостно потирать руки при виде того, как несколько веков безбрачия наложены на сына, которого он мечтал направить на путь церкви, а не рыцарства.

А с другой стороны, тоска по невозможности утолить свою страстную натуру еще никогда не притупляла боевых способностей Джеффри, даже в самой ранней юности, когда

он настолько мучительно ощущал промежутки между любовными утехами, что они действительно могли показаться длиной в несколько веков.

С первого взгляда он принял Джульетту за ведьму, когда она бежала с громким криком, внушившим ужас и сатанинскому скоту, и монголу. Возможно, она действительно обладает колдовским даром! Встретившись с ней, Джефффри чуть ли не каждый час уступает желанию так или иначе к ней прикоснуться. Никто из других встреченных им здесь женщин не будит в нем подобных желаний. Он явно околдован. Иначе никак нельзя объяснить, почему он постоянно думает о любовных утехах с Джульеттой, забывая даже о решимости выйти из труднейшего положения, в котором он оказался.

– Что вы знаете о боли, Джульетта? – спросил он, отгоняя неуместные мысли, и его резкий вопрос нарушил стоявшую вокруг тишину. – Можете ли вы представить себе, какую боль должен испытать человек, который знает, что никогда больше не увидит знакомых и любимых лиц, когда он понимает: все, что он ценит, ничего не стоит и он бессилён против причуд судьбы?

Джульетта содрогнулась, и ему показалось, что он увидел в ее глазах именно ту боль одиночества, которую, по его утверждению, не мог знать никто, кроме него.

– Судьба играет нами всеми, Джефффри. – Она гордо подняла голову. – Можно погрузиться в свое горе, а можно его побороть и постараться жить как можно лучше. Так посту-

пила я.

– Чего вам это стоило, Джульетта?

– Это стоило мне всего, что я имела, – ответила она. – Абсолютно всего.

В этих простых словах заключалась такая внутренняя боль, рядом с которой потерянные Джефффри шестьсот лет показались просто пустяком. Не думая больше о том, что грешно тратить хорошее мясо, Джефффри отшвырнул кролика в траву. Постаравшись почище вытереть руки об одолженные ему штаны, он заключил Джульетту в объятия, о которых так мечтал – но с другой целью. Им овладело непривычное желание утешить, попросить ее объяснить причину муки, которую он в ней ощутил.

Джульетта отвергла его утешение. Она отшатнулась от него, словно он был прокаженным или деревенским олухом.

Женщины по всему свету приходили в восторг, когда им удавалось привлечь его внимание, а ведь тогда им двигала только похоть! Еще одна жестокая шутка судьбы: благородный порыв рыцаря встретил такой решительный отпор.

– Если вы хотите оставаться в моем доме, пока ваша лошадь не поправится, то приучитесь не распускать рук. Женщину нельзя хватать, когда вам только вздумается! – крикнула она. – Сейчас не средневековье, сейчас тысяча восемьсот пятьдесят...

– Я знаю, какой сейчас год.

Никогда еще его слова не звучали настолько безжизненно.

В ответ Джульетта что-то невнятно промямлила и кинула на него подозрительный взгляд: на ее нежном лице ясно читалось недоверие. Джеффри с трудом сдержался, чтобы не рассказать ей все. Попытайся он объяснить ей, что они с коном совершенно непонятно зачем пересекли время, эта попытка только усугубила бы ее и без того плохое мнение о Джеффри. И кроме того, ему необходимо было думать о том, как встретят такое заявление горожане.

Нет, лучше ему молчать. Он считал Джульетту ведьмой – как она воспримет его историю, если он все ей расскажет? Джеффри подавил дрожь, которую вызвала в нем мысль о том, как его знакомые отнеслись бы к человеку, утверждавшему, что он перенесся во времени. Его бы либо сожгли, либо подвергли испытанию водой и утопили бы.

Он не смеет признаваться никому. Ну что ж, к счастью, Джульетта презрела его попытку утешения. Одно ласковое прикосновение, один добровольный поцелуй ее нежных губ – и он уподобился бы влюбленной обезьяне, невнятно лопоча свои самые сокровенные мысли. А если бы он ее убедил, если бы добился ее привязанности – что было бы тогда? Ни один подлинный рыцарь не станет покорно мириться с тем, что его перенесло в другое время. По крайней мере если он не смог закончить свой квест. А просить Джульетту соединить с ним свой жребий и испытать такое же тошнотворное чувство неприкаянности в том случае, если Джеффри удастся пробиться обратно в собственное время, он тоже не мо-

жет.

Рыцарство всегда было бедно дружескими отношениями, и все-таки оказалось, что Джефффри не готов одиноко противостоять миру, потому что никогда не чувствовал себя столь изолированным от всех.

Вот почему он был рад услышать пронзительный оклик, разнесшийся по прерии, и увидеть направляющихся к ним пышнотелую мисс Алму Харкинс и вечно недовольного капитана Чейни. Похоже, Джульетта тоже была рада тому, что ей больше не придется выносить его общество в одиночку: она улыбнулась и приветливо помахала рукой своим друзьям.

Джефффри снова посмотрел на поврежденную ногу Ариона. Ха! Пусть они сами занимают друг друга – у него есть важный предмет для размышления. Попавшему в будущее надо каким-то образом отыскать дорогу обратно, и хромота коня не помеха. Джефффри намерен найти горы и вскарабкаться обратно в свое время: – или умереть. Пусть для этого ему понадобится закрыть сердце для единственного человека, обладающего способностью заставить его смягчиться.

Джульетта с удовольствием заметила, что от долгой ходьбы по прерии Алма покраснелась и дышит так же неровно, как и она сама. Значит, никаких объяснений по поводу ее волнения не понадобится. То, что происходило в последние несколько минут, привело Джульетту в смятение. Единственное, в чем она не сомневалась, была досада по поводу

того, насколько нечутко она поступила, отвергнув утешение, предложенное ей Джеффри, как злобно она на него огрызалась, хотя всем своим существом сознавала, что перед ней стоит человек, понимающий боль, которую она так старалась скрыть ото всех. Она решила, что никогда не забудет, как на его удивительно выразительное лицо легла непроницаемая маска. Ее не должно было это волновать. И не волновало. Не волновало!

Но как она ни пыталась убедить себя в том, что поступила так, как подобает уважаемой вдове Уолберн, глядя на гордо выпрямленную спину Джеффри, она не могла избавиться от впечатления, будто совершила ужасную ошибку.

Ей хотелось бы, чтобы он отвернулся от своего идиотского коня и сказал что-нибудь непонятное, как говорил обычно. И улыбнулся ей.

Но когда Джеффри поднялся и повернулся, чтобы ответить на непрекращающиеся оклики Алмы, он даже не посмотрел в ее сторону. Он стоял несгибаемо прямо, словно то нелепое металлическое одеяние, в котором они его нашли, сейчас переплавилось и превратилось в жесткий корсет, надетый под его домотканую одежду с чужого плеча. Ветер смел пряди волос с его лица, сделав заметнее решительный подбородок и прямой взгляд глубоко посаженных глаз, оценивавший приближение Алмы и капитана Чейни.

Его можно было бы принять за лучшего разведчика Форт-Скотта, привыкшего не привлекать к себе внимание посто-

ронных и в то же время напряженно-внимательного. Постоянно находящийся на чеку рыцарь, замечающий вокруг себя все. Кроме нее.

– До чего же кстати вы подстрелили этого кролика! – Широко лицо Алмы блесело от пота. – Я как раз пришла, чтобы пригласить Джеффри на пикник. Я не могу позвать и вас, мисс Джей... то есть я хотела сказать, что знаю: вы таких вещей не признаете. Как по-вашему, Джеффри, пикник звучит привлекательно?

– Нет. – Казалось, он был в полном недоумении. – Я не слышу ничего привлекательного в слове «пикник».

Капитан Чейни рассмеялся.

– Тут я вас не виню, Джефф. Сидеть на одеяле с липкими малышами и кусачими муравьями, которые упорно на вас карабкаются, – меня это тоже не привлекает.

– Джефф? – Джеффри недоверчиво поднял бровь и посмотрел на капитана Чейни. Джульетте страшно хотелось бы сделать то же самое. Уменьшительное имя ничуть не подходило Джеффри, но еще более странным было слышать, насколько тепло сейчас звучит голос старого капитана.

– Вы вдруг стали страшно дружелюбны к Джеффри, капитан, – заметила Джульетта.

– Ну конечно, как только увидел, что он сбил вас с ног после того первого выстрела.

Капитан Чейни кинул на Джеффри оценивающий взгляд.

– Он не хотел сделать ничего плохого, – поспешно всту-

пилась за Джефффри Джульетта, опасаясь, как бы капитан не решил, что должен ее защитить, и не вызвал Джефффри на дуэль. – Он не знаком с огнестрельным...

– Хорошо отреагировал, сынок, – прервал капитан ее объяснения, одобрительно кивая. – Ты действовал так, словно получил военную подготовку. Особенно мне понравилось, как ты превратил свое тело в щит, когда подумал, что могут быть неприятности.

Джефффри тоже начал кивать. Двое мужчин радостно улыбались друг другу, словно каждый нашел брата по духу.

– Защита слабого пола за счет быстрой реакции служит основой рыцарского кодекса...

Тут Джефффри замолчал, резко переведя взгляд на Алму.

– А у вас есть какой-то веский повод избегать пикника? – Алма недоуменно переводила взгляд с одного мужчины на другого.

– Ах, Алма, разве вы не видите, что Джефффри просто не знает, что такое пикники? – сказала Джульетта. По правде говоря, после его безумных слов относительно рыцарского кодекса она снова усомнилась в том, что он знает, какой сейчас год, несмотря на его уверения в этом.

– Чепуха! Любому известно, что подразумевается под пикником, правда, Джефффри?

Джефффри искоса взглянул на капитана Чейни.

– Липкий малыш и кусачие муравьи, – проговорил он после* недолгой паузы. Произнесенные его хорошо поставлен-

ным голосом с интонациями образованного человека слова, позаимствованные у капитана Чейни прозвучали немного странно.

– Малыши, – поправил его капитан. – Липкие малыши.

Алма хихикнула и тут же опасливо и одновременно вызывающе оглянулась на Джульетту.

– По правде говоря, Джеффри, мне велели... то есть мне кажется, что нам необязательно брать на пикник малышей, липких или каких-нибудь других. Или, если на то пошло, еще кого-то. Может, вас заинтересует экскурсия по территории вокруг Брода Уолберна?

Джульетта была готова подхватить изумленное хрюканье, которым капитан Чейни отреагировал на непривычную смелость Алмы. Условности, которых придерживались в обществе в обжитых восточных районах, на жизнь первопроходцев не распространялись. Алма имела полное право пригласить Джеффри разделить с ней содержимое корзинки для пикника, Джульетта определенно не собиралась готовить интимные трапезы на двоих и поглощать их вдали от посторонних глаз. И в то же время мысль о том, что Джеффри уляжется на расстеленное Алмой одеяло и станет утолять с ней свой аппетит, наполнила ее такой неожиданной и неоправданной бурей ревности, что Джульетта совершенно растерялась, не зная, как с ней бороться. Тем более что в зеленовато-серых глазах Джеффри вспыхнул интерес и он наклонился к Алме, одарив ее улыбкой, которую так хотелось получить Джульет-

те.

– Вы будете моим проводником?

В ответ Алма смогла только пролепетать чуть слышное испуганное «да».

– Я бы весьма хотел отыскать столь высокие горы, что на них надо было бы подниматься двенадцать полных человеческих жизней.

В голосе Джеффри послышалось ошеломляющее возбуждение.

– В этой части Канзаса никаких гор нет, Джеффри, – не выдержав, вмешалась Джульетта.

Джеффри презрительно скривил губы.

– То, что происходило со мной в последнее время, заставляет меня усомниться в истинности этих слов. Что вы скажете, прекрасная Алма?

Джульетта изумленно смотрела, как Алма опустила взгляд на собственные груди и покраснела до самых корней волос.

О, как правильно поступила Джульетта, когда отстранилась от Джеффри вопреки желанию приникнуть к нему! Его прикосновение зажгло в ней огонь, который она считала давно погасшим, его голос и улыбка заставили ее решить, что она одна может оказаться особенной, важной, единственно нужной этому человеку. Его откровенный флирт с Алмой, его готовность уединиться с нею и весь остаток жизни карабкаться по ее чертовым «горам» ясно говорили о том,

насколько «особенной» и «важной» Джеффри д'Арбанвиль считает Джульетту Уолберн.

– Мы можем наткнуться на приграничных разбойников, – предупредила его Алма, кокетливо хлопая ресницами. – Что вы скажете на это, а?

– Я буду рад возможности испытать свое копьё против любого, кто отважится бросить мне вызов, – мягко ответил Джеффри.

Джульетта возмущенно фыркнула. Оставив их глазеть друг на друга, она решительно зашагала к дому. Было немного трудно видеть – несомненно, потому, что неотступный ветер прерий резал ей глаза и они начали из-за этого слезиться. Но это не имело значения. Никакого значения. И вообще ничто не имело никакого значения.

Алма крикнула ей вслед:

– Мисс Джей! Вы разрешите мне зажарить для пикника вашего кролика?

Джульетта приложила ко рту сложенные рупором ладони, чтобы ее голос лучше расслышали, и, приостановившись на секунду, прокричала в ответ:

– Берите его, Алма! Делайте с ним что хотите. Он мне совершенно не нужен.

Глава 8

Спустя час Джеффри появился в дверях кухни Джульетты – запыленный и растрепанный. От его одежды распространился едкий запах мази для лошадей.

– Я должен привести себя в пристойный вид. – Он гневно нахмурился. – А потом я должен позвать мисс Алму Харкинс от Уилкоксов, чтобы мы могли есть кроликов и осматривать здешнюю местность.

– Ах да, ваш пикник! – Джульетта поздравила себя с тем, что в ее небрежном тоне звучало полное отсутствие интереса к их планам и не чувствовалось того жгучего возмущения, которое снесло ее весь прошлый час. Но не смогла не испортить впечатления, пробормотав фразу, которая все это время не давала ей покоя: – Ваша экспедиция к горам!

Джеффри заметно повеселел, и его нескрываемая радость пробудила в ней какую-то безымянную боль. – Надеюсь, это несравненные горы.

– Готова поручиться, что подобных мало. Джеффри уперся рукой в дверь, отчего слишком тесная рубаша вся натянулась и взбугрилась мышцами. От этого движения с грубой ткани слетело облачко пыли. Джульетта невольно подумала о том, сколько пыли он собрал, ухаживая за повредившей ногу лошастью, а сколько – упав на землю, чтобы защитить даму при звуке выстрела «кольта». Глядя на его мощную фигуру,

представлялось невероятным, что он мог вдавить ее в землю, не сплющив при этом в лепешку. А еще невозможным казалось, чтобы ее тело так хорошо запомнило ощущение его веса, так что одной только мысли об этом было достаточно, чтобы пробудить в ней самые неподобающие ощущения – острое волнение и жар.

Свободной рукой Джеффри провел по волосам, подняв новое облачко из пылинок и кусочков высохшей травы. Он выполнял эти пустяковые движения, не сводя взгляда с Джульетты, словно привык заниматься своим туалетом на глазах у женщины.

– А вы не согласитесь пойти с нами, Джульетта?

В его лице не было и намек на плотское желание. Джульетта разумом понимала, что это должно было бы ее успокоить. Несколько секунд смущение не давало ей ничего ему ответить: было неловко от сознания того, что в то время как она приписывала его невинным словам всевозможный тайный смысл, Джеффри искренне хотел только отыскать цепь высоких гор, на которые можно было бы подняться. Как и любой мужчина, раз решив что-то сделать – в данном случае забраться на гору, – он был занят одной этой мыслью, забыв обо всем остальном.

Потом смущение исчезло, сменившись ликованием, а оно в свою очередь мгновенно уступило место тому же гнетущему чувству, которое не покидало Джульетту с той минуты, когда она ушла, оставив Алму с Джеффри в прерии. Госпо-

ди, да что это с ней? После стольких лет успешного контроля над своими чувствами они вдруг взяли над ней власть и не дают ей покоя всякий раз, когда рядом оказывается Джефффри д'Арбанвиль.

– Я не могу с вами идти, Джефффри. Мне надо заниматься делами. Сейчас их у меня особенно много из-за того, что армия вновь открывает Форт-Скотт. Брод Уолберна идеально подходит для ночевки военных, и они всегда привозят припасы и почту из Штатов. Завтра должен приехать очередной отряд. – Джульетта постаралась игнорировать протест, который выиграл в ее душе от этих слов. – Вы с Алмой отправляйтесь вдвоем. Желаю вам приятно провести время.

Джефффри смотрел на нее из-под полуопущенных век, и ничто в нем не говорило, разочарован ли он ее отказом или рад ему. А возможно, она в данном случае отказалась от предложения, сделанного исключительно из вежливости.

– Хорошо, – сказал он наконец, когда собственное молчание уже начало ее тяготить. – Мне все равно надо привести себя в пристойный вид.

И все ее инстинкты опять молчаливо возрадовались тому, что она не может помочь ему нарядно одеться для Алмы.

– У капитана Чейни больше не найдется для вас лишней одежды. А как насчет ваших собственных вещей?

– Да, моя кольчуга требует внимания, иначе она окончательно заржавеет и потеряет гибкость. Но сколько я ни искал, в вашей конюшне не нашлось средства для полировки

доспехов.

– Проклятие, опять состав для полировки брони кончился!

Джульетта прищелкнула языком, выражая не совсем ложное сочувствие, и покачала головой. Джеффри по-прежнему говорил так, словно у него не было никакого имущества, кроме кольчуги. Джульетта гадала, сколько ей придется притворяться, будто она понимает странные выходки Джеффри.

– Не волнуйтесь, Джульетта. Еще не все потеряно. У вас не найдется достаточного количества мелкого песка и уксуса? И большого мешка? Могу вас уверить, что я еще не забыл все, чему научился, пока был оруженосцем.

Большое количество уксуса? В это время года?

– Боюсь, что уксуса почти не будет, пока не созреют яблоки. А песок есть у реки.

– Одним песком мне никак не обойтись.

Его возмущенный тон говорил о том, что даже только что вышедший из пеленок младенец не стал бы предлагать такую бессмыслицу.

– Тогда, боюсь, вам придется обойтись тем, что на вас надето, – сказала она. – Отойдите от дома и вычешите сено из волос. И почистите одежду щеткой.

– И если я проделываю действия, приличествующие слугам, то смогу обрести пристойный вид?

Джеффри бросил на нее недоверчивый взгляд.

По правде говоря, Джульетта не думала, что Алме так уж

важно, чтобы Джеффри привел себя в пристойный вид. Сама Джульетта не могла представить себе более привлекательно-го мужчину, чем Джеффри, несмотря на всю пыль и грязь. Она вообразила, как Алма лихорадочно жарит кролика, считая минуты, оставшиеся до прихода Джеффри. Джульетта вдруг пожалела, что у нее нет огромного мешка, уксуса и мелкого песка и что она не может весь остаток дня учиться у Джеффри обязанностям оруженосца. Интересно, может ли потерявший память актер использовать такие обычные материалы, чтобы отполировать свой кольчужный костюм?

– Да, вполне сносный.

Почему-то у нее пересохло во рту и голос стал хрипловатым.

– Я не смогу обойтись без вашей помощи, Джульетта. – Он смущенно пожал плечами. – У меня нет щеток для волос и для одежды.

Джульетта принесла свои, сознавая, что у нее нет оснований отказать в его просьбе. Однако она не намерена была ухаживать за ним, а просто вручила ему щетки и стала смотреть, как он приводит себя в порядок, отойдя по ветру подальше от дома. У него получалось неплохо – от одежды поднимались тучи пыли, волосы были приглажены энергичными взмахами щеток.

– У вас нет шнурка? – спросил Джеффри, когда поднятая им пыльная буря улеглась. – Есть смысл завязать волосы, – объяснил он, бросая на нее многозначительный взгляд, – на

тот случай, если от меня потребуются немалые физические усилия.

А она-то решила, что в его планы входит всего лишь невинная прогулка! Джульетта молча порылась в ящике, который предназначался для хранения всякой всячины, и нашла там мягкий кожаный ремешок, который и вручила Джеффри. Он собрал волосы в свободную косу, отчего четкие линии его лица стали еще виднее. Глаза его казались более глубоко посаженными, чем раньше, и в них горело предвкушение того, что его ожидало.

– Я готов, – объявил он, удовлетворенно вздохнув. Да, он был готов.

– Теперь мне можно позвать Алму?

Когда Джульетта неохотно кивнула, он наклонил голову в ее сторону, а потом с необычайной легкостью повернулся. Запрокинув голову к небу, он еще раз покосился на Джульетту:

– Я привел себя в пристойный вид и теперь могу позвать?

Джульетта понимала, что его озабоченность собственным внешним видом должна была бы ее позабавить. Видимо, актеры всегда беспокоятся о том, чтобы выглядеть как можно лучше. Возможно, этот интерес возвещает близкое возвращение его памяти, а не свидетельствует о тщеславии.

Казалось, Джеффри не сомневался в том, что она скажет ему правду, так что ей следовало уделать над собой усилие. Она знаком велела ему повернуться, и он послушно сделал

полный оборот, позволяя ей рассмотреть туго обтянувшую его мощные плечи домотканую холстину рубашки. На его широкой спине обнаружилось пятно.

– Вы пропустили одно место между плечами. Пробормотав слова благодарности, он попробовал посмотреть на участок, явно недоступный зрению.

– Я вам помогу.

Джульетта взяла у него одежную щетку. Сомкнувшиеся на ручке пальцы ощутили тепло, оставшееся от его руки. Она осторожно провела щетиной по пятну, но оно упорно не желало исчезать. Ей не обойтись без энергичной чистки. Стараясь больше не думать о том, как на нее подействует прикосновение к Джеффри, она положила ладонь на его плечо и наклонилась ближе. Сильные мышцы напряглись под ее пальцами, и она поспешно занялась пятном, изумляясь тому, как может течь кровь и как сокращаются мышцы в теле, которое на ощупь кажется нагретой солнцем скалой.

– Я пришел в пристойный вид? – осведомился он, как только Джульетта перестала его чистить.

– Да, Джеффри.

Вздыхнув, она отступила подальше: ей хотелось, чтобы он поскорее ушел, и в то же время она не в силах была подавить слабую надежду на то, что он останется. Как только Джеффри уйдет с ее постоялого двора, ей надо будет устроить себе хорошую выволочку. Вдове Уолберн не должно быть никакого дела до того, что один из ее постояльцев хорошенько

почистился щеткой, которую она ему дала, и отправляется с другой женщиной на пикник, главное блюдо для которого было добыто трудами Джульетты. Может, отчасти проблема заключается в том, что она разрешила Джеффри называть ее Джульеттой, а не мисс Джей? Когда он вернется со своего глупого пикника, ей надо будет настоять на том, чтобы Джеффри обращался к ней так же уважительно, как остальные жители Брода Уолберн.

– Ааллллмммммммааааааааа!

У Джульетты все еще звенело в ушах от неожиданного громкого вопля Джеффри, а тот втянул воздух в легкие и закричал снова, еще громче:

– Ааллллмммммммааааааааа!

Он стоял, широко расставив ноги и уперев руки в бока, и дышал совершенно ровно, несмотря на свой оглушительный крик. Вид у него был такой, словно он готов хоть целый день стоять на месте и орать имя Алмы. Джульетта стремительно бросилась к нему и довольно бесцеремонно зажала ему рот рукой, едва успев оборвать очередной крик.

Его глаза удивленно раскрылись. А потом его губы запечатлели поцелуй на ее открытой ладони.

От конюшни донесся приглушенный детский смех. Робби! Мысль о том, что за ними наблюдает ребенок, освободила Джульетту от необъяснимого паралича, во время которого ей казалось, что она держится на ногах только благодаря теплоте, пульсирующему жизнью прикосновению губ Джефф-

ри к ее коже. Она отдернула руку и быстро оглянулась на конюшню, а потом так же стремительно повернулась обратно к Джеффри, пытаясь понять, который из представителей мужского рода, позволивших себе чересчур много, больше заслуживает выговора.

В глазах Джеффри горело веселое озорство, а губы, которые только что обжигали ей ладонь, изогнулись в довольной улыбке. В эту секунду Джульетта не нашла в себе сил его отругать, хоть он и заслуживал всяческих порицаний. Она повернулась к тому мужчине, с которым легче было справиться.

– Робби Уилкоккс, вылезай-ка из-за поленницы! Джульетта разгладила юбку на бедрах, чтобы скрыть дрожь в той руке, на которой только что был запечатлен горячий поцелуй. Но этим она лишь ухудшила дело: ей показалось, что она почувствовала, как след от поцелуя Джеффри прошел сквозь складки хлопчатой ткани и обжег ей ногу.

Робби неохотно вылез, так низко повесив голову, что почти уперся подбородком в грудь. Глубоко зарываясь в траву пыльными носами ботинок, он медленно пошел к ним.

– Вы помешали мне звать Алму.

Глубокие тона голоса Джеффри пробудили в ней трепет, который не удалось скрыть напускным интересом к приближавшемуся к ним мальчугану. Джульетта повернулась к своему странному постояльцу и наткнулась на такое самодовольство, написанное на его привлекательном лице, что ее

трепет моментально уступил место твердой решимости.

Ох уж эти мужчины! Она и раньше видела такое выражение на их лицах, когда они ощущали близость победы над женщиной. Видимо, Джеффри истолковал ее жест как попытку помешать ему встретиться с Алмой из ревности. Ну что ж, она сейчас рассеет его заблуждения!

– Нельзя стоять и выкрикивать имя женщины, словно зовете свиней к корыту. О чем вы только думали?

Смущение заставило Джеффри выше поднять голову. Его явный промах и мысль о том, как Алма подхватит подол и бросится бежать по улице, похрюкивая, словно свинка, немало повеселили Джульетту.

– Я пытался только выполнить указания, которые дала мне Алма, хоть это и показалось мне глупым и невежливым обычаем, – пробормотал Джеффри, мрачно нахмурясь. – Надо было кому-нибудь объяснить мне, в чем дело: ведь ни один рыцарь не стал бы пытаться так призывать к себе даму, если бы не считал, что соблюдает местные, пусть и варварские, традиции.

– Ну, я сомневаюсь, чтобы в Броде Уолберна кто-нибудь знал, как ведут себя настоящие рыцари, – огрызнулась Джульетта. Его новое упоминание о рыцарстве разбило ее робкую надежду на то, что к нему начала возвращаться память. Тем легче ей будет не обращать внимания на то, как воздействует на ее чувства этот мужчина! Она перевела взгляд на Робби, который наконец доплелся до того места, где они сто-

яли. – А ты, молодой человек, прекрасно знаешь, что тебе не следует столько времени работать в моем хозяйстве.

Джульетта чувствовала себя обязанной пожурить юнца, хоть сердце у нее и ныло при мысли о том, что ждет его у себя дома. Весь город втихую судачил о том, как жестко и нетерпимо обращается со своими близкими Джозайя Уилкоккс. Непонятно было, почему отчим так настроен против Робби: он не пропускал ни одного повода, чтобы указать мальчику на его реальные и вымышленные недостатки, причем настолько резкими словами, что от них и взрослому человеку стало бы не по себе. Ни одна душа не пожалела бы, если бы Джозайя Уилкоккс попал под стрелу индейцев или пулю приграничных разбойников. Если какой-нибудь трагический случай не положит конец его тирании, то ни запуганной жене Джозайи, ни его пасынку с вечно печальными глазами не вырваться из этого круга страданий.

– Я присматривал за конем Джеффри, – объяснил Робби. – Арион ужасно славный, хоть и жеребец.

Джеффри заметно раздулся от гордости.

– Он лучший боевой скакун во всем крещеном мире. Можно дойти хоть до края Земли – и не найти коня, который сравнялся бы с Арионом!

Джульетта ласково потрепала Робби по спутанным волосам и покачала головой. Джеффри так хорошо подходил под ее мысленное представление о том, каким должен быть рыцарь из сказок! Благодаря его полной убежденности в

собственных заблуждениях невозможное начинало казаться возможным. Ей был вполне понятен интерес Робби ко всему, что связано с незнакомцем: ее собственное сердце требовало верить всему, что бы ни говорил Джеффри. Хотя Джульетта решительно отгоняла такую мысль, сердце ее согревалось тайной надеждой на что-то хорошее – такое, о чем сейчас нельзя было даже думать.

– Смотрите, чтобы Алма не услышала, как вы пытаетесь испортить плоды ее трудов, набивая голову мальчика всякой чепухой. У Земли нет края. Ты ведь знаешь, что Земля круглая, правда, Робби?

Робби кивнул.

Джеффри возмущенно фыркнул:

– Вы говорите еретические вещи и в то же время обвиняете меня в том, что я говорю чепуху! Всем известно, что Земля плоская, а у ее краев стоят на страже морские демоны, чтобы не пустить неосторожных моряков на верную смерть.

При мысли о встрече с морскими демонами Робби сначала оживился, но почти сразу же неохотно отказался от такой надежды.

– Не-а. Мисс Харкинс тоже говорит, что Земля круглая. Видно, никаких морских чудовищ на самом деле нет, а, мисс Джей?

То, что мальчик признал истину, навело Джульетту на мысль о том, что можно попробовать вернуть Джеффри память, задав несколько уместных вопросов. Если она поможет

ему вспомнить пару-тройку простых вещей, то все остальное вернется на свои места.

– Давай-ка спросим Джеффри, сколько морских демонов он встретил на пути в Америку?

– На пути куда?

Загорелое лицо Джеффри болезненно побледнело и стало почти серым.

– Сюда. В Америку. В Канзас. – Джульетта обвела рукой все вокруг. – Чтобы попасть сюда, вам надо было пересечь Атлантический океан. Сколько морских демонов вам встретилось?

– Это не Китай, но это и не Англия? – Если бы Джульетта не смотрела прямо на Джеффри, она несколько не усомнилась бы в том, что кто-то стиснул ему горло – настолько странно звучал его голос. – А имя страны за столько лет не могло измениться? Англия считалась лакомым кусочком, и кто-то из завоевателей мог присвоить ей новое имя.

Похоже, вопросы заставили Джеффри только глубже погрузиться в заблуждения. Неожиданно Джульетта почувствовала самый настоящий страх. Если она станет действовать слишком настойчиво, он может не выдержать. Сейчас будет лучше поступать так, как в самом начале: сообщать ему отрывочные сведения, которые помогли бы ему постепенно вернуться к реальности.

И кроме того, какая-то частичка ее души будет скорбеть об исчезновении рыцаря Джеффри д'Арбанвиля. Но в этом

было трудно себе признаться.

– Если вас интересует история, попросите, чтобы Алма на прогулке рассказала вам о нашей революции. – Джульетте настолько приятна была мысль о том, что Джеффри во время пикника начнет разговоры об истории, что она прибавила то небольшое, что знала об открытии их страны: – Я помню только, что эту страну открыл человек по имени Колумб, итальянец, а назвали ее в честь другого итальянца.

– Итальянца!

У Джеффри покраснели щеки. Джульетта гадала, что его так взволновало: новое напоминание о том, что Земля круглая, внезапное осознание того, что он находится не в Англии, или, может, он просто питает глубокую неприязнь к итальянцам?

Оказалось, что его интересовало совсем другое.

– Коль скоро этот мягкоречивый народ интересовали бы завоевания, они должны были во множестве присоединиться к нам, когда Эдуард искал их помощи во время крестового похода. А ведь к нам примкнуло очень мало итальянских воинов! Скажите мне, Джульетта, христианам удалось отвоевать Святую Землю у безбожных сарацинов?

– Да откуда же мне знать такие вещи?

– От монгольского воина. – Он выжидающе смотрел на Джульетту, словно ей все должно было стать понятным. Когда ее затянувшееся молчание ясно показало, что она не поняла вопроса, Джеффри вздохнул. – Всем известно, что мон-

голы и сарацины союзники. Я могу только молить Бога, чтобы присутствие монгольского воина не было дурным знаком: мне не хотелось бы видеть, как эти места будут изнемогать под игом сарацинов.

– У нас есть демократы, республиканцы, тори и виги. А сарацинов нет. О Святой Земле вам надо будет расспросить Алму. А теперь ступайте, не то опоздаете на ваш пикник. – Она мягко подтолкнула Робби к Джеффри, который стоял так неподвижно и напряженно, что походил на удивительно умело сделанное пугало. – Робби, почему бы тебе не проводить Джеффри до вашего дома, чтобы он смог зайти за мисс Харкинс?

– Мне кажется, вам не следует отпускать его одного с мисс Харкинс.

Робби с сомнением переводил взгляд с Джеффри на Джульетту.

– Знаю. Он немного сбит с толку.

Джульетте больно было отворачиваться от Джеффри в тот момент, когда ему явно необходима... но что ему необходимо? Она не знает, чем ему можно помочь, и кроме того, ей не следует поощрять те чувства, которые Джеффри в ней будит. Если она пойдет ему навстречу, откроется ему, погрузится в мечты и фантазии – дело кончится только новыми страданиями.

– Я не смогла бы пойти на их пикник, даже если бы захотела, – добавила она. – Завтра должен прибыть передовой от-

ряд Форт-Скотта, и я должна все приготовить к их приезду.

Мальчик бросил на нее укоризненный взгляд, но послушно взял Джеффри за руку и потянул его за собой. Джульетта отвернулась, чтобы больше их не видеть, хотя мысленная картина осталась с нею. И еще она не смогла прогнать мрачную уверенность в том, что каким-то образом подвела их обоих.

Послушно плетясь следом за Робби, Джеффри ощущал груз всех своих шестисот с лишним лет. Он чувствовал себя согбенным стариком-деревенщиной, которого волокут для ежедневного посещения отхожей ямы.

Кровь Господня, но до чего же неприятно обстоят дела! Хотя ему хочется только оставаться незамеченным, найти дорогу обратно в свое время, этот век, похоже, намерен постоянно дразнить его, забрасывая самыми ошеломляющими открытиями. «Револьверы». Круглая Земля. Канзас. Америка. Итальянские путешественники... Ха!

– Она кидает свои знания мне в лицо так, что их нельзя отвергнуть, – пробормотал он.

– У, мисс Джей тут всеми командует, но она не хочет ничего дурного. Мисс Харкинс говорит, что мисс Джей просто прикидывается такой независимой, а умный мужик должен был бы поскорее за нее хвататься, пока она не слишком привыкла быть вдовой. – Юное лицо Робби покраснело. – Мне кажется, я ей нравлюсь. Как только вырасту, сам предложу ей... – как это?... – руку и сердце – вот!

Джеффри вопросительно посмотрел на своего десятилетнего проводника, который разговаривал с такой уверенностью, которую приобретают далеко не все оруженосцы, даже когда они воспитываются добрыми женщинами. Его мнение о парнишке явно улучшилось.

– Мисс Джей – мой лучший друг теперь, после того как па взял да и убил мою собаку Бастера.

– Не хуже собаки, а? – изумился Джеффри, прекрасно понимая, что хотел сказать мальчик. Он и сам очень любил псов.

– Может, даже лучше.

Они дружелюбно зашагали рядом по пыльной тропинке. Джеффри размышлял по поводу только что услышанного. Несомненно, Робби неправильно истолковал женское тепло Джульетты, и тем не менее его зарождающееся чувство собственного достоинства породило в Джеффри острое ощущение открытия. Ему не хотелось подавлять первую попытку Робби добиться внимания женщины, но в то же время Джеффри довольно сильно понравилась мысль о том, чтобы первым проникнуть за стены, которыми окружила себя Джульетта.

Мысль, которую он поспешно отбросил.

К сожалению, только его ноги повиновались приказу остановить неподобающие реакции, вспыхнувшие в нем при одной лишь мысли о том, чтобы завоевать Джульетту, спасти ее от мрачной вдовьей доли. Он почти с самого начала вы-

нужден был бороться с сильным влечением к этой женщине. Глупо было даже мыслями на этом задерживаться. Однако остановившись тут, завязнув в пыли и смятении, рыцарь почувствовал, как сердце его колотится в ребра с настойчивостью хозяина постоянного двора, стучащегося в дверь к давно задолжавшему жильцу. Кровь неслась у него по жилам, как поднявшиеся воды Темзы, вызывая соответствующую реакцию в нижней части его туловища. О Господи, достаточно только позволить себе роскошь подумать о том, чтобы сделать эту женщину своей, как тело тут же решает, что это должно произойти в самые ближайшие минуты. И напрасно. Совершенно напрасно.

Джеффри давным-давно свыкся с тем, что останется холостяком, и даже радовался тому, что может наслаждаться любовью многих женщин, но не связывать свою судьбу ни с одной из них. Он был осужден оставаться безземельным из-за того, что родился четвертым сыном в семье человека, которому едва хватило средств на то, чтобы устроить жизнь одного сына. Джеффри стал рыцарем в трудные времена, когда такие сильные руки, как у него, нанимались за жалкие гроши. Он участвовал в турнирах, завоевывая серебряные кубки и миленькие подарки, с завистью слушая рассказы рыцарей-ветеранов о громадных наделах и состояниях, которые раздавали короли, превосходившие его собственного монарха богатством и щедростью.

Он всегда был уверен в том, что со временем его мечты о

земле и семье станут не такими всепоглощающими. Со временем подвиги Джеффри будут воспеты, кошелек потяжелет, а старость он встретит в довольстве и достатке.

Но теперь ему стало казаться, что с самого начала время работало против него.

Очень неприятно думать, что пролетел сквозь время только для того, чтобы оказаться в еще более тяжелом положении, чем раньше. Арион охромел, кольчуга его ржавела без полировки, квест был не закончен, так что у него не было ни времени, ни энергии искать возможности заработать денег. Лучше ему прислушаться к своему чувству стратегии, которое и сейчас подсказывало, что попытка добиваться любви приведет только к катастрофе и еще более тяжким страданиям. Лучше ему уступить Джульетту своему юному сопернику, которого, похоже, несколько не тревожит перспектива кормить жену и детей.

Возможно, в этом странном мире, где трубки на костяных ручках изрыгают пламя и смерть, у мужчины совсем другой выбор? Рыцарю следовало бы выяснить секреты, которые скрывает ум десятилетнего ребенка.

– Предположим, ты предложишь Джульетте выйти за тебя замуж. Как ты стал бы ее обеспечивать?

Джеффри мысленно похвалил себя за то, что смог произнести эти слова с напускным безразличием.

Робби мрачно нахмурился, что явно свидетельствовало о сосредоточенном размышлении.

– Возьму землю на освоение – конечно, если к тому времени, когда мне можно будет брать ее в собственность, еще останутся свободные участки.

– А! – посочувствовал ему Джеффри и кивнул, чтобы не выдать собственного невежества. – И через сколько же лет это произойдет?

Продолжая хмуриться, Робби ответил:

– Для этого человеку должен исполниться двадцать один год, а мне сейчас только десять. Если, конечно, я не женюсь раньше – тогда я могу взять участок как глава семьи. Сколько вам лет, Джеффри?

– Почти тридцать. Двадцать девять. Надо полагать, этого достаточно, чтобы тоже получить землю для освоения?

– Еще бы! Если вам уже так много лет, то вы могли бы завтра же получить ваши сто шестьдесят акров. – У мальчика был страшно разочарованный вид, словно он надеялся найти товарища для игр, возраст которого был бы близок к его собственному. – А почему это вы до сих пор не взяли участок?

Можно подумать, у него нашлись бы деньги для того, чтобы купить даже такой маленький участок! Джеффри пожал плечами.

– Пустой кошелек.

– Земля для освоения ничего не стоит. По крайней мере поначалу. Мой па всегда говорит, что хоть Вегетарианское общество по освоению новых земель и украло все его сбережения, он все равно получил один из лучших участков зем-

ли по эту сторону Миссисипи.

Джефффри даже не стал пытаться приглушить недоверчивое хмыканье.

– И что за щедрый благотворитель раздает участки земли мужчинам, вступающим в возраст расцвета сил? Только король может иметь такое богатство, а я что-то не встречал столь щедрых монархов.

– По-моему, у нас короля нет. Мисс Харкинс все время говорит о президентах и всем таком прочем. Кажется, участки нарезает правительство. Помню, па говорил что-то про земельную контору и про агента. – Теперь уже Робби пожал своими худенькими плечами, как бы извиняясь. – Я мало что про это знаю.

– А кто может про это знать?

Джефффри едва узнал собственный голос, таким он стал хриплым и отчаянным. Сто шестьдесят акров, к которым он только что отнесся с таким презрением, вдруг показались ему больше целого герцогства.

– Да все вокруг знают. Все жители Брода Уолберн взяли участки. – Робби хитровато улыбнулся Джефффри. – Мисс Джей наверняка знает об этом все. Ее муж тут первым обосновался. Жаль, что вы пообещали пойти на пикник с мисс Харкинс: надо было сначала порасспросить мисс Джей о том, как брать участки.

– А как бы еще я мог узнать нужные мне сведения о подходящих горных хребтах? Джульетта отказалась мне о них

рассказывать. – Джефффри хмуро посмотрел на Робби: ему в голову внезапно пришла новая мысль. – Может, Алма рассказывала тебе, где можно найти высокие горы, а ты забыл свой урок, а?

Мальчик почему-то так сильно испугался, что даже побледнел.

– Н-нет! Даю вам слово, мы в школе про горы ничего не учили! Я бы не забыл. Честно-честно, я всегда внимательно слушаю и не забываю уроков. Даю слово.

Парнишка казался таким перепуганным, что Джефффри забеспокоился. Поза Робби напомнила ему забитого щенка, который ежится при звуке голоса жестокого хозяина, даже ничего не натворив: настолько он уверен, что виноват в каком-нибудь пустяке. Собаки, с которыми обращаются хорошо, никогда так не жмутся – это бывает только с теми, которых постоянно и сильно обижают. Джефффри вдруг стало очень грустно, и в нем поднялось желание защитить бедного мальчугана. Он заставил себя говорить мягко.

– Теперь ты понимаешь, почему мне надо пойти на пикник с Алмой?

Однако этот довод, произнесенный вслух, показался ему самому ужасно расчетливым: такое поведение совершенно не годилось в качестве примера для мальчика в возрасте Робби, особенно такого робкого.

– Настоящий рыцарь никогда не отвечает отказом на приглашение дамы. Особенно когда у него хромает лошадь и

время занять больше нечем, – добавил он, и Робби нерешительно кивнул в ответ.

Они пошли дальше. Мысли Джеффри были в полном смятении. Большая часть того, что ему сообщил Робби, оставалась совершенно непонятной, но Джульетта сможет все ему объяснить. Сто шестьдесят акров! Больше чем достаточно для того, чтобы пасти Ариона и целый табун породистых кобыл. Кровь Господня, да он рад был бы отказаться от статуса рыцаря и ковыряться в грязи, зарабатывая себе на жизнь крестьянским трудом, – лишь бы знать, что обрабатываемая им земля принадлежит ему самому. Урожаем со ста шестидесяти акров можно прокормить семью, особенно если это сто шестьдесят акров девственной земли, такой как эта: плодородной, плоской, открытой солнцу.

У него дрожали ноги от желания немедленно броситься в эту земельную контору, о которой сказал ему Робби, и получить участок. Конечно, возраст дает ему на это право, хотя объявлять свою настоящую дату рождения вряд ли разумно.

И тут вдруг Джеффри осенило: эта история про освоение земель похожа на дьявольские козни – хотя, искоса взглянув на Робби, он не заметил ни рогов, ни хвоста, ни копыт. Как иначе мальчик смог бы так ясно угадать неутоленное желание Джеффри и показать ему способ его осуществления – ценой его рыцарской чести? Ведь в этом времени Джеффри не может взять себе землю, спасти Джульетту от печальной судьбы вдовы и начать растить семью – для этого пришлось

бы отказаться от всего того, что он не закончил в том далеком времени, откуда явился.

Его безрадостные мысли прервала Алма. Видимо, решив не дожидаться, пока они с Робби дойдут до ее дома, она мелкими шажками семенила им навстречу, наряженная в совершенно не идущее к ее лицу платье бледно-розового цвета. На руке у нее висела корзинка, и она громко окликала Джефффри.

– Надеюсь, вы хорошо проведете время, Джефффри.

Робби бросил на него неуверенный взгляд и бегом пустился в ту сторону, откуда они пришли – к дому Джульетты. Джефффри страшно хотелось побежать следом за ним, но вместо этого он растянул губы в любезной улыбке и устремил взгляд на приближающуюся Алму.

Алма покажет ему горы – возможно, даже отведет его ко дну Первозданной Пропasti.

Может, даже к лучшему, что его проводником станет не Джульетта, а Алма. Потребовалось бы невероятное усилие воли, чтобы начать подъем, которого требует от него честь, если бы внизу, провожая его взглядом, стояла Джульетта. Джефффри был не уверен, что смог бы начать подъем, зная, что, расставаясь с ней, он обрекает ее на одиночество, которое она, похоже, избрала своей целью. Нет, конечно, смог бы! Десятки... Нет, сотни... Ну если честно, то почти десять женщин плакали, махая ему вслед, а он уезжал, зная, что ему суждена одинокая и безземельная жизнь.

Казалось, мысль об этом с течением времени должна была бы стать менее угнетающей.

Его фальшивая улыбка сделалась еще шире, и Джеффри прогнал все мысли о Джульетте.

Глава 9

Пробираясь по густой траве, доходящей ей до пояса, Джульетта поморщилась, когда, ступив на невидимую кочку, подвернула ногу. Солнце жгло ее голову сквозь ненадежную защиту шляпки. Мимо ее носа пронесся кузнечик; запястья, аккуратно стянутые тесемками, зудели от невидимых тварей, пытавшихся забраться ей в рукава. Не слишком приятная прогулка, если бы она собралась просто пройтись ради удовольствия. Этот неухоженный участок среди прерии принадлежал отсутствующему в данный момент приграничному разбойнику, который заявил на него права только для того, чтобы не дать его освоить честному поселенцу. Это был самый короткий путь от постоянного двора Джульетты до уединенной купы тополей, куда, как известно, Алма собиралась привести Джеффри на пикник.

Джульетта отмахнулась от комара и подумала, что ей, наверное, следовало бы отвесить себе хорошую пощечину. Может, тогда она опомнилась бы.

Что она делает, зачем тащится следом за Джеффри и Алмой с твердым намерением помешать их интимной сценке? «Это я подстрелила кролика».

Но Алма не приготовила еды на троих!

«Она не пригласила меня только потому, что решила, будто я не захочу с ними пойти».

Джеффри завязал свои густые каштановые волосы шнурком на тот случай, если от него потребуются немалые физические усилия!

«Он меня тоже пригласил. Вроде бы как».

А Джульетта отказалась, как отказывалась от множества других предложений и приглашений. У нее есть работа. Раз Джеффри отправился с Алмой, а капитан Чейни уехал по какому-то очередному таинственному делу, она могла бы спокойно готовиться к появлению передового отряда Форт-Скотта.

Так почему же она сейчас не у себя – не печет хлеб и не стелит постели?

За прошедшие годы Джульетта узнала, что одиночество бывает таким же удобным, как старый пуховый матрас: оно окружает человека со всех сторон благословенной тишиной и спокойствием, хранит от обид и боли. Но сейчас наслаждение от одиночества куда-то исчезло. Вместо того чтобы радоваться своей изолированности, она почувствовала, что не в силах больше выносить тишину своего дома, не может сесть за стол и поесть – съеденная наедине с собой пища станет поперек горла и задушит ее!

Боже, как ей сейчас не хватало родителей и Дэниеля, и спокойной доброты и любви, которые царили за их обеденным столом! Почему это появление энергичного и любознательного Джеффри д'Арбанвиля настолько сильно на нее подействовало? На постоялом дворе Джульетты появлялись и

другие мужчины, но ни один из них не пробудил в ней такой тоски по близким.

Конечно, все дело просто в этом: присутствие огромного и громогласного мужчины заставило ее затосковать по близким, которых она так любила. Именно поэтому она сейчас бредет по жесткой и скользкой траве прерии. Как только дойдет до более ровного места, то сразу же повернется и пойдет обратно домой, и устроит себе выговор в своем дневнике – вот что она сделает. Ее решимость укрепитя, если она напишет длинное и подробное напоминание о том, насколько важно справляться с легкомыслием, свойственным ее характеру: оно уже причинило ей множество неприятностей и теперь подбивает на то, чтобы забыть о респектабельности и отправиться с Джефффри искать горы.

Колючая лоза поймала ее за талию, словно хотела остановить. Джульетта сумела вырваться со странным возгласом, подозрительно похожим на рыдание.

Выбираясь из цепкой травы на более ухоженный участок, Джульетта споткнулась. Ее неуклюжее появление спугнуло ворону, которая вспорхнула, возвестив громким карканьем о своем неудовольствии. Птица закружилась над ней иссиня-черным глашатаем, точно указывая местонахождение женщины. Любой человек в окрестности пяти миль теперь разглядывает, как вдова Уолберн стоит посредине прерии и абсолютно ничего не делает. Теперь слишком поздно возвращаться, не извинившись за вторжение. Приклеив на ли-

цо ослепительную улыбку, Джульетта направилась к парочке, устроившейся среди тополей, с таким видом, словно не сомневалась, что они рады будут ее появлению.

Джефффри, растянувшийся на нелепом розовом одеяле, уставился на нее в полном изумлении. При приближении Джульетты он встал на ноги с такой мощной грацией, что ей захотелось остановиться и полюбоваться его движениями – и, к собственному ужасу, она заметила, что именно это и делает!

Лицо Алмы покрылось тусклыми багровыми пятнами, ужасно не сочетавшимися с ее розовым платьем, розовой шляпкой и розовым одеялом.

– Джульетта!

Мелодичный говор Джефффри немного успокоил ее расхолодившиеся нервы. Джульетта почему-то подумала, что проживи она шестьсот лет, ей и то не наскучит взгляд его глаз, когда он наклоняет к ней голову. В ту же секунду ее решимость сразу вернуться домой и отругать себя в дневнике увяла, словно нежные стебли гороха в июльскую засуху.

– Мисс Джей!

Приветствие Алмы прозвучало нескрываемо резко.

Джефффри взял Джульетту под локоть и провел к одеялу с аристократической любезностью, подобающей настоящему рыцарю, каковым он себя и объявлял.

Джульетта решила, что именно это так сильно влечет ее к этому человеку. Ему достаточно было только прикоснуть-

ся к ней или произнести ее имя, и обычный пикник приобрел черты средневекового пиршества. В присутствии Джеффри все начинало казаться более ярким и впечатляющим, способным наполнить блаженством душу, которая слишком долго была отдана во власть скуки и сурового долга. О Господи, до чего это было приятно!

Усевшись, Джульетта обнаружила, что не может встретиться ни с нарочито-равнодушным взглядом Джеффри, ни с открыто враждебным – Алмы. Она сосредоточилась на угощении, красиво расставленном по одеялу, и почувствовала, как тупое отчаяние снова возвращается на место. Прекрасно зажаренный кролик. Два вареных яйца. Свежесорванная редиска и фасоль. Маленькая чашка вишен. За столь короткое время Алме удалось приготовить славный пикник, особенно если учесть ее положение жилицы в доме вегетарианцев – родителей ее ученика.

Джульетта поймала себя на том, что смотрит на эти два яйца, так уютно устроившихся рядышком и ожидающих, чтобы их очистили. Два яйца, две тарелки, две вилки и два ножа. Алма и Джеффри напряженно молчат, словно пара коршунов, собирающихся броситься на врага, подобравшегося к их гнезду. Всего по два – а вдова Уолберн тут третья.

Ей не следовало приходить.

Она собрала рукой юбку и начала приподниматься, произнося какое-то невнятное извинение, когда Алма бросила быстрый взгляд на Джеффри и, убедившись в том, что он на

нее не смотрит, скорчила страшную гримасу, показала Джульетте язык и замахала руками, словно прогоняя курицу.

Изумленно охнув, Джульетта невольно уселась обратно. Ею овладели изумление и неожиданное ребяческое желание ответить Алме не менее невежливыми жестами, каковой порыв она смогла подавить только с великим трудом. Чтобы скрыть свое волнение, она сорвала к головы шляпку и принялась ею обмахиваться, не обращая внимания на то, что поспешно сколотые в пучок волосы при этом распустились. Ее возмущение росло с каждым новым взмахом. Оскорбление навело Джульетту на мысль, что она поступила правильно, придя сюда следом за Джеффри. Она вызывающе взяла кусок жареного кролика и впилась в него зубами, невозмутимо встретив негодующий взгляд Алмы. Дело, конечно, было просто в том, что Джеффри явно нуждается в ее защите: нельзя, чтобы его и без того грубые манеры еще больше испортились из-за невежливого поведения Алмы.

Однако похоже было, что в эту минуту Джеффри совершенно не нуждается ни в какой защите. Он снова устроился на одеяле, приподняв свое сильное тело на локте, и завороченно уставился на развевающиеся волосы Джульетты. В эту минуту он больше всего походил на гладкого леопарда, готовящегося к прыжку.

– Проголодались, мисс Джей? – с обманчивой любезностью осведомилась Алма. – О, я бы захватила у Бекки Уилкоккс побольше продуктов, если бы знала, что вы собираетесь

к нам присоединиться. Не стесняйтесь, ешьте мою долю. Я знаю, как вы любите поесть.

Не успела Джульетта отреагировать на слова, которые явно следовало считать оскорбительными, как в разговор вмешался Джеффри.

– Поесть! Это времяпрепровождение я тоже очень люблю. – Неожиданно бесшумно и легко для своей атлетической комплекции он придвинулся ближе к Джульетте, осмотрел разложенную еду и выбрал кусок кролика. – Надо думать, тут хватит на троих, Алма, особенно если учесть, что Джульетта подала такой великолепный завтрак сегодня утром.

И кто тут кого защищает? Джульетта почувствовала, как ее лицо заливают волна жара. Она не сомневалась, что замечание Джеффри должно было служить комплиментом, хоть он и не стал ей улыбаться или заговорщически подмигивать. Скорее он старался вообще на нее не смотреть.

– Вам не следовало приходиться, мисс Джей. Вы даже не представляете себе, как вы помешали.

Яростный шепот Алмы сопровождался наполовину испуганным, наполовину возмущенным взглядом.

– У вас нет причин для ревности, Алма, – тоже шепотом ответила Джульетта. – В этом плане он меня не интересует.

Тут Джеффри негромко засмеялся, так что Джульетте захотелось провалиться сквозь землю.

– К ревности? Это кто ревнует? – негодуяще спросила Алма в полный голос, и на щеках у нее загорелись красные

пятна. – Если из-за вас у половины солдат Форт-Скотта дыхание перехватывает, это еще не значит, что я должна ревновать.

– Вовсе у них не перехватывает... – начала было Джульетта.

– Всем солдатам порой бывает трудно дышать, – прервал ее Джеффри. – Эта профессия часто заставляет задыхаться, особенно когда приходится надевать полные доспехи.

Обе женщины с возмущением посмотрели на него, что несколько его не смутило: он не сомневался в том, что сила рыцарственной логики заставит их замолчать. Ох уж эти женщины и их перепалки! Кровь Господня, в этом за шестьсот лет ничего не изменилось.

Стоит только рыцарю обратить на какую-нибудь девицу хоть немного внимания – и она моментально пытается заявить на него свои права, щетинится и огрызается на всех остальных, кто осмеливается к нему приблизиться. Если он позволит Алме продолжать ее неуместную атаку на Джульетту, обе женщины наделят его молчание самым глубоким смыслом, а его интересуют только сведения о горных хребтах!

Лучше ему сразу расставить все по местам, иначе розовая Алма будет цепляться за него словно репей, стоит ему только выйти за дверь. От одной лишь мысли об этом его в дрожь бросило. Хотя если представить себе, что за него будет цепляться Джульетта... Нет, об этом лучше даже не думать!

– Может, мы могли бы сейчас обследовать горы? – сказал он, решив направить разговор в интересующем его направлении.

– Джеффри, я же говорила вам, что в этой части Канзаса никаких гор нет! – запротестовала Джульетта.

– Ни единой, – согласно кивнула головой Алма. Опустив глаза, она вдруг кинула на него кокетливый, но одновременно недоверчивый взгляд. – То есть настоящих гор тут нет. Так почему бы вам не объяснить нам, почему вы на самом деле здесь оказались, Джеффри?

Джеффри от досады даже зубами заскрипел. Разве Алма не пообещала ему сведений о горах, которые ему так необходимы? А теперь она мнетя, мило его поддразнивает... Словно поддельные горы могут его удовлетворить! Если он расскажет этим женщинам об очень даже настоящей пропасти, сквозь которую он пролетел, чтобы оказаться здесь, то эти недоумевающие и полусочувственные взгляды исчезнут – если, конечно, они не начнут от души над ним хохотать.

Пытаясь разобраться в своих мыслях, он вдруг услышал, что вдали зазвучал низкий рокот. Вскоре подозрительные раскаты превратились в отчаянный топот быстро несущихся лошадей. Шум раздавался над прерией все громче, а уже в следующую секунду послышались выстрелы и пронзительные крики испуганных женщин и детей.

Инстинкт воина заставил его вскочить на ноги еще до того, как Джульетта вскрикнула:

– Приграничные разбойники!

– О Боже, Бин и Джозайя не ошиблись насчет него! Вы меня в заложницы не захватите, Джефффри д'Арбанвиль!

Не успел Джефффри пошевелиться, как Алма закатила ему звучную оплеуху, оглушительно завопила, подобрала пухленькими пальцами подол платья и кинулась бежать.

Вероятно, к горам, которые она обещала показать Джефффри. И надо же ей было выбрать для этого такой момент, когда ничто на свете не могло заставить его последовать за нею! Оставить Джульетту, застывшую рядом, было невыносимо.

Пусть черти заберут эту Алму и ее незаслуженную оплеуху, и ее пучеглазый страх при мысли о том, что она может оказаться заложницей! Джефффри вскинул голову и втянул в себя побольше воздуха, как это делал Арион, проверяя ветры битвы. Он ощутил едва заметный запах тлеющей соломы и намек на едкую вонь, которая окружила его в тот момент, когда Джульетта стреляла из револьвера-«кольта». Запах разрушений, которые творят негодяи, радующиеся всемогуществу зла и не опасующиеся возмездия.

Джефффри заново проклял беззаботного лорда, который оставил Брод Уолберна таким незащищенным. Интересно, донесутся ли до палат этого недостойного владетеля шум и вонь, и не пробудят ли они в нем хоть какую-то долю ответственности, чтобы он успел спасти крошечное поселение от полного опустошения? Теперь Джефффри по-новому оценил постоянные усилия короля Эдуарда, пытавшегося прекра-

тить приграничные конфликты на своей территории. Если бы Брод Уолберна принадлежал Джеффри д'Арбанвилю, ни один приграничный разбойник не осмелился бы нарушить его границы.

Эта мысль налетела на него настолько неожиданно, что он чуть не покачнулся под ее напором. У Джеффри сильнее забилось сердце в предвкушении боя. Тело его затосковало по доспехам, рука – по тяжести боевого щита.

– Джульетта! Возможно, для этого я сюда и послан... Энгус Ок просто переместил меня к другому приграничному конфликту! Он не Истинный и Единый Бог, так что неудивительно, что он сделал ошибку. Однако раз уж я оказался здесь, а ваш сюзерен не счел нужным послать своих рыцарей, чтобы они уничтожили этих недостойных бандитов, я возьмусь за мой меч и подниму его за ваше дело.

Произнесенная Джеффри клятва мгновенно позволила ему взглянуть на вещи по-иному. Да, именно поэтому он сюда и заброшен! Кельтское божество то ли по ошибке, то ли из озорства вытолкнуло его в будущее, чтобы он помог Джульетте изгнать этих разбойников. Вот почему он здесь, а не в гуще приграничного конфликта короля Эдуарда. Внутренняя уверенность Джеффри, сильно пошатнувшаяся с той поры, когда он оказался в будущем, вновь окрепла. В поединке один на один его никто одолеть не сможет – даже перемена времени и места этого не изменит! Ему надо лишь отнять у этих разбойников их револьверы, и можно начинать

их бить. Он больше не будет беспомощно метаться на потеху Джульетте. Демонстрация его внушительных боевых талантов убедит ее в подлинности его рыцарства. Может быть даже – смеет ли он надеяться? – после его победного возвращения она бросится в его объятия, переполненная благодарностью.

Позволив себе несколько мгновений поразмышлять о том, как Джульетта примет его защиту, он посмотрел в ее сторону. И мгновенно растерял свой боевой пыл.

Она показалась ему необыкновенно нежной, слишком хрупкой даже для той массы волос, которая упала ей на плечи. Ее тронутая солнцем кожа побледнела, как мрамор: на ней не осталось и следа румянца. Глаза Джульетты сияли, как чистой воды сапфиры – они были подернуты непролившимися слезами. Она прижимала дрожащие руки к своей тонкой талии, и вся ее поза говорила о том, каких усилий стоит ей удержать их на месте.

– Не надо вступать в бой, Джеффри, – прошептала она.

Ее полная муки мольба парализовала рыцаря, и он застыл неподвижно, несмотря на то что от Брода Уолберна продолжали доноситься звуки погрома.

– Но ведь это вашему дому грозит опасность, Джульетта!

Ее отношение изумило Джеффри и, сказать по правде, заставило на время забыть о желании убедить ее в своем рыцарском бесстрашии. Джульетте следовало бы криком гнать его вперед, требовать, чтобы ради нее он убил хотя бы одно-

го из разбойников.

– Солдаты утверждают, что разбойники не причинят никому вреда, если им не оказывать сопротивления. Их настоящая цель – крупные города, вроде Лоренса. – Она положила руку ему на плечо так легко, что не удержала бы и мотылька. И тем не менее рука этой женщины остановила его успешнее, чем вбитый в землю кол. – Не обращайтесь на них внимания, Джеффри. Они сожгут стог сена, может быть, угонят нескольких коров – и только.

– И только? – Он едва смог выдать эти слова из перехваченного изумлением горла. Как это похоже на женщину – решить, что уничтожение заготовленного мужчиной корма для скота и кража животных не заслуживают должного наказания! И до чего это в духе его судьбы – дать ему возможность произвести на Джульетту впечатление только для того, чтобы она отмахнулась от уничтожения своей деревни, как чересчур снисходительная мать отмахивается от шалостей соседского ребенка. – Джульетта, если бы король Эдуард не обращал внимания на то, что приграничные лорды восстают против него, вся Англия распалась бы на части.

– Именно этого добиваются разбойники, Джеффри. Они хотят, чтобы Канзас присоединился к конфедерации рабовладельческих штатов, укрепив их сторону. Они говорят, что скоро должна начаться война и эта страна распадется: брат восстанет на брата. Если у нас здесь начнется настоящая война, то она может спровоцировать всех остальных. Наша

единственная надежда – свести кровопролитие к минимуму.

Кровь Господня, до чего неприятное положение дел! Ни один достойный своего звания рыцарь не мог бы позволить разбойникам беспрепятственно грабить дом своей дамы – но как достойный своего звания рыцарь может поступить иначе, если эта самая дама цепляется за его руку и молит не вынимать меча из ножен? Досада на собственное бессилие заставила его сдавленно хмыкнуть, соглашаясь с ней.

– Джеффри?

Джувьетта робко окликнула его по имени. Возвышавшийся рядом с ней мужчина в чем-то вдруг изменился: она и сама не могла бы сказать, что именно произошло, но теперь он казался по-настоящему высоким и грозным. Она и раньше ощущала в нем огромную, хотя и хорошо контролируемую силу, – теперь же эта сила словно исходила от него мощными невидимыми волнами. Любознательный, немного сбитый с толку и довольно милый постоялец исчез. Теперь он высился перед Джувьеттой настоящей твердыней мужественной уверенности, грозившей сокрушить все, к чему прикоснется.

Он стал рыцарем, готовым поднять меч ради своей дамы.

Благоразумная женщина отреагировала бы на это просто – постаравшись сбежать от такого человека подальше. И действительно, внутренний голос Джувьетты отчаянно побуждал ее немедленно последовать примеру Алмы. А вместо этого она вдруг уцепилась за руку Джеффри и была совершенно бессильна расстаться с этим немислимым созданием

– как парашютик одуванчика, застрявший в усах грозного тигра.

На секунду Джефффри представился ей в том облачении, в котором они его нашли: в одежде из скрепленных между собой металлических колечек. Она вообразила его сидящим на громадном скакуне, с мечом и щитом. Рыцарь. Представитель сословия воинов, никогда не бывавших на этой земле. И тем не менее Джефффри утверждал, что относится именно к этому разряду людей. И в эту минуту, когда глаза его яростно сощурились, а все тело дрожало от усилия, которым он удерживал себя рядом с ней, чтобы не броситься в битву, она поверила, что каким-то образом это утверждение – правда.

Немыслимо! Джефффри д'Арбанвиль – всего лишь полубезумный нищий актер, очарованный, как все мужчины, магиями приключениями и сражениями. Как он мог вообразить, что сможет противостоять прекрасно вооруженным разбойникам? Он ничем не отличается от ее отца и Дэниеля, да и от самих приграничных разбойников: его не устраивают привычный мир, надежный дом, любовь привлекательной женщины... Но против пуль он так же беззащитен, как и ее покойный супруг!

О Господи, откуда к ней пришли эти мысли? Она не любит Джефффри д'Арбанвиля, ни на секунду не допускает мысли о том, что с ним можно было бы создать надежный семейный очаг. Конечно, нет! Отчаянно скачущий пульс, болезненное томление в самом тайном уголке ее тела – это навер-

няка результат неожиданной опасности, которая их застигла. И только. Она крепче сжала руку Джеффри: чисто рефлексивно и бесполезно. Джульетта давала другим своим мужчинам гораздо большее и все равно не смогла удержать их рядом с собой, вдали от опасности. Скорее они были наказаны за то, что стали объектами ее любви.

Джульетта заставила разжаться свои пальцы, сжимавшие руку Джеффри, но не смогла убрать ладонь – она осталась лежать на его рукаве так невесомо, что он ее не замечал. Из горла Джеффри вырвался еще один сдавленный стон, и он стремительно наклонился, чтобы припасть к ее губам.

Он уже целовал ее – в тот первый вечер. Но тогда в прикосновении Джеффри ощущалось голодное отчаяние человека, ищущего контакт с другим живым существом, словно для того чтобы увериться в собственной реальности. А этот новый поцелуй, властный и уверенный, подтверждал: в этом человеке что-то изменилось.

Или что-то изменилось в ней самой?

Неужели это действительно вдова Уолберн, стойкая и независимая владелица постоянного двора, полная решимости никогда больше не знать греховной страсти, – это она отчаянно вцепилась в плечи мужчины посередине прерии и упивается его поцелуем в тот момент, когда приграничные разбойники жгут и грабят город, который она поклялась пестовать?

– Джульетта, дивная Джульетта, – прошептал Джеффри.

И мысли полной раскаяния вдовы Уолберн мгновенно вылетели из головы Джульетты.

Он заставил ее выгнуться назад и тесно прижал к себе, а его язык и губы превратили поцелуй в сладкое мучение. Она ощущала только запах его тела, который прогнал дым пожара, устроенного разбойниками. Ее сердце отчаянно колотилось в такт мощным ударам его сердца, и за этим биением не слышно стало других звуков. Но этого было недостаточно: Джульетта запуталась своими тонкими пальцами в роскошных волосах Джеффри, наслаждаясь тем, как напрягается и наливается страстью его тело.

Он заставил ее покинуть землю – совершенно буквально, подхватив на руки с невероятной легкостью, словно пушинку или снежинку, и прижал ее к себе так нежно, что она чуть не растаяла. Одним движением ноги он отпихнул всю тщательно приготовленную Алмой еду и уложил Джульетту на розовое одеяло. Хотя он и уперся локтями в землю, большая часть его веса пришлась на Джульетту, и с каким-то отстраненным удивлением она заметила, что приподнимается к нему навстречу, словно жаждет ощутить его еще сильнее.

– Ах, Джеффри! – прошептала она, когда он прервал поцелуй, чтобы нежно прикоснуться к ее подбородку и скользнуть по ставшей вдруг мучительно чувствительной коже шеи.

Он пробормотал что-то рядом с ее ухом – что-то напевно-ритмичное. Глуховатые слова породили в глубине ее тела

сладкую дрожь, и когда она невольно затрепетала, он властно провел рукой от ее плеча до колена.

– **Vous êtes un ange descendu sur terre.**

– Что... что вы говорите?

От его поцелуя и прикосновения у Джульетты перехватило дыхание.

В негромком смехе Джеффри прозвучало скорее мужское торжество, нежели веселье. При этом он не оторвал губ от ее шеи, так что его горячее дыхание коснулось ее кожи, и чувственное дуновение заставило ее снова задрожать.

– Простите, что я вас смутил. Я обратился к вам по-французски. Ведь это же мой родной язык, Джульетта, и признаюсь, что попытка переводить мои мысли на ваш вариант английского сейчас меня мало привлекает.

– Но что это было? Что вы сказали?

Она смотрела на него, и в ее дивных глазах цвета небесной лазури отразилась буря страсти. Ее пристальный взгляд заставил Джеффри опомниться.

«Вы ангел, сошедший на землю», – сказал он женщине, которая смущает его с поистине дьявольской хитростью.

Кровь Господня, разве он только что с мукой не напоминал себе, что никогда не сможет сделать эту женщину своей? Разве он всего какой-то час назад не отправился на пикник с другой, поставив себе целью найти горы, которые уведут его далеко от этого времени, этого места... этой женщины? А приграничные разбойники... Видимо, им овладело боевое

безумие. Он и прежде знал о таком состоянии, когда опасности и разрушения делают самые низкие человеческие инстинкты практически непреодолимыми, словно для того чтобы утвердить жизнь перед лицом смерти. Иначе никак нельзя объяснить то, что он повернулся спиной к разрушениям ради того, чтобы ласкать девицу, овладеть которой он не смеет.

– Джеффри?

Его внезапная неподвижность, видимо, послужила Джульетте знаком того, что произошло что-то нехорошее: на ее лице отразилась настороженность. Рыцарю мучительно хотелось прижать ее к расстеленному Алмой одеялу для пикника, поцелуями прогнать ее смятение, увидеть, как прикрылись веки, услышать дрожащий вздох, почувствовать, как от его прикосновения трепещет ее хрупкое тело. Она – его ангел, пришедший на землю через шестьсот лет после того, как обычная женщина должна была бы завоевать его сердце.

Такого не может быть. Не может быть никогда.

– Джульетта, мне... – Ему пришлось отвести взгляд, иначе ему не хватило бы решимости продолжить. – Мне очень жаль. Я вел себя неподобающим для рыцаря образом.

Казалось, она перестала дышать. Кожа ее сначала мраморно побелела, а потом вспыхнула от смущения.

– Что мы наделали? О Боже! Отпустите меня... О... Отодвиньтесь от меня, Джеффри.

Ему достаточно было бы только немного переместить

свой вес, чтобы освободить ее, но его тело отказалось выполнять приказ разума. Вместо этого внутри него прозвучал вызывающий шепот: «Только отпусти ее сейчас, когда ей кажется, что ты ее отверг, – и ты будешь всю жизнь об этом жалеть». Однако он должен был ее отпустить! Не замечая его смятения, Джульетта вновь обрела способность дышать, с судорожным всхлипом втянув в себя воздух. Ее ладони легли на плечи Джеффри и попытались его оттолкнуть – безрезультатно. Тогда она сжала кулачки и принялась колотить ими в его грудь. Он с трудом сглотнул, ощущая щемящую боль, которая не имела никакого отношения к ее слабым ударам.

– Рыцарь... Настоящий рыцарь отпустил бы даму, если бы она не хотела его объятий, – прорыдала Джульетта. Ее бесплодные попытки вырваться на свободу заставили ее задохнуться и бессильно обмякнуть.

Ха! Теперь, когда ему меньше всего хотелось бы помнить о своем рыцарстве, она решила об этом напомнить! Даже смертельный враг не смог бы придумать более страшного оскорбления. И как это по-женски: скептически поднимать брови всякий раз, когда он говорит ей правду, а потом кинуть ее ему в лицо в тот момент, когда ей это на руку! Тем не менее Джеффри резко разжал руки, словно они сжимали раскаленный котелок, и перевернулся на бок. Джульетта откатилась от него с ловкостью обученного трюкам акробата и остановилась на таком расстоянии, что он не смог бы дотянуться до нее: так кошечка с напускным равнодушием са-

дится умываться в двух дюймах от того места, до которого может достать посаженный на цепь пес.

– Не могу поверить, что снова... – Тут она резко оборвала свой шепот и покраснела еще сильнее. – Вам не следовало целовать меня в такую минуту, Джеффри. Ведь сейчас город подвергся нападению. Вы же знаете, что благополучие нашего города – это самое важное, что есть в моей жизни.

Ему вообще не следовало ее целовать, но сейчас было не время говорить такое. Как и рыцарю напоминать даме о том, что это она запретила ему вступить в схватку, чтобы спасти город, который, если верить ее словам, так много для нее значит. А схватка оказалась удивительно тихой: теперь, когда Джеффри снова пришел в себя, он обратил внимание на явное отсутствие шума, который обычно характерен для боя. Бросив взгляд в сторону Брода Уолберн, он убедился, что приграничные разбойники кончили развлекаться и исчезли.

– Джульетта, я еще отомщу за вас. – Джеффри шагнул к ней ближе. Он провел большим пальцем по ее щеке и поднял его, демонстрируя женщине ее слезы: он был не уверен в том, что Джульетта заметила, что плачет. – Ваш город в безопасности. У вас нет причин плакать.

– Я не плачу, – ответила она вопреки очевидности. – Я... у меня просто глаза заслезились от дыма.

– Тогда ободритесь: дым быстро рассеется. То, что вы недавно сказали, правда. Похоже, эти разбойники удовлетворились тем, что подожгли один только стог сена. Они сбе-

жали, как трусливые псы, какими и являются. – Он на секунду устремил взгляд вдаль, бесполезно сжимая руку на том месте, где должен был бы висеть его меч. – Но, кажется, кто-то нас ищет.

С той стороны, куда убежала Алма, к ним приближалась небольшая группа верховых мужчин под предводительством какого-то черноволосого духа, словно только что сбросившего свои оковы. Мужчины за его спиной держались явно повоенному, хотя под их одинаковыми широкополыми шляпами и темно-синими одеждами не видно было и следа кольчуг. Изображенные на их рукавах гербы были совершенно лишены привычных опознавательных знаков – только золотисто-желтые полосы и загогулины вокруг пары перекрещенных револьверов.

– У вас все о'кей, мисс Джей? – громко окликнул ее худой, как плеть, предводитель, когда группа остановилась. – А где мисс Алма?

– Со мной все в порядке, Бин. А Алма убежала обратно к Уилкоксам. Никто не ранен?

– Не-а. К счастью для нас, лейтенант Джордан приехал со своими людьми на день раньше. Сам президент хочет получить немедленный отчет о безобразиях, творящихся вокруг Форт-Скотта. Солдаты дьявольски спешили, чтобы привезти из Бостона какого-то профессора: он должен посмотреть на все сам и доложить президенту по-ученому. Они подъехали как раз тогда, когда разбойники начали нападение, и

эти жалкие подонки испугались и сбежали.

– Ох, слава Богу, что ничего плохого не случилось, пока я тут...

Румянец страсти на лице Джульетты сменила монашеская бледность. Она молитвенно сжала руки, и тело ее пошатнулось от такого трепетного облегчения, что Джефффри не удивился бы, упави она на колени, чтобы молить небо о прощении за то, что позволила себе забытья в его объятиях. Такое зрелище угасило бы любую, даже самую пылкую страсть, а в нем оно пробудило дикую ярость из-за того, что его свидетелем стал этот Бин.

– Полегче, парень, – сказал один из одетых в синее мужчин, когда Джефффри угрожающе шагнул к поселянину. – Мы просто хотим кое о чем тебя расспросить, пока ты не сбежал.

Вот как – они заподозрили, что он намерен найти горы и выбраться отсюда. А что еще им известно? Джефффри расправил плечи, приняв твердое решение ничего не рассказывать относительно своего перехода по времени, какими бы пытками ни старались эти люди заставить его нарушить молчание.

Но они помогли ему, пустившись на совершенно бессмысленные расспросы.

– Шпионил для приграничных разбойников?

– Кто ваш предводитель?

– Почему ты не вывел из города всех женщин и детей, перед тем как твои друзья начали безобразничать?

Их предположение о том, что рыцарь мог объединиться с такими трусами, как эти приграничные разбойники, никакого ответа не заслуживало. И в то же время в глазах Джульетты зажглось невольное подозрение: она неуверенно шагнула назад и прижала кулак к тем самым губам, которые он так недавно целовал.

Это было невыносимо.

– Прекратите ваши бессмысленные домыслы!

Его требование не стерло презрительной улыбки с тонких губ Бина: если учесть безоружность Джеффри, его угрожающий взгляд был пустой угрозой. Если бы у него на поясе висел его остро отточенный меч, то он мог бы воспользоваться им, чтобы придать своим словам вес.

– Откуда ты явился и почему здесь оказался? – вызывающе спросил у него этот невежа, и Джеффри застыл, осознав, что наконец встретился с опасностью, которой уже давно ожидал в этой местности, с виду лишенной правителя и защиты. Пеший, без меча и щита, он не мог противостоять этим людям.

Похоже было, что сегодня судьба намерена была ставить его перед странными дилеммами. Ну что ж. Та же судьба дала ему объяснение, которое должно было бы удовлетворить этих олухов. Конечно, это объяснение исходило из уст десятилетнего мальчишки, но рыцари, не намеренные легко расстаться с жизнью, очень рано должны были учиться пользоваться любым преимуществом, каков бы ни был его источ-

ник.

– А как вы думаете, зачем я здесь? – вызывающе ответил Джеффри. Прежде чем кто-нибудь успел ответить, он мысленно вознес мольбу Богу, чтобы Робби не ввел его в заблуждение ребяческими фантазиями. – Я ищу участок для освоения и слышал, что лучше здешних земель по эту сторону Миссисипи не найти.

На лицах окружающих мужчин отразилось недовольное согласие, даже у невыносимого Бина, однако выражение лица Джульетты совершенно зачаровало Джеффри. Тело ее обмякло, будто его слова освободили ее от какого-то невысказанного страха, а тонкие черты озарились неуверенной радостью. Это зрелище тронуло его до глубины души: такое выражение ему уже случалось видеть на лицах дам, без памяти влюбленных в своего защитника.

Тело Джеффри содрогнулось от нетерпеливого предвкушения. Робби не солгал: мужчина может получить сто шестьдесят акров земли, которая в конце концов позволит ему взять в жены такую женщину, как Джульетта.

Рыцарь постарался подавить волнение и отвел взгляд от лица Джульетты. Мечты о семейном счастье – для него пока запретное наслаждение. Он поклялся вернуться в свое время и покинуть эти места. А она поклялась остаться вдовой, которая так горюет по погибшему мужу, что весь остаток жизни посвятит воплощению его мечты в реальность.

Джеффри не знал, от кого – от Бога или дьявола – ждать

ему наказания за то, что в эту минуту ему захотелось превратить в прах и честь, и долг.

Глава 10

– Так вот они какие, американские солдаты тысяча восемьсот пятьдесят девятого года!

В конюшне, где свидетелем его был один Арион, Джефффри высказал вслух свое презрение.

– Мягкобрюхие ленивцы! – Он опытной рукой провел по больной ноге коня и слегка повеселел, ощутив, что опухоль немного уменьшилась. – Небрежно одетые и с отвратительными привычками: подобно верблюдам выхаркивают слюну отвратительного цвета и запаха.

Арион потрянул головой – видимо, его, как и Джефффри, возмутило подобное.

– А тот, которого зовут лейтенантом Джорданом, осмелился пригласить Джульетту сесть верхом на его коня впереди него! – Тут Арион издал изумленное фырканье. – Она, конечно, отказалась, как и подобает настоящей даме, и вернулась сюда пешком вместе со мной, в окружении отряда солдат. Если бы у меня было хоть малейшее желание скрыться, эти воины-ротозеи не успели бы вовремя опомниться и остановить меня.

Арион негромко заржал, выражая свое конское согласие.

Джефффри ласково похлопал своего боевого коня и привязал к его узде веревку. Арион, всегда бывший его верным товарищем, сейчас стал ему вдвойне близок: Джульетта бы-

ла чересчур поглощена приготовлениями к обеду и ночлегу солдат, которые имели нахальство приехать на день раньше срока. Они утверждали, что их заставило поспешить желание президента получить доклад от толстого краснолицего человека по имени Профессор Берне, который прибыл из бостонской земли.

Честно говоря, Джеффри должен был бы признать, что ему тоже случалось приезжать безо всякого предупреждения, и не раз – нынешняя ситуация тому пример! – и тем не менее он не склонен был извинять солдат за то, что те нарушили заранее установленные сроки.

Сказать по правде, ему не давали покоя слова Алмы о том, что у солдат из-за Джульетты дыхание перехватывает. Да он скорее нанижет их всех до единого на свой меч, чем отнесется к ним снисходительно.

В дальнем углу сарая раздалось какое-то шуршание: слишком громкое, чтобы принять его за мышинное, но слишком тихое, чтобы его могли производить более серьезные пришельцы, солдаты.

– Юный Робби? – осведомился Джеффри, не оборачиваясь. Он вовремя вспомнил, насколько парнишке нравится околачиваться в конюшне.

– Вы и правда возьмете участок земли, Джеффри?

Мальчишка робко выбрался из темноты.

На самом деле Джеффри собирался тайком выбраться отсюда посредине ночи. Так он сможет уйти от недоверчивых

солдат и оставить позади Джульетту и то смятение, которое она породила в его прежде столь дисциплинированном уме. Но мальчику об этом сообщать не следовало.

– Я не имел намерения заявлять права на землю, но похоже, что мне придется это сделать. И я твой должник за то, что ты вооружил меня нужными для этого знаниями. Молодец, мальчик.

Эти слова были встречены изумлением а потом загорелая мордашка Робби расплылась в такой ослепительной улыбке, что можно было подумать, будто он прежде никогда не слышал похвал. Джеффри почему-то пожалел, что не облек свой комплимент в более пышные слова.

– Ариону было бы полезно немного пройтись. Не хочешь вывести его в загон?

Джеффри вручил привязанную к узде веревку Робби, который радостно за нее ухватился.

– Я позабочусь, чтобы при мне с ним ничего плохого не случилось, – заявил парнишка, раздуваясь от гордости и довольно неуклюже намекая на то, что в хромоте Ариона виноват Джеффри. Что на самом деле было правдой: ему надо было прислушаться к предостережениям Джульетты относительно того, как его конь отреагирует на первый услышанный им выстрел из огнестрельного оружия. Довольно смело для мальчугана – обвинить в этом его, рыцаря! Стараясь справиться с улыбкой, грозившей изогнуть его губы, Джеффри пошел следом за хрупким мальчиком, ведущим на поводу

массивного боевого скакуна.

Хотя, похоже, мальчик и конь получали удовольствие от прогулки, понаблюдав за походкой Ариона, Джеффри пал духом. Было ясно видно, что конь медлит и шатается всякий раз, когда ему приходится переносить вес на переднюю ногу. О тайном плане побега можно забыть. Пройдет несколько дней – а может, даже недель, – прежде чем Джеффри решится взвалить на Ариона полный вес седла и конских доспехов, не говоря уже о добавочном грузе в виде собственной облаченной в кольчугу персоны. Пока Арион не выздоровеет, Джеффри прикован к этому времени и месту, как священник к своему приходу. Лучше ему оставаться и целомудренным, как священник: это поможет не только спасти свою душу, но и сохранить здравый смысл.

Можно было подумать, что его мысли и непокорные желания обладают колдовскими свойствами: к загородке загона подошла Джульетта. Джеффри приготовился к новому искушению.

– Ближайшая земельная контора находится в Форт-Скотте. Лейтенант Джордан и его отряд сопровождают туда профессора Бернса и выезжают завтра рано утром. Они сказали, что хотят, чтобы вы поехали с ними подать заявку на участок.

Так. Значит, ему не удалось полностью рассеять подозрения, которые он вызвал. Похоже, что для подтверждения справедливости собственных объяснений Джеффри понево-

ле придется заняться этой заявкой на участок. Мысль о том, чтобы стать владельцем земли, прежде неизменно наполнявшая его неутолимой тоской, в данной ситуации была ему неприятна.

– А если я откажусь ехать с ними, то горожане подумают про меня самое плохое?

– Нет, дело не в этом, – поспешно возразила Джульетта, но щеки ее покраснели, опровергая уверения. – В наших местах ездить одному довольно опасно: кругом бродят приграничные разбойники и индейцы. Большинство народа предпочитает передвигаться в сопровождении военных отрядов, если такая возможность имеется.

Он кивнул, соглашаясь с разумностью ее слов, но указал на хромающего Ариона:

– Тем не менее совершенно очевидно, что я пока что остался без коня. Сейчас я не могу рисковать ногой Ариона.

– Вы довольно сильно привязаны к Ариону, правда?

– Привязан? Чувство, которое рыцарь питает к своему скакуну, гораздо глубже, чем простая привязанность!

Джеффри сомневался, сможет ли он толком объяснить то, о чем редко говорили люди его звания – даже между собой.

– Между рыцарем и хорошим конем иногда возникает необыкновенная мысленная связь. Ни один человек, даже самый близкий друг, не будет готов без колебаний' снова и снова рисковать ради вас своим здоровьем и жизнью. Никакой знакомый не может обладать столь острыми чувствами,

чтобы рядом с ним можно было спокойно заснуть, зная, что в случае приближения опасности он разбудит вас вовремя и вы сможете спасти свою шкуру. Никакой друг не станет отдавать все свои силы – и все равно охотно уносить усталого седока от опасности, пусть его собственные колени подгибаются, а отважное сердце готово разорваться от невероятных усилий. А ведь конь рыцаря ничего не просит взамен: разве что в зимние холода – редкого ночлега в теплой конюшне, да время от времени – мерки овса.

Джульетта все равно считает Джеффри сумасшедшим глупцом, так что ему не страшно признаться в истинной глубине своих чувств по отношению к боевому коню.

– Джульетта, мое собственное тело болит от каждого удара, который достается Ариону. И пусть из-за его хромоты я вынужден отложить осуществление собственных планов, не от досады сжимается мое сердце, а от боли – когда я смотрю, как он ковыляет по загону.

Джеффри посмотрел на нее и судорожно вздохнул. Даже если он проживет еще полтысячи лет, все равно не научится понимать женщин. Слова, которые должны были бы охарактеризовать его как сентиментального олуха, вызвали на лице Джульетты трепетно-нежную улыбку. Она сморгнула с глаз подозрительную влагу и ласково прикоснулась к его плечу, словно он угодил ей своим признанием.

– Мало кому выпадает удача владеть таким конем, как Арион, – заключил он.

– Солдаты купили у Бина Тайлера несколько запасных лошадей. Я уверена, что они разрешат вам ехать в Форт-Скотт на одной из них. А пока вас не будет, я обещаю хорошо заботиться об Арионе.

Бин Тайлер – свидетель того унижения, которое он испытал, когда Джульетта от него отвернулась! Принимая во внимание его неестественную худобу, Джеффри усомнился в том, что у этого человека хватает денег даже на то, чтобы отправлять себе в глотку достаточно еды.

– Как может такой человек хвастаться множеством лошадей? – саркастически осведомился Джеффри.

– О, самых крупных он выменивает у индейцев, а пару раз в год отправляется в Техас, чтобы отловить побольше диких.

Джеффри искоса посмотрел на Джульетту, проверяя, не шутит ли она. Казалось невероятным, чтобы лошади скакали тут на свободе, так чтобы их мог поймать любой. Ведь король наверняка... ах нет, Робби упоминал о президенте (странное название правителя!)... будет столь же скуп на лошадей, сколь скуп король Эдуард на оленей и фазанов, обитающих в лесах Англии.

И тем не менее Джульетта улыбалась рыцарю, а в ее прекрасных глазах светились правдивость и прямота. Тонюсенькая прядь сверкающих каштановых волос выбилась из ее строгой прически, и пальцы его начали зудеть от неуместного желания вытащить у нее из волос тонкие металлические приспособления, так чтобы роскошная волна снова упала ей

на плечи.

– Необузданные, – проговорил он, имея в виду не только лошадей, но и собственные желания. – И свободные.

– Алма говорит, что это потомки лошадей, оставленных испанцами.

– Ха! – Вот тут он, несомненно, подловил ее на лжи. – Те испанцы, которых я знал, относились к своим лошадям с такой заботой, какую охрана уделяет только первородному сыну короля. Если бы они и бросили каких-то лошадей, то на них нельзя было бы ездить.

– Ну, диким лошадям и индейским пони до Ариона далеко, – признала Джульетта. – Но они очень выносливые и почти никогда не устают.

– Как и Арион, – сказал Джеффри, отказываясь признать превосходство диких американских пород хоть в каком-то отношении. – Я знавал ры... других представителей моего сословия, предпочитавших более тяжелых лошадей, но я нахожу, что хотя они дают небольшое преимущество во время турниров, но слишком легко устают и на протяжении долгих переходов им не хватает выносливости.

Джульетта моргнула и долгое время ничего не отвечала. А потом улыбнулась чудесной улыбкой.

– Мне приходилось проезжать на индейском пони по сорок миль в день.

Она говорила так, словно очень гордилась подобным достижением.

– А я спал сном младенца, пока Арион проносил меня по сто миль в день и даже больше, – отозвался Джеффри, почти не погрешив против истины: сильные ноги Ариона действительно покрывали такие расстояния, но, путешествуя на такой скорости, заснуть не смог бы никто, и даже самому умному коню на расстоянии в сто миль необходимо руководство всадника.

– Ну, мне что-то не верится, что во время езды верхом можно дремать, словно в карете, но я рада, что вы вспомнили из своего прошлого хоть что-то.

Поощренный веселыми искрами, плясавшими в глазах Джульетты, Джеффри решил вспомнить пару своих самых любимых приключений.

– Давайте я расскажу вам кое-что из того, что вспомнил. Был случай, когда мы ушли от громко орущей орды сарацинских воинов, а всем известно, что они славятся своей верховой ездой. А еще король Эдуард поручил двоим из нас порознь доставить известие своему дяде, и я вручил королю ответ прежде, чем мой соперник добрался до королевского дядюшки. Не говоря уже о том, как отважно противостоял Арион Дрого Фицболдрику и, не колеблясь, бросился в Первозданную Пропась...

Ужаснувшись тому, что желание вызвать на лице Джульетты еще одну редкую улыбку заставило его упомянуть о вещах, которые он намеревался держать в тайне, Джеффри растерянно замолчал.

Однако он слишком поздно остановил свой разболтавшийся язык. Выражение нежной радости на лице Джульетты сменилось чем-то похожим на отчаяние. Она протянула к нему руку. Секунду ее тонкие пальцы трепетали над его плечом, а потом она отдернула их и спрятала в складках юбки. Он невыразимо, необъяснимо томился по ее прикосновению, и едва смог справиться с желанием схватить ее за плечи и до хрипоты убеждать в том, что все им сказанное – святая правда. Но будет лучше, если Джульетта по-прежнему станет считать его влюбленным в лошадей сумасшедшим.

Она прерывисто вздохнула и снова вернулась к началу их разговора, словно речи о лошадях, королях и подвигах прошлого вообще не было.

– Вы не успели присмотреть себе хороший участок.

– А его можно выбирать?

– Конечно. Нельзя требовать от человека, чтобы он строил себе дом и пять лет орошал своим потом землю, которая ему не нравится. Именно такой срок необходим, чтобы подтвердить свои права на участок.

Единственное, что хотелось подтвердить Джеффри – это то, что он не имеет никакого отношения к этим сукиным детям, – приграничным разбойникам.

– Мне не важно, какой именно участок я получу. Любой подходит – например, вот этот.

Кивком головы он указал на колеблемую ветром траву, уходившую к горизонту.

– О, этот! – Джульетта печально смотрела на выбранную им для примера землю. – Этот участок забрал человек из Миссури – но он на ней никогда не работал. И не будет.

– Тогда зачем он ее взял?

– Так поступило множество сторонников рабства. Они утверждают, что это дает им право голоса в Канзасе. А еще это уменьшает количество участков, которые могут взять переселенцы, желающие обосноваться на нашей территории. Это не вполне законно, потому что положено, чтобы те, кто подает заявку на землю, в течение пяти лет на ней жили и работали.

– Тогда вашему президенту следует лишить их участков, – сказал Джефффри.

– У президента нет времени лично этим заниматься. Кто-то должен подать прошение о передаче права на участок, но я сомневаюсь, чтобы это было сделано. – В ответ на вопросительный взгляд Джефффри, Джульетта печально улыбнулась. – Требующий передачи участка должен зарегистрировать свое намерение в земельной конторе и в течение пяти лет жить на этом месте, точно так же, как те, кто получает новые участки. И только потом он имеет право требовать слушания о праве собственности. Но если появится первоначальный хозяин и выдвинет свои возражения, то не исключен неприятный и дорогостоящий судебный процесс. Проситель может его проиграть, а это будет означать, что он даром потратил пять лет. В Канзасе столько свободной земли,

что мало кто готов занимать уже разобранные участки.

«Я бы это сделал», – подумал Джеффри, ощутив ее невысказанное желание, чтобы явился рыцарь, который отнял бы этот соседний участок у человека из Миссури. Он бы пошел на такой риск, хотя, получив собственность поблизости от Джульетты, он подверг бы себя невыразимым мукам, устроив себе ад еще при жизни.

– Посмотрите, насколько он хороший! – говорила Джульетта, не замечая его душевного смятения. Заслонившись ладонью от солнца, она перевела взгляд с Робби и Ариона на бесконечные акры усеянной цветами степи. – Большинство жителей города имеют участки дальше, в прерии. Но Дэниель был первым поселенцем города и выбрал себе самую хорошую землю. Вся земля от моего постоянного двора вон до того ручья принадлежит нам – теперь, наверное, мне одной. За те годы, что я здесь живу, ручей ни разу не пересыхал. Именно по этому ручью и назван Брод Уолберна – и по нему проходит граница между моей землей и тем участком, о котором я говорю.

Джеффри с силой сжал руками верхнюю перекладину изгороди, с благодарностью принимая боль от вонзившихся в ладони заноз – он был бы рад чему угодно, что отвлекло бы его от мысли о том, что его опутывают чарами. Красивая женщина, владелица хорошо орошаемой земли, хладнокровно говорит о том, что соседний с нею участок свободен! В его время мужчины пускались бы на всевозможные ухищрения,

чтобы взять в жены ту, чьи владения так кстати увеличили бы ценность их собственных. И даже после самых усердных поисков мало кому удавалось найти такую жену, которая обладала бы в придачу грацией, живостью и миловидностью Джульетты. Будь он мужчиной этого времени, как бы радовался он возможности стать ближайшим соседом Джульетты!

Будь он мужчиной этого времени... Но он должен вернуться обратно. И он больше не станет сетовать на несправедливость судьбы, не станет мечтать о том, чтобы все обстояло иначе. По правде говоря, это не имеет никакого значения. Если бы он прожил свою жизнь в соответствии с правилами, то тем более не смог бы заявить своих прав на принадлежащую этому времени Джульетту.

Одно он мог сказать в пользу путешествия во времени: оно приучает человека смотреть на вещи философски.

– Я нахожу эту землю непривлекательной, – проговорил он, и когда Джульетта ахнула, словно после удара в солнечное сплетение, Джеффри притворился, что его внимание снова привлёк Арион. – Завтра утром я поеду с солдатами и возьму себе другой участок земли, где-нибудь очень и очень далеко отсюда.

– Наверное, так будет лучше, – почти шепотом произнесла Джульетта. – Они уезжают с рассветом.

А потом она ушла. Ее аромат задержался рядом с Джеффри, и плодородная равнина продолжала колыхаться у него

перед глазами – масса соблазнов для человека, готового забыть о чести и долге.

На следующее утро Джульетта кляла себя за то, что забыла, насколько жители Брода Уолберн истосковались по любого рода развлечениям. Хотя рассвет едва коснулся края неба, немало народа собралось, чтобы наблюдать за отъездом солдат в Форт-Скотт. И кто-нибудь обязательно должен будет поинтересоваться, почему она стоит рядом с оседланным мулом, явно собираясь сопровождать готовящийся отбыть отряд. У нее не было объяснений – ни для них, ни для себя самой. В кои-то веки она рада была видеть, что к ней приближается миссис Эббот. Присутствие этой матроны помешает остальным столпиться вокруг Джульетты и забросать ее вопросами.

Миссис Эббот важно плыла к ней, размахивая пачкой писем.

– Постарайтесь поскорее вернуться, мисс Джей. Вчера солдаты привезли мне новое письмо от Германа. Весь город захочет собраться, чтобы я могла прочитать его вслух.

– Ну конечно же, миссис Эббот! Брод Уолберна любит слушать о последних новостях Военной службы инженеров-топографов.

Джульетта знала, что ее соседи ухватятся за возможность собраться вместе – пусть даже для этого придется выслушивать известия от Германа.

Миссис Эббот зашуршала письмами прямо у Джульетты

под носом, словно одного их запаха было достаточно для того, чтобы она узнала новости, содержащиеся в письме.

– Герман пишет такие интересные вещи – о верблюдах, подумать только! А еще он очень восхищается своим командиром, лейтенантом Айвзом. И еще рассказывает об ужасно интересном лейтенанте Биле, который с помощью этих верблюдов творил чудеса на Диком Западе.

– Верблюды! – мрачно пробормотал Джефффри. – Гадкие, вонючие, плюющиеся твари – очень похожи на некоторых обитателей здешних земель.

Он бросил Джульетте взгляд, который должен был означать: «А я что вам говорил?» – перевел его на солдат, а потом негодуяюще прошествовал к одолженной ему лошади.

– Довольно неприветливый тип, – заметила миссис Эббот, собираясь уйти к себе домой.

Джульетта легко села на своего мула, в который раз мысленно благословив Амелию Блумер за придуманный ею практичный наряд. Любая из ее знакомых женщин могла бы порассказать о том, как испортила платье, когда подол попал в огонь во время готовки на открытом огне или стирки. Благодаря короткой юбке, новое одеяние устранило такую опасность – и к тому же дарило почти пьянящее чувство свободы от возможности сесть в мужское надежное седло, не нарушив при этом правил приличия. Правда, некоторые мужчины все еще ужасались при виде такого наряда.

Джульетта слышала, что на востоке Соединенных Штатов

женщины не приняли нововведения Блумер. Ну и что! Им не надо справляться с трудностями поселенческой жизни, и они не окажутся верхом на муле, намереваясь ехать с отрядом солдат для того, чтобы с неким плохо соображающим что к чему незнакомцем ничего не стряслось. Джульетта стиснула ногами бока мула, на тот случай, если кому-нибудь из людей лейтенанта Джордана придет в голову стащить ее с седла.

Видимо, ее поза убедила всех в том, что упрямства у нее ни меньше, чем у мула, потому что солдаты один за другим устроились в седлах, глядя на женщину с выражением мрачного стоицизма. Все, кроме Джеффри: он с таким восторгом разглядывал прошитые на машинке края уздечки, что не замечал ничего вокруг.

– Мы намерены проделать весь путь за один день, мисс Джей. Это тридцать миль или даже больше. – Лейтенант Джордан ткнул пальцем в сторону Джеффри. – Мы покажем ему, где расположена земельная контора, когда приедем в город.

– Указать будет мало. – В ответ на удивленный взгляд лейтенанта Джульетта вынуждена была объяснить немного подробнее: – Он актер, и о том, как брать участки, ничего не знает. А еще он где-то повредил голову и время от времени начинает путаться.

– Так что вы вынуждены за ним присматривать, пока он не начнет нормально соображать?

– Я... Я бы так не сказала.

Проблема состояла в том, что вдова Уолберн без всяких колебаний сказала бы именно так. Но вся ее душа восставала против того, чтобы назвать Джефффри обузой – хотя она чувствовала, что лучше даже не пытаться понять, в чем причина этого нежелания.

– Мои прошлые путешествия приучили меня к длинным переездам. И у меня есть личные причины для того, чтобы побывать в Форт-Скотте.

Джульетта знала, что эти слова положат конец дальнейшим расспросам: поселенцы славилась своей скрытностью и привыкли уважать право окружающих держать свои личные дела в тайне.

Однако она не смогла бы сказать, в чем заключались эти самые «личные причины», и с течением дня они становились все более и более туманными. Джефффри явно не привлекала мысль о том, чтобы устроиться жить неподалеку от Джульетты. Тогда какое ей дело, если он не сможет правильно подать заявку на участок земли? Земельные агенты обладают некоторой долей власти, и Джульетта не знала, хватит ли этой власти на то, чтобы изгнать или посадить под арест страдающих от потери памяти актеров. Да ей и нет до этого дела – абсолютно никакого дела!

И все же она не жалела о том, что решила присмотреть за Джефффри, даже тогда, когда отвыкшие от долгой езды мышцы начали напоминать ей о себе. Даже тогда, когда прошли часы, а Джефффри так и не сказал ей ни единого слова. Не

то чтобы он вообще был погружен в молчание: он засыпал солдат всевозможными вопросами и просьбами рассказать то обо одном, то о другом.

– Любопытный тип, – заметил профессор Берне, который большую часть пути ехал рядом с Джульеттой.

– Уверена, что в Бостоне таких, как он, нет, – отозвалась Джульетта.

– Ну, я бы так не сказал, миссис Уолберн.

Она внимательно прислушивалась к словам профессора, надеясь, что он сможет помочь ей лучше понять Джеффри. Тот пустился в бесконечные рассуждения о том, насколько разнообразно население Бостона и какое богатство культуры предлагают его университеты. Однако вскоре Джульетте стало совершенно очевидно, что ни один из его знакомых не может считаться таким же... живописным, как Джеффри, и она почти перестала слушать монотонный голос профессора, не замолкавшего еще на протяжении нескольких миль.

Лейтенант Джордан внял заверениям Джульетты в том, что она не боится долгого перехода, и вел свой отряд быстрой рысью и без остановок, так что к ужину они уже въехали в Форт-Скотт. По крайней мере Джульетта решила, что наступило время ужина, поскольку улицы города были непривычно безлюдными. Похоже было, что неожиданная тишина заставила лейтенанта Джордана насторожиться.

– Я отведу профессора Бернса в штаб-квартиру и заодно узнаю, что туг происходит. – Он указал в сторону земельной

конторы. – А вы занимайтесь своими делами.

Джеффри вздохнул, словно ему предстояло неприятное дело.

Радуюсь возможности наконец спешиться, Джульетта в то же время понимала, что когда она попытается перекинуть ногу через седло, все ее усталые мускулы начнут протестовать, а когда она спустится на землю, то боль станет еще сильнее. Она сняла шляпку, заранее морщась. Но не успела она приступить к выполнению трудного маневра, как на ее талии сжались сильные руки, которые сняли ее с седла и медленно поставили на землю, дав время освоиться с вертикальным положением.

Джеффри. Джульетте не нужно было оборачиваться, чтобы его узнать: все ее усталое тело торжествующе запело, ощутив его близость. Ее рыцарь! Он избегал ее целый день – и все-таки первым его движением было помочь ей, позаботиться о ней. Он явно не фантазировал, рассказывая ей, как много времени проводил в седле, поскольку хорошо представлял себе, какие неудобства испытываешь, проехав большое расстояние.

– Алма ошиблась, – сказал он. – Если бы у этих солдат перехватывало из-за вас дыхание, они не предоставили бы мне оказать вам эту приятную услугу.

Он стоял позади Джульетты, и его руки довольно бесцеремонно задержались на ее талии. Джеффри. Она не знала, какое расстояние их разделяет, но остро ощущала жар, ис-

ходивший от его тела и согревавший ей спину. Его дыхание шевелило волосы у нее на макушке, и ей вдруг захотелось привалиться к нему, чтобы насладиться его теплом и запахом мужского сильного тела.

– Сюда, – проговорила Джульетта, силой заставив себя высвободиться, чтобы не дать волю своей страстной натуре. Она немного спотыкалась, ступая по деревянному тротуару, проложенному к земельной конторе, но отшатнулась от Джеффри, когда он предложил ей руку.

Земельный агент встретил их кислым осуждением.

– Вы что, не слышали прокламации капитана Андерсена с требованием, чтобы сегодня все сидели по домам? Эти проклятые приграничные разбойники на прошлой неделе убили двоих, и ходил слух, что они сегодня собирались совершить новое нападение.

– Мы ничего не слышали – мы только что приехали из Брода Уолберна.

Джульетта искоса посмотрела на Джеффри, проверяя, как он воспринял это пугающее известие. Он потягивался, словно его единственной заботой было размять затекшее тело.

Земельный агент нахмурился.

– Ну-ну. Наверное, пришли взять участок? – Джеффри равнодушно кивнул, и начальник конторы энергично вскочил с места. – Ладно. Станьте лицом к флагу, поднимите руку и поклонитесь перед Богом. Вы обещаете говорить правду, всю правду и ничего кроме правды, и да поможет вам

Бог?

– Вы требуете, чтобы я произнес Господню клятву? Джефффри побледнел.

– Просто скажите «обещаю», – прошептал агент, словно боялся, что его подсказку услышит кто-то посторонний.

– Обещаю.

– Можно продолжать?

Земельный агент пристально посмотрел на Джефффри, словно сомневаясь в том, что он понимает происходящее.

– Я не стану обречать свою бессмертную душу вечному проклятию, раз уж дал Господню клятву.

Джульетта изо всех сил зажмурила глаза. У нее упало сердце от уверенности в том, что процедура принесения клятвы каким-то образом примешается к заблуждениям и большим фантазиям Джефффри. Она стала слушать внимательнее – и ей почти сразу же пришлось вмешаться, чтобы подправить «правду» Джефффри.

– Род занятий?

– Я должен сказать правду?

– Я же только что принял вашу клятву, разве не так? Джефффри выпрямился во весь свой внушительный рост и гордо поднял голову.

– Тогда, сэр, я вынужден признаться вам, что я странствующий ры...

– Актер! Странствующий актер! – крикнула Джульетта так громко, что ее слова эхом отдались от каждой стены кон-

торы.

Джефффри кинул на нее обиженный взгляд, но агент кивнул и записал ответ в свою книгу.

– Кровь Господня! – пробормотал Джефффри. По тому, как он скептически и подозрительно смотрел на автоматическую ручку агента, можно было подумать, что он боится, как бы она не превратилась в гремучую змею.

– А что, в Броде Уолберна есть большая потребность в странствующих актерах? – спросил агент, продолжая царапать пером в своей книге.

– Судя по тому, что я видел, там нашлось бы дело и для десяти представителей моего сословия, – ответил Джефффри, отрывая глаза от ручки, чтобы бросить негодующий взгляд на Джульетту.

– Угу... – Агент озабоченно взглянул в окно, а потом снова воззрился на лежащий перед ним документ. – У вас есть свидетельство о рождении, бумага о гражданстве или еще что-то в том же духе?

Джефффри прикоснулся к воротку рубашки:

– У меня есть древний талисман, который вручил мне Эдуард, благородный ко...

Джульетта знала, что у Джефффри нет ничего, кроме этого чертова ржавого амулета, кольчуги и кожаного жилета, который был тогда надет прямо на голое тело. И огромного коня.

– Он... э-э... лишился всего. Плавание было настолько тяжелым, что он даже не помнит, как переплывал через Атлан-

тический океан, – объяснила она агенту.

Сочувственно покачав головой, правительственный чиновник повернул книгу к Джеффри:

– Отметьте номер участка и подпишите свое имя – и можете идти. Не думаю, чтобы в городе нашлись свободные комнаты: даже для вновь прибывших солдат помещений не осталось. Как это похоже на правительство: сначала они продают форт, а спустя два года начинают жалеть, что нельзя забрать его обратно! Если у вас нет знакомых, которые бы вас приняли, вам лучше отправляться туда, откуда вы приехали.

– Номер участка? – переспросил Джеффри, не обращая внимания на все остальное.

– С углового столба.

Офицер раздраженно ткнул пальцем в колонку цифр на странице своего гроссбуха.

– С углового столба? – в полной растерянности повторил Джеффри. – Джульетта?

Она знала маркировку своего участка, а кроме него, еще только одного.

– Я знаю номер того участка, который мы вчера осматривали, Джеффри.

Он пожал плечами, смиряясь с происшедшим, но на лицо его легла тень, и Джульетта поняла, что Джеффри явно не нравится земля по соседству с ее собственной.

И тут она поняла, как сильно ей хотелось, чтобы Джеффри жил рядом, и ей стало больно из-за того, что его это отнюдь

не привлекает. Разбираться в том, почему это причинило ей столь сильную боль, она не решилась.

– Округ Бурбон, один-четыре-семь-три, – поспешно выпалила Джульетта, пока у нее не перехватило горло, подсказав Джеффри координаты затребованного отсутствующим владельцем участка.

– Естественно, я очень умело подписываю свое имя, – объявил Джеффри, с таким самодовольством глядя на нее, что Джульетте показалось, будто он ожидает от нее восторгов по поводу его редкостных способностей.

Она смела надеяться, что когда-нибудь появится мужчина, столь же преданный Броду Уолберна, как она сама, и заявит свои права на этот заброшенный участок, что они смогут объединить свои силы на благо города. И вот она взяла и навязала эту землю человеку, который уже выразил свое пренебрежение и к городу, и к земле и который даже толком не знает, какой сейчас год!

Да ведь стоит ей встать в дверях кухни и посмотреть через свои поля – и она сможет увидеть, как Джеффри работает на поле, примыкающем к ее собственному. И тут она зачем-то нарисовала перед собой картину: Джеффри за работой, облаченный в тесные домотканые штаны и этот его непристойный кожаный жилет, а его мощные усеянные боевыми шрамами руки открыты солнцу...

У нее еще было время заговорить, сказать Джеффри, чтобы он не подписывал... Но она застыла в полной неподвиж-

ности, пока он не указал номера и не поставил размашистой подписи, взвалив на себя участок, который ему чем-то явно не понравился.

О Боже, что она наделала?!

Агент громко хмыкнул, выведя Джульетту из неуместной задумчивости, и повернул книгу к себе, чтобы занести в нее свои собственные таинственные пометки.

– На большинство вопросов я смогу ответить и сам. По вашемуговору заметно, что вы – французик...

– Это не Господня правда. Как я уже пытался вам объяснить, я – подданный доброго короля Англии Эдуарда, – сказал Джефффри.

Джульетта понятия не имела, как зовут короля Англии, и похоже, земельного агента это тоже мало волновало.

– Ну какое, к дьяволу, может иметь значение, добрый он король или злой – вы ведь теперь в другой стране, так? Никто не обращает никакого внимания на сведения о гражданстве в ваших бумагах. А теперь посмотрим, на какой участок вы подали заявку. – Он притянул к себе новую книгу и начал быстро перелистывать страницы. – Гмм... Эта земля была отдана пару лет тому назад некому Элайасу Коутсу из Миссури. Несомненно, он – чертов приграничный разбойник.

– А я понял так, что заявка на землю означает, что вы человек никак не связанный с приграничными разбойниками, – заметил Джефффри.

– Не всегда, сэра, увы, не всегда. Приятно видеть, что сво-

бодный поселенец отнимает землю у бандита. Налаживайте жизнь на этом участке, возвращайтесь сюда через пять лет и подавайте прошение об утверждении ваших прав на землю. – Земельный агент несколько секунд рассматривал Джеффри. – Я бы считал, что мистер приграничный разбойник Коутс на суде не появится.

– Очень жаль, – сказал Джеффри тоном, обещавшим отсутствующему мистеру Коутсу мало хорошего, буде тот осмелится появиться.

– Ну а теперь отправляйтесь-ка вы домой. Вот вам документ на землю. О да, правительство Соединенных Штатов благодарит вас и желает вам всего хорошего.

Агент только что за метлу не взялся, чтобы они поскорее выкатились из конторы. Джульетта услышала, как он опустил задвижку, закрыв за ними дверь.

– Ну вот, – проговорила она, когда они оказались на тихой и пыльной улочке, залитой солнцем. Она толком не знала, что будет дальше. Ее отец за время их переездов получал немало участков земли – а потом с ними расставался, но с каждым новым приобретением было связано некоторое волнение, и событие это обязательно отмечалось в тесном кругу их семьи. Джеффри не выказывал никакой радости по поводу того, что стал землевладельцем – наоборот, выражение его лица было таким мрачным, что никакого празднования не предвиделось.

Стремительное появление лейтенанта Джордана напом-

нило Джульетте, что она тревожится совсем не по тому поводу, по которому следовало бы. Лейтенант резко остановил своего коня у земельной конторы, и по тому, как расслабились его плечи, можно было понять, что он рад их найти.

– Я уже готовился ворваться туда, чтобы вас вызволить, – сказал он. – Мне очень жаль, мисс Джей, но мы ожидаем серьезных неприятностей.

– Знаю. Земельный агент уже сказал.

– Агнес Фаулер говорит, что готова на ночь взять вас к себе, если вы согласитесь на неудобства и разделите кровать с еще одной леди. Д'Арбанвиль, вы можете устроиться у Агги в сарае и переждать, пока мы наведем тут порядок. Профессору Бернсу надо спешить со своим докладом президенту, так что вы двое можете обождать и отправиться обратно с нами – мы будем его сопровождать.

Сидя верхом, лейтенант Джордан был на голову выше Джеффри, но тому все равно удавалось смотреть на армейского офицера сверху вниз.

– Вы можете требовать от такого воина, как я, чтобы я сидел без дела, пока беззащитные горожане находятся в опасности?

Лейтенант Джордан повеселел.

– Вы хотите драться?

– Я бы не говорил этого, если бы это было не так. Я ведь, в конце концов, только что принес клятву.

Лоб лейтенанта Джордана недоумевающе наморщился.

Джульетта испытала острую боль: сама она уже успела прыгнуть к странным словам Джеффри, но как их воспримет человек, который знает его не так хорошо? А в особенности профессиональный солдат, полный решимости подавить беспорядки, – ведь ему неизвестно, что все поступки Джеффри проникнуты благородством и порядочностью.

Но если можно было говорить о том, что нападение приграничных разбойников приходится кстати, то именно на этот раз: лейтенант был настолько озабочен этим, что не стал обращать внимания на непонятные высказывания Джеффри.

– У нас тут сил немало, но, наверное, лишний человек никогда не помешает. Вы ведь владеете огнестрельным оружием?

Джеффри обхватил рукой мнимый револьвер, прищурился поверх воображаемого дула и издал резкий горловой звук. Он безмолвно лгал, не нарушая словами свою драгоценную клятву – как это возможно, чтобы человек, только что бывший потрясающе честным, вдруг оказывался столь изворотливым?

– Из огнестрельного оружия я лучше всего знаю «кольт», – заявил Джеффри, запутываясь еще сильнее.

– Нет, так нельзя! – вскрикнула Джульетта. Оба мужчины, еще вчера относившиеся друг к другу с таким подозрением, единодушно повернулись к ней, став перед лицом опасности братьями по оружию.

О Боже, как это она позволила себе настолько запутаться в странной жизни Джеффри д'Арбанвиля?! Она пустилась в столь дальний путь, чтобы уберечь его от опасности, а вовсе не для того, чтобы смотреть, как он уезжает с незнакомым ему солдатом, чтобы вооружиться револьвером, с которым он еще не умеет обращаться. Он может ненароком убить сам себя. Он может случайно убить или ранить кого-то из окружающих. Он... он же почти беспомощен! Он... он потрясающе внушительный мужчина, подобных которому она в жизни не встречала.

Солнце стояло за спинами мужчин, к ногам Джульетты падали их тени. Они были почти одинаковой длины, хотя лейтенант Джордан сидел верхом на лошади, а Джеффри стоял. И не нужно никаких мерок, чтобы сказать, у кого из них плечи шире, а руки сильнее. Руки, отмеченные шрамами прошлых боев, руки воина... Эти руки могли с бесконечной нежностью обнимать женщину – и в то же время будить в ней самые бурные чувства. Чувства, которые она поклялась уничтожить.

Джульетта уже один раз позволила своим непослушным эмоциям помешать мужчине защитить город. За ее несдержанность заплатили своими жизнями невинные люди. Похоже, что прошлые ошибки ничему ее не научили. Волна стыда захлестнула Джульетту: как могла она быть настолько эгоистична, настолько безразлична к нуждам других!

– Я хочу вернуться домой, – прошептала она онемевшими

губами.

Да, домой! Ей мучительно захотелось запереться в своем доме и восстановить те стены сурового равнодушия, которыми она с таким старанием окружила свою душу. У нее вдруг так ослабели ноги, что ей пришлось ухватиться за коновязь, иначе она упала бы.

– Вот ведь черт, мисс Джей! – У лейтенанта Джордана сочувственно потемнели глаза. – Я совершенно забыл, что вы вот так же потеряли мужа и родителей. – Он снова повернулся к Джеффри: – Как я ни благодарен вам за предложение помочь, я уверен: у нас хватит людей, чтобы справиться с той шайкой, которая сюда направляется. – Тут он нахмурился. – Конечно, вам придется ехать очень быстро, чтобы к ночи попасть в Брод Уолберна. Женщине нелегко за один день проделать путь в оба конца.

– Она не раз хвасталась своими способностями по этой части, – ответил Джеффри. Легкая улыбка, игравшая у него на губах, не позволила принять его слова за оскорбление.

Ласковое поддразнивание Джеффри придало Джульетте сил – так же как и то, что сам лейтенант Джордан освободил Джеффри от обязанности вступить в бой. Теперь ей не надо считать себя в чем-то виноватой. Она гордо подняла голову, готовясь принять брошенный Джеффри вызов, но в эту секунду их взгляды встретились. Тут Джульетта поняла, насколько редко он встречался с ней глазами, как часто притворялся, будто занят какой-нибудь повседневной мелочью,

чтобы не посмотреть прямо на нее. И на этот раз он почти сразу же отвел взгляд, но она успела прочесть в его глазах какое-то чувство, которое истолковала как безнадежное томление – то же, что испытывала она сама. Джульетте снова пришлось уцепиться за коновязь.

– Мы через несколько дней будем сопровождать профессора Бернса обратно. Я сам к вам заеду, чтобы узнать, как у вас дела, – пообещал лейтенант. – А вам лучше позаботиться о том, чтобы благополучно довести леди до дома.

– Я скорее умру, чем допущу, чтобы с ней что-то случилось, – сказал Джеффри.

Он произнес эту клятву с такой искренностью, что Джульетта не могла ему не поверить. Сердце у нее так радостно заколотилось, что она едва смогла расслышать прощальные слова лейтенанта Джордана, который по-военному отдал честь и увел за собой на привязи усталых коня и мула, пообещав прислать им для обратного пути пару свежих лошадей.

Когда они остались одни, Джеффри снова принялся разглядывать полученный им документ на землю. О! Ее защитник совершенно покорен листочком бумаги! Он приподнял его перед собой, словно пытаясь оценить, сколько света пропустит этот тонкий листок, потом поднял к небу, щурясь на яркое солнце и пытаясь разобрать просвечивающие сквозь бумагу буквы. Эта поза заставила его откинуть голову назад, отчего еще заметнее стали его сильная шея и крепкий подбородок, аристократический нос и чувственные губы.

Когда Джеффри закончил возиться с листком, то не стал складывать его как обычно, а скатал в тоненькую трубочку, а потом снова раскатал, словно это был крошечный свиток, и, склонив голову набок, опять принялся разглядывать написанное.

Тут он ей улыбнулся, и Джульетта невольно ответила на улыбку, словно разделив его нескрываемый интерес. Как это, наверное, чудесно – находить радость в самых простых вещах!

«А ведь я когда-то тоже была такая», – вдруг с изумлением подумала она. Когда-то ей казалось, что вот-вот произойдет нечто необыкновенное. Как она смогла, ничего не предпринимая, просто потерять это ожидание чуда?

Джульетте вдруг показалось, что в ее душе словно развязался какой-то туго стянутый узел – узел, удерживавший тогу обязательств и практичности, в которую она рядилась и которая так тяжело давила на ее плечи. Она же сама затянула этот узел, и нельзя, чтобы он так просто развязался! Но когда Джульетта попыталась вновь обрести былое состояние, узел получился гораздо менее надежным, не внушавшим доверия.

Она вдруг поймала себя на том, что, закрыв глаза, улыбается небу, наслаждаясь прикосновением солнечных лучей и ветерка к своей коже.

– День сегодня несравненно чудесный, правда, Джульетта?

– Да, – прошептала она.

Джульетта с трудом подавила желание окликнуть лейтенанта Джордана, чтобы попросить отвести ее к Агнес Фаулер. Возможно, скорчиться под одеялом во время нападения приграничных разбойников будет не так опасно для ее душевного спокойствия, как одной ехать с Джеффри д'Арбанвилем тридцать с лишним миль до дома.

Глава 11

Джозайя остановился, бросил плуг и вытер пот со лба. Сощурившись, он посмотрел в сторону дома, но с такого расстояния нельзя было разглядеть, не стоит ли кто-нибудь на крыльце.

Он всегда расставлял на крыльце стулья так, чтобы Ребекка оказалась перед окном кухни. Иногда она садилась там шить, и тогда можно было войти на кухню и незаметно наблюдать за нею. Или когда они вместе сидели там после наступления темноты, наслаждаясь прохладным ветерком, он под каким-нибудь предлогом уходил в дом и зажигал на кухне свечу. Ее теплый золотой свет падал на крыльцо и освещал прелестные черты жены, тогда как сам Джозайя оставался в темноте. В самые лучшие дни к ним присоединялся и мальчик, так что Джозайя мог насладиться видом обоих, не выдав того, как ему дорого их присутствие.

То, что они взяли в жилички эту треклятую школьную училку, тоже было ему на руку. Ребекку очень радовала дружба с этой женщиной: изредка в доме слышен был ее смех, и всякий раз, когда она думала, что кроме них с Алмой дома никого нет, ее мелодичный голосок так и сыпал болтовней. Джозайе приятно было чем-нибудь тихо заниматься в сарае – чинить сбрую, например, – когда до него через двор долетал счастливый женский говор. Он знал, что сто-

ит его долговязой фигуре появиться в дверях дома – и веселье погаснет. Оживление Бекки сменится привычной отчаянной бледностью, улыбающееся лицо училки искривится хмурой неприязнью, словно она недовольна, что Джозайя не говорит, например: «Ничего, девицы, продолжайте развлекаться».

Нельзя, никак нельзя, чтобы они узнали о постоянной жажде, которая его снедает. О неотвязном страхе, что однажды появится тот мужчина, которого любила Ребекка, настоящий отец Робби, чтобы отнять их у него. И они уйдут – он совершенно уверен, что уйдут.

И кто будет их винить, если учесть, каким неудачником оказался Джозайя Уилкоккс?

– Но!

Он встряхнул вожжами, так что они ударили мула по спине, и с силой налег на плуг, зная, что ему предстоит еще много часов работы, прежде чем он достигнет блаженного отупения полной усталости, которая позволит ему забыть о своей неудачливости.

Ему было еще далеко до такого состояния, когда в конце борозды его встретил Робби.

– Ма... ма говорит – уже поздно. Мисс Харкинс проголодалась. Надо идти ужинать.

Да, уже поздно, но летними вечерами бесконечно долго не темнеет. А Джозайя не может идти рядом с Робби, когда солнце освещает бледное лицо ребенка, на котором застыло

презрение, не может сидеть за столом напротив мальчика, когда не настолько устал, что ему ни до чего нет дела. В такие моменты, когда в его руках еще оставалось немного сил, ему отчаянно хотелось притянуть Робби к себе и крепко обнять – вместо того чтобы вечно его отталкивать.

– Иди и поешь с женщинами. Я приду, когда закончу.

Как всегда после того, как он целый день работал молча, голос его звучал скрипуче и резко, словно пила, вгрызающаяся в древесину тополя.

Он повернул мула и поставил плуг, чтобы начать новую борозду. И все время он ощущал, что Робби не спускает с него глаз, хоть и ничего не говорит. Джозайя был уверен, что мальчик сравнивает его с настоящим отцом, которого никогда не знал, и что сравнение оказывается не в его пользу: тот был человеком солидным, состоятельным, не то что он, бедный поселенец, который даже не может купить жене новое платье от Блумер.

– Почему ты все еще тут? – Наверное, рычание раненного охотниками разъяренного медведя сейчас показалось бы мальчику приятнее, чем тон отчима. Но Робби все-таки не ушел. Неужели мальчику хочется побыть с ним? От одной этой мысли на сердце у Джозайи потеплело, но он побоялся в приступе доброты наделать глупостей и поспешно взял себя в руки. Поэтому просто продолжил допрос: – Чего это ты не ушел надоедать своей приятельнице мисс Джей и этому ее новому постояльцу Джеффри?

– Они... они... – Робби быстро заморгал и так судорожно сглотнул, что Джозайя увидел, как на его тоненькой шее дернулся маленький кадык. – Они уехали с солдатами в Форт-Скотт, чтобы Джеффри мог подать заявку на участок земли.

Разочарование отозвалось в груди Джозайи такой болью, что он с силой уперся в рукояти плуга. Надо остыть, успокоиться. А на что он надеялся? Что мальчик добровольно станет проводить время с ненавистным отчимом, если поблизости будет его новый кумир?

Ох уж этот Джеффри! Джозайя по-прежнему не мог успокоиться, вспоминая, как этот громадный незнакомец без всякого оружия, при помощи лишь властного голоса и надменного взгляда заставил перепуганных горожан сгрудиться у стены на кухне мисс Джей. Слава Богу, Бекки не присутствовала при его унижении. Но мальчик все видел, и теперь Робби словно щенок ходил по пятам за этим так называемым рыцарем. Не в силах сдержать гнева, Джозайя Уилкоккс снова обрушился на мальчика:

– Ну и что ты будешь думать о своем герое, если в Форт-Скотте солдаты посадят его в тюрьму? В нем есть что-то подозрительное, и лично я не успокоюсь, пока не узнаю, в чем дело.

Робби сдавленно вскрикнул. Он немного попятился, словно боясь повернуться спиной к полному гнева отчиму, а потом бросился бежать к дому.

Джозайя вздохнул, ощущая в душе ужасную пустоту. В

д'Арбанвиле действительно было что-то подозрительное, но Джозайя Уилкокс понимал, что мало чем от него отличается. У них обоих голова не в порядке, только Джозайя не может объяснить свои фантазии тем, что получил удар по лбу или что мозги его затуманены оттого, что пришлось заучивать слишком много разных ролей в театре.

Он снял шляпу и провел грязной рукой по мокрому от пота лбу. Разговор с мальчиком измучил его гораздо сильнее, чем ходьба за плугом, особенно потому, что все, что бы он ни говорил, получалось не так. Ему следовало бы догнать Робби, извиниться, но никакого смысла в этом Джозайя не находил. Если он добьется от мальчика невольной улыбки, то потом она не будет давать ему покоя, будет дразнить его – когда парнишка и его мать все-таки его бросят.

Джозайя оценил свое состояние: ноги все еще не дрожат, желудок не слишком болит, плечи свело не до конца, шея, как всегда, горит (он сжигал ее всегда, несмотря на то, что проводил на солнце долгие дни). Нет, он все еще не чувствует себя достаточно плохо, чтобы можно было возвращаться домой. Может, через пару часов.

Он снова пустил мула шагом, хотя животное бросило на него через плечо негодующий взгляд, прежде чем снова потянуть плуг.

– Нечего так на меня смотреть, – проворчал Джозайя. – Ты-то с самого рождения ничего не хочешь – тебе не понять, как мучается мужик, когда пообещал не позволять себе...

Он признается в своей слабости мулу! У Джозайи вспыхнуло лицо – может, даже ярче, чем его обожженная солнцем шея. Слава Богу, единственным свидетелем его вспышки оказался неспособный к размножению мул. Видимо, из-за этой чертовой жары у него взыграли все соки. Дьявольщина, кого он обманывает? Его соки играют уже много лет, и с каждым прожитым годом обуздать их становится ничуть не легче – как раз наоборот. А судя по тому, как идет его жизнь, в обозримом будущем положение едва ли изменится.

Джозайя постарался сосредоточиться на идущей перед ним борозде, но теперь, когда он дал своим мыслям свободу, в его воображении все время вставал образ Ребекки. Прекрасная Бекки! Милая Бекки! Он дал ей столько обещаний – и не смог выполнить ни единого. Наказание, которое он сам себе назначил, оказалось вполне подходящим – о да, весьма подходящим. К несчастью, немилосердный Бог, который так мучит Джозайю Уилкокса, похоже, вознамерился погубить заодно и Бекки с Робби.

Это несправедливо. Единственный способ их спасти – это отослать их отсюда. Но на такой шаг у Джозайи Уилкокса не хватало сил, хотя он делал все, что мог, чтобы заставить Ребекку саму принять такое решение.

– Проклятие! – вслух выругался он, а потом мысленно снова проверил свое состояние и приговорил себя к еще одному лишнему часу за плугом.

Джеффри услышал безмолвное предостережение своего

обостренного чутья.

Лошади продолжали идти ровно, не настораживая уши, не раздувая ноздри, – ничто не говорило о том, что приближается опасность. Джульетта, которая знала эти места гораздо лучше, чем он, устало ссутулилась в седле, что свидетельствовало о полном отсутствии беспокойства – или о полном изнеможении. У него не было возможности узнать о ее состоянии, поскольку она не отзывалась на все его попытки завести разговор.

И тем не менее Джеффри был абсолютно убежден: к ним что-то приближается. Хотя это ощущение ничем не подтверждалось, его отточенные в боях чувства уловили перемену в воздухе, ощутили, что земля гудит не только от топота их собственных полученных взаймы лошадей.

Благодаря лейтенанту Джордану, вручившему ему револьвер, теперь у него за поясом был собственный тупорылый «кольт». Лучше бы офицер одолжил Джеффри меч или хотя бы тонкую рапиру, которая красовалась бы на ремне, как и подобает рыцарю. Если впереди их ждет настоящая опасность, то только Джульетта разбирается в том, как пользоваться этим самым «кольтом». А что делать сэру Джеффри д'Арбанвилю – прятаться, подобно трусу, пережидая, или же сидеть без дела, пока его, опытного рыцаря, будет защищать дама?

Канзасская местность была почти совсем лишена, удобных укрытий. Его опытный взгляд, пристально осматривав-

ший окрестности, отметил небольшой подъем к востоку и маленькую рощицу на западе. Деревья свидетельствовали о наличии воды, так что не обещали хорошего укрытия в этих засушливых местах: ведь приближающаяся опасность может быть снedaема жаждой и способна как раз повернуть в ро-щу. А как можно уговорить Джульетту свернуть с дороги, не пробудив в ней страха?

– Джульетта, мы проехали уже очень много. Давайте оста-новимся отдохнуть.

– Я не устала. Я же говорила вам, что привыкла к долгим переездам.

Он сделал новую попытку:

– Тогда давайте поедem прямо по прерии.

Его предложение заставило даму ее чуть заметно содрог-нуться.

– Ох, Джефффри, дорога и так достаточно скверная, а по прерии лошадям ехать гораздо труднее: копыта скользят по траве. А если пытаться ехать быстрее, то лошадь может осту-питься на кочке и захромать.

– Об этом мне напоминать не надо, – отозвался он, вспо-мнив, как повредил ногу его Арион. Пришлось больше не при-творяться, будто все в порядке. – Тем не менее прошу послу-шаться меня и переждать какое-то время за тем подъемом. Боюсь, к нам приближаются враги.

– Разбойники. Или индейцы.

Впервые за время обратного пути Джульетта посмотрела

прямо на него. От тревоги у нее потемнели глаза и побледнело лицо. Джеффри проклял свое фактически безоружное состояние, зная, что ему нечем защитить даму и умерить ее страх. Но спутница не стала тратить времени на женские истерики, а сразу же повернула лошадь в сторону укрытия.

Лейтенант Джордан положил в их седельные сумки одеяла и еду на дорогу. Джеффри воспользовался этими скудными средствами, чтобы удобнее устроить женщину и лошадей за пологой возвышенностью, а потом пешком сделал большой круг, проверяя, нельзя ли увидеть хоть с одной стороны надвигающуюся угрозу. Завершая обход, он убедился в том, что предчувствия его не обманули. На горизонте возникло облачко пыли. Он низко пригнулся в траве и стал ждать, пока не разглядит, кто именно к ним приближается.

Увиденное осталось совершенно непонятным. Джеффри вглядывался долго, с трудом справляясь с желанием выпрямиться во весь рост, чтобы лучше видеть происходящее. Возможно, Джульетта знает, что все это значит. Пригибаясь к земле, он присоединился к ней в укрытии. Она сидела, привалившись спиной к пологому склону, и Джеффри рад был заметить, что она скинула непривлекательный головной убор, который предпочитали все виденные им американские женщины, и что большая часть ее волос выбилась из-под этих проклятых шпилек, которые она так упорно втыкала себе в голову.

– Приближается караван, – счел своим долгом сообщить

Джеффри.

При виде нежного лица Джульетты, которое стало еще мягче благодаря расплескавшейся по плечам волне светлых волос, у него перехватило дыхание. К счастью, его недолгий переход по прерии послужил неплохим объяснением: тут действительно было трудно ходить, вопреки тому что с виду земля казалась такой ровной.

Когда стало ясно, что Джульетта не собирается ничего выяснять о его физическом состоянии, он продолжил:

– Дорогу заняла орда высоких благообразных монголов с длинными черными волосами. Лошади, дети и собаки – все передвигаются в полном молчании, словно монахини, идущие из храма в кельи. В их бесшумном приближении не видно злого умысла, но об их приближении не оповещают менестрели или герольды. Кажется, они везут с собой немало вещей, но с ними нет ни единого верблюда или слона, так что даже женщины вынуждены тащить тюки на каких-то странных волокушах.

– Индейцы. – Джульетта настолько печально ссутулилась, что Джеффри даже не стал поправлять неверное название, которое она дала монголам. – Они уже пару лет перемещаются на юг – с тех пор, как правительство приказало им уйти из Канзаса.

– Ага! Ваш президент. – Джеффри начал относиться к правителю этой земли с несколько большим почтением. – Если президенты обладают властью распоряжаться такими

массаами людей против их воли, то они сильнее королей.

– Наверное. – Щеки ее немного порозовели, но похоже было, что это вызвано не столько чувством облегчения, сколько стыдом. – Я не хочу, чтобы вы думали, будто я устала, но я предпочла бы остаться здесь, пока индейцы не пройдут. Я не слишком горжусь тем, как с ними обошлось мое правительство.

– Оно их било? Подвергало пыткам? Подвешивало в окошках так, что ноги не доставали до земли? – с любопытством осведомился Джеффри. Возможно, полезно заранее узнать, на что будет готов пойти президент, чтобы добиться своего, – ведь не исключено, что когда-нибудь рыцарю придется с ним столкнуться. Джульетта слабо улыбнулась.

– Нет, Джеффри. Бумага и обещания. Мы победили их с помощью бумаги и обещаний.

– Как это?

– Ну, насколько я понимаю, правительство пообещало им, что Канзас вечно будет принадлежать им. А потом – несколько лет назад – сюда пришла армия, и всю землю разделили на отдельные участки.

– Ага, – снова сказал он, вспомнив самодовольную старуху, которая постоянно хвастала своим сыном. – Сын миссис Эббот Герман и Военная служба инженеров-топографов.

– Не совсем так. Сын миссис Эббот работает на землях к западу. Она говорит, это новое открытие правительства. Я не знаю точно, какие инженеры занимались этим, только пра-

вительство приняло закон, открывший территорию Канзаса для освоения поселенцами. Белыми поселенцами. Чиновники заплатили индейцам немного денег и сказали им, что договоры больше недействительны и племена должны уходить на юг. Теперь они говорят, что новые индейские территории будут вечно принадлежать индейцам, но я в этом не уверена.

– Та земля, которую я получил сегодня, – она когда-то принадлежала этим мон... индейцам?

Джюльетта кивнула и откинулась на одеяло, словно это признание окончательно лишило ее сил.

Джефффри вытащил «справку на землю», ужаснувшись тому, что мог – пусть и ненадолго – получить выгоду от столь унижительного дела. Рыцарь не может нарушить договор, а потом как ни в чем не бывало смотреть людям в лицо!

Он развернул справку, впервые пожалев, что практически не умеет читать. Было бы приятно смотреть в прошлое и вспоминать, что однажды он держал в руках доказательство осуществленного желания: «Эти земли принадлежат Джефффри д'Арбанвилю». Его собственное имя, начертанное своей рукой – этому его, слава Богу, научили в детстве, – разобрать было легко. Как и число сто шестьдесят, которое, как он знал, говорило о количестве отведенных ему акров. Разобрать остальное, написанное рукой земельного агента, было выше его сил – все равно что те причудливые знаки, которые он однажды видел на персидской вазе. И тем не менее этот удивительно тонкий хрустящий кусочек бумаги давал Джефф-

фри то единственное, чего он всегда жаждал всей душой. Но теперь это было отравлено мыслями о том, каким способом осуществилась его мечта.

Возможно, сам Господь был к нему благосклонен, сделав так, чтобы ему было легче отвернуться от этого всепоглощающего соблазна. Джефффри провел пальцем по чернильным строкам, еще секунду дивясь тому, что держит в руках, а потом снова скатал бумагу и вложил Джульетте в руку.

– Можете отдать ее обратно индейцам, Джульетта. Объясните им правила подачи заявки на пустующий участок. Я пробуду здесь недолго и не стану добиваться своих прав.

– Почему? – Джульетта прижала к губам дрожащие пальцы, но не успела задержать этот невольный вопрос. Казалось, слово вылетело и теперь трепещет над землей, словно небольшая возвышенность в прерии не дает ветру его унести. И собственный вопрос будто издевался над ней, в нем слышалось мучительное отчаяние: неужели ее так терзает то, что он скоро уедет – этот человек, несущий всякую чушь о верблюдах и слонах, менестрелях и варварских пытках?

Джефффри опустился перед ней на колени, двигаясь с необыкновенной для своего громадного роста легкостью и гибкостью. Щеки его чуть потемнели от пробивающейся щетины, которая еще не скрыла слабых отметин, говоривших о том, как неловко он орудовал бритвой. Странно, чтобы мужчина, по своей воле отказавшийся от усов и бороды, так часто резался при бритье: словно подросток, тайком взявший-

ся за отцовскую бритву, чтобы избавиться от первого пушка, пробивающегося у него под носом! Джульетта не могла понять, почему удар в голову лишил Джеффри умения бриться. Глядя на его лицо, Джульетта испытала непреодолимое желание прикоснуться к его щеке и прогнать остатки боли.

И в то же время, несмотря на причудливые фантазии и неумение бриться, в стоявшем перед ней на коленях мужчине не было ничего даже отдаленно мальчишеского. Его сильные мышцы натягивали швы одолженной капитаном Чейни одежды от щиколоток до шеи, из-под слишком коротких рукавов высывались изборожденные шрамами запястья рук, шея была настолько мощной, что верхнюю пуговицу рубашки оказалось невозможно застегнуть. В тугих завитках волос, выглядывавших из ворота, тускло поблескивала подвеска-талисман, завораживал сильнее, чем диски и вращающиеся устройства знаменитого гипнотизера доктора Месмера.

Джеффри, погруженный в свои фантазии, – и Джульетта, никогда не дававшая воли легкомыслию... Они могли бы уравновесить и дополнить друг друга... Тут Джульетта ахнула, осознав, какое недопустимо вольное направление приняли ее мысли.

– Что вы за актер? – возмущенно спросила она. – Зачем... зачем вы явились меня терзать? Все у меня шло так хорошо...

– Я всего лишь человек, Джульетта, – ответил Джеффри со спокойным достоинством. – Не знаю, как и почему я сюда

попал. Знаю только, что дал клятву вернуться обратно и завершить свой квест, от каких бы наслаждений мне ни пришлось здесь отказаться. А Бог свидетель – я готов был бы скорее вырвать сердце у себя из груди, чем причинить вам хоть секундную боль.

Его глубоко посаженные глаза смотрели прямо на нее. В их серо-зеленых глубинах горел огонь: жаркий, полный греховного соблазна, и сладкий, словно мед. И в то же время в них читалась искренность и решимость – что бы он ни решил сделать, – которая не позволяла подвергнуть сомнению его клятву.

Клятвы. Квесты. Рыцарская честь. Бог. Свидетель. Обеты. О Господи! Джеффри все еще считает, что связан клятвой, которую дал в земельной конторе!

А это значит, что он скажет ей правду, всю правду и ничего кроме правды – какими бы смелыми и бесцеремонными ни были ее вопросы. Может, все слишком долго старались обходить вопрос с его потерей памяти. Может быть, задав нужные вопросы, она сможет пробиться сквозь его заблуждения относительно рыцарства и узнать правду о Джеффри д'Арбанвиле.

На них налетел ветерок, принеся с собой звуки переселения индейцев: усталый топот копыт, стук пыльных ног о спекшуюся землю, скрежет волокуш, оставляющих следы, которые смывает следующий дождь. Вскоре в Канзасе не останется ничего от народа, населявшего эти прерии с незапа-

мятных времен. И кажется подходящим, чтобы звуки их трагического исхода стали фоном для ее разговора с человеком, который утверждает, будто прибыл сюда из прошлых веков и скоро снова уйдет, не оставив в ее жизни никакого следа от своего пребывания.

– Джеффри, – попросила она, – скажите мне правду. Всю правду и ничего кроме правды, и да поможет вам Бог. Обо всем.

Глава 12

Джульетта чуть не отказалась от своего требования, услышав, как Джеффри резко и напряженно вздохнул.

– Раньше вы не хотели слышать от меня правду, когда я пытался ее вам сказать.

Что-то заставило ее не отступить.

– Я не хотела торопить вас с объяснениями, если у вас в голове не успело проясниться. Но дольше ждать я не желаю. Я хочу услышать правду сейчас.

Он мрачно ее рассматривал.

– Вы можете решить, что то, о чем я вам расскажу, похоже на колдовство. Вы можете даже... посмеяться надо мной.

Тут он сердито нахмурился.

– Даю слово, что не буду смеяться, – пообещала она, несмотря на то что из-за его предпочтения считаться колдуном, нежели смешным, ее так и подмывало неуместно захихикать.

– Хорошо. – Медленно, не давая ей отвести взгляда от его встревоженных глаз, он выпрямился во весь рост. – Перед вами стоит Джеффри Чарльз Уолтер Фицхью д'Арбанвиль, четвертый сын distinguished Эдуарда Монткрифа Фицхью д'Арбанвиля, удостоенный рыцарского звания в тысяча двести семьдесят первом году от Рождества Христова, на поле брани, где решалась судьба Святой Земли. Это зва-

ние дал мне человек, которому вскоре после этого предстояло стать его королевским величеством Эдуардом, правителем Англии.

Полная искренность Джеффри прогнала все ее веселье.

Сказав это, он снова опустился на колени и устремил на Джульетту пристальный взгляд, который требовал от нее признать истинность его слов, пронизывая ей сердце. Джульетта поняла, что не посмеет лгать этому человеку. И это показалось ей ужасно несправедливым, поскольку, несмотря на ее надежды услышать от него правду, он, похоже, намерен по-прежнему рассказывать ей сказки.

Но ведь Джеффри считает, что все еще находится под клятвой! Может ли эта невероятная история действительно содержать в себе зерна правды?

Здравый смысл требовал, чтобы Джульетта отмела все его утверждения, но сердце настаивало на том, чтобы она ему поверила. Она расправила плечи, и от этого движения ощутила горячий ток крови по всему телу: казалось, сердце действительно умоляет ее поверить – хотя бы ненадолго.

– Этот талисман служит подтверждением моих слов, – горячо проговорил Джеффри, словно почувствовав ее внутренние колебания. Он снял через голову кожаный шнурок и вложил подвеску в ее руку. На его груди этот странный амулет казался таким маленьким, что Джульетта изумилась, увидев, как он занял всю ее ладонь. Тяжелая вещица впитала в себя тепло его тела. Джульетта помяла кожаный ремешок

пальцами, ощутив чуть заметный запах его тела.

– При чем тут талисман? – спросила она, надеясь, что объяснение заставит ее не думать сейчас о том, каково было бы так же тесно прижаться к груди Джефффри, впитать в себя его запах, как это произошло с ремешком подвески.

– Мой квест состоит в том, что я должен передать его по назначению. Это – знак, олицетворяющий истинную любовь мужчины и женщины. Когда я передам его золотоволосой Деметре, она возрадуется, узнав, что она любимейшая из женщин.

«Любимейшая из женщин»! Джульетта мысленно представила себе, как радостно смеющийся Джефффри держит на руках хрупкую золотоволосую даму, а та надевает ему на шею талисман, словно одним жестом набрасывает лассо на дикого жеребца и отмечает его своим клеймом.

– Деметра... – На лице Джефффри отразились нежность и печаль. – Хотел бы я знать... что с ней стало.

– Вы оставили ее одну?

Он отпрянул, ужаснувшись так сильно, словно она обвинила его в государственной измене.

– Не по своей воле, даю вам слово! Никто не мог бы сильнее стараться и пойти на большие жертвы, чем это сделал я, пытаюсь добраться до нее и опуститься перед ней на колени, чтобы вручить этот дар.

А вот эта мысленная картина понравилась Джульетте еще меньше: Джефффри стоит на коленях перед золотоволосой

Деметрой, склоняя перед ней голову.

– Наверное, Эдуард решил, что я погиб. – У него вырвался тяжелый вздох. – Он не может знать о том, что я намерен во что бы то ни стало вернуться.

– Эдуард? «Он»? А какое отношение Эдуард имеет к этой леди Деметре, которую... которую вы любите, Джеффри?

О Боже, с каким трудом ей дались эти слова!

– Я люблю Деметру?! Кровь Господня, Джульетта, вы совершенно ничего не поняли из моего рассказа!

Он обхватил ее лицо ладонями и заставил посмотреть ему в глаза. Увидев, как они вспыхнули золотистым огнем, Джульетта затаила дыхание. Губы у нее задрожали, словно умоляя о прикосновении его губ. Он провел по ее подбородку большим пальцем, отказывая в поцелуе, о котором она безмолвно просила.

– Деметра мне не возлюбленная. Она благородная и преданная супруга Джона Рованвуда. Они вдвоем долго строили козни против короля Эдуарда, совершая из своей приграничной твердыни набег на его владения. Мой товарищ рыцарь похитил Джона, и, недолгое время потомившись в темнице Эдуарда, Рованвуд согласился покончить со своей непокорностью. Мне было поручено отвезти эту реликвию Деметре от имени ее плененного мужа и таким образом устроить примирение между Рованвудами и Эдуардом – королем Эдуардом, который, как я уверен, умер, проклиная меня, как трусливого неудачника.

– Глупости. – Джульетта обнаружила, что хочет вступить за короля. Чутье подсказало ей, что именно так она сможет успокоить Джеффри, и к тому же сердце ее пело от радости из-за того, что он не любит ту, другую женщину. – Я уверена, что король избрал вас именно за... э-э... вашу рыцарственную отвагу.

Лицо Джеффри осветилось невеселой улыбкой.

– Слава моя всегда меня обгоняла. И тем не менее были и другие желающие выполнить это поручение. Эдуард выбрал меня благодаря моему коню.

– Ариону?

– Да. – Он наклонил голову: похоже, ее недоумение его позабавило. – Разве вы позабыли греческую мифологию, Джульетта? Богиня Деметра превратилась в кобылицу, чтобы развлечься с богом Посейдоном, и в результате этого союза родила необузданного жеребца Ариона.

– А, это из той греческой мифологии! – Джульетта с трудом сглотнула. – Я как-то о ней позабыла.

О чем она действительно совершенно позабыла – это о здравом смысле. Вот чем кончается потакание сердечным порывам! Как могла она хоть на секунду поверить человеку, который порет такую чушь о принцессах, квестах и мифологических сексуальных похождениях высокопоставленных греков?

«Ты дала слово верить – хотя бы ненадолго», – упрекнул ее внутренний голос.

– Видимо, править Англией королю ужасно скучно. Эдурд все время ищет развлечений. Ему было забавно поручить этот талисман рыцарю, чей конь носит имя из греческого мифа.

– О, конечно, я это понимаю. – Джульетта кивнула, словно все им сказанное звучало очень убедительно. – Чего я не могу понять, это почему вы совершили скачок почти в шестьсот лет и принесли талисман в Канзас.

Он подался вперед, и на лице его выразилось огромное облегчение, словно он рад был случаю подробнее поговорить о своих фантазиях.

– В мои намерения это не входило, уверяю вас. Но когда Дрого Фицболдрик прибег к своей трусливой тактике удара в спину, я вынужден был укрыться в священной дубовой роще, а потом у меня опять не было выбора – мне оставалось только броситься в Первозданную Пропать, разорвавшую землю на такую глубину, что ни один живущий не видел, что лежит на ее дне.

– Значит, вы так и не смогли уладить дела между королем и Рованвудами, – сказала Джульетта.

– Да. – Он смотрел вдаль, хмурия лоб. – Энгус Ок спас меня, но, возможно, он неправильно понял мой квест. Этот кельтский бог отправил меня улаживать приграничный конфликт, только выбрал не тот. О, Джульетта, если уж вы забыли греческую мифологию, то, может быть, вы плохо знаете и кельтские предания?

Она покачала головой – больше всего ей хотелось поскорее закончить этот неприятный разговор. Поверив ему, она ничего не добилась. Теперь уже кельтские боги отправили его сквозь время, чтобы он разрешал приграничные конфликты и при этом прыгал в бездонные пропасти! Хорошенькое дело!

– Видимо, я пропустила те уроки, на которых объясняли кельтские предания.

– Энгус Ок возвращает к жизни тех, кто испустил свой последний вздох ради любви, – объяснил Джефффри, не заметив, как изменилось ее настроение.

– Ах, Энгус Ок!

Джюльетта закрыла глаза. Разочарование как свинцом заливало ее душу. Ветер прерий уже не приносил с собой никаких звуков: индейцы, похоже, проехали. Теперь можно продолжить свой путь в Брод Уолберна, а ей пора возвращаться к своему здоровому скептицизму. Джюльетта чувствовала себя совершенно выжатой, и эта внутренняя саднящая пустота не имела никакого отношения к перетруженным мускулам, к тому, что жесткое седло натерло нежные ягодицы – для женщины это обычная цена за слишком долгое пребывание в седле.

Она почувствовала резкую боль в кулаке и поняла, что так крепко стиснула амулет, что загогулины кельтского узора отпечатались на ее коже. «Видишь, я запечатлел тебя на ладони моей руки». Это не из греческого и не из кельтского мифа

– это христианское предание. Книга пророка Исайи.

Ее охватило странное чувство. Если верить Джеффри, то именно так столетия назад сжимали в руке эту реликвию несчастные влюбленные и даже сам король Эдуард. Немыслимо. Никакой кельтской магии вообще не существует.

Джувьетта осторожно провела пальцем по отпечатку на ладони, и острая искорка ударила ей прямо в сердце. Она будет рада возвращению своего здравого смысла, но немного позже. Встав с земли, она подняла подвеску перед собой.

– Сэр Джеффри, – совершенно серьезно произнесла она, – займитесь снова вашим квестом.

На секунду ее сердце сжало сомнение. Может быть, именно так она должна была вести себя с самого начала.

Может быть, теперь он засмеется – раз уж она сдалась и начала играть в эту глупую игру вместе с ним – и скажет ей, что это была просто дикая выдумка, рассчитанная на то, чтобы заставить ее отбросить столь тщательно соблюдаемый консерватизм.

Джеффри одарил ее ослепительно яркой улыбкой. Глаза его потемнели от удовольствия, и вся фигура вновь приняла прежнюю гордую позу. Он опустил голову, став истинным воплощением поклоняющегося своей даме рыцаря, и в то же время в нем не чувствовалось ни капли смирения или униженности.

Она надела кожаный ремешок ему через голову, но длинные распущенные волосы Джеффри мешали ремешку охва-

тить шею. Джульетта приподняла упругую волну его волос и провела пальцем между грубой кожей ремешка и теплым телом, проверяя, оказался ли странный шнурок на месте. И вдруг глупо застыла в оцепенении, слушая ставший внезапно резким звук его дыхания, чувствуя, как его горячие выдохи обжигают ей тело сквозь пояс юбки.

Ее пальцы сжали бугры мышц там, где шея соединялась с плечами, и ей показалось, что она больше никогда не сможет его отпустить.

– О Господи, Джульетта!

Двигаясь бесконечно медленно, он прижался лбом к ее мягкому животу, позволив себе непристойно интимное прикосновение, которому у нее не было сил помешать. А он нарушил правила пристойности еще сильнее, положив свои громадные ладони ей на бедра, так что его пальцы невероятно сладостно сжали ей талию. Подушечки больших пальцев оказались на вершине ее бедер: прежде она и не подозревала, насколько они чувствительны.

– Когда ты прикасаешься ко мне, а я к тебе, то я забываю, что сейчас должен был бы оказаться шестисотлетней горсткой праха и полусгнивших костей.

Его пульс стремительно бился под ее пальцами, его тело, крепкое и упругое, прижималось к ее телу. Он говорил, что ему давно полагалось бы войти в число покойников, но казался невероятно, несравненно живым и притягательным. Его голос, низкий и чуть охрипший от желания, словно про-

никал сквозь ее кожу и звучал в каком-то удивительно чувствительном месте, о существовании которого она прежде даже не подозревала.

– Джеффри! – прошептала она, думая, что если чьи-то кости и сгнили, превратившись в прах, то это ее собственные. Она с каким-то отстраненным удивлением заметила, что ее ноги лишились способности выдерживать вес тела, так что она покачнулась и тяжело припала к стоящему перед ней на коленях рыцарю прерий.

Он прерывисто вздохнул и с невероятной нежностью притянул женщину обратно на одеяло. Каким-то образом ему удалось уложить ее своими сильными руками так, что он успел проделать дорожку обжигающих поцелуев прямо по ткани платья от ее живота через ложбинку между грудями к впадинке у основания шеи. Его рука, ставшая вдруг невысказанно нежной, скользнула от талии к ее груди, так что Джульетта невольно застонала.

Какая-то искра разума, называвшая себя вдовой Уолберн, мысленно ругала ее, укоризненно грозя пальцем. Эта сварливая искорка говорила, что ей следовало бы не стонать от наслаждения, а запретить Джеффри такую фамильярность и немедленно положить конец собственной распущенности. Джульетта годы – долгие годы – слушалась подобных внутренних предостережений, но сейчас погасила эту искорку, только на долю секунды пожалев о том, сколько времени потратила на то, чтобы ее лелеять.

Теперь ее занимали гораздо более важные вещи: например, ей надо было поблагодарить судьбу за то, что Джеффри в совершенстве освоил расстегивание пуговиц.

Ее пуговицы высвободились из петель с такой же легкостью, с какой горошины высыпаются из стручка под пальцами умелой кухарки. Несмотря на свое якобы незнание современных мод, Джеффри освободил их обоих от одежд быстрее, чем в день их первой встречи снимал с себя кольчужную рубашку.

Джульетта еще никогда не обнажалась перед мужчиной – даже перед Дэниелем. И сейчас это могло бы ее смутить: ведь они были теперь совершенно обнаженными под заходящим солнцем посреди ровной прерии, но Джеффри позаботился о том, чтобы Джульетта недолго оставалась неприкрытой. Его губы, его руки, его горячее тело, прижавшееся к ней, охватили ее со всех сторон ощущениями, которые мгновенно заставили ее забыть обо всем, кроме мужчины, показывавшего ей, что значит жить и любить.

– Джульетта!

Его лихорадочный шепот заставил ее затрепетать. В ней зародилась неутолимая жажда проверить, может ли его страсть сравняться с ее собственной. Она бросила на него взгляд из-под полуопущенных век и обнаружила, что в его глазах горит торжествующая радость мужчины-победителя. А потом его длинные темные ресницы опустились. Зубами Джеффри осторожно захватил ее сосок и нежно провел по

нему языком. Джульетта громко ахнула, и он удовлетворенно застонал.

Его плечи напрягались, и каждый тренированный мускул дрожал, принимая на себя вес его огромного тела, от которого он старался уберечь женщину. Боевые шрамы придавали ему какую-то особую варварскую красоту. Дрожащими пальцами Джульетта прикоснулась к одной из бледных линий, прочертивших его кожу, и снова невольно ахнула от того, каким горячим и сильным было склонившееся над ней тело. Заходящее солнце высветило золотистые отблески в его волосах, закат окружил его рамкой из оранжево-красных всполохов. Неровный зигзаг свинцово-серого цвета пересекал это богатство красок... как полоса, разрезавшая небо в тот день, когда этот человек ворвался в ее жизнь...

Его плоть раздвинула ее потаенные складки, подчиняя ее, овладевая ею – и никакой разрыв в небе или времени не смог бы потрясти ее сильнее.

Джульетта так давно отдала свою девственность Дэниелю, а потом так долго сожалела об этом! Сейчас это показалось ей пустячной потерей. В объятиях Джеффри она снова почувствовала себя невинной, словно никогда и никому еще не принадлежала. Он мощно двигался в ней, вовлекая ее тело в танец страсти. Поцелуи Джеффри крали ее вздохи, пока Джульетта не начала дышать с ним в такт. Ее кожа холодела там, где он не прикасался к ней, и горела там, где соприкасалась с его телом. Стоило Джеффри немного изменить поло-

жение своего тела – и лишившаяся контакта с ним часть тела Джульетты начинала мучительно ныть. Ощущая под собой жесткую землю прерии, а над собой – жесткое тело мужчины, она словно всем своим существом превратилась в мягкую невесомую массу ощущений, которые нарастали в невыносимом крещендо, и скоро Джульетта уже криком возвестила небесам о своем восторге, ликуя от звука криков Джефффри, – и голоса их слились в едином гимне экстаза.

Какую-то дивную секунду она, безусловно, верила всему, о чем Джефффри ей рассказывал: ведь такое наслаждение можно испытать раз в тысячелетие.

Целую вечность или, может быть, всего одно сердцебиение спустя он с особой нежностью прижал Джульетту к своей груди и к той части тела, которая мгновенно ожила и окрепла, прикасаясь к ее все еще трепещущей плоти. Длинные пряди его волос падали вниз, перепутываясь с ее собственными, так что становилось трудно различить, где были его каштановые пряди и где – ее темно-русые, словно они принадлежали одному человеку. Джульетта вдруг испугалась, осознав, с какой легкостью отбросила всю свою с таким трудом воспитанную сдержанность. Она попыталась вырваться из объятий Джефффри, встревоженная собственной ранимостью.

Его руки обхватывали ее, его сердце громко стучало под ее ухом... И желание убежать исчезло, как капли дождя, опавшие на иссушенную жарким солнцем землю. Кажется,

Джефффри почувствовал, что она сдалась: его пальцы прикоснулись к вершинам ее груди, и он перебросил свою ногу через ее колени, притянув ее к себе еще теснее. Низко наклонив голову, он прижался губами к ее ключице, а потом влажным языком провел дорожку вдоль скулы к уху. Его шепот, гулкий и басовитый, был полон озорной самоуверенности и снова пробудил в ее теле странный трепет.

– Если на то твоя воля, миледи, то я хотел бы, чтобы ты осталась. Я еще не все сделал.

Настоящая леди не стала бы валяться по прерии с актером, которому, похоже, никак не удастся выбраться из странной роли, в которой он завяз. И Джульетта не испытала бы острого желания ответить: «Конечно, продолжай делать со мной что тебе угодно, сэръ рыцарь». И, безусловно, настоящая леди никогда не позволила бы себе непристойно ахнуть от сладостного предвкушения – но Джульетта смогла отреагировать на его слова только таким образом. И эта самая настоящая леди не стала бы выгибаться, чтобы еще теснее прижаться к улыбающемуся мужчине, который лежал рядом с ней на одеяле, готовясь проделать совершенно недопустимо приятные вещи своими губами, руками и языком.

Прерия уже была залита лунным светом, а тело Джульетты казалось таким же призрачно-невесомым, как волнующаяся под ветром трава, когда Джефффри д'Арбанвиль наконец совершил все, что собирался.

И Джульетта вместе с ним.

Джефффри оставался на страже всю долгую ночь. Он полулежал, упираясь локтем в пологий подъем почвы, пока Джульетта спала у него на груди. И стражником он оказался никудышным: взгляд его все время возвращался к женщине, которую он держал в своих объятиях.

Но с другой стороны, более приятного караула у него в жизни не было.

Снятой так поспешно одеждой он прикрыл себя и Джульетту до пояса. Ее рассыпавшиеся волосы легли на ее обнаженную спину и его грудь мягким ароматным покрывалом, так что он мог рассмотреть только округлую щеку да розовый бутон соска, проглядывавшие через волнистые пряди.

«Моя!»

Чувство собственника было одновременно пьянящим и отрезвляющим.

По какой-то непонятной причине он пронесся сквозь время, чтобы оказаться рядом с этой женщиной. Его не слишком решительные попытки не поддаваться влечению к ней ни к чему не привели. Поразмыслив, Джефффри пришел к выводу, что глупо было даже пробовать противиться судьбе. Недоступные его пониманию силы из бесконечного множества представителей человечества избрали именно его недостойную душу и привели его к Джульетте. Он решился доверить ей правду – и она не стала смеяться или называть его лжецом, а прикоснулась к нему с нежной страстью, о которой сейчас, пока она спала, ему лучше было бы забыть.

«Моя!»

Может быть, кельтское божество Рованвудов поступило не столь неразумно, как поначалу показалось Джеффри. Он не мог представить себе места и времени, которые сильнее нуждались бы в его знаниях и умениях.

Возможно, он был заброшен в будущее для того, чтобы уладить здешний приграничный конфликт в качестве тренировки перед встречей со своими более решительными врагами.

На этой мысли следовало бы остановиться подольше, но в этот момент его ум был занят явно не военными вопросами. Джеффри немного сильнее сжал руки, и Джульетта чуть слышно вздохнула во сне.

– Приближается рассвет, миледи, – прошептал он, несмотря на то что ему не особенно хотелось ее будить.

– Рассвет... – Ее сонный шепот быстро перешел в негромкий и отнюдь не сонный вскрик: – Рассвет!

Она высвободилась – не без игривой борьбы, поскольку Джеффри не хотел ее отпускать. Отвернувшись от него, Джульетта начала неловко возиться со своим светло-голубым платьем, явно сгорая от стыда. Натягивая одолженные ему брюки, Джеффри живо представлял себе, как нежно залезла ее кожа, жалея о том, что не помедлил еще немного, прежде чем ее будить. Но даже в предрассветных сумерках она светила неземной красотой. Он пытался найти слова, которые сказали бы Джульетте, насколько его сердце поко-

рено ее внутренним светом.

– Мое лицо не обращено к востоку, иначе я решил бы, что прекрасная Джульетта – это солнце.

Ответом на его комплимент был звук рвущейся материи. Она чуть не напроць оторвала рукав от платья.

– Что ты сказал?

Джефффри не мог понять, почему Джульетта вдруг испортила свое платье резким движением и почему голос у нее звучит так странно, однако ему определен но не понравилось, что между ними создалось непонятное отчуждение. Подойдя к ней, он собрался снова обнять ее.

– Я сказал: «Мое лицо не обращено к востоку, иначе я решил бы, что прекрасная Джульетта – это...»

Возмущенно вскрикнув, его полуобнаженная дама изо всех сил ударила его в подбородок.

– Ты... ты, жирный громила-обманщик! Ты почти заставил меня поверить в свои невероятные сказки насчет прихода из прошлого, а теперь показываешь, что ты всего лишь актер, и дразнишь меня перевернутым Шекспиром!

Джефффри считал, что комплимент у него получился необычайно удачным, и оттого что Джульетта его отвергла, ему было больнее, чем от удара.

– Ты говоришь чепуху, женщина. Я не знаю никакого Шекспира и не могу тебя им дразнить. И, – тут он многозначительно посмотрел на свой подтянутый живот, – я совсем не толстый и не актер, хоть ты упорно меня так называешь.

– Ха! – Она снова оскорбила его, хоть и произнесла это слово со странной дрожью в голосе, словно это он нанес ей рану, а не наоборот. Джульетта стремительно всунула руки в рукава, но так как один из них был почти оторван, то голубая ткань спустилась с плеча, обнажив ее левую грудь. Казалось, она даже не заметила, насколько соблазнительно выглядит. – Тогда скажи мне, мистер якобы рыцарь из тысяча двести восемьдесят третьего года от Рождества Христова: кто, кроме актеров, мог бы почти дословно знать фразу, написанную через триста лет после того, как ты жил? Я никогда не думала, что буду благодарна моему одержимому отцу за то, что он наградил меня таким... таким романтическим именем!

Право, очень трудно было сосредоточиться на ее бессмысленных попреках, когда ее грудь выглядывала из-под платья нахальным приглашением.

– Именем? Что значит имя?

– Ты делаешь все только еще хуже! – Невероятно, но на глазах у нее выступили слезы. – Еще немного, и ты забудешь об этих сказках насчет рыцаря и начнешь утверждать, что ты Ромео Монтекки. Давай уж я dokonчу за тебя: «Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет».

Джеффри протянул к ней руки, но она оттолкнула их. Ему отчаянно хотелось привлечь ее к себе, обнять покрепче.

– Почему ты обвиняешь меня в том, что я выдаю себя за итальянца и даю новые имена цветам? – Это предвещало неприятную перемену в ее отношении к нему. – Я не могу

понять, почему ты так расстроилась, Джульетта. Ты производишь слова, но ничего не говоришь.

– Прекрати! – Встающее солнце послало в их сторону первые робкие лучи, осветив слезы гнева, которые стояли в ее глазах, но не проливались. – Мой отец назвал меня именем девушки из той пьесы. Когда я была маленькая, он все повторял и повторял мне отрывки оттуда, пока я не выучила наизусть чуть ли не все роли.

К вящему изумлению Джеффри, она прижала одну руку к сердцу, а вторую моляще воздела к небу.

– «В окне забрезжил свет. С востока он. Джульетта, солнце – ты!» – Она мрачно смотрела на Джеффри, изумленно уставившегося на нее, а потом, приняв новую, но тоже совершенно бессмысленную позу, прижала ладонь ко лбу. – «Что значит имя?!» А слова про розу, которые идут следом, я уже процитировала. – Потом она высокомерно приподняла бровь в ответ на его молчание и сказала: – «Она производит слова, но ничего не говорит». С тем же успехом ты мог взять с собой томик «Ромео и Джульетты» и зачитывать отрывки прямо оттуда, вместо того чтобы проверять слова Шекспира и притворяться, будто не знаешь, что говоришь. Ты лжец, Джеффри д'Арбанвиль, и соблазнитель женщин, которые были вполне довольны своей жизнью и... И ты просто подлец, что заставил меня захотеть тебе поверить!

Джеффри чувствовал себя совершенно не способным справиться с болью и неловкостью, которые были написаны

на ее лице.

– Джульетта... Твои слова – удары...

– Прекрати! Слышишь, прекрати!

С этими словами она расплакалась и неловко заковыляла по прерии прочь от него.

Лучше было бы умереть, чем вынести мысль, ударившую в него с силой стенобитного орудия: Джульетта ему не верит! Она никогда ему не верила. Ее невинная чувственность не имела никакого отношения к любви и доверию.

Она считает его подлецом. Его – Джеффри д'Арбанвиля, рыцаря! Она считает его подлецом. И... и актером. Право, легче было бы умереть, чем выносить такое.

И тем не менее он не мог поднять «кольт», так кстати данный ему лейтенантом Джорданом, и всадить себе пулю в лоб: ведь его дама с обнаженной грудью одиноко брела по прерии, считая его подлым лжецом. Джеффри не стал тратить время на то, чтобы обути ноги, защищая их от остро режущей травы, и даже не пожалел об этом, потому что был настолько ошеломлен реакцией Джульетты, что его ноги словно превратились в чугун.

И все равно он без труда ее догнал.

Когда он оказался у нее за спиной, Джульетта разрыдалась и бессильно рухнула на землю. Ее волосы, спутанные его ласками, прятали от него ее лицо. Джеффри склонился над ней и, взяв за подбородок, заставил поднять лицо к нему, заранее страшась вида ее слез. Любого рыцаря ужаснули бы

слезы его дамы, но если бы она плакала, то это значило бы, что она делится своей внутренней мукой.

Джульетта смотрела на Джеффри сухими глазами, и лицо ее оставалось каменным, полным обвинений в предательстве, которое он совершил только в ее воображении.

Джеффри ничего не понимал. Возможно, она тоже. Теперь он жалел, что столько времени восхищался ее невинным сном, вместо того чтобы привести в порядок свои мысли. Однако сожалеть было уже поздно. Ему придется изложить ей свои полуоформившиеся теории, иначе он рискует навсегда ее потерять.

– Джульетта, мне все теперь ясно.

– Просвети меня. Только от Шекспира уволь.

– Приграничные конфликты, Джульетта! Я был занят тем, что пытался прекратить именно такие столкновения между англичанами и валлийцами, – и вдруг меня перенесло сюда. Могу тебя уверить, приграничные лорды вроде Рованвуда сражались гораздо более храбро, чем ваши собственные приграничные разбойники.

Она возмущенно смотрела на него, не желая уступить ни в чем.

– И надо принять во внимание твое собственное положение, во многом похожее на то, в котором оказалась леди Деметра. Она поклялась держать замок Рованвуд, собираясь защитить его от любого, кто осмелится его осадить, будь он друг или враг. Как ты сама, Джульетта. Юный Робби сказал

мне, что всем вокруг известно, что ты намерена обречь себя на горькую вдовью долю. – Джеффри не стал обращать внимания на ее возмущенный вскрик. – Ты говоришь, что здесь нет рыцарей и поэтому некому спасти тебя от такого холодного будущего. Самим богам пришлось послать такого, как я, чтобы не допустить этого.

– Чтобы спасти меня.

– Да. – Когда она бросила на него полный отвращения взгляд и попыталась встать, он поднял руку, чтобы помешать ей. – И возможно, решается нечто гораздо более серьезное. Король Эдуард поручил мне жизненно важный квест. Его неудача вполне может изменить ход истории. Мой меч должен разить еще точнее, чем прежде. Мой щит должен выдержать самые злобные удары. Боги, видимо, решили, что мне предстоят самые невероятные трудности. И поэтому я был отправлен сюда, чтобы попрактиковаться на приграничных разбойниках. И спасти тебя – спасти нас обоих, узнав любовь.

– О, ну конечно! – Джульетта оттолкнула его руку, которой он пытался ее удержать, и встала над ним, стройная и гибкая. Ее лицо превратилось в маску, скрывавшую все чувства. Она наконец заметила порванное платье, потому что прикрыла грудь тканью, словно ей было необходимо скрыть от его взора всю себя: тело и душу.

Но Джульетта не убежала. Возможно, несвязные объяснения Джеффри оказались не такими неубедительными, как

показалось ему самому.

– Да. Конечно. Всем известно, что рыцарь обретает невероятные силы, когда находит свою истинную любовь, а я надеюсь, что нашел ее с тобой.

Она чуть заметно содрогнулась – складки юбки заколыхались.

– Истинная любовь наделяет рыцаря отвагой, – прошептал Джеффри. – Перед лицом Господа я посвящаю все, чем я был и чем когда-то буду, тебе – моей даме, моей любви. Если бы ты в ответ предложила мне то же, то никакой враг, никакое препятствие не помешало бы мне сделать то, что я должен сделать.

– Найти высокую гору, чтобы взобраться по ней обратно в тысяча двести восемьдесят третий год.

– А ты мне сказала, что здесь нет гор. Вероятно, вместо этого мне следует найти огромную пропасть и прыгнуть в нее – ведь именно таким способом я попал сюда. – Джеффри нахмурился, смущенный тем, что раньше не сумел до этого додуматься. – Ты сказала, что Земля круглая, но уверяю тебя, когда я в последний раз ее покидал, она была плоской! Должен быть переход с одной стороны на другую.

– И конечно, как истинные влюбленные, мы прыгнем вместе, с одной плоской стороны на другую. А потом, когда ты разберешься с Дрого Фиц-как-его-там, мы, надо полагать, сможем перепрыгнуть обратно сюда и получить окончательные права на твой участок.

– Миледи, на такое я даже не смел надеяться! Рыцарь склонил голову, потрясенный ее предложением, чувствуя, как отчаянно колотится его сердце.

Джульетта так долго молчала, что он убедил себя в том, что, когда поднимет голову, то увидит в ее глазах любовь, а на губах – теплую улыбку. Вместо этого теперь на ее щеках серебрились струйки слез.

– Ты спутал меня с той, другой Джульеттой. Которая была в пьесе. Которая не слушала предостережений и рискнула всем... ради любви, которая была обречена.

Было унижительно, что Джеффри зашатался, когда Джульетта засмеялась, горько и презрительно, издеваясь надо всем, что он мог ей предложить. Было унижительно, что когда она его отвергла, он не смог не протянуть к ней руки.

Она оттолкнула его руку – она оттолкнула его.

– Не существует ни волшебства, ни любви, которая была бы неподвластна времени. Я не верю в счастливые развязки. Может, тебе стоило бы попытаться выбросить из головы всю эту чушь, чтобы там нашлось хоть немного места для реальности.

Глава 13

Джульетта не знала, удалось ли ей спрятать внутреннюю дрожь, которая охватила ее после вспышки негодования. Никогда прежде она не была столь уверена в том, что нашла слова, способные причинить боль. И это заставило ее опомниться и задуматься об этом новом и, откровенно говоря, неприятном свойстве ее характера. И удивиться ранимости Джеффри и своему собственному безошибочному инстинкту: словно они двое обладали повышенной чувствительностью друг к другу. Чувствительностью, которая была неуместна при таком недолгом и поверхностном знакомстве – а ведь иных отношений между ними быть не могло!

Джеффри молча выпрямился и набросил ей на плечи свою рубашку, а сам отправился седлать лошадей. Грубый домотканый холст колот нежную кожу ее груди, напоминая о том, что она по-прежнему прижимает к телу ткань разорванного лифа, словно эта ненадежная преграда сможет защитить ее от воспоминаний.

Прежде столь дисциплинированный ум Джульетты напомнил ей о том, как о нежную кожу терлась заросшая щетиной щека, как теплые и нежные губы рождали в этой самой груди совершенно невероятные ощущения. Ее дрожащим пальцам едва удавалось удержать материю на месте. По правде говоря, ей приходилось бороться с непристойным же-

ланием отпустить ткань и проверить, сможет ли вид ее обнаженного тела вернуть в глаза Джеффри выражение желания, которое сейчас сменилось болью и оскорбленным достоинством, когда она отвергла его мольбу.

Да и вообще вся ее столь тщательно налаженная жизнь с появлением Джеффри начала расползаться по швам.

– Ты должен понять! – испугавшись его молчания, Джульетта снова заговорила. – В том, что произошло между нами, я виню исключительно себя.

Его губы тронула чуть заметная улыбка.

– Полагаю, я в этом тоже участвовал.

– Нет... То есть я хотела сказать – да. То есть нет, во всем виновата я одна. – Ее сердце по-прежнему отчаянно колотилось. – Я прежде была немного... несдержанная. Теперь я уже не такая. Почти всегда. Спроси в городе кого угодно – они все скажут одно и то же. Я разумная и практичная деловая женщина. Моя единственная забота – это благополучие Брода Уолберна.

– Ах да – клятва, которую вырвал у тебя муж.

– Ничего он у меня не вырывал. Я... я люблю эти места. Я не представляю себе большего счастья в жизни, чем видеть процветание Брода Уолберна.

Но что случилось с этими обещаниями, с этой твердой решимостью? Достаточно ей оказаться в прериях вдвоем с Джеффри, и она, не в силах устоять, ложится на спину, ощущая на своих губах его поцелуй. А прошедшей ночью – не

только на губах... И помощи Господи, но она снова жаждет его ласки... О Боже!..

– Тебе нет нужды ничего объяснять, Джульетта. Дьявол знает, как плотский соблазн может на время помешать человеку исполнять клятву.

Слова Джеффри должны были бы освободить ее от чувства вины, а вместо этого ей хотелось громко кричать о том, что он больше... мог бы быть чем-то большим, нежели просто плотским развлечением. Но ведь он не мог!

– Я рада, что ты это понимаешь. – У Джульетты дрожал голос, поэтому она старалась говорить тихо. – Ты не просил меня бросать все дела и тащиться с тобой заполнять заявку на земельный участок. И я одна должна нести ответственность за то... за то, что мы остановились тогда, когда нам следовало бы спешить в Брод Уолберна, чтобы предупредить его жителей о том, что Форт-Скотту грозит нападение приграничных разбойников. Городу необходимо принять меры. Город должен остаться цел!

– Мне кажется, что твой муж возложил на твои плечи очень тяжелую ношу, Джульетта. Ты никогда не думала о том, что он мог потребовать от тебя этого обещания во время горячечного бреда? Что, если бы его не терзала мучительная боль, он не отважился бы связывать тебя клятвами? Человек, стоящий перед лицом смерти, часто пытается в последний раз отчаянно ухватиться за возможность бессмертия.

Его слова заставили ее заметно вздрогнуть. Она не смеет

позволить себе питать эту мысль даже долю секунды – иначе ей придется признать бесполезными последние четыре года своей жизни.

Бросаясь защищать Дэниеля, она почти ничего не чувствовала.

– Дэниель в меня верил! А я верю, что он с самыми лучшими намерениями попросил меня дать ему клятву. Вот почему я должна извиниться перед тобой за мое поведение. Я... я вела себя как безмозглая распустеха, которую ничуть не заботят правила приличия. Я даже не могу винить тебя за то, что ты решил, будто я буду готова найти большую яму и прыгнуть туда вместе с тобой. Мне жаль, что я ввела тебя в заблуждение.

– А мне жаль человека, который умер, повторяя имя города, а не женщины, которую любил. Если мне дарован будет выбор, я предпочту, чтобы после моей смерти женщина лелеяла в своем сердце чувство любви, а не заботилась о процветании города, названного моим именем.

Джульетта сжала ворот его рубашки, жалея, что сейчас не может провалиться сквозь землю – вот когда ей пригодилась бы глубокая яма, которую ищет Джеффри! Не зная о прошлом Джульетты, Джеффри догадался, что она хоронила Дэниеля с чувством вины, а не с любовью в сердце. И теперь, совершенно ошеломленная этими словами о своем покойном муже, она может думать только о том, что от рубашки исходит запах тела Джеффри, и ее ставшее предательски

непослушным тело горит от незабытой страсти.

А она еще называла Джефффри сумасшедшим!

Он отвернулся, чтобы закончить седлать лошадей. Двигался он с резковатой точностью, говорившей о нетерпении. Джульетта не смогла отвести от него глаз. Одолженные капитаном Чейни брюки низко сидели на его бедрах: Джефффри не стал затягивать полученный взаимы ремень, который свободно держался на его мускулистой талии. Торс расширялся до плеч, равных которым не нашлось бы и во всем Канзасе.

Сегодня Джефффри стянул волосы кожаным ремешком – волосы, которые прошлой ночью так естественно переплелись с ее собственными, – и они широким локоном лежали на его спине, на бронзовой от солнца коже. Шрамов на спине было гораздо меньше, чем на иссеченных руках и груди: можно было подумать, что он получил свои раны при столкновениях с не менее свихнувшимися людьми, рыцарями, которые целиком преданы идее порядочности. В отличие от нее самой, притворившейся, будто верит ему, а потом открыто назвавшей его лжецом.

Где же все-таки человек мог получить так много ран, настолько серьезных и глубоких, что после них осталось бесчисленное количество шрамов?

– Почему у тебя так много шрамов? – спросила она.

– Я больше не стану давать объяснений, которым ты отказываешься верить. Думай что хочешь.

Джульетта вдруг подумала, что получить так много шра-

мов вполне мог именно рыцарь, но уж никак не актер.

Она поджала губы, злясь на себя за то, что снова склоняется к тому, чтобы ему поверить. Она слишком много времени потратила на то, чтобы развить в себе с таким трудом давшуюся ей практичность! Теперь она не допустит, чтобы верх взяло ее женское сердце. Чего Джеффри от нее ждет? Предположим – просто предположим, что она уступит желанию поверить в его невероятные байки. Кончится это тем, что он заставит ее скитаться по такой глуши, о какой не слышал даже ее непоседа отец, отступить от обещания, данного ею умирающему мужу, – и все ради какого-то поблекшего, грубо сработанного талисмана, который Джеффри намерен передать другой женщине.

«А ты все равно ему поверь!» – настаивал несносный голос сердца.

Джувьетта покачала головой. Поверить Джеффри значило бы отказаться от своих самых дорогих идеалов: спокойствия, чувства долга, независимости.

Но что, если Джеффри – это та самая прекрасная сказка, о которой она мечтала всю жизнь? Ее драгоценные идеалы были плохой компанией во время метелей прошлой невероятно холодной и снежной зимы.

Одиночество давило на нее, но все равно она практически никогда не горевала о человеке, который приковал ее к Броду Уолберна. Может быть, Джеффри не ошибся? Может быть Дэнниель действительно не хотел бы, чтобы все так по-

лучилось?

Она снова покачала головой, жалея, что перед ней нет зеркала, чтобы увидеть в нем свой собственный благоразумный жест и справиться со своей дуростью. Она не могла поступить иначе, не уничтожив то существо, в которое она себя превратила, – вдову Уолберн... И поэтому она вместо этого уничтожила Джеффри д'Арбанвиля. Раны, которые нанесла ему Джульетта, не оставят после себя видимых постороннему глазу шрамов.

– Извини, Джеффри, – прошептала она.

Он обернулся к ней: обычное движение, которое мог бы сделать любой мужчина. Но при виде мускулов, заигравших на его шее и плечах, у нее загорелась кровь. Джеффри всего на секунду встретился с ней взглядом – и тут же снова отвернулся, так сильно дернув подпругу, что лошадь протестующе фыркнула.

Похоже, он был намерен истолковать ее извинение неправильно.

– Обойдусь без рубашки. Сейчас не слишком холодно, а тебе она нужнее.

– Я прошу прощения не за то, что отняла у тебя рубашку.

Он пожал плечами, словно слова Джульетты мало его интересовали.

– Как угодно...

Джеффри замолчал, а в голове Джульетты тихий голосок добавил отброшенное им любезное обращение «миледи».

– Мы можем заехать в дом на окраине, чтобы ты починила платье, прежде чем въедешь в поселок. Тебе не захочется, чтобы миссис Эббот написала о твоих злоключениях своему сыну Герману из Военной службы инженеров-топографов.

Над неумеренной гордостью миссис Эббот все подшучивали, так что Джульетта обнадеженно подумала, что слова Джеффри говорят о том, что он немного смягчается. Но быстро взглянув на его стиснутые челюсти и бесстрастное лицо, она убедилась, что он говорил абсолютно серьезно. Ей с большим трудом удалось спокойно ответить на его слова.

– У нас на пути дом Уилкоксов, но заезжать туда вряд ли следует. Однако я хочу...

Джеффри снова прервал ее извинения.

– Ты опасаясь, что тот злобный невежа может обвинить меня в том, что это я разорвал твою одежду?

– Нет, я имела в виду...

Но готовое вырваться на свободу опрометчивое признание замерло у нее на губах, когда он стремительно повернулся к ней.

Ее нежный, дразнящий, чувственный Джеффри прошлой ночи исчез, а вместо него перед ней оказался суроволицый незнакомец с холодным взглядом, мерившим ее так, словно она была его самым страшным врагом. Джульетта невольно отшатнулась от него: ее оттолкнула излучаемая им сила, казавшаяся физически ощутимой, словно он орудовал кнутом, расчищая перед собой дорогу.

Или словно на нем был боевой доспех, скрывший его внутри; Джеффри как бы преграждал Джульетте путь в его собственный мир.

– Мне невыносимо, что вы пытаетесь тешить мою гордость. Я просил бы вас забыть о том бреде, который вы слышали от меня в последние дни... мисс Джей.

Протестующий крик застрял у нее в горле и прозвучал только в ее мыслях.

«Джульетта!» – горевала она, томясь по звукам его голоса, так певуче произносившего ее имя. – «Миледи».

Он называл ее миледи, своей любимой... Бред, о котором он попросил ее позабыть. Вдова Уолберн могла бы увидеть в этом доказательство того, что ему нельзя верить – ни в чем. А Джульетта могла горевать, зная, что причинила Джеффри боль и что он ответил на удар, нанесенный его сердцу и его гордости.

Нет. Она ведь не просила о том, чтобы он называл ее ласковыми именами. Когда Джеффри отверг ее извинения, ей стало проще собрать остатки своей добропорядочности. Она расправила плечи, принимая на себя этот груз.

– Ну, я рада, что вы наконец начали называть меня «мисс Джей»: я предпочитаю именно это обращение. – Она сложила губы в неискреннюю улыбку. – Поскольку мы теперь будем соседями, я бы хотела, чтобы вы и дальше звали меня именно так.

Его губы чуть изогнулись в невеселой улыбке.

– Можете не беспокоиться. Мне нетрудно будет это запомнить, мисс Джей. Я здесь надолго не задержусь, чтобы называть вас как-то иначе. А теперь я провожу вас до дома Уилкоксов.

Ребекке пришлось напрячь слух, чтобы разобрать, что ей шепчет Алма: Робби трещал не переставая, обращаясь к их молчаливому гостю.

– Что вы сказали?

– Я сказала, что если у нас вдруг выйдут все спички, то можно будет просто взять у мисс Джей займы Джеффри и подвести его к очагу.

– О чем это вы говорите? – изумилась Ребекка, но невольно бросила взгляд на обнаженного по пояс Джеффри с мрачно горящим взглядом.

– Он так из-за чего-то разозлился, что того и гляди начнет изрыгать пламя! – захихикала Алма. – Готова спорить, что кожа у него сейчас – как раскаленный утюг!

– Пшшш! – Она помолчала. – Но, конечно, девушка почувствовала бы жар, даже если бы он не был так расстроен.

– Алма!

Благопристойная замужняя дама должна подавать пример легкомысленной девице, так что Ребекка сжала губы, стараясь не рассмеяться, чего ей очень хотелось. Но... Джозайя наверняка видел, как мисс Джей и этот тип заехали на двор, так что, наверное, он уже сейчас мчится домой с поля. Если она хочет как следует рассмотреть этого нового приезже-

го, этого странного актера, чьи рассказы так заворожили ее Робби, то ей надо сделать это прямо сейчас.

Кофе! Радужная хозяйка предложит гостю угощение, пусть даже он по пояс голый. У Джозайи не будет повода ругаться, если он застанет ее стоящей перед Джефффри с кофейником в руках. Ребекка обмотала руку фартуком, чтобы не обжечься о горячую ручку, и чуть не расхохоталась во весь голос, когда Алма снова захихикала и повторила:

– Пшшшш!

– Кофе, мистер д'Арбанвиль? – спросила Ребекка, поворачиваясь к нему, и почувствовала, как в ее душе поднимается знакомая печаль. Она столько лет живет рядом со страдающим человеком, что ей легко было прочесть душевную боль на лице незнакомца.

«В этих местах живет что-то, убивающее наших мужчин, а мы, женщины, понятия не имеем, как им помочь», – подумала она, каким-то чудом удерживая на губах вежливую улыбку и не дав руке, наливающей кофе, дрогнуть.

Мисс Джей ушла в спальню, чтобы зашить платье. Джефффри встал, расставив ноги, перед закрытой дверью, и его скрещенные на груди руки и напряженные мускулы стали более надежной преградой, чем засов или дверная цепочка. Он как Джозайя: создает преграды там, где они совершенно не нужны. И как Джозайя, он несгибаем и неуступчив и сам своим намерением отразить боль только сильнее ее берет. Ребекка пыталась угадать, удалось ли мисс Джей по-

нять Джеффри лучше, чем она, Ребекка, понимает Джозайю.

Мисс Джей открыла дверь спальни. Возбужденная болтовня Робби оборвалась на пронзительном взвизге. От мисс Джей и Джеффри исходила настороженность, которая ввела всех в мучительное смущение, хотя не произнесено было ни единого слова.

– Боже! – чуть слышно прошептала Ребекка, ужаснувшись. Неловкая тишина была ей неприятно знакома: недоверие, бушевавшее между нею и Джозайей часто погружало в такую же тишину целую комнату, полную народа – разговоры внезапно замолкали и воцарялось напряженное молчание. Ребекка всегда пряталась за убеждением, что, пока она молчит о своих несчастьях, окружающие не подозревают о глубине ее отчаяния. «Мы так и не сумели скрыть от других наших проблем!» – пришла к ней запоздалая догадка.

Она вспомнила слова Алмы о том, что они с мисс Джей очень похожи друг на друга, и страшно пожалела, что у нее не хватит храбрости сию же секунду отвести мисс Джей в сторонку и настоятельно порекомендовать ей, чтобы она немедленно обсудила проблему, возникшую между нею и Джеффри, пока все не испортилось безвозвратно.

По доскам крыльца простучали поспешные шаги, и сухопарая фигура Джозайи так быстро возникла в дверях, что Ребекка поняла: ее муж даже не задержался у порога, чтобы счистить с сапог грязь и побереечь пол на кухне. Его спешка была грозной приметой.

– Что тут, к дьяволу, происходит?!

Несмотря на здоровый загар и слой пыли, осевшей на лице Джозайи за все утро пахоты, он мертвенно побледнел при виде обнаженного по пояс Джеффри, стоявшего у дверей спальни.

Ребекка готова была умереть от стыда, когда полный подозрительности взгляд Джозайи с незнакомца немедленно перешел на нее, словно в ожидании того, что и его жена тоже окажется полураздетой.

Она чуть в обморок не упала от боли и обиды, когда мисс Джей дала объяснения, которых никогда не потребовал бы человек, доверяющий своей жене:

– Ваша жена любезно разрешила мне воспользоваться ее швейными принадлежностями. А мистер д'Арбанвиль любезно одолжил мне свою рубашку, когда я по неосторожности порвала платье.

Мисс Джей отдала рубашку Джеффри, который сразу же ее надел.

– Если вам верить! вызывающие слова Джозайи были произнесены с презрительной усмешкой.

Даже вежливость не смогла заставить мисс Джей и Алму подавить возмущенный вскрик.

И целой жизни регулярных посещений воскресных богослужений не хватило Ребекке, чтобы помешать ей одновременно нарушить несколько заповедей, по крайней мере мысленно. Она готова была продать душу дьяволу или лю-

бому духу в обмен на обещание сию же секунду положить конец постоянным издевательствам мужа. Ей вдруг захотелось убить супруга. Она пожалела, что не занималась блудом, предоставив Джозае основания для его неуместной ревности. Она позавидовала всем женщинам, у которых были порядочные и любящие мужья – не из-за денег или плотских удовольствий, но ради чистого наслаждения, которое может дать любовь, не сопровождаемая такими душевными муками.

– Мне не нравятся ваши злобные выходки, Уилкоккс, – сказал Джеффри. – Вы оскорбили вашу даму и мо... мисс Джей. Если бы не была близка опасность, так что жизнь каждого защитника возросла в цене, я вырвал бы у вас язык и оставил ваш молчаливый, истекающий кровью труп воронью, чтобы они с карканьем его истребляли.

– Что еще за опасность?

Джозайя держался все так же воинственно, но лицо его тускло покраснело. Ребекка не поняла, было ли это вызвано смущением из-за запоздалого осознания того, насколько невежливо он себя повел, или же резкими словами Джеффри.

– Ходят слухи, что приграничные разбойники готовят нападение на Форт-Скотт, – пояснила мисс Джей.

– И вы бросились наутек в Брод Уолберна, поджав хвосты! Слышал, Робби: твой герой – самый настоящий трус!

– Не смей называть Джеффри трусом! Сдавленно всхлип-

нув, Робби бросился на Джозайю и принялся колотить его своими маленькими кулачками в живот. Ошеломленная Ребекка не в силах была сдвинуться с места и только смотрела, как Джозайя поднимает за ворот ее изо всех сил вырывающегося сына. Он приподнял локоть, словно собираясь отшвырнуть Робби к дальней стене. Материнский инстинкт помог Ребекке стряхнуть с себя оцепенение, и она скрючила пальцы, готовая разорвать Джозайю в клочья, защищая от него своего ребенка.

Но тут Джеффри с умопомрачительной быстротой рванулся вперед и вырвал Робби у Джозайи. Мальчик кинулся к матери, обхватил ее колени руками, и Ребекка опустилась на пол, заключив его в свои объятия. От облегчения и боли у нее перехватило горло, так что она даже зарыдать не могла. По щекам у нее заструились слезы, капли которых заблестели в золотых волосах ее драгоценного сына.

– Похоже, нам суждено стать противниками. Джеффри сурово смотрел на бледного и дрожащего Джозайю, который удивленно уставился на свою опустевшую руку, словно только сейчас до него дошло, насколько близок он был к тому, чтобы причинить Робби физическую боль.

Джеффри пригнулся к Ребекке и одним пальцем поднял к себе залитое слезами личико Робби.

– Бросившись меня защищать, ты проявил настоящую отвагу, юный Робби. Если ты захочешь освоить все, что положено знать оруженосцу, я попрошу твою мать отдать те-

бя мне на воспитание: ведь теперь у меня есть собственный участок земли. – Он бросил на Джозайю презрительный взгляд. – Хотя совершенно ясно, что в этом королевстве не знают о рыцарской чести, все равно тебе полезно будет научиться защищать себя самого и тех, кто тебя любит.

Ребекка прерывисто вздохнула. Все нехорошо, неладно. Она слишком долго терпела безосновательные попреки Джозайи, все время теша себя надеждой, что в один прекрасный день он поймет, что ее любовь – честная и верная. Но сегодня муж представлял опасность для ее сына, и предотвратить серьезные последствия смог только совершенно посторонний человек, а не она, его мать! Она крепко прижала голову Робби к своему сердцу, впервые заметив, что это не нежная головенка младенца, а голова взрослеющего парнишки. С возрастом отношения между Робби и Джозайей только ухудшатся: ведь мальчик, мужая, не станет терпеть мерзкого обращения отчима из-за его безосновательной ревности.

Во время этой стычки мисс Джей и Алму снова сблизила общая решимость помочь Ребекке, и теперь они стояли рядом, сочувственно глядя на нее. Хотя мисс Джей никогда не сплетничает, Алма еще до вечера разнесет весть об этой сцене по всему городку. Ребекка могла живо представить себе печально покачивающиеся головы, скорбные лица и тихие пересуды: «Ну, она, похоже, не возражает. Уже сколько лет терпит такое. Мальчика, правда, жалко. Он не виноват, что живет с отчимом».

Ей вдруг вспомнилось, как они с Алмой говорили о том, как печь пироги. Ребекка сказала Алме, что надо разбить яйца. Иногда, чтобы вышел толк, надо все перемешать и взбаламутить. Рисковать сыном она не может: он несравненно более хрупок и дорог, чем какое-то там яйцо. И тем не менее она больше не в состоянии бездействовать, потому что невысказанно и дальше выносить постоянные подозрения, бесконечные и бесплодные попытки умиротворения, саднящую боль, которую мог бы излечить только настоящий муж. Может быть, если она ненадолго отправит Робби из дома, если несколько дней здесь будут только они с Джозайей, наедине, чего не было ни разу за всю их супружескую жизнь, – ее мужу выпадет один последний шанс избавиться от его душевных терзаний.

А если из этого ничего не выйдет, Ребекка сможет забрать сына и уехать.

– Это пора прекратить, – сказала она, вставая с пола. Джеффри и Робби вопросительно посмотрели на нее. – Ваш разговор насчет воспитанника, мистер д'Ар-банвиль. Что под этим подразумевается?

Ее слова закончились звуком, похожим на рыдание: личико Робби просияло такой радостью, что ей без слов стало ясно, с какой готовностью он уйдет с Джеффри, если мать даст свое согласие.

– Детей мужского пола нельзя баловать, иначе у них не будет сил – ни телесных, ни душевных. Матери вечно пла-

чут над детскими болячками, будь они настоящими или вообразаемыми. А отцы иногда напрасно гордятся успехами пареньков – даже тогда, когда их умения оказываются хуже по сравнению со сверстниками. И поэтому любящие родители отправляют своих отроков в чужие дома, где они становятся воспитанниками лорда и его супруги, так что парнишка может научиться сражаться и стоять за себя под присмотром людей, которые относятся к нему с симпатией, но могут оценить критически.

– И сколько времени на это уходит? – спросила Ребекка.

– Это длительный процесс, – признался Джеффри. – Я, например, был отдан на воспитание в семилетнем возрасте. Мой отец-воспитатель научил меня обращению с оружием и любезному обхождению с дамами. – Он бросил пренебрежительный взгляд на Джозайю. – Спустя еще семь лет я уже был среди лучших мальчишек и начал подготовку в оруженосцы.

– Семь лет?

В голосе Ребекки невольно прозвучал ужас. Она чуть было не отказалась от своего намерения отослать Робби из дома, но тут к ней пришло понимание того, что случится, если она всерьез не возьмется за перемешивание своего «теста». Следующие семь лет могут стать повторением прошлого, а могут оказаться и хуже, если Джозайя окончательно потеряет контроль над собой. Ей надо все разрешить – раз и навсегда.

– Юный Робби, возможно, уложит свое обучение в более

короткий срок.

Похоже, Джефффри ощутил ее душевное смятение. Встретив взгляд его серьезных глаз, где читалось только теплое понимание, Ребекка успокоилась. Как это ни странно, она почувствовала, что доверяет ему, этому незнакомцу, о котором уже несколько дней судачили все горожане.

– Тогда возьмите его, – сказала Ребекка, мысленно приняв решение, что Робби расстанется с ней не больше чем на семь дней. – Я даю свое согласие.

– Спасибо, мама! Ох, спасибо!

Сердце у нее готово было разорваться, когда Робби вскочил и стремительно завертелся на месте, а потом изо всей силы стиснул ее талию.

– Я это запрещаю, хозяйка! – загремел Джозайя срывающимся голосом. – Ты... ты не допустишь, чтобы м... мой... ты не допустишь, чтобы мальчишка ушел...

Ребекка запустила пальцы в шелковистые волосы Робби, все еще влажные от ее слез, и обрела силы, почувствовав, что он цел и невредим, вспомнив, как он бездумно бросился защищать Джефффри. Лучшего своему сыну она не может и пожелать. Впервые за время своего супружества Ребекка восстала против мужа – и ей не было дела до того, что все присутствующие узнают о ее позорной тайне.

– Ты все эти десять лет постоянно давал мне понять, что Робби не твой мальчик. Ну что ж, хозяин, ты прав: ты ему действительно не отец. – Алма громко ахнула, но Ребекка

продолжила: – И твое обращение с ним лишило тебя права голоса в том, что я ему разрешаю, а что – нет.

Она взяла сына под мышки и подняла, изумившись его тяжести. Его крепенькое и увесистое тело послужило подтверждением того, что она поступает правильно. Ребекка обняла его – крепко, изо всех сил, – а потом снова поставила на пол рядом с Джеффри.

– А теперь отправляйтесь. – «Пока я не передумала», – мысленно договорила она. – И, мисс Джей, вы не могли бы на несколько дней поселить Алму у себя? Нам с мужем надо обсудить кое-какие вопросы, которые лучше решать без посторонних.

Мисс Джей бросила ей одобрителный взгляд, схватила протестующую Алму за руку и потащила к двери.

– Мы уходим прямо сейчас, Ребекка. Я попрошу капитана Чейни, чтобы он попозже зашел за вещами Алмы.

А потом все они ушли, и вся отвага Ребекки улетела, как увядшие листья, сорванные с ветвей жестокими зимними ветрами.

Она застыла на месте. Джозайя тоже стоял как вкопанный. Ребекка не могла смотреть на него. От молчания у нее даже зубы заболели, а сердце отчаянно колотилось – и в то же время она готова была поклясться, что слышит доносящееся из гостиной тиканье часов. Она потеряла счет секундам, когда Джозайя наконец заговорил.

Она ожидала возмущения, опасной вспышки ярости, да-

же физического проявления гнева, который он сдерживал столько лет. Ребекка приготовилась выдержать удар, если он будет ей нанесен. А вместо этого ее захлестнула волна мучительной душевной боли, которая исходила от Джозайи, и показалась ей не менее сильной, чем ее собственная.

Странно думать, что такая мука может стать основой для нового взаимопонимания. Она протянула к нему руки:

– Джозайя...

Он резко повернулся к ней спиной, отвергая ее робкую мольбу.

– Я всегда знал, что это случится, хозяйка. Я всегда знал, что ты отнимешь у меня моего сына.

Глава 14

Постели. По дороге от дома Уилкоксов к своему постоянному двору Джульетта неотступно думала о постелях.

Мягкие, набитые пухом перины. Грубо обструганные деревянные кровати с веревочными сетками. Пухлые подушки из гусиного пера. Многоцветные стеганные лоскутные покрывала, ждущие, чтобы их отвернули, открыв теплые шерстяные одеяла. Неярко горящая лампа, отбрасывающая золотой круг света на тонкие простыни, выстиранные дождевой водой.

Видимо, все эти картины перед ней рисовались из-за ее чувства ответственности: ведь она – владелица постоянного двора! И перед ней стоит сложная задача разместить Алму и Робби вдобавок к Джефффри и капитану Чейни – и еще отряду, который обещал прислать в ближайшие дни из Форт-Скотта лейтенант Джордан.

Да если подумать, то окажется, что неуместные мысли Джульетты о постелях вызваны деловыми проблемами, а не присутствием Джефффри д'Арбанвиля, который молча едет перед нею, гордо выпрямив спину.

Господи, да она ни разу не видела его лежащим в постели! Запах мятой травы смешивается с запахом нагретой солнцем мужской кожи. Под спиной Джульетты – колкая и в то же время сказочно-мягкая попона. Ее пальцы прикасаются к

сильному телу, прочерченному шрамами, на ее губах – вкус соли и страсти, в ушах звучат неровное дыхание и невероятно ласковые слова. И все это пробуждает к жизни чувства и ощущения, которые она считала настолько надежно похороненными, что невольно восстала против них. И как результат – острая боль в гордых, глубоко посаженных глазах, и непроницаемая маска на лице, которое стало невероятно, невозможно дорогим...

О Боже! Постель и предательство. Они так неотвратимо сплелись в жизни Джульетты, что она даже не может убедить себя, насколько не важно то, что Джеффри теперь отказывается смотреть в ее сторону и не адресовал ей ни единого слова с того момента, как они оказались среди других людей.

Если бы он только посмотрел в ее сторону! Но казалось, Джеффри был полностью поглощен мальчишескими восторгами Робби. Если бы он произнес одну из своих странных фраз! Но он был намерен слушать, а не разговаривать. Джульетта не замечала, насколько постоянным было доброе расположение духа Джеффри, пока оно не исчезло, не знала, насколько ее ободряла его уверенная улыбка, пока его губы не сомкнулись в мрачном выражении незнакомого ей человека.

Вся ее тщательно устроенная жизнь шла не так, как она планировала. И она никак не могла понять, что ей теперь делать.

Ее размышления прервала Алма.

– Право, я очень рада, что Ребекка наконец собралась с

духом, чтобы пойти наперекор Джозайе.

– Она оказалась очень храброй женщиной, – согласилась Джульетта, не отрывая взгляда от широкой спины Джеффри. И, не удержавшись, пробормотала: – Жаль только, что она не подождала еще день-другой.

– Что-что?

– Да ничего.

Джульетта не была в настроении признаваться, что ей самой надо было заняться выяснением отношений с одним мужчиной – задача, которая была бы не такой пугающей, не путайся у нее под ногами Алма и Робби. А с другой стороны, может быть, присутствие посторонних немного ослабит напряженность, возникшую между ними, даст ей время все обдумать как следует.

– Должна признаться, – сказала Алма, – что, увидев, как Джеффри добр к Робби, я немного стыжусь того, что пыталась тогда его провести. – В ответ на изумленный взгляд Джульетты Алма объяснила: – Во. время пикника. Джозайя Уилкоккс меня на это подбил: сказал, что подозревает, будто Джеффри может оказаться шпионом, и велел мне вытянуть из него все его тайны.

– Но это же нелепость!

– Ну, вы же не можете спорить, что эти проклятушие приграничные разбойники донимают нас сильнее обычного с тех пор, как он здесь появился. – Алма искоса посмотрела на нее. – Подозрения высказывал не один Джозайя. Практиче-

ски все горожане были на его стороне. Джозайя решил, что вам об этом лучше не знать – на тот случай, если вы с Джефффри сговорились.

Джульетта не могла бы сказать, что потрясло ее сильнее: воспоминание о том, какую ревность она почувствовала, глядя, как Джефффри отправился с Алмой на пикник, или известие о том, что жители города Дэниеля – ее города! – составили тайный план, не посвятив в него свою уважаемую мисс Джей. Больше того – они подозревали ее в сговоре с бандитами, и вообще вели себя так, словно она им ничуть не нужна. И в сердце ее шевельнулся крошечный червячок разочарования.

– Так вы избавились от подозрений? Джульетта даже не пыталась спрятать обиду, прозвучавшую в ее вопросе.

Алме хватило совести покраснеть.

– Я сама напомнила им, что вы не стали бы иметь дел с приграничным разбойником. А что до Джефффри, то все решили, что если бы его сочли неблагонадежным, то солдаты не выпустили бы его из Форт-Скотта.

– Он вполне благонадежен. – Странно, почему Джульетте так легко защищать человека, которого она сама называет сумасшедшим? Тем не менее это было так. Она говорила так легко, словно репетировала эти слова несколько дней, и испытывала ту же уверенность относительно его поступков, которая прежде так ее смущала. – Если уж на то пошло, мы должны радоваться, что он оказался здесь. Он готов защи-

щать город ценой своей жизни. – «Словно рыцарь, за которого он себя выдает, когда надо встать на защиту королевства», – хотела добавить Джульетта, но произнести этих слов не смогла. – Пока он будет тут.

– А он собирается уехать? Мне казалось, он ездил в Форт-Скотт, чтобы получить земельный участок.

– Я... – Джульетта успела остановиться, прежде чем с ее уст сорвалось признание, что отъезд Джеффри пугает ее сильнее, чем пролет гусей, возвещающих приближение зимы: и то и другое означало холодное, безлюдное одиночество. Эта мысль оказалась слишком непривычной и болезненной, чтобы ею можно было поделиться с кем-то еще. Она вновь почувствовала прилив решимости уладить свои отношения с Джеффри и немного утешилась уверенностью, что обстоятельства заставят их быть рядом, так что он будет почти вынужден выслушать ее – пусть даже необходимость слушать ее извинения будет его бесить.

– Он не может уехать. У него конь захромал. Алма неопределенно хмыкнула, но на лбу у нее появились морщинки, говорившие об озабоченности.

Лошади уже топали по двору. Обычно вид своего дома, сараев, изгородей внушал Джульетте чувство уравновешенности, уверенности в том, что ее усердная работа и преданность приближают осуществление мечты Дэниеля. Сегодня все постройки показались ей неприятно примитивными: непродуманные здания, сбитые из скучно-серых, обветренных непо-

годой досок, просевшие там, где ее женской силы не хватило на то, чтобы подогнать их поточнее. Ее мысли сыграли с ней злую шутку, демонстрируя, какими безрадостными и печальными будут казаться эти места, если сарай не заполнит собой громадный конь Джеффри, а сам Джеффри не будет деловито расхаживать по двору и его низкий голос не будет звучно разноситься вокруг.

Джеффри спешился – как всегда с неожиданным для такого огромного мужчины легким изяществом – и сразу же повернулся к Алме:

– Ваш слуга, леди.

С этими словами он помог школьной учительнице слезть с седла, а потом повернулся к сараю и задумался, словно решая: пойти ли ему навестить своего больного коня или выполнить рыцарский долг и помочь спешиться также и Джульетте.

Разочарование сжало ей сердце, но она заставила себя гордо выпрямиться. Она ведь всю свою жизнь слезала с лошадей и садилась в седло без чьей-либо помощи – если не считать того единственного раза, в Форт-Скотте, когда Джеффри снял ее с лошади, обхватив за талию. Джульетта крепко стиснула ногами бока несчастного животного и сжала поводья крепче, чем монашка сжимает четки. Грубая кожа так сильно врезалась ей в ладони, что оставит после себя красные следы, а она только молилась, чтобы Джеффри подошел ей помочь, в то же время смущаясь тем, как сильно ей этого

хочется.

Шли секунды, и смущение Джульетты перешло в глубокую обиду. Джеффри тянул время, снимая седельные сумки – те самые седельные сумки, в одной из которых была спрятана попона, послужившая ложем для страстных любовных игр, – а потом повесил их себе через плечо, по-прежнему не поворачиваясь к Джульетте.

Куры, не обращая внимания на разыгравшуюся драму, важно просеменили на двор, с любопытством взирая красными глазками на унижение хозяйки. Лошадь Джульетты встряхнула головой и фыркнула, выражая неудовольствие тем, что все еще осталась с седоком, тогда как остальные животные уже освободились от ноши.

– Простите меня, мисс Джей. Мне следовало раньше прийти вам на помощь.

Джеффри наконец повернулся к ней, видимо, заметив беспокойство лошади. Он протянул даме локоть, явно не желая прикасаться к ее руке. Джульетта смотрела на седельную сумку, прикрывшую его сердце, и думала о том, что обстоятельства не благоприятствуют тому откровенному разговору, который она планировала. Прекрасно. У них наверняка будет возможность поговорить позднее, когда она разместит Алму и Робби и сможет застать Джеффри одного. Она не станет рисковать и не заставит его слушать ее объяснения, пока он не успокоился. Ее собственная гордость тоже была ущемлена.

– Мне ваша помощь не нужна.

Гордо вскинув голову, она слезла с седла не в ту сторону, так что ее лошадь нервно прянула, налетев при этом на Джеффри. Он пошатнулся, но не упал, и ей пришло в голову, что им обоим хорошо удастся держаться на ногах, какой бы удар они ни получили.

Джульетта вытерла ладони о юбку, пытаясь не признаться себе, как ей не хватает крепкой руки Джеффри.

– Что касается ночи, то мне было бы проще, чтобы вы спали в одной комнате со мной, Алма. Я точно не знаю, когда из Форт-Скотта вернутся солдаты, так что мы можем поставить для Робби раскладную кровать в комнате у Джеффри...

– Мы с пареньком не будем спать в вашем доме, – заявил Джеффри.

Джульетта изумленно заморгала.

– Ну, я признаю, что, когда приедут солдаты, мне придется попросить вас перебраться в сарай, но пока у вас нет причин покидать свою комнату.

– Это не комната, а храм, и я не желаю жить рядом с себялюбивым духом, который в нем обитает.

Алма испуганно вскрикнула:

– В вашем доме есть привидение, мисс Джей?

– Ах, Господи, ну конечно же, нет! – возмутилась Джульетта, провожая взглядом Джеффри, стремительно удалявшегося к сараю. Похоже, ему не терпелось это сделать с той секунды, как они въехали на двор. Робби шел за ним по пя-

там. У дверей Джеффри встретило радостное ржание, и Джульетта вспыхнула, представив себе, как умелые руки Джеффри треплют уши коня и гладят его шелковистую шею.

– Можете не краснеть, мисс Джей. Не могу винить вас за то, что вы не хотели никому об этом рассказывать. Господи, привидение на постоялом дворе! – Алма незаметно попятилась к своей лошади. – Я могу вернуться обратно к Уилкоксам. Надеюсь, что Ребекка не рассердится, когда я объясню ей, в чем дело. Или я могу пойти к Тэтчерам. Я уверена, что они возьмут меня к себе.

– В моем доме нет привидений! – воскликнула Джульетта как раз в тот момент, когда Джеффри вышел из сарая, неся на одном плече массивное седло Ариона. Через другое его плечо по-прежнему были перекинуты седельные сумки, и неравномерно распределенный груз растянул ворот его рубашки, в котором показался кельтский талисман для золотоволосой Деметры. В руке он сжимал копьё. Он иронично приподнял бровь и чуть раздвинул уголки губ, молча ставя под сомнение ее протесты.

Робби шагал за ним, и через его худенькое плечо были перекинуты те самые голубые туники с вышитым ястребом, в которые были облачены Джеффри и Арион, когда Джульетта их впервые увидела. Свободной рукой мальчик сжимал уздечку Ариона. На широкой спине жеребца были разложены щит Джеффри и его кольчуга. Их серебристый блеск потух, а кое-где на металле виднелись коричневато-оранжевые пят-

на.

– Мы с вами прощаемся, Алма. – Джефффри поочередно кивнул обеим женщинам. – Сейчас мы направляемся прямо на мой участок.

– Господи, да он действительно уезжает! – Алма заломила руки, быстро переводя взгляд с Джефффри на Джульетту. – Я совсем не уверена, что, разрешая вам забрать Робби, Ребекка имела в виду такое. Разве вы со мной не согласны, мисс Джей?

– Вы не можете уехать!

Хотя вопрос ей задала Алма, но протестующий возглас Джульетты был обращен к Джефффри. Негромкие слова отчаяния вырвались у нее помимо ее воли.

– И почему это?

Он тоже не обращал внимания на Алму.

– Не можете, и все.

О Боже, как теперь проклинала Джульетта долгие годы, приучившие ее постоянно сдерживать свои чувства, бесконечные усилия, потраченные на то, чтобы казаться окружающим сильной и неприступной. Если бы она осталась наедине с Джефффри – только с ним одним, – она, может быть... Может быть, и смогла бы умолять его, чтобы он остался. Может быть, она смогла бы осуществить свой план примирения. Будь Джульетта одна, она насладились бы осторожной надеждой, которую прочла в его глазах, почувствовала бы, как ее внутреннее оцепенение уходит, когда эта надежда засияла

бы чем-то более теплым... чем-то вечным. Но ее слишком тщательно взлелеянная сдержанность не позволила ей выказать свое смятение в присутствии Алмы и Робби.

Она изобразила примирительную улыбку.

– Алма права. Я уверена, что Ребекка рассчитывала, что вы с Робби будете здесь, у меня. Вам нельзя переселяться на ваш участок, Джеффри. У вас там нет ни еды, ни крыши над головой.

Хотя солнце нещадно палило ей голову, она еще никогда не ощущала холода сильнее, чем тот, что охватил ее в момент, когда в глазах Джеффри погасла надежда и они засверкали холодными топазами. Голос у него был полон такого же льда, что и душа Джульетты.

– Леди Уилкоккс не станет тревожиться, если мы с Робби будем на соседних ста шестидесяти акрах. – Он передернул плечом, поудобнее устраивая на нем седло. – Поиск пищи и строительство укрытия из подручных материалов относятся к умениям оруженосца, которым я пообещал научить юного Робби.

– Джеффри! – Джульетта не удержалась и шепотом произнесла слова мольбы, несмотря на то что Алма не сводила с них своих блестящих любопытных глазок. – Пожалуйста, останьтесь!

Он вздрогнул и резко поднял вверх голову, словно получив сильный удар в подбородок. Крепче сжав пальцы на древке копья, он с силой ударил им о землю.

– Вы все время ожидаете от меня невозможного, – хрипло проговорил он, не разжимая стиснутых зубов. – Вы просили меня не вступать в бой – и в то же время говорили, что благополучие этого города для вас превыше всего. Сейчас вы просите меня остаться, хотя не скрываете, что считаете меня полоумным олухом, который думает только об игре. – Тут он вырвал копьё из земли и потряс им в воздухе. – «Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет!»! А вдова Уолберн, как ее ни назови, наслаждается чувством собственной вины и заключает свое сердце в ледяную броню, которую не растопить простому смертному.

– Даже рыцарю? – Джульетта сама не знала, как ей удалось произнести эти слова вызова. Ей казалось, что лед, о котором он говорит, тесно охватил ее сердце, и что если она не заставит Джеффри остаться, то лед победит, и заточит навеки настоящую Джульетту, оставив только холодную, пустую оболочку – вдову Уолберн. – Я думала... Я думала, вы посланы сюда, чтобы меня спасти.

Его копьё с шумом упало. Седло соскользнуло с его плеча и громко ударилось о землю. Он протянул ей руку. Джульетта не могла оторвать глаз от чуть согнутых мозолистых пальцев. Ее собственная рука задрожала, слов но невидимые силы пытались овладеть ею: одна стремилась соединить ее пальцы с пальцами Джеффри, другая невероятными усилиями пыталась остановить.

Так же задрожало и дыхание Джеффри. Его вниматель-

ный взгляд скользнул по ней с головы до ног. Джульетта была уверена, что он почувствовал ее внутреннюю борьбу. Несколько его размашистых шагов резко сократили расстояние, разделявшее их, так что она ощутила легкое дуновение ветра от вновь протянутой к ней руки.

– Пять шагов, Джульетта, – не больше. Сделай их. Вложи свою руку в мою, и мы уйдем отсюда и спасем друг друга.

Его низкий звучный голос проник в самое ее сердце. У Джульетты подогнулись колени, и в то же время ее столь долго лелеемое чувство ответственности гирями легло ей на ноги, пригвоздив ее к месту. Горе встало у нее комом в горле, так что она даже не была уверена, услышал ли Джеффри ее ответ: ей самой он показался мертвенно-глухим.

– Я не могу уйти. Не могу – вот так, сразу.

Его пальцы стремительно сжались в кулак, смяв предложенную ей возможность, раздавив ее, словно комара.

– А я могу.

В подтверждение своих слов он стремительно развернулся на пятках, оставив валяться в пыли копьё и седло.

Не успела Джульетта пошевелиться, как быстрые шаги Джеффри создали между ними непреодолимое расстояние. Она услышала, как по прерии раздался его крик:

– Ко мне, Робби! К д'Арбанвилю!

Холод, сковавший ее тело, стал еще сильнее: она поняла, что даже в его мыслях не осталось для нее места.

– Мы идем, Джеффри! – Мальчик подобрался к брошен-

ным копыю и седлу и метнул на Джульетту извиняющийся взгляд. – Наверное, за остальными вещами он пришлет меня потом.

Потянув за уздечку, Робби перевел Ариона на медленную рысь и тронулся следом за Джеффри.

– Господи, – пробормотала Алма, приподнимаясь на цыпочки, чтобы проводить взглядом странную процессию. – Что за важные дела помешали вам пойти с ним? Он, наверное, просто хотел похвастаться своим новым участком.

Джульетта обхватила себя руками за плечи. Ее била дрожь. Не могла же она растолковать Алме, что Джеффри хотел, чтобы Джульетта прыгнула с ним с края Земли.

– Город. Я дала слово Дэниелю. Нам по-прежнему нужны магазин, конюшня... может быть, даже газета. И наше название – Брод Уолберна – должно появиться на всех картах, как только Канзас получит статус штата.

Она не заметила, что вслух стала перечислять свои втайне составленные планы, пока не услышала, как Алма недоверчиво фыркнула:

– С какой стати вы забиваете себе голову такими вещами, мисс Джей? Никто не вправе требовать, чтобы одна слабая женщина осуществила все это сама. Мы все вместе стараемся, чтобы наш город процветал. И Джеффри тоже, наверное, хочет этого – ведь он же получил здесь участок!

Даже сгорбленной старухе не было бы так трудно отрицательно покачать головой.

– То, чего хочет Джеффри, находится не здесь. Он считает, что должен доказать одну вещь...

Лицо Алмы смягчилось – теперь оно выражало почти что жалость. Она дружелюбно похлопала Джульетту по плечу.

– Мужчины вечно делают глупости, пытаясь что-то доказать. Но рано или поздно они приходят в себя.

Джульетта попыталась беззаботно улыбнуться: всего пару дней назад у нее это получилось бы практически безо всяких усилий. А теперь, когда она видела, как огромная фигура Джеффри с каждым шагом удаляется от нее, казалось почти невозможным приподнять уголки губ, изображая равнодушное спокойствие.

Тем не менее она заставила себя улыбнуться и гордо выпрямилась. Практичная женщина, такая, как она, могла бы считать, что резкий разрыв между ними только к лучшему. Лучше им расстаться сейчас, когда присутствие Алмы не даст ей броситься следом за ним и согласиться на все его самые безумные планы. Кто знает, что случилось бы, если бы Джульетта разрешила себе безнадежно запутаться в их отношениях, а Джеффри сдержал бы свою клятву отправиться обратно в тринадцатый век?

– Я рада, что вы здесь, Алма, – порывисто призналась Джульетта.

– Вид у вас не слишком радостный.

– Но я и правда рада. – Она повернулась спиной к Джеффри д'Арбанвилю и сморгнула с глаз влагу, которая, несо-

менно, выступила на них из-за внезапного резкого порыва ветра. – Вы правы: нам всем вместе нужно добиваться процветания нашего города. Иногда человеку необходимо напоминание о том, что в его жизни самое главное.

– Может быть. – Алма встревоженно посмотрела на нее. – Но я все равно сегодня буду ночевать у Тэтчеров. Не думаю, чтобы в вашем доме действительно являлся призрак Дэниеля, но память о вашем покойном муже, похоже, вспугивает что-то другое. Сдается мне, что вам следует побыть одной и обо всем хорошенько подумать.

Глава 15

Человеку, привычному к трудностям рыцарской жизни, не должно было составлять никакого труда пройти принадлежащие женщине сто шестьдесят акров. Особенно когда за ними лежала земля, ожидавшая, что на нее впервые ступит нога ее нового владельца. Особенно когда этот новый владелец мечтал о земле чуть ли не с той минуты, как научился ковылять на своих пухленьких ножках. Эти самые, только ставшие длинными и крепкими, ноги должны были сейчас решительно мерить шаги – а вместо этого едва передвигались. Можно было подумать, ноги эти вязнут в какой-то непролазной болотной топи, пытающейся их засосать и больше не выпустить.

Юный Робби догнал Джефффри и некоторое время шагал с ним вровень, а потом даже опередил – ведь Джефффри едва-едва мог заставить себя делать шаг за шагом. Если бы он смог проклинать Бога, он сейчас осыпал бы Энгуса Ока гневными ругательствами. Похоже, кельтские божества любят поразвлечься подобно королю Эдуарду, раз им доставляет удовольствие за бросить человека на шестьсот лет вперед только для того, чтобы заставить его полюбить женщину, повинующуюся тени погибшего мужа, навязать ему участок земли, на которой он все равно не сможет остаться, а затем обречь его на то, чтобы большую часть этого впустую потра-

ченного времени он плелся следом за десятилетним мальчу-ганом.

– Джеффри!

Радостный оклик Робби вывел Джеффри из мрачных раздумий. Мальчик стоял возле столбика, криво вбитого в землю, и отчаянно размахивал рукой, а Арион с любопытством обнюхивал эту палку.

– Вот граница твоего участка, Джеффри!

– Ха!

У рыцаря едва хватило сил, чтобы выплюнуть это странное проклятие. Он кинул на столбик мрачный взгляд, представляя себе невидимую линию, которая отходит от него, чтобы обозначить границу, отделяющую его от Джульетты. Джеффри вдруг охватила уверенность, что если он пересечет эту линию, то потом преодолеть ее будет еще труднее, чем Первозданную Пропать, которая привела его сюда.

Хоть он и дал себе слово не делать этого, но все же оглянулся через плечо, подхватив седельные сумки, которые грозили соскользнуть на землю. С такого расстояния он едва мог различить промежутки между строениями постоянного двора Джульетты: они казались всего лишь серыми пятнами на фоне прерии и неба. Но если бы женщина в голубом платье стояла там, глядя ему вслед, сожалея о том, что оттолкнула его руку, он обязательно увидел бы ее.

Но на залитом солнцем сером фоне не видно было цветного пятна.

Джеффри повернулся обратно к Робби, лениво удивляясь тому, что эта едва заметная остановка совершенно сбила ему дыхание. Он резко втянул глоток воздуха, чтобы не задохнуться среди завихривающихся летних ветерков. Похоже, что прилив воздуха немного очистил его затуманившийся ум – его внутренний голос словно проснулся и зашептал: «Благодари Бога, что она избавила тебя от соблазна, иначе ты прозакладывал бы и самое душу».

Этот укор помог рыцарю вернуть свой помраченный ум в боевую форму. Честь и долг – вот что важно. А не эти почти непреодолимые пути страсти, сверкавшей в синих глазах, которые смотрели на него из-под позолоченных солнцем прядей волос, локонами спадавших до гордо приподнятых вверх груди. Энгус Ок совершил ошибку, отправив его сюда! Клятва, данная рыцарем королю, окруженному врагами, важнее, чем желание совершенно потерявшего голову мужчины освободить вдову, якобы довольную жизнью, от нелепого обещания. Джеффри сделал еще один глоток воздуха и на мгновение задержал его в груди, наслаждаясь тем, как расширяется грудь и напрягаются мышцы. Это напомнило ему, что у него хватало сил справиться с задачами и потруднее.

Ему надо было сделать пять шагов, чтобы миновать столб на границе своего участка. Пять шагов – ровно столько, сколько отказалась сделать Джульетта в ответ на его просьбу. Что ж, так тому и быть! Джеффри стремительно преодо-

лел это расстояние, перепрыгнув через невидимый барьер с упругой легкостью, которой могла бы позавидовать даже газель.

– Ха! – энергично выкрикнул рыцарь, когда его каблуки прорезали борозду в земле, теперь принадлежавшей ему.

И тут же выказал себя неудачником в этом тяжком деле отбрасывания прочь всех желаний, потому что снова оглянулся через плечо, мечтая увидеть трепещущую на легком ветерке голубую ткань.

Робби сильно ткнул его в живот.

– Я есть хочу! – объявил мальчишка. Джеффри хмыкнул, довольный легкой болью, которая напомнила ему о том, что нужно наставлять этого юнца.

– Сначала укрытие, – объявил он. Джеффри обвел взглядом местность, заново удивившись тому, что не видит, голубого пятна. Тем не менее взгляд его наслаждался обилием ярких красок: золотисто-зелеными тонами трав позднего лета, пышной зеленью листвы, трепетавшей на каждой ветке, хрустальной прозрачностью ручья, журчащего по обтесанным коричневым камням.

Мое!

Долю секунды он наслаждался этой мыслью, а потом вспомнил, когда в последний раз испытывал такое же торжество обладания: глядя на сладко спящую, утомленную наслаждением Джульетту, которая свернулась на его груди.

– Джеффри!!!

Робби снова вывел его из задумчивости, ткнув пальцем прямо в живот с настойчивостью личинки точильщика, грызущейся в свежеспиленный дубовый брус.

– Укрытие, – повторил Джефффри, указывая подбородком на рощицу тополей. Движение головы помогло ему не поморщиться от настойчивого ковыряния Робби. Он хлопнул ладонью по седельным сумкам. – Спрятанную здесь попону мы расстелем на земле, а к веткам привяжем мои цвета, чтобы они защитили нас от дождя и падающего сверху мусора.

– Было бы гораздо надежнее, если бы мы просто остались в сарае у мисс Джей, – сказал Робби, с сомнением оглядываясь на Брод Уолберна.

– Оруженосец никогда не ставит под сомнения решения своего господина, – преподал свой первый урок Джефффри. Через несколько мгновений он уже выпрямился во весь рост, привязывая высоко к ветвям свою тунику и покрывало, которое надевалось поверх лошадиных доспехов Ариона. Мальчик вздохнул, но с достаточной готовностью приступил к делу, расстелив на земле попоны, на которые Джефффри вряд ли заставит себя лечь, помня, кто совсем недавно разделил с ним это ложе.

А еще Робби аккуратным рядком расставил остальные сокровища, добытые из седельных сумок: пакет с полосками вяленого мяса (одну из них мальчишка моментально стащил и принялся жевать), круглую емкость, в которой плескалась вода, и емкость меньшего размера, плоской формы. В этом

странном сосуде оказалась янтарного цвета жидкость, пары которой обожгли Джеффри нос, когда он опасливо к ней принюхался.

– Виски, – сказал Робби.

– Это должно утолять жажду? – изумился Джеффри, решив про себя, что только умирающий от жажды человек согласился бы выпить столь отвратительный напиток.

– Не-а. Это для того, чтобы запьянеть.

– Опьянеть!

Джеффри посмотрел на емкость с новым уважением. По его расчетам, он уже полтыщи лет не пил ни вина, ни эля – столь долгого воздержания не придерживались даже самые верующие сарацины. В этот момент перспектива напиться до отупения представлялась весьма привлекательной. Увы, хотя маленькая емкость и была налита до краев, содержимого ее не хватило бы и на одну кружку для эля. Чтобы выжить, Джеффри пришлось научиться выпивать по дюжине и больше кружек, не теряя при этом способности мыслить. Похоже, ему не удастся забыться, проглотив столь маленькую порцию виски.

– Какого дьявола! – пробормотал он, воспользовавшись фразой, подслушанной у солдат, и сделал добрый глоток.

Ему с огромным трудом удалось сдержаться и не выплюнуть виски. Вспомнив, как мало жидкости остается, он заставил себя все проглотить. Виски моментально проложило огненную дорожку от его рта до глотки и запылало в желуд-

ке таким адским пламенем, что у него на глазах выступили слезы.

Робби уселся напротив Джеффри, скрестив ноги, и выжидательно смотрел на него. Видимо, он был готов выслушать первый урок относительно обязанностей и умений оруженосца, но Джеффри удалось издать только чуть слышный стон.

– Краснокожие зовут его «огненная вода», – охотно сообщил мальчик Джеффри.

– А!

Джеффри только крепче сжал сосуд, однако не почувствовал, чтобы от него исходило тепло. Он сделал еще глоток, показавшийся ему менее гадким и скользнувший по горлу с большей легкостью, но еще сильнее разжегший костер, который пылал у него в брюхе. К тому моменту, как рыцарь сделал третий глоток, виски уже кипело в его крови, совершенно поджарив ему мозги.

А может, оно их только отточило: Джеффри вдруг стал с отчаянием осознавать свои многочисленные ошибки. Если он намерен воспитывать Робби, то сначала нужно разобраться с самим собой. Джульетта не хвастала своими знаниями в области куртуазного обхождения, однако всем рыцарям известно, что женщинам свойственно хитроумие, непостижимое для простых мужчин.

– Мне пришло в голову, юный Робби, что эта Джульетта обращалась со мной с тем же презрением, к которому прибе-

гают благородные дамы, требующие от своих рыцарей полной преданности. Возможно, это было испытание.

– Ага, – отозвался Робби.

– Испытание, с которым я не справился. – Джеффри казалось только справедливым предупредить своего воспитанника о том, что его лорд обладает некоторыми недостатками. Он отпил еще немного виски. – Я, Джеффри д'Арбанвиль, допустил, чтобы ее уколы сбили меня с пути.

Неудивительно, что Джульетта с презрением приняла его неловкие любовные клятвы: ведь ее первое испытание вызвало в нем колючую гордость, а не приличествующее влюбленному смирение.

Кровь Господня, но это виски оказалось прекрасным напитком – оно проливало свет на то, что казалось глубокой тайной!

– Рыцарь, – торжественно произнес Джеффри, почувствовав себя необыкновенно мудрым, – ища истинную любовь, оказывается одновременно удивительно счастливым и несчастным.

Робби заморгал, но подался вперед, демонстрируя готовность, которая, по мнению Джеффри, должна была бы осчастливить любого, кто взял на себя роль воспитателя. Пламя, пылавшее в животе рыцаря, немного утихло, превратившись в источник приятного тепла.

– Как я мог забыть о том, что рыцарю следует ожидать, что его дама сердца будет постоянно испытывать его верность? –

Он снова поднес виски к губам. – Рыцарь никогда не может быть уверен в том, что дама отдала ему свое сердце: она может ставить другого выше. И поэтому рыцарю следует принимать любые сомнения в его храбрости, молча выслушивать любые презрительные замечания в свой адрес, пока он не проявит себя на поле битвы, избранном его дамой, будь это турнир или более сложный квест – например, спасение небольшого города.

Юный Робби зевнул в кулачок и попробовал усесться поудобнее.

– Бог подарил женщинам соблазнительные формы и любезное обхождение, которые без слов способны поймать в сети душу мужчины. И только женщина может улыбаться и говорить вслух одно – и в то же время испытывать мужчину...

– А я думал, вы станете учить меня, как добывать пищу и строить укрытие из подручного материала, – не выдержал Робби.

Это было ужасающим проступком со стороны оруженосца, но Джеффри чувствовал себя на редкость снисходительным. Он снова поднес флягу к губам и кивнул – сначала в сторону седельных сумок, а потом на привязанные к веткам рыцарские цвета.

– Солнце уже садится. У нас есть еда и убежище на эту ночь. Итак, я говорил о женщинах...

Мальчик снова прервал его:

– Я думал, вы научите меня, как охотиться с копьем и

строить дом из дерна.

– Дом из дерна?

– Ну да, когда из дернины вырезают большие такие куски и складывают из них дом. Мой па говорит, что если бы узнал про дерновые дома до того, как всадил последние деньги в доски для нашего дома, то у нас было бы жилье получше. Я подумал: может, если бы вы научили меня дерновым домам, то я мог бы вроде как помочь па, а он...

Тут Робби замолчал, понурившись.

– Естественно, мы построим дом из дерна. В свое время. – Джеффри сделал еще глоток виски. Теперь он уже жалел о том, что его ум так приятно притупился.

Строительство дома из дерна... Звучало интересно, но сейчас рыцарю не хватало ясности ума, чтобы все тщательно продумать.

– Рэнс Катлер помогал своему па строить дерновник. – Робби так огорченно ссутулился, что лопатки у него торчали в стороны, словно крылышки. – Спорим, он нам поможет! Спорим, все ребята из нашей округи нам помогут, если вы станете учить их, как быть рыцарями. – Он кинул на Джеффри безнадежный взгляд. – Только вряд ли им захочется оставаться с вами, если вы будете говорить об одних только девчонках.

– Робби! Рыцарь не может быть храбрым, если у него нет... – Тут тяжелый вздох Робби заставил Джеффри замолчать. Возможно, он совершил ошибку, первым делом загово-

рив с совсем зеленым юнцом о самом святом принципе рыцарственности. Особенно если учесть, что, немного изменив великолепное воспитание, которое он способен предложить, можно будет убедить других юнцов поработать на строительстве убежища на его земле. Хотя в голове у Джеффри началось негромкое жужжание, мысли его снова казались необычайно ясными. – Я мог бы поделиться с тобой и твоими друзьями бесконечным множеством интересных вещей.

– Как например? – с вызовом спросил Робби.

– Ну, например, существует Хвастовство о Великолепных Подвигах Прошлого.

Эти слова заставили мальчика радостно улыбнуться и выпрямить спину, однако Джеффри покачал головой, почти сразу же решив, что этот урок надо отложить на будущее. Половина удовольствия от хвастовства заключается в том, что стараешься в словесном поединке победить другого рыцаря, и было бы нечестно выставлять собственные громадные успехи против того, чего мог добиться за свою коротенькую жизнь Робби.

– А что еще лучше, – предложил Джеффри одно из своих самых любимых умений, – это Принятие Ужасающей Личины.

Изумление, отразившееся на лице Робби, ужасающим назваться никак не могло, поэтому Джеффри решил продемонстрировать ему, что именно имел в виду. Он постарался изобразить злобное намерение: это выражение лица он бес-

конечными часами отработывал перед полированным кусочком серебра. Выражение получилось таким пугающим, что Робби взвизгнул и в ужасе отпрянул. Джеффри моментально разгладил лицо и удовлетворенно кивнул.

– Ну, вот видишь! Не всякой победы рыцарь добивается в бою. Иногда достаточно бывает внушить своему противнику такой страх, что он падет ниц перед твоей мощью и не надо будет проливать кровь.

Робби нахмурил лоб и сморщил губы в гримасе, которую Джеффри нашел скорее комичной, чем пугающей, хотя и постарался скрыть от мальчика свой смех.

– Это умение требует немалой тренировки, – сказал он, пряча улыбку за поднесенным к губам горлышком. Воспитание юношества оказалось не таким сложным делом, как можно было опасаться. – А еще есть Создание Ужасающего Шума, которое часто оказывается полезным, когда одного только пугающего вида рыцаря бывает недостаточно, чтобы заставить противника сдаться.

Конечно, эта тактика особенно хороша, когда рядом находится несколько рыцарей, которые могут соединить свои голоса. Зажми уши, юный Робби.

Мальчик послушно прижал ладони к ушам, а Джеффри набрал в легкие побольше воздуха и издал рык, который в последний раз звучал во время крестового похода. Арион удивленно фыркнул, повернув к нему голову. Ужасающий Шум волнами разнесся над прерией, хотя Джеффри сразу же

понял, что плоский характер местности неблагоприятен для такого рода кличей. Но с другой стороны, многие из произнесенных им за этот вечер слов благодаря выпитому виски эхом повторялись у него в голове.

Ребяческий крик Робби присоединился к мощному реву Джефффри, а потом паренек пожал плечами:

– Похоже, для этого тоже нужно долго тренироваться.

– Время у тебя есть, – утешил его Джефффри, испытывавший необычайное расположение к мальчику. – В твоём возрасте я тоже отчаивался из-за своего пронзительного голоса, но когда у меня под мышками начали пробиваться волосы, дела пошли лучше.

– Научите меня ещё чему-нибудь.

Джефффри опасливо посмотрел вверх и покачал головой.

– Нет. Уже наступили сумерки, а ты, как новый оруженосец, перед сном должен предаться раздумьям.

– Я пойду и... э-э... предамся у ручья, – сказал Робби. – А вам тоже надо предаться.

– Нет. Мой путь мне совершенно ясен. – Джефффри посмотрел в сторону участка Джульетты. Вечерняя дымка словно смягчила разделявшее их пространство. А может быть, это благодаря виски расстояние стало казаться не таким пугающим. А может, Джефффри манила темнота, обещавшая скрыть его под покровом ночи. – Я должен ненадолго тебя оставить. Я привяжу Ариона рядом с твоей попоной. Он присмотрит за тобой, пока меня не будет.

Когда Робби не выказал страха из-за того, что останется один, Джефффри испытал прилив гордости. Благодаря его мудрым советам мальчик уже стал отважнее!

– Вы хотите сходить к мисс Джей?

– Только чтобы сказать, что я понял, почему она сделала вид, будто мне не верит. И сказать, что, если бы до встречи с мисс Джей я уже не дал своего слова чести, ничто не заставило бы меня сейчас ее покинуть. Надо полагать, дама смягчится, когда поймет, что я разгадал ее побуждения.

Робби восхищенно посмотрел на него.

– Наверное, рыцари ужасно хорошо понимают женщин. Моя ма и Алма вечно шептались насчет того, что мужчины совершенно не разбираются в том, что думают женщины.

Виски согрело душу Джефффри.

– Рыцари не похожи на обычных мужчин. Ты это скоро сам увидишь, Робби.

Когда стало понятно, что Дэниель умрет от полученного им огнестрельного ранения в живот, доктор из Форт-Скотта дал Джульетте бутылочку с настойкой опия, чтобы облегчить его последние дни. Хотя за все прошедшие с его смерти годы Джульетта даже не смотрела на пузырек, она знала, что в нем еще остается пара глотков. Там не осталось бы ничего, если бы тогда она послушалась совета врача и сама выпила немного настойки.

«Она приглушит ваши чувства, пока вы немного с ними не свыкнетесь. Женщине трудно терять мужа».

В глазах лекаря под тяжелыми веками светилось сочувствие. Джульетта вспомнила, как кивнула, делая вид, что согласна с ним. Она не могла сказать врачу, что ей не нужно никакого лекарства для того, чтобы облегчить горе: тогда ей пришлось бы признаться, что грызущая ей сердце боль вызвана не потерей любимого человека, а чувством вины.

Джульетта выудила пузырек из укромного уголка и подняла к свету заходящего солнца. Она посмотрела, как плещется от резкого движения жидкость, и произнесла своеобразный тост, хотя и понимала, что выглядит это достаточно смешно.

– Я стараюсь изо всех сил, Дэниель, – прошептала она. – Дом стал в три раза больше, чем был при твоей жизни. Ты никогда даже не встречал половину жителей, которые живут сегодня в Броде Уолберна. Мы... мы даже наняли школьную учительницу...

Ее односторонний разговор замер. Джульетта смотрела на небо сквозь зеленое стекло пузырька, но в непрозрачной жидкости, казалось, возникло размытое лицо ее мужа, быстро сменившееся четкими чертами лица ее бестолкового рыцаря прерий. О Боже, она не сделала еще ни глотка, а ей уже кажется, будто она видит, как глубокие глаза Джеффри засверкали решимостью, а его чувственные губы произнесли дышащие откровенностью слова: «Я предпочел бы, чтобы моя женщина лелеяла в своем сердце воспоминания обо мне, а не заботилась о городе, названном моим именем».

Двое мужчин. Два шанса. И она подвела их обоих.

Пузырек вдруг показался ей страшно тяжелым. Джульетта внимательно рассматривала его, вспоминая, как слишком большая доза, которую она по ошибке дала Дэниелю, погрузила его в полное кошмарных видений состояние, которое нельзя было назвать сном, тогда как от более умеренных количеств просто немного смягчалась мучительная боль, но не наступало блаженного забытья. Джульетта приняла столько снадобья, сколько, по ее расчету, нужно было для того, чтобы притупить боль, а потом посмотрела на уровень оставшейся жидкости. Превосходно. После сегодняшнего вечера у нее останется лекарство еще на две ночи. А к этому времени она, конечно, уже справится со своими непослушными чувствами.

И возможно, к этому времени Джефффри уже уедет.

Джульетта прошла по спальне и, не думая об экономии, зажгла все свечи, чтобы разогнать темноту. Устроившись на кровати, она натянула одеяло до подбородка и радостно приветствовала покой, постепенно перешедший в забытье.

– Миледи.

Шепот Джефффри еще глубже погрузил ее в сновидения. Странно, оказывается, во сне можно сознавать, что видишь сон. Другого объяснения происходящему быть не может. Ведь он же начал называть ее мисс Джей, словно был обыкновенным человеком, таким же, как все жители Брода Уолберна.

– Миледи!

Зов стал настойчивее, и теперь ей легко сжали плечо.

Странно, почему во время сна так трудно видеть. Джульетта чуть не захихикала, когда напрасные попытки открыть глаза только убедили ее в том, что она действительно спит. Она отчетливо помнила, что зажгла чуть ли не дюжину свечей, а теперь в комнате мерцала всего одна, заливая золотым светом Джеффри д'Арбанвиля, опустившегося на колени у ее кровати.

– Однажды мне показалось, что ты похож на ангела-хранителя, – пробормотала она.

Как мило, что нынешний сон любезно усилил это впечатление! Джеффри казался таким невероятно привлекательным: мужественным и сильным. Его волосы буйной волной разметались по плечам, глаза потемнели от тревоги.

– Может, это действительно так. Твои свечи чуть не подпалили весь дом – хорошо, что я пришел вовремя.

Его пальцы сильнее сжали плечо Джульетты заботливым жестом, словно он боялся, как бы она от него не ускользнула. Да, такая огромная тяжесть в веках может оказаться даже кстати: благодаря ей можно было легко наклонить голову так, чтобы она легла ему на руку, еще крепче прижав его пальцы к своему плечу.

– Ну вот, я тебя поймала! – удовлетворенно прошептала она.

– Но, миледи, это ты сделала еще в нашу первую встречу!

Джефффри не пытался убрать руку, хотя в его пальцах чувствовалась дрожь.

– Тогда поцелуй меня! – потребовала Джульетта. Этот сон оказался удивительно приятным, и она намерена была в полной мере им насладиться.

На какую-то долю секунды ей почудилось, что Джефффри намерен отказать ей. Но ведь в конце концов это был ее собственный сон, и вскоре она уже почувствовала легкое прикосновение его губ. Этого было совершенно недостаточно! Он же должен целовать ее с таким жаром, чтобы вдавить в перину.

– Крепче! – приказала она.

– Кровь Господня, Джульетта, не надо сейчас испытывать мою стойкость! Я наполовину одурел от виски. – Он придвинулся ближе, пристально всматриваясь в ее лицо. – А ты не пила этого дьявольского зелья?

– Дамы виски не пьют! – Джульетту охватило непреодолимое желание захихикать, и она не стала с ним бороться. Подняв палец, она небрежно ткнула им в сторону прикроватного столика. – Дамы пьют опий!

Джефффри взял бутылочку свободной рукой и двумя пальцами умудрился вытащить пробку. Осторожно приняв ее, он вернул лекарство на столик, неодобрительно посмотрев на даму.

– Это же опиум! Мы к Китаю ближе, чем ты меня уверяла.

Джульетте хотелось отместить прочь этот скучный эпизод

своего сна, как отгоняют надоедливую муху, но чертовы руки отказались ей повиноваться. Вместо этого она поймала руку Джеффри и притянула ее вниз, так что его сильные пальцы мягко легли на ее грудь. Ого, но до чего же ей понравилось, когда он судорожно вздохнул! И во сне было проще простого ответно вздохнуть, выгнуть спину и высказать вслух пожелание, чтобы он развязал ленту на вороте ее рубашки.

– Так вот как ты намерена теперь меня испытывать?

– Джеффри! – Ей ужасно нравилось звучание его имени, так что она повторила его еще раз: – Джеффри. Иногда ты чересчур много говоришь. Заткнись или ты не выдержишь испытания.

Джульетта ощутила запах солнца на его волосах, когда его губы скользнули по ее шее вниз. Ночная рубашка распахнулась легко, как во сне, открыв ее нежные груди.

– Люби меня, Джеффри. Люби меня! Вербочная сетка кровати застонала под его весом.

Прохладный ночной ветер ворвался в окно из прерии и ласково прикоснулся к ее коже. Как приятно, что во сне одежда исчезает сама собой. Как странно и волнующе ощущать мужское тело: твердые губы, влажный настойчивый язык, чуть шершавые от щетины щеки, мозолистые руки... Джульетта вцепилась в его широкие плечи, пока он по очереди нежно прикусывал губами ее соски. Джульетта громко вскрикнула от наслаждения, когда Джеффри прочертил круги на ее животе, а потом начал спускаться ниже, все ни-

же, пока не прикоснулся к средоточию ее женственности так властно, что вся сдержанность Джульетты, не отпускавшая ее во время бодрствования, растаяла без следа.

– Люби меня!

Она требовала, она умоляла, пока на нее не начали накатываться волны блаженства, лишив способности говорить.

– Я буду тебя ласкать, леди, – прошептал Джефффри спустя бесконечные мгновения. Его хрипловатый голос говорил о том, какими усилиями он держит себя в руках, и ее тело пронизала дрожь. – Но я не возьму тебя на этой кровати и не овладею тобой, когда твои мысли спутаны. Я не стану заявлять на тебя свои права, пока ты не придешь ко мне без всяких сомнений и без сожалений в сердце.

– Я не хочу в тебе сомневаться. – Она вся дрожала. – Если хочешь знать, то мне страшно оттого, что я верю тому, что ты говоришь.

Его рука прекратила свои восхитительные путешествия.

– Насколько ты мне веришь, Джульетта?

Она впервые выразила словами то недоумение, которое не давало ей покоя с той минуты, как она встретила с этим странным человеком.

– Я верю, что ты искренне веришь во все, что говоришь, особенно насчет того, что ты – рыцарь. Я вижу, что ты всей душой и всем сердцем веришь в то, что давным-давно дал клятву какому-то королю, что ты поклялся завершить свой квест, найдя... пропасть, в которую можно прыгнуть, или го-

ру, на которую можно будет подняться. – Господи, от опия у нее совсем язык развязался! – Мне только жаль, что я сама не могу поверить в то, что это правда.

– А что не дает тебе поверить?

В эту минуту Джульетта не могла назвать ни единой причины.

– Ты актер, – проговорила она наконец. – Профессия актера заключается в том, чтобы заставлять людей верить. Ты... ты ужасно убедителен, Джеффри.

– И сколько времени может особенно умелый актер подерживать эту временную веру?

– Наверное, пока не закончит играть пьесу.

– Ах, Джульетта! Тогда давай играть ее всю жизнь! Но Джеффри по-прежнему не стал овладевать ею.

Он шептал ей всякую чепуху про квесты, чувство долга и клятвы, а тем временем его тело вдавливало Джульетту в душистые простыни и без всякого заявления его прав доказывало ей, что она не сможет принадлежать никакому другому мужчине. Она ощущала его желание и страсть, чувствовала сквозь ткань брюк его рвущуюся к ней, готовую взорваться плоть. Под ее руками перекачивались тугие мускулы Джеффри, жар его кожи грозил испепелить одежду, которую он отказался снимать. Он снова и снова поднимал свою даму на самую вершину восторга, лишая себя удовлетворения.

Несомненно, это было бы воплощением мечты для тех женщин, которые не признают физической близости, но

несмотря на все наслаждение, Джульетта испытала опустошенность и боль, пока не лишилась последних сил, провалившись в более глубокий сон, без всяких сновидений.

Джульетта проснулась к яркому свету дня. Одеяло аккуратно лежало у нее на груди, ленты ночной рубашки были надежно завязаны под подбородком. Тупая боль в висках заставила ее поморщиться. Она подняла дрожащую руку и откинула со лба спутанные волосы. Соседняя подушка была ровной и несмятой, вторая часть постели застлана туго натянутым покрывалом.

Ощупью проверяя узел у горла, она осознала, что ищет доказательств того, что ее сон не был сном.

Но узел был завязан ее обычным способом. Бутылочка с настойкой опия стояла на том месте, куда она ее поставила. Если бы ночью по прерии прошел мужчина, чтобы навестить ее, то наверняка остались бы следы земли, несколько травинок... хоть какое-то свидетельство его присутствия! Но Джульетта ничего не обнаружила. Только внизу живота было ощущение какой-то странной тяжести, да груди стали особенно чувствительными, словно томились по ласкам возлюбленного из ее сна.

Джульетта рассмеялась, и этот неуверенный звук как нельзя лучше соответствовал жаркому румянцу, который она ощутила на своих щеках. Ну конечно же, это был сон: добропорядочная вдова наяву не могла бы так бесстыдно извиваться в ответ на чувственные прикосновения мужчины. А

если бы это не был сон – да она никогда бы не посмела смотреть ему в лицо! Пока она таяла, отдаваясь во власть сладкого восторга, Джефффри оставался хладнокровным и отрешенным, великолепно владел собой. Как актер, который заморозил своих зрителей на время спектакля. Джульетта ничуть его не тронула. Она покраснела еще сильнее, вспомнив, какие вольности она ему позволила, почувствовав себя вдвойне униженной из-за того, что он ушел от нее до рассвета.

Она молила небо, чтобы это был сон.

Она молила небо, чтобы это был не сон.

Схватив пузырек с опиумом, Джульетта подбежала к окну и вылила оставшиеся несколько глотков на землю. А потом она всмотрелась в даль. На фоне горизонта двигалось темное пятно. Арион. Джефффри должен быть где-то поблизости от своего драгоценного коня. Джульетта с силой захлопнула окно и задернула занавески, заточив себя, словно была сказочной принцессой в замке.

В ее прибежище было ужасно тихо, словно это действительно был храм. Так сказал Джефффри. Тут было одиноко. Привычно.

– Вот так.

Она отрывисто кивнула в знак удовлетворения и резко вытерла ладони о рубашку. Вдова Уолберн часто делала такие резкие жесты.

Вокруг нее сомкнулись стены ее дома – тихие, скучные, давящие. Это было провозвестием того, что ожидает ее всю

оставшуюся жизнь, когда рядом не будет Джеффри, который учил бы ее радоваться.

Но что произойдет, если она промолчит, когда ее мысли снова будут полны сомнений? Что, если она подавит свои вопросы и страхи? Пусть хоть раз, хоть один раз молчание и уклончивость поработают на нее – ведь тогда она сможет верить в него немного дольше.

И тут Джульетта резко повернулась. Она быстро отдернула занавески и широко распахнула окно, заставив вдову Уолберн на время замолчать и уйти.

Глава 16

Утром Джеффри отвел Ариона к ручью напиться и обнаружил, что на валуне стоит корзинка, доверху наполненная едой. Он понял, что это значит: мисс Джей, вдова Уолберн, не верит, что Джеффри д'Арбанвиль сможет уберечь юного жителя ее города от недоедания.

Рыцарь просмотрел содержимое, узнав резной орнамент, украшавший черенки вилок, и цвет того, что капитан Чейни назвал повседневной посудой Джульетты. Его охватил сильнейший голод, утолять который надо было отнюдь не с помощью еды. Сейчас Джеффри не смог бы проглотить и кусочка из того, что прислала Джульетта.

– Мисс Джей будет ужасно беспокоиться, если вы не станете есть, – заметил Робби, который с огромным удовольствием поглощал собственную порцию. Несомненно, он был рад позавтракать содержимым корзинки, вместо того чтобы добывать пропитание. – Она вроде как за всеми присматривает. Она решит, что вы больны.

– Может, и болен.

– Только ей не говорите! Она заставит вас принимать лекарство.

Ах, если бы существовало снадобье, которое могло бы вылечить болезнь, терзавшую душу Джеффри! Это было не отчаяние – это было нечто гораздо худшее и гораздо более

опасное, потому что в его власти было избавиться от собственных мучений. Ему достаточно только пройти по прерии, распахнуть дверь ее дома и сжать Джульетту в объятиях – и страсть, сжигающая обоих, сольет их в единое существо. Джеффри знал с редкой для него безусловной уверенностью, что его поцелуи отгонят ее сомнения, что его руки могут прижимать ее к сердцу до тех пор, пока Джульетта не поймет, что это сердце бьется для нее, для нее одной. И тогда она забудет о клятвах и обязанностях, которые стоят между ними.

Проблема состояла в том, что то же самое можно было сказать и о нем самом.

Ее улыбка освещала ему душу, ее голос успокаивал его одинокое сердце, ее дивное тело сливалось с его телом в единении, которого прежде он никогда не знал. Джульетте достаточно будет только сказать: «Джеффри, останься со мной», – и он, наверное, не сможет устоять перед желанием забыть о данном королю слове и о долге, который требует, чтобы рыцарь ее оставил. Но если он' нарушит данную им клятву, то не только лишится гордости – он больше не будет тем мужчиной, которого хочет считать достойным ее любви.

И поэтому он должен держаться от Джульетты подальше: строить дом, в котором никогда не будет жить, воспитывать мальчика, которого никогда не сможет обучить полностью, всей душой желать остаться в этих местах – но знать, что должен будет уйти. Это была дьявольская мука, обжигавшая

сильнее любого из адских костров. Боль не могла бы стать сильнее. Но становилась.

Джульетта пришла к нему этой ночью, когда луна спрятала свой всевидящий лик в тучах, возвещающих приближение осени. Робби спал так сладко и крепко, как могут спать только дети. Джеффри лежал в темноте без сна, и его натренированное ночное зрение позволило ему прекрасно рассмотреть возлюбленную, когда она скользнула к нему. Она протянула руку в немой просьбе – и он переплел свои пальцы с ее пальцами.

Джеффри не задавал вопросов.

Джульетта не давала объяснений.

Он поднялся на ноги, и они несколько мгновений стояли тихо, прислушиваясь к ровному дыханию Робби, чтобы убедиться, что тот не проснулся. Джульетта потянула Джеффри за руку и повела прочь. Вдобавок она ухватила за край попоны, на которой он до этого лежал, и поволокла ее за ними.

– Я знаю, что ты не собираешься оставаться. Но если бы ты остался, где бы ты стал строить свой дом? – шепотом спросила Джульетта.

– Вон там.

Джеффри указал на чуть заметное возвышение.

Джульетта расстелила попоны на самом верху и опустилась на колени, чтобы расправить загнутые края. Лунный серп вырвался из своего облачного узилища и осветил ее. Она села на корточки, обхватив руками колени. Грудь

ее вздымалась от быстрых неслышных вздохов, словно она только что закончила гораздо более тяжелую работу.

– Ты сядешь рядом?

– Да.

Джефффри не отдавал себе отчета в том, что делает, и его рослое тело каким-то образом само приняло сидячее положение. Он заключил любимую в объятия. Голова Джульетты легла ему на плечо, она прижалась к нему всем телом.

– Если бы я мог, Джульетта, я бы вот так тебя обнял и никогда не отпускал.

– Ты мог бы, если бы захотел. Ты мог бы построить дом и остаться со мной навсегда.

Он застонал, чувствуя, как твердыня его самоконтроля рушится, словно стены замка, воздвигнутого еще при Вильгельме Завоевателе.

– Джульетта, я не могу...

– Ш-ш-ш-ш. – Она нежно прижала палец к его губам. – Я просто тебя поддразнивала. Я пришла сюда не за объяснениями. По правде говоря, я принесла что-то вроде обета молчания. Я пришла... я пришла повидать моего отважного рыцаря-защитника в сверкающих доспехах.

– Что?

– Посмотри, Джефффри! – Она изящно выгнула поднятую вверх руку, так что лунный свет посеребрил всю ее кожу. – Почти не хуже твоего кольчужного костюма, и ни пятнышка ржавчины!

Джульетта бросила на него взгляд, полный такой безоглядной страсти, что он резко втянул в себя воздух, а потом этот вдох вырвался из него полным восхищения смехом. Он смеялся, пока она не прижала к его рту свои улыбающиеся губы. Он представил себе, как они будут лежать вместе там, где мужчина, намеренный здесь остаться, построил бы спальню, а луна будет лить свой серебряный свет на их сплетенные тела. При этой мысли его плоть чуть не порвала ему брюки. Джеффри в жизни не узнает более трудного испытания, чем то, что ждет его сейчас, когда ему надо будет заставить себя оторваться от этого лунного колдовства и вести себя подобающим рыцарю образом.

– Джульетта, нам надо обсудить так много... Она снова закрыла ему рот поцелуем.

– Молчи! Я не хочу ничего обсуждать! Я хочу... я хочу радоваться жизни.

Как странно! Оказывается, сердце одновременно может разбиваться – и ликовать.

– Сколько, миледи?

– Столько, сколько можно будет не подпускать к нам реальность.

Существовала только одна реальная вещь, которая могла их разлучить, – тот момент, когда он вернется в свое собственное время, чтобы никогда больше ее не увидеть. Как бы хотел Джеффри отложить эту минуту до конца своей жизни! Этого не смог бы сделать никто, каким бы твердым ни бы-

ло его решение. Но, может быть, позволительно задержаться на несколько дней: построить дом, о котором всегда мечтал, любить даму, которую никогда не надеялся встретить.

Не может быть, чтобы боги наказали его за то, что он возьмет себе эту кроху наслаждения, особенно если он проведет вечность, тоскуя по тому, чему не суждено осуществиться.

– Рыцарь никогда не отказывает просьбам своей дамы, – сказал Джеффри, нежно укладывая Джульетту рядом с собой.

Все следующие дни рассвет возвещал начало парада всякой мелюзги: мальчишки Брода Уолберна мчались через участок Джульетты. Распираемые избытком энергии, они стремились к Джеффри, чтобы начать обучаться искусству оруженосцев. Им не терпелось узнать, как стать рыцарями.

Вскоре половина женщин и девочек Брода Уолберна присоединилась к Джульетте, чтобы наблюдать за тем, как Джеффри наставляет подростков городка. Некоторые женщины осуждающе хмурились, другие, как сама Джульетта и Ребекка Уилкокс, прятали улыбки. Но скрывать свой смех было совсем необязательно: на участке Джеффри кипела такая бурная деятельность, что Джульетта решила, что даже если бы туда вломилось стадо бизонов, мужчины не обратили бы на них никакого внимания.

– Джеффри следовало бы отругать мальчишек за то, что они так гадко орут друг на друга, – заявила миссис Эббот тоном оскорбленной добродетели. – А эти ужасные рожи... Да

ведь когда мой сын Герман был еще ребенком, я запретила ему корчить рожи, чтобы его лицо не осталось таким на всю жизнь. Как вы понимаете, будь он уродлив, его не приняли бы на Военную службу инженеров-топографов.

– Робби не хочет стать инженером, – сказала Ребекка.

– И я тоже. Мне бы ужасно хотелось, чтобы они разрешили мне играть с ними, – печально вздохнула какая-то малышка.

– Господи, Мэри Сью, да твой па сам бы все на свете отдал, лишь бы к ним присоединиться! – отозвалась ее мать. – Он только боится, как бы остальные мужчины не стали над ним потешаться.

– Ты только уговори своего туда пойти – и мой сразу же пойдет следом, – подхватила Верди Кат-лер. – Мистер Кат-лер и так заставляет Рэнса показывать ему все, чему он научился, как только парнишка возвращается домой помочь с дойкой.

Миссис Эббот осуждающе фыркнула.

– Но они же просто развлекаются, миссис Эббот! – сказала Джульетта, изумляясь собственной снисходительности. Да, они действительно просто развлекаются! Им всем очень весело.

Размахивающий копьём Джеффри возвышался среди пестрой компании мальчишек. Казалось, он упивается их несмолкающими воплями, леденящими кровь в жилах, и басовитым ревом подростков постарше. Ветер трепал его тем-

ные волосы, а он кривил свои правильные черты в жуткие гримасы и вплетал свой мощный рык в общую какофонию.

Он сменил одолженную капитаном Чейни рубашку на свой облегающий кожаный жилет, и с каждым взмахом копья его бицепсы напрягались и перекатывались под кожей. Мальчишки размахивали и наставляли друг на друга обточенные тополевы ветки, пытаясь подражать умелым выпадам и ударам Джеффри.

А рыцарь время от времени поглядывал в сторону Джульетты и посылал ей ленивую полуулыбку, которая заставляла ее краснеть и трепетать среди бела дня, напоминая все подробности их продолжающихся встреч под луной.

– Ой, смотрите, мисс Джей! – воскликнула Ребекка, указывая через прерию в сторону постоянного двора Джульетты, где виднелось коричневое пятно, напоминавшее по форме лошадь, а поверх этого пятна можно было различить синий потек. – Похоже, на вашем дворе солдат. Он, наверное, постучал вам в дверь, а ему никто не ответил – вы-то ведь здесь.

– Вот и хорошо. Может, он уедет.

– Мисс Джей!

Ребекка уставилась на нее, изумленно распахнув глаза, и Джульетта ощутила в себе пробуждение дурных предчувствий. Зажав рот рукой, она с ужасом осознала, что забыла о приезде солдат, о нападении на Форт-Скотт и угрозе, которую представляют для всех приграничные разбойники, – настолько она погрузилась в мир, который создал вокруг нее

Джеффри д'Арбанвиль. «Столько, сколько можно будет не подпускать к нам реальность», – пообещала она Джеффри, и у них была почти неделя чистого, фантастического счастья. И вот реальность приблизилась к ним вплотную, упорными пальцами отдергивая завесу мечты, которой Джульетта себя окружила.

– Не обращайтесь на меня внимания, Бекки. Я... я последнее время сама не своя.

Ребекка тепло ей улыбнулась.

– И я тоже, мисс Джей, я тоже. И могу сказать, что это только к лучшему.

Видимо, солдат их увидел или услышал шум, поднятый мальчишками: лошадь начала двигаться в их сторону. Решив не обращать на солдата внимания, пока только будет такая возможность, Джульетта всмотрелась в Ребекку, изумляясь внутреннему свету, заливавшему лицо этой тихой женщины. До того дня, когда Джульетта заехала в дом Уилкоксов зашить платье, Ребекка передвигалась по городу почти украдкой, словно не хотела, чтобы ее замечали. Она низко опускала голову и говорила только тогда, когда встречные проявляли особую настойчивость.

– Да, вы определенно изменились, Бекки. Смею ли я спросить, чем это вызвано?

– Разве вы не чувствуете, что воздух полон волшебства, мисс Джей? Я решила рискнуть. И это так приятно!

Джульетта не успела разобраться в том, что говорила ей

Ребекка. Подъехавший солдат направил лошадь к Джульетте, и той волей-неволей пришлось ему приветственно помахать. Приподняв шляпу, он остановил коня.

– Миз Уолберн?

Вдова Уолберн. Ужас тисками сжал Джульетте сердце. Она еще никогда не испытывала столь сильного нежелания отозваться на свое имя, но у нее не было выхода: пришлось изобразить интерес к делам, которые когда-то занимали все ее внимание.

– Как прошел бой в Форт-Скотте, рядовой?

– Ничего серьезного, мэм. Мы этих разбойников погнали – они и плюнуть не успели... Прошу извинить за грубость, мэм! Лейтенант Джордан отправил меня вперед предупредить вас о том, что он с профессором Бернсом приедет завтра или послезавтра.

И тут рядом возник Джеффри. Джульетта не заметила, чтобы крики стали тише, так что, видимо, он специально велел мальчишкам продолжать свои упражнения, чтобы его приближения не услышали. Он ничего не сказал, но остановился чуть сбоку, между нею и солдатом. Его руки были с обманчивой небрежностью скрещены на талии. С обманчивой – потому что прекрасно узнавшая его тело Джульетта заметила, как напряжены его мускулы, и поняла, что он приготовился на тот случай, если солдат позволит себе какое-то неподобающее действие. Ее защитник! Ее рыцарь!

Джульетта приложила кончики пальцев к его предплечью:

неслыханная вольность – среди бела дня, при свидетелях! – но она вдруг ощутила острую потребность прикоснуться к Джеффри. Тепло его кожи, биение крови под ее пальцами – все это немного уменьшило ее страх.

Но не прогнало совсем. Она почувствовала, как он прячется в уголке ее души, затаивается... Встряхнув головой, Джульетта решила как можно дольше не обращать на него внимания.

– Я приготовлю вам чего-нибудь горячего, рядовой, – предложила она.

– Буду очень вам благодарен, мэм. Если не возражаете, я поставлю лошадь в стойло. Мы не останавливались с самого Форт-Скотта.

Она кивнула в знак согласия, и когда солдат повернул к сараю, Джеффри положил ладонь поверх ее пальцев.

– Теперь обязанности хозяйки постоянного двора не дадут тебе уходить из дома по ночам, Джульетта.

– Да.

Хотя оба шептали так тихо, что окружающие не могли их услышать, Джульетта чувствовала, что замороженно наблюдающие за ними женщины явно догадались, как истолковать их соприкоснувшиеся руки и румянец, который начал заливать ей щеки.

– Ты... ты мог бы прийти ко мне, Джеффри. Он сжал ей пальцы.

– Там – никогда. Только здесь.

– Да.

Джефффри сделал шаг назад. Губы его изогнулись в грустной улыбке. Джульетте мучительно хотелось, чтобы они прикоснулись к ее коже с нежной властностью. Ей хотелось ощутить прикосновение его языка.

Его голос произнес с фальшивой жизнерадостностью, совершенно не вязавшейся с сожалениями, которые она прочла в его взгляде:

– Кстати, Джульетта, Честер Тэтчер сказал мне, что после вчерашнего дождя самое подходящее время начать резать дерн для моего дома. Не дашь ли ты нам своих мулов на то время, пока у тебя будут стоять солдаты?

С отчаянно бьющимся сердцем она пыталась понять, забыл ли он о том, как клялся ей, что не останется в Броде Уолберна. Наверное, забыл, иначе он не стал бы строить дом. С другой стороны, дом из дерна... Может быть, он все-таки не нарушает клятвы. Сейчас все больше народа строило дерновники: поселенцы заполняли Канзас так быстро, что немногочисленных лесов не хватало на то, чтобы удовлетворить спрос на древесину. Все говорили, однако, что построенные из дерна здания в капризном климате прерий долго не простоят.

Однако дом из дерна всегда можно легко восстановить, если человек задерживается дольше, чем рассчитывал.

– Ты хочешь взять моих мулов? Это предложил Честер? Честер уже успел доказать, что является одним из самых

многообещающих представителей молодого поколения Брода Уолберна: он подбежал к ним, как только прозвучало его имя.

– Всего на пару дней, мисс Джей. Пока мы с Джеффри сделаем самое главное.

– Самое главное? – Известие о том, что Джеффри и вправду намерен строить дом, совершенно ошеломило Джульетту, так что она могла только бездумно повторять каждую услышанную фразу.

– У, мисс Джей! – Честер уставился в землю, и на секунду Джульетта испугалась, как бы он не соорудил ей одну из тех ужасных гримас, в которых сейчас все практиковались. Однако мальчик только пожал плечами и начал переминыться с ноги на ногу. Джульетта поняла, что он ожидал от нее большей суровости.

– Самая важная вещь, которую ты можешь сделать, Честер, это присматривать за своими родными и за домом.

– Ну, мы так и собираемся делать, мисс Джей. Вот почему Джеффри обучает нас этим... э-э... мужским премудростям.

Она покачнулась: ее тело вдруг проснулось, вспомнив о мужских премудростях, которыми так прекрасно владел Джеффри. Она украдкой взглянула на Джеффри, который одобрительно кивал Честеру, похоже, не заметив ее смятения. Почему-то Джульетта усомнилась в том, что Джеффри мог бы передать кому-то другому свою способность превращать добропорядочную вдову в одурманенную страстью дев-

чонку.

– Так нам можно будет их взять, мисс Джей? Мулов?

– Ты же знаешь, Честер, что я никогда не отказываюсь одолжить моих мулов. И, надо думать, у бедняги Ариона нога еще не зажила.

– Джефффри говорит, что для Ариона было бы оскорблением, если бы его попросили тянуть плуг, – заметил Честер.

Именно этого сейчас Джульетте и не хватало: услышать напоминание о том, насколько Джефффри привязан к своему рыцарскому скакуну. Нет, реальность все еще не возобладала – пока.

– Мы, конечно же, не захотели бы оскорблять достоинство Ариона, – сказала она. – Можешь пойти со мной на постоянный двор прямо сейчас, Честер. Возьмешь мулов.

– Спасибо, миледи, – прошептал Джефффри, и Джульетта отправилась выполнять свои обязанности с таким легким сердцем, что почти забыла о страхе, затаившемся в глубине ее души.

Ребекка прекрасно знала, что за несколько дней человек не может похудеть вдвое, даже если он за столом передвигает еду по тарелке, вместо того чтобы быстро отправлять ее в рот, как он делал это прежде. И тем не менее ей казалось, что Джозайя усыхает все сильнее, словно отсутствие Робби высасывает из него все соки, по унции в час.

Как это ни странно, Ребекка ухитрялась ежедневно навещать Робби, она болезненно скучала по сыну. Тоска висела

на ней такой тяжестью, что ей едва удавалось встать по утрам с постели и доплестись до кухни. И готовя завтрак, ей приходилось останавливаться и отдыхать на полпути от плиты к кухонному столу. Поведение Джозайи выводило ее из равновесия еще сильнее. Она ничуть не удивилась бы, если бы он выказал злорадное торжество и потирал руки от радости, что наконец избавился от ребенка, чье присутствие так сильно его раздражало. Ребекка совершенно не ожидала этого почти не скрываемого горя – словно он втайне питал к Робби любовь, которую никогда и ничем не проявлял.

– Верди Катлер говорит, что ее муж в этом году засадил лишний акр тыквами, – сказала она, неохотно тыча вилкой в мятый картофель.

Джозайя сжал вилку с такой силой, что казалось, вот-вот ее согнет.

– У Катлера в помощь есть четверо крепких мальчишек. Значит, по ночам могут дежурить пятеро, чтобы не дать краснокожим обчистить поле, когда придет время собирать урожай. Нельзя сравнивать мою работу с той, что выпадает на долю Катлера, хозяйка.

– Ох, Джозайя! – вздохнула она, кладя вилку рядом с почти нетронутой едой на тарелке. Она стиснула руки на коленях, моля Бога, чтобы он дал ей силы. – Я ведь просто передала тебе интересную новость. Это ты начал сравнивать работу. Если уж на то пошло, ты только и делаешь, что сравниваешь себя с другими мужчинами – с того дня, как женился

на мне. И я от этого устала.

Кажется, Джозайя выронил вилку. Ребекка услышала, как металл глухо звякнул о дубовую крышку стола, а потом что-то со звоном скатилось на пол. Она подумала, что так же происходит с ее надеждами. Несмотря на те смелые слова, которые она сказала мисс Джей, ей можно с тем же успехом признаться, что их совместная жизнь с Джозайей совершенно не удалась. Если бы ей надо было думать только о себе, она смирилась бы с тем, что сидит напротив него за столом, тщательно взвешивая каждое свое слово, молча глотая насмешки и неверные толкования, которыми он моментально встречает все, что она говорит.

Но она не одна. У нее есть Робби. Как только она вымоет посуду после ужина, она отправится к Джеффри и потребует, чтобы он вернул ей сына – и они вдвоем уедут... Конечно, она совершенно не представляла себе, куда они могут уехать, но они найдут что-нибудь. Радуюсь тому, что может отвлечься от боли, комом вставшей у нее в горле, Ребекка вскочила со стула и стремительно нагнулась, чтобы поднять с пола упавший прибор.

И можно было подумать, что вилка оказалась магическим жезлом, из которого прямо ей в душу излились новые силы. Она вдруг обнаружила, что наставила зубцы на Джозайю, словно намеревалась проделать ему во лбу огромную дыру, чтобы хоть через нее вбить в него немного здравого смысла.

– Катлеры сохранили почти все свои тыквы, потому что

честно договорились с индейцами, а не потому, что дежурили по ночам в поле! И нечего меня попрекать, хозяин, четьрьмя сыновьями Катлеров. Запомни раз и навсегда – последний раз Непорочное Зачатие произошло почти две тысячи лет тому назад!

Джозайя резко втянул воздух и угрожающе сощурил глаза, приподнимаясь со стула.

– Хозяйка.

– И нечего звать меня «хозяйкой»! Может, мы и произнесли обеты в церкви, но мужем и женой никогда не были!

К собственному ужасу, Ребекка почувствовала, как волшебная сила начинает ее покидать, о чем свидетельствовала предательская дрожь в ее голосе. Чувствуя необходимость на что-то опереться, она протянула руки к ближайшему надежному предмету, которым оказалось плечо Джозайи. Физический контакт настолько ее изумил, что она почти мгновенно отдернула руку, а он снова плюхнулся на стул.

– Ешь картошку! – крикнула Ребекка, шваркнув вилку на стол, даже не посмотрев, не прилипла ли к ней грязь с пола.

– Ты раньше никогда до меня не дотрагивалась, хо.. Голос Джозайи казался таким же неуверенным, как ее собственный.

– Не женское это дело – первой... – Она с трудом сглотнула, испытывая настолько сильное смущение, что даже не сразу смогла договорить. – Особенно когда мужчина дает ясно понять, что он не хочет...

Она уже было подумала, что они оба больше никогда не смогут договорить до конца ни одной фразы, когда вдруг Джозайя схватился за проклятушую вилку и весь закипел от негодования.

– Как я мог к тебе прикоснуться или надеяться, что ты захочешь до меня дотронуться? – вызывающе спросил он, энергично тыча вилкой в воздух словно для того, чтобы подчеркнуть свои слова. – Ты же знаешь, что я обещал, когда мы поженились!

– Ты пообещал, что устроишь новую жизнь – для нас троих – в Канзасе.

– Я пообещал, что устрою тебе лучшую жизнь, – поправил он ее. – Я поклялся перед Господом, что, если ты станешь моей женой, я откажу себе во всем, пока не докажу, что я лучше того негодяя, который надавал тебе хитрых обещаний и оставил с ребенком, не имеющим отца!

– Ну вот, ты опять принялся за сравнения! Да ты в десять раз лучше него, ты, самоуничижающийся олух!

Они стояли друг перед другом, нос к носу, и орали во весь голос, словно две вороны, заспорившие над протухшей тушкой кролика.

– Богобоязненная жена не посмела бы укорять своего мужа...

– Олух! Олух! Олух!

Несколько дней тому назад Ребекка испугалась бы, что гнев Джозайи падет на Робби, и трусливо сжалась бы, вме-

сто того чтобы еще сильнее раздражать своего побагровевшего мужа. Но сегодня их яростная перепалка поразительно ее ободрила, хотя последний выкрик получился у нее немного более испуганно-пронзительным, чем ей хотелось бы.

– Почему бы тебе не кричать то, что ты действительно хочешь, Ребекка, – неудачник, неудачник, неудачник!

– Джозайя, с чего это я вдруг стану называть тебя неудачником?

Ее искреннее изумление заставило Джозайю отступить на шаг. На его лице отразилось столь же глубокое изумление. Он снова тяжело опустился на стул, словно у него вдруг подкосились ноги и он испугался, что упадет.

– Если тебе хочется, хозяйка, чтобы я перечислил все мои неудачи, одну за другой, так я это сделаю. Во-первых, я вложил все свои сбережения до последнего цента в ту вегетарианскую компанию, а она лопнула, не успели мы даже одной ночи проспать в Октагон-Сити.

– Десятки людей потеряли все, когда эта компания рухнула. – Ребекка почувствовала, что ее ноги тоже ослабели, и села напротив Джозайи. – Никто не может винить тебя за то, что ты поверил, будто Октагон-Сити окажется земным раем. Не забывай – я тоже в это поверила, Джозайя.

Худое тело ее мужа пронизала такая сильная дрожь, что Ребекка почувствовала, как сотрясается стол.

– А потом у меня началась летняя болезнь, и мы не смогли уехать на север с остальными поселенцами. Иначе мы смогли

бы найти себе хорошее место в Висконсине.

– А мы нашли себе хорошее место здесь, в Броде Уолберна. – Ребекка рассмеялась, хотя никогда еще ей не было настолько не до смеха. – Ты же читал, что пишет Берди Слокум – что они в твоём драгоценном Висконсине чуть не умерли от голода, что всю зиму не могли тронуться с места из-за глубоких снегов. Они живут сейчас еще хуже, чем прежде, и возвращаются к ее родне в Огайо. И не забудь той записки от Мириам Дэвис, где она рассказала нам, как ее муж и сын умерли после отъезда из Канзаса, как она жалеет, что они не остались, чтобы оправиться после болезни, что они не боролись за то, чтобы их участок остался за ними. Да ведь она даже написала об этом книгу, чтобы люди хорошенько подумали, прежде чем перебираться в Канзас. Сдается мне, что по сравнению с ними у нас все прекрасно.

Ребекка вдруг почувствовала, как у нее бьется сердце – можно было подумать, что она столько времени старалась укрепить его против гнева мужа, что оно только сейчас осмелилось напомнить ей о своем существовании. Лицо Джозайи вдруг смягчилось, и Ребекка вспомнила все то, из-за чего она его полюбила. Надежду. Гордость. Порядочность. Краткое напоминание о том человеке, который прижал к своей груди ее незаконнорожденного сына и поклялся в том, что никогда не станет упрекать ее прошлыми ошибками, заставило ее сердце сжаться от тоски, словно при виде фотографии умершего возлюбленного.

– В нашу первую ночь после свадьбы я была так расстроена, когда ты сказал, что не хочешь... ко мне прикасаться, – произнесла она. – Но когда ты объяснил мне, в чем дело, я подымала, что на самом деле это романтично. Ты помнишь, что обещал мне, Джозайя?

Ребекка знала, что лицо ее все покраснело из-за того, что она осмелилась говорить вслух о таких вещах. А Джозайя смертельно побледнел.

– Джозайя?

Он ответил едва слышным шепотом:

– Я пообещал, что дам тебе земной рай, прежде чем хоть что-то от тебя требовать.

А они приехали в поселение вегетарианцев, Октагон-Сити, которое оказалось всего-навсего поспешно сколоченным бараком, где будущие жители заняли каждый дюйм сухого пространства. Там нельзя было уединиться, там все силы уходило только на выживание: у пары молодоженов не было возможности узнать привычки друг друга. Джозайя дал слово не прикасаться к ней, когда выяснилось, что обещанные лесопилка, амбары и школа никогда не будут построены, когда большинство приезжих отказались от своих надежд и бросили прозябающий поселок. Он подтвердил свое решение не прикасаться к ней, когда комары, змеи и голодающие индейцы захватили те немногие акры, которые им удалось расчистить, и им пришлось отступить к ближайшему обжитому городку – Броду Уолберна. Со временем тоска Ребекки

превратилась в обиду: она уже не томилась по ласкам мужа, а смирилась с тем, что совершила неудачный выбор.

Ребекка знала, что хорошая женщина, порядочная женщина ежевечерне благодарила бы Бога за то, что он даровал ей замужество без необходимости терпеть посягательства супруга. Как и Джозайя, она оказалась в ловушке собственного изготовления. Выходя замуж, она дала клятву, что станет хорошей женщиной, порядочной женщиной. Так как же ей было сказать Джозайе, что она так и не сумела справиться со своими неблагопристойными желаниями, что она жаждет его объятий, когда он следовал своему обещанию и не прикасался к ней?

Клятвы и обещания. Как супругам удастся найти счастье, когда гордость и чувство чести постоянно им мешают?

Она осторожно пододвинула свою руку к ладони Джозайи, так что ее пальцы почти прикоснулись к его огрубевшей от работы коже. Ей тошно было от мысли, сколько лет они провели так близко друг от друга – и в то же время разделенные глубокой пропастью. Они лежали рядом в постели, прислушиваясь к дыханию друг друга и стараясь не пошевелиться. И за едой, как сегодня, они бдительно следили, чтобы случайно не прикоснуться друг к другу.

– Понимаешь, Джозайя, я никогда и не считала, что вынуждена что-то тебе давать. Я чувствовала себя гордой и счастливой из-за того, что ты захотел сделать меня своей женой.

У Джозайи судорожно дернулась рука, и сердце Ребекки затрепетало, предчувствуя, что сейчас он уничтожит то крохотное расстояние, которое их разделяет.

– Все дело в этом незнакомце – он совсем тебя взбудоражил. – Его голос, монотонный и полный подозрительности, подсек чуть пробившиеся ростки надежды прямо под корень. – Сначала ты отдаешь ему мальчика. А теперь ты думаешь о... о вещах, которые мы с тобой никогда не обсуждали. У меня же есть глаза, хозяйка! Я вижу, как женщины к нему льнут. И все-таки ни одна женщина в Броде Уолберна не дала ему то, что дала ты.

– Ты ошибаешься, Джозайя. Ты так сильно ошибаешься!

Ребекка убрала руку. Казалось, ей понадобилась целая вечность для того, чтобы протащить ее по выщербленной крышке дубового стола – наверное, из-за того, что она казалась онемевшей и ужасно тяжелой. А еще ей казалось, что с каждым дюймом пропасть, разделяющая их, становится все шире.

Джозайя неловко вскочил, уперевшись кулаками в стол, и, чуть покачнувшись, наклонился к ней. Увидев на лице мужа несказанную муку, Ребекка снова ощутила слабую надежду и тут же отругала себя за это: губы его сложились привычной неприветливой линией.

– Да-да, я давно ожидал, что увижу в твоих глазах вот это выражение, хозяйка. Ты никогда еще со мной не нахальничала и не заговаривала среди бела дня о таком, что не годит-

ся для богобоязненных мужчины и женщины. Я тебя предупреждаю: я собираюсь выяснить, что стоит за такой резкой переменой!

У нее из горла вырвалось тихое рыдание – единственное, что осталось от тех надежд, с которыми она пошла на эту ссору.

– Алма ошиблась. Я совсем не сильная, не то что мисс Джей. Так что делай что хочешь, Джозайя. Я... я слишком устала. Мне теперь все равно.

Она отодвинулась от стола и скрылась в спальне. Вся кухня была заставлена немытой посудой с заскорузлой едой, такой же жесткой и неприятной, как тот щит, которым Ребекка пыталась защитить свое израненное сердце.

Ей понадобится всего несколько дней – не больше того. Она все приготовит, возьмет Робби и предупредит Джеффри, чтобы тот опасался Джозайи, хотя ее муж никогда на ее памяти не прибегал к насилию. С Ребеккой это было и не нужно: он много раз доказывал, что может уничтожить ее всего парой метких слов.

Вот и сейчас он что-то бормочет.

– Что ты сказал, хозяин?

Ребекка по привычке остановилась в дверях спальни и повернулась к нему.

Джозайя сидел за столом, хмуро глядя на его поверхность, стиснув руки, словно в молитве.

– Я сказал, что нечего тебя уверять, будто другие женщи-

ны лучше тебя. Ты самая лучшая на свете.

То ли он двигался быстрее, чем она могла ожидать, то ли его неожиданный комплимент заставил ее застыть на месте – Ребекка и сама не могла бы сказать. Но через пару вздохов его стул уже опустел, а она все еще продолжала стоять, изумленно открыв рот и глядя туда, где только что сидел муж, и теперь она уже совершенно не понимала, что ей следует предпринять.

Глава 17

Профессор Берне тихо рыгнул, прикрыв рот кулаком.

– Превосходный ужин, миссис Уолберн! Должен признаться, что в Бостоне народ смеется, когда слышит, будто можно получать удовольствие от кулинарного знакомства с простой степной собачкой. Придется мне их переубедить.

– Очень вкусно, мисс Джей! – подтвердил капитан Чейни, и наевшиеся до отвала солдаты, сидящие вокруг стола Джульетты, хором его поддержали.

Джульетта рассеянно улыбнулась капитану, отчаянно желая, чтобы все ее постояльцы поскорее ушли из кухни. С нее больше чем достаточно икающих, харкающих и почесывающихся мужчин! Она все время вспоминала, как Джеффри сравнил солдат американской армии с верблюдами.

Она просто все время вспоминала Джеффри! Две ночи она провела без сна, томясь по его объятиям, по тому дивному моменту, когда их тела сливались воедино, и лишилась способности думать о чем-то еще.

Сравнительно недавно она спокойно относилась к тому, что всю оставшуюся жизнь будет принимать в своем доме этих же самых солдат, прекрасно зная, что Дэниель был бы несказанно горд, видя, как жена чтит мечту его жизни. А теперь она просто не представляла себе, как сможет выносить присутствие постояльцев больше десяти минут кряду.

Джульетта с трудом подавила волну отвращения, которая захлестнула ее при мысли о том, что она бесконечные дни будет проводить за плитой, приготавливая постояльцам пищу, будет стирать постельное белье, на котором спали чужие ей люди, а бесконечными ночами будет прислушиваться к чужим шагам, нарушающим покой ее дома. Трудно было поверить, что только появление потерявшего память актера заставило ее спросить себя: «А как насчет того, что ты сама хочешь получить от жизни, Джульетта?»

– У меня для вас задание, Чейни, – сказал лейтенант Джордан, откидываясь на спинку стула. Это движение сопровождалось звуком и запахом, о которых воспитанные люди никогда не говорят.

Джульетте было любопытно, как вышедший в отставку воюка воспримет такое бесцеремонное заявление. К ее глубокому изумлению, капитан Чейни сел прямее, словно, не вставая, перешел в стойку «смирно».

– Приграничные разбойники вольничают? – спросил он. – Мне пора действовать?

Кивнув, лейтенант Джордан бросил на Джульетту виноватый взгляд.

– Не пугайтесь, мисс Джей. Вам пока опасность не грозит. Разбойников всегда больше интересовали Лоренс и Форт-Скотт, а не мелкие поселки. Тем не менее лично президент направил сюда капитана Чейни присматривать за городком. Чейни регулярно отправлял рапорты. Это благодаря ему мы

вовремя ввели в Форт-Скотт гарнизон, так что разбойники не успели его разгромить. Я немного беспокоюсь, как бы они не решили напасть на менее надежно укрепленное поселение. Мы снова просим вас начать работать, Чейни, чтобы в случае чего вы подготовили людей.

– Я ничего не понимаю! – Джульетта повернулась к капитану Чейни. – Все это время вы были вроде шпиона?

– Угу. – Если бы на капитане были подтяжки, он, несомненно, гордо ими щелкнул бы. – В нашу пользу.

– О!

Джульетта поникла, вспомнив, как Алме было велено выяснить, не шпион ли Джеффри. Джульетта в жизни своей не думала о шпионах и разведке, а оказывается, вокруг Брода Уолберна все это время витали подозрения, и сама она уже несколько месяцев укрывала в своем доме военного разведчика! Похоже было, что она совершенно ничего не знает о том, что происходит в городке, процветанию которого обязалась посвятить всю свою оставшуюся жизнь.

– Надул я вас, а?

– Да. Пожалуй, назвавшись отставным военным, вы избрали себе хорошую маску, – признала она. Хотя, поразмыслив, решила, что придумано это было не слишком хорошо.

– Так я и подумал. – Капитан Чейни удовлетворенно кивнул. – Горожане уважают мой опыт, так что теперь мне легче будет собрать мужчин в ополчение, чтобы раздать им армейское оружие.

– Э!

Казалось, лейтенант Джордан подавился, хотя на тарелке у него еды не оставалось.

– Надо думать, я попрошу, чтобы вы разослали сегодня ваших солдат предупредить окрестных мужчин. Тогда мы завтра же могли бы начать подготовку и обучение меткой стрельбе.

– Чейни! – Лейтенант громко сглотнул. – Мы хотим, чтобы вы собрали отряд и подготовили его, но дело в том, что оружия для вас у нас нет. Нам едва хватило его для гарнизонов больших городов. Приграничные разбойники захватили два последних транспорта, направленных в Канзас. Президент приказал прекратить отправку оружия: сказал, что нет смысла вооружать противника. – Тут он искоса посмотрел на капитана. – Мне очень жаль.

Все солдаты как по команде сгорбились, словно хотели телами защитить свое оружие от возможной конфискации.

– Какого дьявола! – От ярости капитан так побагровел, что Джульетта испугалась, как бы его нехватила кондрашка. – Да в целом городе не найдется и четырех приличных ружей! Как я, к черту, могу превратить кучку фермеров в боевой отряд, если у меня не будет хотя бы оружия?

– Вам поможет Джефффри, – неожиданно для себя сказала Джульетта. – Он очень много знает о бое без огнестрельного оружия.

Она мысленно видела, как его мускулистая рука воздева-

ется к небу с шестифутовым копьём, которым он орудует с такой лёгкостью, словно родился с ним. В ее ушах зазвучали отголоски криков мальчишек, начавших показательной бой, странно дисциплинированный беспорядок, благодаря которому они вдруг стали выше ростом и внушительнее. Рыцари, ведущие сражение на рубежах Канзаса.

И тут в ней поднялся дремавший дотоле страх. Он пробрался в щелку между ее разумом и сердцем: разумом, который говорил ей, что она должна любой ценой защищать город, и сердцем, которое не желало возвращаться к реальности.

– Угу! – Капитан Чейни пытливо посмотрел на нее, прищурив глаза. – В этом вашем предложении что-то есть, мисс Джей.

Джюльетта понимала, что сама она ни в коем случае не сможет обратиться к Джеффри с такой просьбой. Если уж на то пошло, то ей больше всего хотелось пробежать по прерии, броситься к нему в объятия и умолять, чтобы он забрал ее с собой подальше отсюда. Из ее горла вырвался странный сдавленный вскрик, похожий на очень невеселый смешок. Что-то совершенно неожиданно изменилось. Она почти готова была все бросить, лишь бы продолжить их невозможную любовь, но была уверена, что Джеффри д'Арбанвиль с его странными взглядами на честь и долг никогда на это не согласится.

– Джеффри сейчас наслаждается учебным боем. Вам не

понадобится мое присутствие, когда вы пойдете с ним говорить. Капитан Чейни знает, где его участок.

– Ясно, – сказал лейтенант Джордан, хотя его изумленный взгляд находился в полном противоречии со словами. – Ну, если Чейни намерен начать подготовку завтра утром, то нам пора идти. Будьте добры, не запирайте черный ход, мисс Джей, тогда вам не надо будет дожидаться нашего возвращения.

Джульетта кивнула, обнаружив вдруг непомерный интерес к собиранию тарелок. Солдаты с топотом начали выходить из кухни. Ей казалось, что нормальные, повседневные дела немного умерят боль, сжавшую ей сердце. Все шло к концу – она это чувствовала, но ничего не могла сделать, чтобы продлить дарованную ей мимолетную радость. Она молила Бога, чтобы охватившее ее онемение задержалось подольше и чтобы она успела уйти к себе в спальню.

Джульетта как раз нагнулась к помойному ведру, куда сбрасывала с тарелок объедки, которые предназначались свиньям Тэтчеров, когда позади нее заскрипел стул. От неожиданности она даже вскрикнула.

– Профессор Берне! – Она прижала руку к отчаянно забившемуся сердцу. – А я и не заметила, что вы остались!

Профессор благодушно улыбнулся ей, не выпуская изо рта курительной трубки. Казалось, все его внимание сосредоточено на ее разжигании.

– Вся эта воинственность не для меня, мисс Уолберн. Я по

натуре ученый, исследователь, как вы пони маете. Я предпо-читаю пулям книги, а восстаниям – исследования.

– И я тоже.

Джульетта вернулась к своему занятию, но тут ей в голо-ву неожиданно пришла интересная мысль. Почему она так убеждена в благородстве и честности Джеффри и в то же вре-мя ни на секунду не допускает мысли, что в его невероятных рассказах может быть доля правды? А что, если... Что, если это правда и Джеффри д'Арбанвиль действительно был ры-царем на службе короля и каким-то образом перенесся сюда из тринадцатого века?

О Боже, если бы только #то была правда!

– Исследования, профессор Берне? А человек с вашим положением мог бы проверить имена людей, живших очень давно? Очень-очень давно?

– Милочка, библиотека Гарварда не имеет себе равных – просто не имеет себе равных! – Он так раздулся от гордости, словно сам составлял эту библиотеку. – Какое время и страна вас интересуют?

– Год тысяча двести восемьдесят третий от Рождества Христова. А место – северо-запад Англии, – прошептала Джульетта. – Приграничный лорд по имени Джон Рованвуд и его жена Деметра. Грабитель по имени Дрого Фицболдрик. И рыцарь, рыцарь короля, которого звали... – Она закрыла глаза и огромным усилием воли заставила себя договорить, хоть и опасалась того, как профессор отреагирует, услышав

последнее названное ею имя. — ...Джеффри д'Арбанвиль.

— А, предок молодого человека, которого отправились по-видать солдаты!

Джульетта могла только надеяться, что за облаком табачного дыма не видно будет, как она облегченно вздохнула, услышав прекрасное объяснение, которое профессор нашел для ее странного интереса. А может, и видно. Сквозь сизую дымку она ясно видела, как профессор хмурит лоб. Значит, и ее волнение было столь же хорошо заметно.

— Конец тринадцатого века. Гм-м-м. Попробую, конечно, но должен откровенно признаться, что даже библиотека Гарварда может оказаться недостаточно полной. Вы говорите о трудных временах, милочка, очень беспокойных временах. Валлийские выскочки объявляли себя королями, принцессами и еще кем угодно, смертельно досажая доброму королю Эдуарду. Письменные свидетельства весьма неполны.

— И не забудьте о кельтских богах, — добавила Джульетта. — Они тоже играли немалую роль. По крайней мере так я слышала.

— О Боже, да! — Профессор похлопал себя по карманам и извлек из одного из них небольшую записную книжку. — Я попрошу у вас ручку, милочка. Если немедленно не запишу эти имена, то обязательно их позабуду. Вы даже не можете себе представить, сколько у меня забот!

Джульетта принесла ему перо и чернильницу и, затаив дыхание, смотрела, как он нацарапал на страничке названные

ею имена. Она сама не могла бы объяснить, почему такое простое действие заставило ее столь сильно разнервничаться, однако это было так. Она даже не знала, что было бы хуже: узнать, что Джефффри всего-навсего потерявший память актер или что он действительно перенесшийся из прошлого рыцарь, посланный сюда каким-то древним кельтским божеством, чтобы положить конец приграничному конфликту и спасти ее от горького вдовства. А еще она не могла не испытывать тревоги по поводу того, что скажет Джефффри, когда узнает, что она сделала.

Записывая, профессор бормотал себе под нос:

– Деметра. Хорошее кельтское имя. Защищала замок, говорите? Не могу сказать, что припоминаю женщину по имени Деметра в родословной Плантагенетов. Похоже на тех выскочек, о которых я вам говорил. Дрого Фиц... что там дальше?

– ...Болдрик.

– Да, конечно. И Джефффри д'Арбанвиль. – В конце имени «Джефффри» профессор поставил небольшую завитушку, подул на чернила, чтобы они быстрее высохли, а потом захлопнул свою книжечку и сунул ее обратно в карман. – Я займусь этим сразу же... Конечно, после того, как закончу доклад президенту.

– Разумеется.

– При условии, что я так же удачно пересяду с поезда на поезд, как по дороге сюда. С большой вероятностью, что я

смогу ответить вам в течение полумесяца, миссис Уолберн.

– Так скоро? – Она сама удивилась той искре волнения, которая в ней вспыхнула. – Надеюсь... надеюсь, что моя просьба не причинит вам много хлопот, профессор.

– Чудеса современного транспорта, милочка. И не тревожьтесь из-за такой пустяковой просьбы. Право, это самое меньшее, чем я могу отплатить вам за ваше гостеприимство. Боюсь, что ему не будет равных во многих заведениях, где мне придется останавливаться по дороге домой.

Профессор поднялся со стула и, тяжело ступая, вышел из кухни. Джульетта прижалась спиной к стене, внезапно ослабев при мысли о том, что она только что сделала.

Она не попросила профессора справиться относительно актера шекспировского театра по имени Джеффри д'Арбанвиль.

Ей хочется, чтобы слова Джеффри оказались правдой.

Прошло уже больше недели с тех пор, как капитан Чейни ушел с их переговоров с явно ошеломленным видом. Как всегда, рыцарская логика подействовала. Работы на строительстве его дома из дерна представлялись Джеффри справедливым эквивалентом, и мужчины города охотно с этим согласились. Теперь все мужское население Брода Уолберна – за исключением Джозайи Уил-кокса, который смотрел на него с гневом, граничащим с ненавистью, – работало и обучалось под строгим наблюдением Джеффри. И хотя рыцарь был по-учительски доволен результатами, но постоян-

ная бдительность, которую ему приходилось соблюдать при постройке дернового дома, казалась ему труднообъяснимой.

– Можно подумать, – ворчал Джеффри, – строительство простой крепости стало делом забытым.

– Ну, я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь видел хоть что-то похожее, – отозвался капитан Чейни.

– Не так уж это не похоже на другие дерновые строения.

– Я еще никогда не видывал круглого дерновника, окруженного рвом. Даже представить себе не могу, что скажет по этому поводу сын миссис Эббот из Военной службы инженеров-топографов.

– Возможно, вы как раз обнаружили одну из причин слабости обороны в вашей стране, раз лучшие войска вашего президента не могут построить такого надежного дома.

Джеффри с гордостью смотрел на свою небольшую, но солидную с виду крепость. Вся Англия была усеяна фундаментами от каменных строений такой же формы, относившихся к славным дням Вильгельма Завоевателя. Рыцарь и его группа потенциальных оруженосцев вырезали кирпичи из дерна с широкой полосы земли вокруг единственной чуть заметной возвышенности на его участке. Переговоры с капитаном Чейни оказались как нельзя кстати – благодаря Джеффри он заручился помощью взрослых мужчин для земляных работ. Пока они копали и выбрасывали землю из канавы, мальчишки утрамбовывали лишнюю почву поверх возвышенности, создав небольшой холм, окруженный пустым рвом. Очень ма-

леньким рвом, конечно, учитывая медленное течение ручья, которому придется его наполнять.

На вершине нового холма постепенно вырастал дом Джеффри – безликий, приземистый и непривлекательный, благодаря чему это скромное жилище имело вид травянистого средневекового замка (при условии, что он смотрел на него с определенной точки и при этом прищуривался). Дом ничем не напоминал его родовое поместье. Но хотя Джеффри часто мечтал получить владения отца, их вид никогда не дарил ему того удовлетворения, какое испытывало его жаждущее своей земли сердце при виде земляной лачуги – пусть даже она принадлежит ему на совсем короткий срок.

– Надо признать, – сказал капитан Чейни, – что без углов работать было легче. И эти... как вы их назвали... бойницы не дадут крыше просесть так же сильно, как над обычными окнами. По правде говоря, весь город предвкушает, как мы его сегодня закончим.

– Что вполне понятно. А что, разве для горожан вашего времени... э-э... ваших мест непривычно собираться на совместные празднества?

– Здесь мало поводов для праздников, Джеффри. У людей не остается для этого ни денег, ни сил.

– Их не было и в мое... там, откуда я приехал. И тем не менее люди не замыкались, как здесь, когда в лачуге сидят иногда всего двое. Да ведь я со дня приезда не видел ни единого сказителя или акробата! Простые удовольствия: поси-

деть вместе за столом, послушать рассказы – мне этого очень не хватает. Надо признаться, прежде бывали минуты, когда мне казалось, что я бы душу продал за минуту уединения. Теперь – ни за что. В этих прериях страшно одиноко.

Джефффри взял за привычку говорить подобное – на душе от этого становилось легче. Да, здесь было одиноко, особенно когда Джульетта была связана своими обязанностями. Но не настолько одиноко, чтобы он с радостью не остался бы здесь, среди своих новых друзей-фермеров, чья мужская дружба была ему так приятна. Если бы рыцарь не принес клятву чести, он с наслаждением закончил бы свои дни здесь, на земле, которую он мог назвать своей, разделив свой надежный новый дом с Джульеттой.

Но ради спасения души ему надо наконец делать то, чего все время ждала от него Джульетта. Прошло слишком много времени, а Джефффри не предпринимал попыток найти дорогу обратно в свой век. Каждый день он говорил себе: «Я встречусь с ней в последний раз, а потом уеду». Но их дневные встречи, оставаясь в высшей степени благопристойными, ничуть не умеряли желания, которое бушевало в нем. И поэтому он каждый раз решался уехать – после того как увидится с Джульеттой еще раз. Джефффри следовало бы искать горы или пропасти, а не строить дерновые дома и рыть рвы. Ему надо стремиться найти леди Деметру, а не томиться по Джульетте. Ему следовало бы поступать, как подобает рыцарю, а не влюбленному.

Каждую ночь Джефффри укладывался на своем одеяле, ощущая груз физической усталости, но его мысли не отступали, не давали уснуть. Он представлял себе, как Джульетта прижимает его руку к своей шелковистой нежной груди. Как, задыхаясь, она умоляет, чтобы он любил ее. Как ее дивные глаза туманятся от страсти и смятения: она держит свое обещание радоваться жизни, пока можно не уступать реальности, но втайне боится, что он оставит ее наедине с ее одиночеством и респектабельными обязательствами.

И Джефффри обязан это сделать. Еще два дня, не больше — и он должен уехать. И он попросит Джульетту уехать вместе с ним.

Но согласится ли она? Откажется ли она от всего, что ей дорого, ради человека, который ничего не сможет предложить ей там, куда зовет с собой?

Чтобы скрыть душевное смятение, Джефффри снова сосредоточился на строительстве своего «замка».

Сейчас и мужчины, и мальчишки под руководством Джефффри укладывали последние кирпичи из дерна. Одолженные у Тэтчеров свиньи кормились во рву, и их жадные пяточки и острые копытца прекрасно утрамбовывали землю. К концу дня мужчины, мальчишки и свиньи закончат работу. Сам Джефффри разрушит последнюю двухфутовую перемычку, которая отделяет ручей от рва, и выпустит в него воду.

Все с радостью приняли предложение Джефффри отпраздновать момент, когда наполнится ров. Женщины городка по-

обещали прийти с корзинками, наполненными всевозможными лакомствами. После пира мужчины и мальчики покажут свои вновь приобретенные умения, устроив турнир. Джеффри, конечно, в соревнованиях принимать участия не будет. Хотя он сделал все, что можно было сделать за столь короткий срок, никто из обученных им мужчин не мог сравняться с ним, а демонстрировать свое превосходство было бы нечестно.

Джеффри смотрел, как Честер Тэтчер пытается справиться с дерновым кирпичом, оказавшимся слишком тяжелым для его мальчишеских мускулов. Вот, похоже, способ умерить настойчивое желание, приказывавшее ему пройти по прерии и заявить свои права на Джульетту, пообещав вечно оставаться с нею.

– Я помогу поднять последний ряд дерна.

Не дожидаясь ответа капитана Чейни, Джеффри бегом бросился к стройке, перескочил через крошечный ров и направил свои силы на нечто понятное – на нечто ему подвластное.

На нечто, что он может потрогать и назвать своим – пусть всего на один день.

Глава 18

Джульетта сгибалась над грядкой, которую надо было прополоть, когда услышала приближающихся женщин: мягкий смех, колкие ответы и постоянный скрип ручек невероятно-го количества ведер. Женщины несли еду на праздник и проходили через ее участок, направляясь к Джеффри.

– Мисс Джей! Что это вы делаете в огороде? Разве вы не заметили, что уже очень много времени? Мы обещали мужчинам, что придем ровно в половине шестого!

По-учительски громкий голос Алмы гулко разнесся по пыльному двору. Остальные женщины хором поддакнули.

Джульетта вытерла лоб рукавом. Судя по неприятному ощущению, лоб у нее вымазан землей.

– Но сейчас еще нет и полудня, Алма!

По правде говоря, Джульетта все утро места себе не находила: перепробовала несколько причесок, померила все свои четыре платья – и осталась всем недовольна. Солдаты уехали после раннего завтрака, так что она снова сможет пройти по залитой лунным светом прерии. Но сначала надо было как-то пережить день и назначенное на него празднество, когда она постоянно будет видеть Джеффри, но не сможет к нему прикоснуться. Неприятная работа в виде прополки должна была сбить возбуждение, но не помогла усмирить ее неуместные мысли.

Миссис Эббот хмуро переводила взгляд с Алмы на Джульетту.

– Я совершенно изумлена, что весь город пошел на такую глупость. Вы же не можете всерьез считать, будто Джеффри д'Арбанвиль превратит всех этих мужчин в рыцарей.

– Конечно, мы это знаем – ну так что же? – Алма ткнула локтем в бок Верди Катлер, и все женщины захихикали. – Мужчины просто в восторге, а нам тоже весело смотреть, как они развлекаются.

Джульетта села на корточки, стараясь не смеяться над возмущенной миссис Эббот, когда Верди Катлер спросила:

– Если вам все это так не нравится, тогда почему вы пошли с нами пораньше, миссис Эббот?

– Нам надо прийти пораньше, – объяснила Алма, обращаясь к Джульетте. – Вы должны будете стать судьей в нашем конкурсе.

– Да, мэ, вы же всегда возглавляете все важное, – поддержала ее Верди.

– В конкурсе? – Джульетта пыталась понять, кто это так изумленно пискнул, и только потом сообразила, что это была она сама.

Вперед деловито пробилась Роза Тэтчер, крепко прижимая к своей пышной груди грубое ведро из дубовых дощечек. Она выставила ведро перед Джульеттой, и оказалось, что в середине пробиты две дыры, а у края сделана широкая прорезь. Роза продемонстрировала свое ведро гордо, словно

радуясь тому, что сумела превратить полезную в хозяйстве вещь в нечто напоминающее исключительно надежный фонарь из тыквы.

– Мы по секрету сделали нашим мужчинам шлемы, мисс Джей, как у Джеффри. Вот уж они удивятся-то!

– Вы устроите конкурс шлемов?

Джульетта огорчилась при мысли о том, сколько полезных вещей было испорчено ради такой чепухи.

– Господи, нет! Роза просто хвастает своим ведром, потому что не может держать в руках иголку. У нас конкурс на лучший герб для Брода Уолберна.

Алма вытянула из кармана передника кусок желтой материи и встряхнула его, чтобы расправить складки. Но не успела Джульетта разобраться в сложной вышивке, украсившей ткань, как миссис Эббот поспешно отняла ее у Алмы.

– Нечестно! Мисс Джей должна сразу увидеть все наши гербы! Если бы мой сын Герман из Военной службы инженеров-топографов был сейчас здесь, он бы сказал, что вы пытаетесь оказать влияние на судью, Алма Харкинс.

– Не кипятитесь, миссис Эббот. Нечего напускать на меня Германа и его инженеров. Я просто пытаюсь объяснить мисс Джей, в чем дело.

Алма отняла материю у мисс Эббот и демонстративно сложила ее так, чтобы Джульетта не могла рассмотреть вышивку, даже если захотела бы.

– Мы хотели сделать голубой фон, как у Джеффри, но ни у

кого не оказалось столько голубой материи, чтобы у всех был равный шанс. А я заказала для школы эту желтую ткань, но подумала, что это тоже считается, раз будет участвовать весь город, – продолжила Алма, спрятав свой кусок материи. – Как только вы решите, какой вариант выиграл, мы сошьем всем мужчинам одинаковые туники.

Большинство женщин энергично закивали, только у Верди Катлер печально задрожали губы.

– Мой хозяин говорит, что ни за что не наденет ничего такого с цветами и птичками.

Слова Верди вызвали настоящую бурю.

– У Джеффри на тунике ястреб! Против такого твой хозяин не станет возражать – лишь бы это не был глупый цыпленок, как у Луэллы.

– Это не цыпленок, а петух! Всем известно, какие они бывают драчливые.

– И роза не будет выглядеть по-женски, если мы сделаем большие шипы.

– Нечестно подсказывать мисс Джей!

– А, помолчите, миссис Эббот!

– Мой хозяин сказал, что не наденет ничего такого и что приграничные разбойники от смеха поумирают!

– Если бы приграничные разбойники действительно поумирали от смеха, то нашим мужчинам не понадобились бы шлемы.

– Им и так не нужны шлемы – с их-то дубовыми башками!

И потом, разбойники не привыкли, чтобы наши мужчины давали им отпор. Увидят, что они к бою готовы – так просто сбегут обратно в Миссури.

Джульетта невольно покачнулась. Женщины продолжали трещать, но она едва их слышала – словно между ними вдруг выросла стена.

Жители Брода Уолберна, без всякой помощи с ее стороны, вместе придумали дело, которое подняло дух товарищества так, как того не мог бы предвидеть даже Дэниель. Джульетта прикрыла глаза, пытаясь представить себе, как измученные трудами фермеры вечером за ужином обсуждают со своими женами гербы. Как хлопчущие по дому женщины отрывают драгоценные минуты от домашних дел и детей, чтобы тайком провертеть в ведрах дырки. Как мальчишки, мужчины и даже свиньи Тэтчеров совместными усилиями строят дерновый дом для странного незнакомца, не намеренного здесь задерживаться, но искренне верящего, что он сможет приготовить мужчин к бою, который может стоить им жизни.

А теперь все намерены отпраздновать завершение своих трудов. Будет на то одобрение вдовы Уолберн, или нет.

Джульетта думала, что возмутится, почувствует вполне уместное негодование из-за того, что ее авторитетом так пренебрегли. Но вместо этого ее охватило радостное возбуждение. Они действительно становятся городом! И она может присоединиться к остальным... и повеселиться.

«Спасибо тебе, Джеффри!» – мысленно сказала она.

– Идите и переоденьтесь, мисс Джей. Мы постараемся отложить конкурс на послеобеденное время!

Пронзительный голос Алмы теперь звучал тише, словно издалека. Открыв глаза, Джульетта поняла, почему: группа женщин уже уходила с ее двора, с непристойной поспешностью удаляясь в сторону прерии. В сторону участка Джеффри, куда ей так хотелось пойти этими одинокими ночами.

Когда они оставались вдвоем, он называл ее «миледи». Джеффри никогда не требовал от нее благодарности за то, что укрепляет ее город и обучает его жителей, хотя вся ответственность с ее плеч легла на него. Ей мучительно хотелось снова услышать из его уст это обращение. «Миледи». Это слово бесконечно повторялось в ее снах. И даже сейчас, когда единственным звуком вокруг был шорох колеблемой ветром травы, Джульетта затрепетала, вспомнив, как рокотал его глуховатый от страсти голос, когда он прижимал ее к сердцу. Рядом с ним она чувствовала себя свободной и радостной, на что до его появления уже перестала надеяться.

Джульетта подняла лицо к небу, чувствуя, как полуденное солнце высушивает грязь у нее на лбу. И щеки у нее защипало, когда солнце принялось и за влажные дорожки, пролегшие у нее по щекам. Она знала, что должна сделать: смыть грязь и слезы, надеть лучшее платье и присоединиться к остальным обитателям Брода Уолберна – сию же минуту. Она насладится дружелюбием, с которым ее встретят го-

рожане.

– Мисс Джей! – крикнут они.

В присутствии других Джеффри тоже будет называть ее «мисс Джей», а она станет улыбаться и делать вид, что именно такое обращение и хочет слышать из его уст.

Если бы она уехала с Джеффри, как только он ее об этом попросил, прыгнула в пропасть и пустилась на прочие не подобающие благовоспитанной женщине глупости, на которые он ее вызывает, то не было бы ни строительства дома, ни конкурса гербов. Упрямство, с которым Джеффри держался своей клятвы, обрело для нее новый смысл. Город Дэниеля – ее город – определенно выиграл из-за того, что она проявила некоторую стойкость. А чего смогут они с Джеффри добиться, если вместе будут выполнять обещание, которое дал он?

Когда-то Джульетта считала, что взваленная ею на себя ответственность обрекает ее на одиночество. Ей не терпелось встретиться с Джеффри, чтобы сказать ему, что теперь она стала умнее.

Ребекка показалась Джозайе настолько красивой, что ему пришлось сесть на собственные руки, чтобы не заключить ее в объятия. Ему все труднее становилось даже мечтать о том, что в один прекрасный день он сможет это сделать – если учесть то, как она стала украдкой уходить из дома, пока он работает.

– Это твое самое нарядное платье, – сказал он, стараясь не обращать внимания на то, как тонкая застиранная ткань

лежит на крутом изгибе ее бедер.

– Сегодня особый день, Джозайя.

– Мы не пойдем на турнир в честь заполнения рва. Она ничего не ответила – только подняла своей изящной рукой ведерко с едой. По тому, как опустилось ее плечо, он догадался, что она положила в него немало.

– Вот твой ужин, хозяин.

– Ужин? – В открытую дверь хижины врывалось солнце и золотило волосы Ребекки, волной лежащие у лба. В ее огромных карих глазах сверкала радость – такого выражения он не видел в них с того дня, как они направились в Канзас. Ее веселое оживление разбудило в нем щемящую боль, и Джозайя понял, что ему необходимо ее подавить. Немедленно. – Нечего было паковать мне ужин, хозяйка. Я же сказал тебе, что мы не пойдем на праздник к этому никчемному Джеффри.

– О, я так и знала, что ты не захочешь идти на заполнение рва. – Ребекка говорила совершенно беззаботно. Ведро уже стояло у его ног. – Но разве я не пакую тебе ужин почти каждый вечер, хозяин? Ты ведь собирался снова уйти, чтобы еще несколько часов бороновать поле, пока не стемнело, так ведь?

Джозайя больше не мог таить в душе свою боль.

– Ты собираешься улизнуть туда, как только я снова уйду в поле!

Ребекка подняла голову, и на губах ее заиграла настоящая

ухмылка, словно она обрадовалась обвинениям мужа.

– А что в этом нового? Я всю последнюю неделю ходила туда каждый день. – Она прищурилась и радостно улыбнулась. – А иногда даже два раза в день. И ты это прекрасно знаешь, Джозайя Уилкокс – ведь ты следил за мной каждый раз, когда я туда пробиралась... чтобы увидеться с Джефффри.

– Нет! – У Джозайи стало как-то нехорошо внутри, и он обмяк на стуле, словно для того, чтобы защититься от невидимого удара. – Я наблюдал за каждым твоим движением. Ты и десятью словами с этим Джефффри не перемолвилась!

– Да неужели? Тогда почему я, по-твоему, продолжаю туда ходить?

– Ты продолжаешь ходить, чтобы повидать мальчика. Как любая женщина, скучающая по сыну. Я за тобой наблюдал.

– Каждую минуту?

Джозайя никогда не слышал, чтобы его Ребекка разговаривала с таким веселым лукавством. Он резко выпрямился.

– Да, черт подери, каждую минуту!

– Ну, так сдаётся мне, ты что-то ослабил свои подозрения, Джозайя. – Она повернулась к плите и прошествовала (инного слова для ее походки было не подобрать) к ее чугунной громаде, бросив через плечо быстрый взгляд на мужа. – Я отлично помню, как провела наедине с Джефффри целых двадцать минут. И он обучил меня очень... интересным и личным вещам.

– Он показал тебе, как завязывать узлы на длинной веревке! – Услышав, как жена столь превратно истолковывает собственное совершенно невинное поведение, Джозайя стремительно вскочил. За его спиной с грохотом рухнул стул – как всегда падали стулья позади этого возмутителя спокойствия, Джеффри д'Арбанвиля. – Нет ничего дурного в том, что ты навещала мальчика! Черт, я и сам по нему скучаю. А умение завязывать узлы жене фермера всегда пригодится.

– Ты меня пытаешься убедить, Джозайя, или себя самого?

В нем поднялось отвратительное чувство – смесь робости, стыда и страха. Ребекка была права: казалось, в нем борются два Джозайи Уилкокса. Один уверяет в ее невинности, другой кричит о ее греховности. И второй голос побеждал в течение стольких лет, что Джозайя приобрел дурную привычку сомневаться в жене и истолковывать ее самые невинные действия в дурном смысле. Он не смеет прислушаться к другому голосу – тому, который убеждает его верить Ребекке. Потому что тогда окажется, что он ошибался, что потратил без толку слишком много лет жизни на земле. Жизни, которую этой, теперь вдруг обретшей уверенность женщине он когда-то давно обещал сделать райской.

– Проклятие, Бекки, ты за эту последнюю неделю столько раз со мной нахальничала, сколько не позволяла себе за все прошлые десять лет!

– И тебе пора бы к этому привыкнуть. Мне это очень понравилось, и я жалею, что не начала нахальничать много лет

назад.

Казалось, Ребекка была твердо намерена вовлечь мужа в ссору. Пойти на это он не мог, хотя та часть его души, которую Джозайя так давно заставил замолчать, сейчас требовала, чтобы он выпалил все упреки, которые таил в себе. Он угрожающе ткнул в Ребекку пальцем, который предательски задрожал.

– Сегодня изволь сидеть дома, слышишь? Никуда ты не пойдешь! Клянусь, что если ты попробуешь туда уйти, я силой приволоку тебя обратно!

Жена насмешливо улыбнулась ему, полуприкрыв глаза, так что Джозайе захотелось взвыть.

– Увидим, кто и куда пойдет, хозяин.

Джозайя резко повернулся и возмущенно зашагал к двери. За спиной он услышал негромкий шорох шагов – Ребекка шла следом. Сделав два шага по настилу крыльца, он услышал, как жена чуть слышно охнула, словно дернула за что-то более неподатливое, чем ожидала.

А в следующую секунду с крыши крыльца упало что-то бесформенное, тяжелое и пропыленное – и сбilo Джозайю с ног.

– Какого черта! – Он завозился, но в результате только сильнее запутался в ячейках крепко связанной узлами бечевы. Он лягался. Он размахивал кулаками. Бечева опутывала ему руки и ноги. – Это же чертова сеть!

– Ага! – торжествующе вскрикнула Ребекка и кинулась на

него. Джозайя от неожиданности охнул. Она уселась ему на грудь, прижав его дергающиеся плечи к настилу крыльца. – Теперь не убежишь, Джозайя!

Он еще некоторое время подергался, но ровным счетом ничего не добился. Ребекка восседала на нем верхом с ловкостью профессионального объездчика мустангов и не переставая улыбалась, словно получала от происходящего огромное удовольствие. Джозайя только даром тратил силы.

– Чего ты, к дьяволу, хочешь добиться, женщина? И откуда ты взяла эту чертову сеть?

– Джефффри показал мне, как ее сплести. Каждый узел я завязала своими руками. А теперь прекрати чертыхаться. И биться тоже ни к чему, Джозайя. Если не будешь лежать спокойно, то только сильнее запутаешься.

Он возмущенно смотрел на Ребекку, пытаясь втянуть в легкие побольше воздуха, а она сидела на нем так непринужденно, словно в своем любимом кресле-качалке.

– Теперь я знаю, как нам все наладить, Джозайя.

– Что наладить? Все и так в порядке.

– Джозайя!

Ребекка кинула на него взгляд, полный такой печальной укоризны, что он невольно покраснел и снова почувствовал, как в его голове начали спорить два голоса. Она ткнула пальцем мужу в грудь прямо напротив сердца, и он представил себе, будто она ногтем проткнула этот самый второй, злобный и отвратительный голос.

– Джефффри сказал, что в тебе засел демон ревности, Джозайя Уилкоккс. Он обещал мне, что эта особая сеть даст демону улететь, а тебя поймает. Там, откуда он приехал, все время пользуются сетями, чтобы избавляться от ведьм и тому подобной нечисти.

Его возмутила мысль о том, что она обсуждала с посторонним мужчиной их семейные нелады.

– Джефффри, Джефффри, Джефффри! Сети для ведьм и демонов. Похоже на его всегдашние речи – глупые суеверия, в которые разумные люди перестали верить чуть ли не тысячу лет тому назад.

– Наверное, ты прав. Действительно похоже, что мы уже тысячу лет не делали ничего подобного.

Ребекка наклонилась, раздвинула ячейки сети и легко поцеловала мужа прямо в губы.

Какой невинный поцелуй! Настоящие супруги обмениваются такими, сами того не замечая: как утренним приветствием, как благодарностью после еды. Поцелуй Ребекки обжег Джозайю, как удар молнии. Он весь затрясся, остро ощущая теплый вес ее тела, давящий на его живот, сильные ноги, стиснувшие ему бока, пропитанные ароматом солнца волосы, шелковой волной упавшие ему на щеку.

– Ну, что ты на это мне скажешь, хозяин?

Как это ни странно, он вдруг произнес слова, которые так долго прятал в самой глубине души.

– Я хочу тебя обнять. Я так давно хочу до тебя дотронуть-

ся – и видишь, по-прежнему не могу. – Он попытался высвободиться из сети, буквально связавшей ему руки. Слишком много лет его руки были связаны фигурально, но теперь его вдруг охватила настоятельная потребность освободить их. – Не знаю, смогу ли я это сделать, Бекки.

– Сможешь. Сможешь. – Она повторяла эти слова снова и снова, распутывая сеть, покрывая его поцелуями, освобождая его дюйм за дюймом, так что в конце концов оказалось, что она лежит поверх него, а руки мужа сжимают ее в объятиях, о которых он никогда и мечтать не смел. – Мы освободились от этого демона, Джозайя. У нас все получилось.

Он содрогнулся, потрясенный наслаждением, болью и вновь проснувшейся надеждой. Может быть, глупые суеверия полоумного Джеффри оказались не такими уж глупыми? Джозайя ощущал необычайную ясность ума и владел своими чувствами, обычно не дававшими ему думать.

Он любит свою жену с такой всепожирающей силой, что чуть не погубил и себя, и ее. Бекки смотрела ему в глаза, и в ее взгляде читались то же томление и те же страхи, которые испытывал он сам. И сейчас, когда появилась хоть какая-то надежда на то, что у них есть будущее, Джозайя вынужден был признать правду.

– Я не заслуживаю тебя, Бекки. Я всегда знал, что недостаточно хорош для тебя.

– Джозайя, нет...

– Позволь мне договорить. Пожалуйста! – Он судорожно

вздыхнул. – Ничто на свете не заставит меня думать иначе. Так что сейчас я хочу сказать вот что: может, нам на время и удалось избавиться от этого демона. Но он вернется, Бекки, он вернется. Я этого не захочу, но мне что-нибудь покажется или ты невзначай скажешь что-то – и на меня снова нападет ревность. Я опять причину тебе боль и не смогу остановить-ся. Я в этом уверен.

В глазах у нее блестели слезы. Может, и у него тоже, потому что она нежно прикоснулась к его щеке пальцем и палец оказался влажным.

– И у тебя не всегда окажется под рукой специальная сеть, чтобы удержать меня, пока демон ревности убегает.

– Но у меня будет вот что! – Ребекка обхватила руками плечи мужа и прижалась щекой к его щеке. – Может, когда этот противный демон снова заявится, я просто уцеплюсь за тебя и буду надеяться, что ты останешься здесь, со мной.

– Ты... ты согласилась бы терпеть все мои глупости?

– Пока ты будешь хоть иногда признаваться, что это действительно глупости, и не станешь жаловаться, когда я буду нахальничать, если ты это заслужишь.

Из его горла вырвался странный звук. Джозайя даже не сразу понял, что это был смех: так он отвык от выражения радости. Прошло столько времени с тех пор, как он делал то, что доставляет удовольствие простым людям! Надо постараться делать именно это – в те минуты, когда не демон, а он сам будет хозяином своих чувств. Джозайя решил попро-

бовать прямо сейчас.

– Хочешь пойти на праздник заполнения рва, Бекки? Клянусь, что сегодня я даже мог бы попробовать быть вежливым с этим Джеффри.

Ребекка отстранилась от него, оставив после себя чувство пустоты и острое желание притянуть ее обратно. Однако она тут же кинула на его поджарое тело такой взгляд, что стало легче выносить вновь возникшее между ними расстояние.

– Знаешь, Джозайя, я как раз подумала, что нашего мальчика сегодня ночью не будет дома.

– Мы прямо сейчас его приведем, если ты этого хочешь, – проговорил он, несмотря на то что во рту у него вдруг пересохло.

– О, я, конечно же, хочу, чтобы Робби вернулся, но он будет страшно недоволен, если мы придем за ним сейчас. Робби сказал мне, что мужчины всю ночь после турнира будут заняты какой-то церемонией.

– Весь город будет всю ночь у Джеффри?

– Угу.

– Я никогда не любил быть в толпе.

– Может, именно поэтому мы все так мучаемся, когда в тебе свирепствует демон.

Если бы кто-нибудь их сейчас услышал, то он решил бы, что они поддразнивают друг друга. Джозайя всмотрелся в серьезное лицо жены, и хотя годы не сблизили их, он почувствовал страх за ее храбрыми уверениями. Джозайя сел и

сжал ее пальцы так тепло и крепко, что ее и его руки перестали дрожать.

– Я постараюсь сдерживать его... постараюсь сдерживаться, Бекки.

– Это уже начало. – Ребекка улыбнулась и, высвободив одну руку, нежно провела большим пальцем по его губам. – Но начни себя сдерживать завтра, муж. Кажется, сегодня я хотела бы узнать твою необузданность.

Джефффри наблюдал за тем, как веселящиеся горожане радостно приветствуют запоздалое появление Джульетты. Усталые мальчишки выпрямляли спины и поднимали копья – неумело, но с яростной гордостью. Запыленные мужчины указывали на только что законченную крепость из дерна и, несмотря на усталость, сверкали белозубыми улыбками, преисполняясь гордости за дело своих рук. Женщины суетились и совали под нос Джульетте лакомые кусочки приготовленного ими угощения, ища ее одобрения. Джульетта проходила между ними и улыбалась. Кивая, она любезно принимала все свидетельства уважения и все подношения, демонстрируя благородное достоинство, которому могла бы позавидовать любая высокорожденная дама.

И тут к Джефффри пришло осознание происходящего, настолько внезапное, что он пошатнулся, словно это рукоять меча Дрого Фицболдрика опустилась, чтобы вбить в его тупую башку хоть немного смысла. Джульетта Уолберн была дамой-покровительницей этого городка! Жизненная си-

ла населения была неразрывно связана с ее духом, его существование отражало ее собственную отвагу и нестигаемую решимость. Если он осуществит свое желание и увезет ее отсюда, то это будет все равно что вырвать сердце из Брода Уолберна – при условии, что сама Джульетта переживет такую ампутацию.

Возможно, все действительно началось с того, что она твердо держала слово, данное мечущемуся в предсмертном бреду мужу. Но это ее упрямая гордость одержала победу, помогая городку пережить все тяжелые времена, о которых Джеффри уже был наслышан, это ее постоянный оптимизм помог всем пережить моры и невзгоды, которых не вынесли бы и библейские народы. Глядя, как она идет между горожанами, рыцарь невольно усомнился в том, что давно умерший муж Джульетты справился бы с задачей лучше, чем она. Ей удалось вдохновить эту разношерстную компанию нищих поселенцев на то, чтобы создать в полной трудностей глуши процветающий город.

Джульетта повторяла Джеффри много раз, что довольна своей жизнью.

Любой рыцарь мечтал бы именно о такой даме, которая украшала бы его пиршественный зал, следила бы за его имуществом, пока он занимается своим делом, оплакивала бы его смерть. Нет ничего удивительного в том, что Джеффри с самого начала испытывал влечение к этой удивительной женщине, что сейчас он не чувствует в себе силы, чтобы от-

вернуться от нее – несмотря на внутренний голос, который насмехается над ним, дразнит его и говорит, что ему нечего предложить Джульетте по сравнению с тем, чем она уже обладает.

Что он действительно может ей предложить? Несомненно, полное риска путешествие обратно в его время. Любовь и сильную руку, владеющую мечом, – и больше ничего. Ни поместья, ни богатства... А здесь она своей стойкостью и отвагой добилась уважения и независимости.

Он не может предложить ей уйти с ним – если любит ее.
– Джеффри!

Джульетта наконец добралась до него, хотя несколько малышей по-прежнему крутились рядом, явно мечтая привлечь к себе ее внимание. Позади нее мерцало пламя костра, окружая розовым сиянием ее точеную фигурку и чудесную головку. Она собрала волосы в свободный узел на затылке, но строгая прическа все равно красила ее благородные черты. Джульетта улыбнулась, но рыцарь не сумел найти в себе сил на ответную улыбку.

– Джеффри?

Он почувствовал ее недоумение, но все равно не смог ответить. Ее улыбка застыла и стала похожа на натужную гримасу, которую изображает аристократка, получившая право судить турнирное облачение множества рыцарей, когда все зрители знают, что она обязана присудить победу своему сюзерену.

– Вид у тебя немного усталый, миле... мисс Джей. Ее улыбка стала шире, но еще менее веселой.

– Из нас двоих сильнее устала не я. Хотя я и не... присутствовала, но слышала, что работа шла уже несколько дней без сна.

– Да. В эти одинокие ночи работа стала моим прибежищем.

– И моим тоже.

Она шевельнула губами, словно собираясь сказать еще что-то, но дети ей помешали.

– Мисс Джей! Пойдемте, посмотрите, что мы сделали! Она одобрительно им улыбнулась и подняла кверху палец в знак того, что им надо подождать ее совсем чуть-чуть.

– Джефффри, случилось что-то нехорошее, да? Джульетта говорила едва слышным шепотом, но несмотря на стоящий вокруг шум, Джефффри прекрасно расслышал каждое слово. Что-то первобытное, жадное шевельнулось в нем, когда он вспомнил, как в последний раз ее шепот щекотал ему ухо, как в последний раз ее внимание принадлежало ему одному. О да, случилось нечто нехорошее, а он, слепец, только сейчас это заметил! Он сжал кулаки, борясь с желанием распустить ее скелотые в узел волосы и сделать так, чтобы все снова было чудесно.

– Нет, мисс Джей. Я бы сказал, что впервые увидел все вещи в их истинном свете.

Ее смятение выдали только задрожавшие губы и резко по-

бледневшее лицо.

– Пожалуйста, не надо так говорить. Я хотела сказать тебе... Я хочу, чтобы между нами все оставалось так, как было.

– Слишком поздно, Джульетта. С самого начала было слишком поздно.

Джефффри за свою жизнь нанес немало смертельных ударов и иногда сожалел об этом. Но никогда еще его сердце не разрывалось так, как сейчас, когда он смотрел, как на бледном лице Джульетты радость сменяется отчаянием.

– Джефффри, выслушай меня! – Она робко улыбнулась. Эта дрожащая улыбка заставила бы его взять свои слова обратно, если бы он любил ее не так сильно. – Кое-какие твои слова начали казаться мне странно убедительными. Я попросила профессора Бернса, когда он вернется в Гарвард, поискать в книгах по истории доказательства того, что ты рассказывал. Он обещал, что через пару недель пришлет мне ответ. Я вот-вот получу от него письмо.

Всего несколько мгновений тому назад, пока Джефффри еще не осознал, что не сможет взять ее с собой, он ликовал бы из-за того, что его слова получают подтверждение. А теперь ему легко будет воспользоваться невинным поступком Джульетты в своих целях: притвориться, будто это они вызвали горькую ярость, которая на самом деле была порождена отчаянием.

Оказывается, существуют такие минуты, когда чувство справедливости отступает перед крушением самых дорогих

мечтаний человека.

– И у тебя такой вид, словно я должен обрадоваться такому оскорблению! Я бы предпочел, чтобы ты открыто назвала меня лжецом, вместо того чтобы признаваться, что поручила кому-то удостовериться в истинности моих слов.

– Джеффри?

Он испугался, что если она еще раз произнесет его имя, он не выдержит, и постарался найти новые обидные слова. Он надеялся пробудить в Джульетте ответный гнев, чтобы, вспоминая потом об этом дне, она могла сказать, что его незаслуженные обвинения ее не сломили. Он не в силах был причинить ей боль, не дав взамен никакого утешения.

– Теперь я все понял. Ты всегда будешь сомневаться в моих словах, но принимать за святуую правду письма незнакомца, который даже не принял монашеский обет!

В ее глазах отразилась неуверенность, а щеки ярко запылали.

– Нет! То есть я хотела сказать – да. Я поверю профессору Бернсу. Я знаю, что он не монах, но, видишь ли, он ученый. Он может найти подтверждение тому, что ты говоришь.

– Листая книги, которые мог написать мой враг? Ты забываешь, что мне кое-что известно о том, какие бывают писцы. Несмотря на их благочестивый вид, от их работы частенько разит подкупом и лестью, а если того потребует новый лорд, то с пергамента можно соскрести старые письма и написать все заново.

Джефффри вдруг охватило чувство беспомощности. Он рыцарствовал, участвовал в крестовых походах, защищал своего сюзерена, оставался верен своему слову... Он не совершил ничего настолько великолепного, чтобы это было достойно занесения в летописи. Вполне вероятно, что профессор не отыщет никаких записей о нем.

Но он не мог облечь в слова снедающий его душу страх, а лицо Джульетты окаменело, сказав ему, что он добился своего и настроил ее против него. Он одержал победу, которая не доставила ему никакой радости.

– При каждой нашей встрече ты пытался убедить меня в том, что пришел из прошлого. А теперь, когда я нашла способ это доказать, ты обращаешь это против меня!

Джефффри вдруг почувствовал страшную усталость, словно прошлая неделя, полная тяжелого труда, дала о себе знать.

– Ради чего ты искала этих знаний, Джульетта? Я собираюсь найти пропасть и пересечь ее, что бы твой профессор ни отыскал в своих пыльных записях. Ничто не сможет удержать меня здесь, какие бы удовольствия ты мне ни дарила. И мне совершенно не важно, что ты наконец решила подарить мне крохотную частицу своего доверия.

Джульетта склонила голову, но он успел увидеть, как блеснули слезы, навернувшиеся ей на глаза.

– Ты сделал так много: объединил мужчин, обучал мальчишек, шутил с женщинами, пока они наполовину в тебя не

влюбились. Ты даже дом построил.

– Я бы не стал этого делать. Я бы давно отсюда уехал, если бы нашел способ вернуться в мои собственные... места. Но капитан Чейни попросил моей помощи и клялся в том, что дело не терпит отлагательств. И в этот момент я был рад помочь тебе в твоих обязанностях.

А еще его удерживало здесь чувство к ней, но Джеффри скорее умер бы, чем признался ей в этом сейчас.

Она кивнула, не поднимая головы, принимая его дар, который скорее всего разорвет ему душу. Она приняла его так же легко, как одобрила сделанный Робби бросок копья на десять футов.

– Я надеялась, что все это означало, что ты остаешься. Они ни о чем другом и думать не мог.

– Я не могу остаться, мисс Джей.

Она вздрагивала от отвращения всякий раз, как Джеффри называл ее этим неблагозвучным именем, но сейчас ее реакция не доставила ему никакого удовлетворения. Джульетта расправила юбку, а потом приподняла подол высоко над землей, чтобы легче было идти.

– Наверное, я пойду домой, – сказала она.

– Нет! – Джеффри замолчал, чуть не задохнувшись от тяжести, которая вдруг легла ему на грудь. Он еще никогда в жизни не был настолько непоследовательным. – Останься. Пожалуйста, останься.

– Это ты хочешь, чтобы я осталась, Джеффри? Или мне

следует остаться ради них – чтобы судить их соревнования и смотреть на турнир?

Он очень хотел бы попросить, чтобы она осталась ради него. Но вместо этого Джеффри перевел взгляд на своих учеников, толкущихся вокруг, готовых лопнуть от нетерпеливого желания продемонстрировать свои новые умения. Если учесть то, насколько он был ограничен в материале и во времени, то он сделал все, что мог. И этого должно хватить: если приграничные разбойники действительно трусливые и недисциплинированные болваны, какими все их считают, и если горожане будут держаться мужественно.

– Останься ради них. Они плохо вооружены и мало обучены. Капитан Чейни сказал мне, что на подготовку времени больше нет, так что их необходимо наполнить уверенностью в своих силах. Если ты сейчас уйдешь, они огорчатся, и это уменьшит их радость по поводу собственных достижений. Им всегда хочется произвести на тебя хорошее впечатление.

– А тебе, Джеффри? Чего хочешь тебе?

Он выдал свое самое затаенное желание, взмахом руки обведя свой замок из дерна, свою землю, мужчин, которых он мог бы назвать друзьями, и женщину, стоявшую перед ним. Он выдал себя, но, милостью Божьей, не настолько, чтобы Джульетта догадалась, что он мог бы искать целую вечность и не найти ничего, что подходило бы ему больше. Но признаться в этом значило бы забыть свою клятву и потерять гордость, а этого рыцарь сделать не мог.

Он повернулся, чтобы взмах его руки можно было истолковать как сигнал людям, ожидавшим их внимания.

– Я всего секунду назад сказал, что для меня важнее всего. Пропать.

– Джеффри...

Он перебил ее, не в силах слышать боль, звучащую в ее голосе. Неожиданно он придумал еще один укол, который должен был помочь ей ожесточить свое сердце против него.

– Возможно, это не случайно, что ты не хочешь поверить в то, как мне важно найти пропасть. Похоже, мне необходимо броситься обратно в то время, где множество женщин могут поверить всему, что я им скажу, не стараясь, чтобы посторонние люди предоставили им какие-то дополнительные доказательства моей правдивости.

Глава 19

– Laissez aller!

Джульетта не поняла слов, которые выкрикнул Джефффри, голос которого гулко разнесся над прерией, словно выстрел пушки. Его мощная фигура вырисовывалась на фоне красного заката: голова была гордо поднята вверх, длинные волосы развевались на ветру.

Джульетта мгновенно поняла, что как только он исчезнет, ей больше никогда не удастся наслаждаться зрелищем ярких красок заката. Каждый раз, глядя, как солнце опускается к горизонту, она будет чувствовать, что чего-то не хватает.

– Laissez aller!

Казалось, сам воздух вибрирует от его клича.

– Что это значит? – спросила Джульетта у Алмы, смутно удивившись тому, что может говорить совершенно нормально – как будто ее мир только что не раскололся.

– Кажется, «Пусть начнется». По крайней мере так решили мужчины.

«Пусть начнется». Странно, что именно эти слова отмечают конец ее короткого... флирта.

А в том, что он закончился, сомневаться не приходилось. Когда-то Джульетта считала, что целая жизнь, полная практичности и ответственности, изгнала из ее сердца все фантазии. Но она преодолела собственное внутреннее сопротивление.

ление и начала верить в Джеффри – только для того, чтобы он теперь набросился на нее, ясно дав понять, что она ему совершенно безразлична. Он назвал их отношения развлечением, когда она была готова ради него отвернуться от всего, что считала важным!

– Всем так весело! – воскликнула полная энтузиазма Алма. – Когда я ехала в Брод Уолберна, я такого и представить не могла.

– Готова биться об заклад, что никто не мог. Джульетта постаралась прогнать тяжелые мысли.

Она ловила на себе брошенные украдкой взгляды и по нервно вспыхивавшим лицам своих соседей поняла, что Джеффри сказал правду: ее поддержка действительно важна горожанам. Поэтому она восхищалась умением мужчин, колотивших друг друга, и судила наспех сшитые женщинами туники. Под одобрительные крики она назвала лучшим изделием Верди Катлер. Она хлопала в ладоши и притворялась, будто от души веселится, хотя ей больше всего хотелось бы вернуться в свою одинокую постель, свернуться калачиком и вдосталь наплакаться.

Джульетта не знала, сможет ли снова смотреть на широкие пространства прерии, не слыша эха от ударов копий из тополя об изготовленные из ведер шлемы, озорные вопли ее друзей и соседей, изображавших боевые кличи, энергичные подбадривания и радостные крики, которые создали новую, нерушимую основу Брода Уолберна.

Джеффри не участвовал в соревнованиях, оставаясь, как и она, зрителем. Джульетта поймала себя на том, что смотрит в его сторону чаще, чем ей хотелось бы. Она не могла понять, что на нее нашло. Женщина, которую только что отвергли, которая обменялась гневными словами с мужчиной, не должна была бы украдкой разглядывать его мускулы и сравнивать его подтянутую мощь с силой остальных мужчин. Однако она не могла заставить себя не смотреть – и не сожалеть о том, что Джеффри не принял участия в играх. Ужаснувшись, Джульетта поняла, что была бы в восторге от возможности посмотреть на него в действии.

– Вам, уважаемые леди, пора уходить! – внушительно объявил Робби, когда состязания окончились и все наелись досыта. – А нам, мужчинам, предстоит рыцарское бдение.

Это известие было встречено громкими протестами, хотя Джульетта обрадовалась возможности уйти.

– Вам было бы скучно, если бы вы здесь остались, – сказал Джеффри. Его взгляд на секунду остановился на Джульетте, и она подумала, что в его присутствии ей никогда не было бы скучно. Однако чувствовалось, что Джеффри намерен убедить их всех уйти. – Мы должны омыться в ручье, поскольку ров еще не наполнен. А потом мы наденем наши доспехи и всю ночь будем молиться, стараясь достигнуть состояния благодати, которая подготовит нас к рыцарству.

Этими словами Джеффри без труда превратил крики протеста в возгласы одобрения. И никто из измученных забо-

тами поселенцев не засмеялся и не назвал это пустой потерей времени: казалось, все охотно готовы потакать замысловатым причудам человека, считающего себя перенесшимся во времени рыцарем.

– Мне ужасно любопытно все это – конечно, как учительнице, – прошептала Алма, когда женщины направились по домам. – Что вы скажете, мисс Джей, хотите попозже тайком пробраться обратно и посмотреть?

Джульетта не могла понять, с чего это Алма вообразила, будто вдова Уолберн может захотеть участвовать в выходке, которая приличествовала бы хихикающим школьницам. Сама Джульетта не могла бы объяснить себе, с чего это ей вдруг идти обратно: ведь Джеффри так ясно дал ей понять, что не желает иметь с ней никаких дел...

– Да, я с вами пойду, – ответила Джульетта. – В... в образовательных целях, конечно.

Они встретились у конюшни и пробрались обратно по все еще темной прерии.

– Мы, наверное, нарушаем какое-нибудь неписаное правило из рыцарского кодекса чести, – прошептала Джульетта.

– Ну и что? – отозвалась Алма. – Все равно никто в это по-настоящему не верит.

Джульетта должна была бы обрадоваться, услышав, что в своем скептическом отношении она не одинока, а вместо этого оскорбилась за Джеффри, словно его предали.

– Тогда почему все на это пошли?

– Ну, это не менее нелепо, чем когда капитан Чейни заставляет их маршировать и объявляет, что они – настоящее ополчение. Во всем, что не относится к фермерству, наши мужчины так же несведущи, как слепые котята, а некоторые и в фермерстве не очень-то разбираются. По-моему, они слушались бы каждого, кто бы побеспокоился хоть немного научить их драться.

Они остановились на приличном расстоянии от дома Джеффри. Поскольку двери в нем не поставили, то им хорошо было видно все, что происходило внутри. Свечи – десятки свечей – мерцали во вбитых в стену держаклах. Мужчины Брода Уолберна стояли на коленях спиной к ним, и было ясно, что они провели в этой позе всю ночь. Некоторых покачивало от усталости, другие ссутулили плечи, невольно приняв позу пахаря, склонившегося к плугу. Джеффри стоял на коленях впереди всех, и его широкие плечи были гордо расправлены, а голова поднята вверх, так что завязанные в хвост длинные волосы каштановой волной спадали ему на спину.

– О Боже! – Шепот Алмы выдал ее смущение. – Выглядит как-то свято, правда, мисс Джей?

Джюльетта не смогла ей ответить.

Сквозь дверь ворвался косой луч солнца. Можно было подумать, что мужчины дожидались первого признака нового дня. В воздухе послышался негромкий мужской голос, заставивший Алму с Джюльеттой немного приблизиться. Еще не различая слов, Джюльетта поняла, что говорит Джеффри:

никакой другой голос не мог так ее взволновать.

– Мы молим тебя, Господь наш: благослови этих мужчин десницей величия твоего. Пусть они смогут защищать церковь твою, вдов, сирот и всех слуг твоих от нашествия варваров и паскудных разбойников. Пусть эти мужчины внушают страх и ужас всем другим вершителям беззаконий и зла, и пусть они всегда будут справедливы и в нападении, и в защите.

Конец этой молитвы был отмечен нестройными возгласами «Аминь!».

Джефффри встал, и в нем не чувствовалось усталости после ночного бдения. Джульетта отпрянула, опасаясь, как бы он ее не заметил, но все его внимание было устремлено на мужчин, стоящих на коленях в торжественном молчании.

– Если бы у нас нашлось достаточное количество шпор, то теперь они были бы прикреплены к вашим пяткам. А будь у нас достаточное количество мечей, мы сейчас трижды взмахнули бы ими, прежде чем привязать к поясу. Но не имея этих важнейших элементов, нам придется обойтись моими шпорами и мечом.

Мужчины встали с колен и выстроились в ряд. Только благодаря огромному росту Джефффри женщины по-прежнему могли его видеть. Джульетта заметила, как в свете свечей блеснул металл: Джефффри поднял меч и ловко коснулся им правого плеча Бина Тайлера.

– Будь рыцарем, сэра Бин, – произнес Джефффри. – И кля-

нись защищать и оберегать Брод Уолберна до своего последнего вздоха.

– Э-э... клянусь!

Гордый ответ Бина разнесся по прерии.

– О Боже! – еще раз пискнула Алма. Каждый мужчина, заслуживший удар мечом, словно становился выше и отходил от Джеффри с суровой решительностью, которая сулила мало хорошего тем приграничным разбойникам, которые осмелились бы напасть на город. Сердце Джульетты переполняли гордость, глубокая благодарность и горькие сожаления. Она испытывала благоговение перед полным достоинства и древнего величия обрядом, в котором священные слова так переплелись с понятными всем словами современности.

Взгляд Джеффри скользнул по лицу поселенца, которого он в тот момент посвящал в рыцари, и встретился со взглядом Джульетты.

Джульетте показалось, что ее пронизал ток, словно молния ударила в металл. Он сумасшедший? Возможно, это так. Но только человек с силой, почерпнутой из другого мира, мог наполнить целый город чувством единения и уверенности, которые позволят ему существовать еще долго – даже после того, когда их всех не станет.

Только сумасшедший мог не испугаться толстой брони смирения и практичности, которой Джульетта окружила свое сердце, и добиться, чтобы она осмелилась его полюбить.

А она его любит! О Боже – она его любит! Но человек,

которого она любит, не стал бы ожесточать против нее свое сердце, если бы не считал, что у него есть на то веские основания. Она не может допустить, чтобы он исчез из ее жизни, не выяснив, в чем дело.

Джеффри быстро отвел взгляд. Джульетта не могла бы сказать, отчего у нее вдруг подкосились ноги: оттого, что он больше на нее не смотрит, или оттого, что осознание собственной любви оказалось столь тяжким грузом, – но она упала на колени, сложив руки, как для молитвы.

– *L'ordene de chevalerie!*¹ – Его громовый клич нарушил торжественное молчание, когда он высоко поднял меч, осеня им собравшихся. Мужчины снова опустились на колени. – Рыцарь не имеет права судить несправедно.

– Аминь.

– Ваше слово чести будет для вас превыше всех клятв.

– Аминь.

– Данное рыцарем слово нельзя взять обратно, если сам сюзерен не освободит вас от вашей клятвы.

– Аминь.

– Встаньте, товарищи-рыцари, и приступите к своим делам, зная, что милость Господня укрепит руку, сжимающую меч.

Мужчины, выходявшие из дома, кивали Джульетте и Алме: некоторые смущаясь из-за того, что женщины видели церемонию, другие – с несколько ошеломленной радостью.

¹ Рыцарский устав.

Джульетта понятия не имела, какое выражение застыло на ее собственном лице, но ни один из них не стал задавать вопросов по поводу ее присутствия или состояния ее души.

Алма молча встала, когда к ней подошел Бин Тайлер, и, взявшись под руку, они прошествовали прочь от дерновой крепости Джеффри.

Джульетте казалось, что она ждала целую вечность, пока не ощутила легкую прохладу на своей коже, там, где тень Джеффри заслонила ее от встающего солнца.

– Я почти решила не приходить, но не сдержалась, – сказала она. – Не знаю, правильно ли я поступила.

– И я не знаю, Джульетта. Знаю только, что у меня нет сил и дальше притворяться, будто твой приход не наполнил меня радостью.

Ей трудно было говорить: ее переполняло счастье, приглушенное печальным осознанием истины.

– Случилось что-то, заставившее тебя измениться. Я ранила тебя, не до конца поверив...

– Джульетта, даже ангел, сошедший на землю, не мог бы вынести моих жестоких слов со святым смирением. Ты можешь поверить, что я бросал тебе оскорбления с самыми лучшими намерениями, и простить меня?

Джеффри протянул ей руку, и Джульетта несколько долгих минут смотрела на нее, опасаясь, что если их пальцы переплетутся, то она никогда не сможет с ним расстаться. А ведь ей придется с ним расстаться, чтобы он смог про-

должить свой квест. Ужас, неприкрытый, смертельный ужас пронзил ей душу, позволив заранее ощутить, какую боль ей предстоит испытать, когда Джеффри покинет ее навсегда. И тем не менее она положила свою руку ему на ладонь.

Его пальцы сомкнулись и прогнали ее страх: его теплый и ровный пульс придал ей сил. Джульетта ожидала, что Джеффри притянет ее к себе, но он пригнулся рядом, положив их сомкнутые руки себе на колено.

– И что теперь с нами будет, Джульетта?

Его слова подтвердили, что у них двоих нет общего будущего.

– Не знаю.

Свободной рукой Джульетта провела по сетке вен на тыльной стороне его руки, а потом позволила своим пальцам скользнуть выше, к едва заметному белому шраму у края волос у него на лбу, где была ссадина. Все зажило. Не было оснований считать, что его рана оставила какие-то последствия.

– Я слышала, что ты говорил мужчинам. «L'ordene de chevalerie». Ты в это и правда веришь, да? Во все эти слова чести и клятвы?

– Это – моя жизнь. И так будет всегда.

– И поэтому ты должен уйти.

– Я должен уйти.

– Без меня.

– Без тебя.

Как всегда, его низкий голос проникал ей в самую душу и волновал кровь, но на этот раз в нем слышались печаль и безнадежность, которые нашли отклик в ее сердце. Волна отчаяния поднялась так высоко, что грозила ее захлестнуть.

– Ты можешь понять, что мне невыразимо страшно даже думать о том, как ты прыгнешь в пропасть – с самыми благими намерениями, которые все равно приведут тебя к смерти? Что я чувствую греховную ревность и возмущение из-за этой клятвы, которую ты, может, и дал, а может, и не давал? Что я... что я люблю тебя, Джеффри, но я боюсь! Я так боюсь: ведь когда ты спрыгнешь с обрыва, это уже не будет игрой!

– Я все могу понять. И отчасти поэтому не могу просить тебя идти со мной.

Не может быть, чтобы в глазах его блестели слезы: он ведь считает себя рыцарем, а Джульетта нисколько не сомневалась в том, что рыцарь никогда не стал бы плакать. И тем не менее голос его звучал заметно глуше.

– Реальный мир, Джульетта. Нам больше нельзя о нем забывать. Как ты думаешь, мы сможем притворяться еще немного? Еще один день? Отложи тревогу о том, что будет, до завтра и поверь моим словам, когда я скажу, что сейчас я тебя люблю.

Она ухватилась за возможность еще раз приникнуть к нему, продлить очарование.

– Да! Конечно! Еще хотя бы один день!

Его веки опустились, словно Джеффри хотел скрыть от

нее свои чувства. Слипшиися стрелки ресниц легли на темные тени под глазами, говорившие о смертельной усталости. Однако он привлек Джульетту к себе в объятия и легко встал, тесно прижимая ее к своей груди. Она оперлась рукой о его плечо, наслаждаясь прикосновением к сильным мускулам, перекатывавшимся под кожей. В Джеффри совершенно не ощущалось усталости, когда он зашагал по лужам сырого рва и внес Джульетту в свой новый дом, который собирался оставить при первой же возможности.

Джеффри сказали, что в Канзасе набитый соломой матрац называли периной прерий. Но в этот момент ему было совершенно все равно, на чем лежать: это мог оказаться шелковый диван султана или просто дубовая доска...

– Может, тебе следовало бы сначала отдохнуть? – шепотом запротестовала Джульетта, когда он опустил ее на постель. – Ты, наверное, совсем измучился, особенно после этой ночи бдения.

– Тебе бы сейчас не следовало бросать вызов моей стойкости, Джульетта.

У Джеффри не было времени облечь в слова щемяще-сладкое желание, охватившее его. И дело было не только в том, что ему вскоре предстояло с ней расстаться. Какое-то мрачное предчувствие нашептывало ему, что он должен заявить на нее свои права сейчас, сию секунду, что те сотни лет, на которые растянулась его жизнь, сейчас сократились до этого драгоценного дня. Больше у них не будет времени.

Джеффри намеревался быть нежным, намеревался не давать воли сердцу, но стоило их телам соприкоснуться, как все намерения испарились, сбежав, как поджавшие хвост гончие мчатся от разъяренного кабана.

– Моя!

Он произнес это слово вслух, с жадным рычанием, заявив свои права на нее, на это место и это время – на один-единственный день. А Джульетта бросила его еще глубже в безумие, поднимая свое стройное тело навстречу ему, цепляясь за его плечи, проводя по его соскам своими, когда он пытался оставаться на весу, чтобы не придавливать ее своим весом.

– Ты действительно меня сегодня любишь, Джеффри.

– Я буду любить тебя дольше, чем ты можешь себе представить, миледи.

Услышав знакомое ласковое обращение, Джульетта тихо ахнула, и этот знак наслаждения – гораздо более сильного, чем заслуживало его открытое признание – лишил его остатков самоконтроля. Джеффри погружался в нее – снова, и снова, и снова, – пока ее сладкие содрогания не вызвали ответного пика его страсти, так что к ее крику присоединился его собственный, долго отражавшийся от круглых стен его сложенной из дерна крепости.

А когда их пульс немного выровнялся, Джеффри все начал снова, чтобы Джульетта не подвергала сомнению его силу.

А потом он совершил все сначала – опять, и растянул наслаждение так, как не может длиться ни один сон, добиваясь того, чтобы воспоминаний хватило на целую вечность.

Ведь если мужчине в жизни дарован всего один безупречный день, надо насладиться им сполна.

– Как раз вовремя, – прошептала Джульетта гораздо позднее, когда над прерией разнесся резкий звон колокола, возвещающий вечернюю трапезу. Ей хотелось, чтобы тот, кто возвестил о времени садиться за стол, нашел бы лишний кусочек и для нее с Джефффри. По правде говоря, звон напоминал ее собственный колокол, но поскольку сама она находилась здесь и все утро занималась отнюдь не кулинарными упражнениями, то это казалось маловероятным. Джульетта постаралась спрятать сладкую зевоту и урчание пустого желудка, потянувшись всем телом. Удивительно, как это мышцы ее тела могут то сжиматься до стальной твердости, то таять, как воск, а потом возвращаться к обычному состоянию, ничем не показывая, что только что подверглись такому всеобъемлющему и дивному испытанию.

Бум! Бум! Буммм!

То ли ее движения, то ли звон колокола разбудили Джефффри. Джульетта на секунду потеряла способность дышать, когда его руки сжались вокруг нее, а его взгляд скользнул вдоль ее обнаженного тела, остановившись на ее лице. Обрамленные густыми каштановыми ресницами, глаза Джефффри блеснули такой мужской властью и страстью, что у

нее забилося сердце. Как колокол.

Бум! Бум! Буммм!

И тут объятия его вдруг стали другими, лицо застыло, а в теле почувствовалось напряжение, но совсем не такое, к какому она привыкла за эти часы.

– Кровь Господня! Действительно вовремя! Уже началось. Я смогу довести все до конца!

Джеффри вскочил с постели, натянул брюки и схватился за меч, прежде чем она успела запротестовать. Когда он нетерпеливо откинул с лица спутавшиеся от страсти волосы, его мускулы снова заиграли, и Джульетта вновь мучительно ясно увидела мириады шрамов, исчертивших его полное мужественной красоты тело. Босой, одетый только в домо- тканые брюки, он все равно производил впечатление такой смертоносной собранности, что она невольно отпрянула от живой боевой машины, в которую он превратился.

– Джеффри?

Он кинул на нее быстрый взгляд, в котором не видно было и воспоминания о часах, проведенных в нежных и страстных любовных объятиях.

– Это сигнал Чейни. Приближаются приграничные разбойники, и нам надо поскорее устроить засаду. – На краткую долю секунды снова вернулся ее Джеффри, смущенно улыbnувшийся ей. – Похоже, они прямые потомки Дрого Фицболдрика. Чтобы появиться как раз в тот момент, когда я меньше всего хотел бы их видеть, надо было готовиться все

прошедшие шесть веков.

Дрожащими пальцами она прижала к груди край легкого одеяла.

– Быстрее иди в город, Джульетта. Собери женщин и детей и приведи их сюда. Это здание лучше всех укреплено, и его легче всего оборонять.

– Ты не можешь драться!

Он поднял подбородок, без слов отметая ее протест, и Джульетта поспешила объясниться. Она махнула рукой на приматую постель рядом с собой, покраснев отчасти потому, что вынуждена заговорить о таких вещах вслух, отчасти потому, что он намерен был драться за нее, зная, что ее веру в него вряд ли можно считать твердой.

– Ты же почти не спал, Джеффри! И это ведь не твой бой. Ты и так много сделал.

– Я dokonчу то, что начал. Я уверен, что Энгус Ок отправил меня сюда именно с этой целью. А теперь не медли. Жизни людей будут зависеть от того, как быстро ты приведешь их в безопасное место.

Он подхватил с пола рубашку и зашагал к двери, на ходу надевая ее.

– Нет!

В таком состоянии – обнаженной, еще не остывшей от его ласк – она не могла отпустить его туда, в сражение за ее город, в бой, который должен быть ее боем. В эту секунду Джульетта поняла, что разъедающие ее душу сомнения для ее

уверенности в себе гораздо опаснее, чем для него.

– Джефффри! А что, если... Если ты не вернешься? Даже будь она гениальным художником, ей все равно не удалось бы запечатлеть на полотне это мимолетное сожаление, нежное желание и мужественную решимость, отразившиеся на его лице, когда он остановился и оглянулся на нее.

– Джульетта, приближается час, когда я должен буду уйти. Но сейчас я прошу, чтобы ты помнила о своем обещании.

– Обещании?

– Ты обещала верить в меня. Пусть хотя бы только сегодня.

Глава 20

Арион всхрапнул и сделал несколько резких прыжков. Джеффри подобрал поводья, ощутив опасения коня я прекрасно их понимаю.

Он низко пригнулся в седле, намереваясь скрыть свой разговор со скакуном: если эти люди будут так же мало доверять ему, как Джульетта, они могут сбежать, вместо того чтобы вступить в бой.

– Воины, самые обычные, – прошептал он. Арион дернул ушами, словно хотел указать на то, что на мужчинах нет доспехов и что хоть они и стараются держаться храбро, но время от времени невольно дергаются, выдавая собственную нерешительность.

– А мальчишки – как оруженосцы нашего времени. Арион стал рыть землю копытом, только что не перечислив вслух недостатки парнишек и не упомянув об их хлипкости.

– Готов признать, что этим мулам далеко до такого боевого коня, как ты, но оружие у защитников города все же есть...

Тут Джеффри сам замолчал, с тоской подумав о явно недостаточной прочности деревянных, обтянутых бизоньей шкурой щитов. И копыта были на редкость грубо обтесаны: трудно представить их в благоприятном свете, даже в беседе

с конем.

– Местное оружие. Не говоря уже об этих четырех удивительных револьверах.

Арион вытянул шею и отчаянно затряс головой, так что грива его разметалась, а удила зазвенели: громким ржанием жеребец выразил явное недовольство, которому сам Джеффри не мог дать волю.

– Покажем им!

Этот крик подхватил один голос, потом еще и еще – и Джеффри, ободрившись, выпрямился в седле. Он знал, что уверенность в себе позволяет выиграть бой даже с превосходящими силами противника, так что ему надо стараться не выказывать перед подчиненными своей тревоги.

– Воины, самые обычные, – повторил он, на этот раз стараюсь убедить самого себя. Возможно, неизвестные приграничные разбойники, с которыми им предстоит столкнуться, вооружены и подготовлены ничуть не лучше. Фермеры, вступающие в бой против таких же фермеров. Но защитники Брода Уолберна вступят в бой, зная, что их жены, дети и земли будут ждать победителей. И Джеффри будет сражаться так же, зная, что на этот один-единственный день все, о чем он мечтал, принадлежит ему.

– Ха! – крикнул он, сделав неприличный жест, который в свое время перенял у итальянцев, в сторону далекого и еще остававшегося невидимым противника. Почему-то это очень подняло его дух.

Рыцарь резко развернул Ариона и едва успел его остановить и не сбить с ног оказавшуюся позади него Джульетту, окруженную мирными жителями городка. Неслышно ступая по пыли, к воину подходили женщины и дети.

– Мы готовы уйти в твой дом, Джеффри, – сказала Джульетта.

Многие несли с собой продукты – несомненно, оставшиеся после вчерашнего пира, когда все турнирные схватки и упражнения казались всего лишь развлечением. В глазах у женщин блестели слезы, которые они стоически сдерживали. Крепко сжатые губы не могли скрыть на их лицах страха за мужчин и мальчиков-подростков, но плечи они расправляли с верой и решимостью.

В общем, сражаться за них более чем стоило.

Джульетта изучала возлюбленного: иначе нельзя было бы назвать тот внимательный взгляд, которым она обвела его всего, начиная с сапог и кончая талисманом. Казалось, она хочет запечатлеть в памяти все его черты. Эти безмолвные прощальные взгляды всегда были характерны для расстававшей дамы и рыцаря, уезжавшего на битву. Джеффри никогда не надеялся, что ему будет даровано такое же прощание, и сейчас здравый смысл подсказывал ему, что не годится так открыто этим наслаждаться. Эта их разлука будет просто пустячно короткой, если учесть, что завтра ему предстоит уехать навсегда.

– На тебе нет доспехов, – сказала Джульетта.

– Вон у Робби мой шлем.

Ее лицо осветилось пониманием.

– Ты не стал надевать кольчугу, потому что у остальных мужчин ее нет!

Какой был смысл приукрашивать истинную правду? Джефффри постарался перевести разговор на более важные вопросы.

– Если детям станет скучно, проследи, чтобы они оставались в стенах крепости.

– Об этом можете не беспокоиться, Джефффри. – Миссис Эббот вытащила из кармана затрепанное послание и помахала им у него под носом. – Я их развлекаю – прочту это вот письмо от моего сына Германа из Военной службы инженеров-топографов. Он пишет в нем о верблюдах и таких чудесах, какие вам и не снились. И еще он нарисовал мне карту. Всем известно, что ребяташки просто обожают разные карты. – Ее немолодое лицо вдруг осунулось, а многослойный подбородок задрожал. Она обвела взглядом всех мужчин. – Я собиралась прочитать его всем вам.

– Вы сможете нам его прочесть, когда мы вернемся, закончив сегодняшнее дело. Что до меня, то мне особо хотелось бы увидеть карту вашего сына, пока вы не скормили ее какому-нибудь козленку.

Миссис Эббот сначала рассиялась улыбкой, а потом нахмурилась: ее, как и многих других женщин, смутил проявленный рыцарем интерес, но у Джефффри больше не было на

нее времени.

– А теперь всем дамам и детям надо уйти в безопасное место.

Дамы попятились, а потом со свойственным всем женщинам пастырским инстинктом собрали любопытных ребят-ишек в тесную группу и пошли по прерии. Рыцарь смотрел им вслед дольше, чем следовало бы: его внимание было приковано к стройной фигурке, облаченной в голубое платье, которая двигалась, плавно покачивая бедрами. Ему хотелось бы, чтобы их прощальные слова касались не горожан, а его и ее чувств, а еще – еще ему хотелось, чтобы эта уродливая благопристойная шляпка не скрывала бы сейчас роскошные волосы Джульетты, которые так недавно опутывали его руки. Арион раздраженно фыркнул, выведя его из неподобающей моменту задумчивости, и Джеффри с благодарностью потрепал его по холке. Рыцарю следует сейчас сосредоточиться на подготовке к бою, а не на отношениях с возлюбленной.

– *Laissez aller*, – пробормотал он, поворачивая Ариона.

– Джеффри!

Одного окрика Джульетты оказалось достаточно, чтобы он остановился, хотя она повторяла его имя снова и снова, бегом направляясь к нему. А когда она наконец добежала до него, Джеффри понял, что его мимолетное желание осуществилось: шляпка свалилась у нее с головы, а из аккуратной прически выбились локоны. Джульетта смотрела на него снизу вверх, задыхаясь: такой он видел ее много раз за это

утро любви. Однако полное робкой мольбы выражение ее лица было каким-то новым.

– Я... я мало что знаю о рыцарях. – Она замолчала, все еще не восстановив дыхания. – Но, кажется, было принято, чтобы дамы давали что-то, когда их мужчины... их рыцари... собирались на битву?

– Ты позволишь мне носить твой дар, миледи?

– Да, сэръ Джеффри.

Кровь Господня, когда же боги перестанут испытывать его благородство? Не в силах ничего произнести пересохшими губами, рыцарь опустил копьё. Сейчас должны были бы трубить фанфары, а хихикающие девицы должны были бы обсыпать их лепестками роз... Он опустил к ней острие своего копьё.

Джульетта смотрела на него в полном недоумении.

К нему вернулся дар речи.

– Кусочек материи от твоего платья, Джульетта. Или цветок, который ты особенно любишь носить. Что-то, что сразу бы напомнило о тебе, когда я взгляну на дар, украшающий мое копьё.

Можно подумать, ему понадобится для этого какое-то напоминание!

Она подвергла серьезному испытанию его волю, начав отчаянно ощупывать себя с ног до головы: Джеффри не менее отчаянно хотелось помочь ей в этом деле. Когда руки Джульетты опустились на пояс, она облегченно вздохнула и лов-

ко развязала узел. Воин крепко держал копье, пока она повязывала его довольно нарядным бантом, который вызвал бы у других рыцарей громкие насмешки, если бы они могли это увидеть. Однако Джеффри это сейчас ничуть не тревожило. Казалось, самым этим действием возлюбленная отметила его боевое копье – как и копье его плоти – как принадлежащее ей, по крайней мере на этот день. И Джеффри не мог спрятать радости, которую вызвала у него эта мысль.

– Изволь ко мне вернуться, – сказала Джульетта, делая шаг назад. Она хмуро смотрела в землю, словно надеялась, что найдет на ней причину своего заявления. – Мне... мне этот пояс нужен.

– Угу. – Он сдвинул брови, изображая сосредоточенность. – Я клянусь вернуть тебе твой пояс. Ты только поэтому будешь рада моему возвращению?

– О нет, хотя это очень важно. – Она отвернулась, вся трепеща. Джеффри был в восторге от того, как она смутилась. – Миссис Эббот замучит всех нас до смерти, если ты нарушишь свое обещание послушать, как она будет читать письмо от ее сына Германа.

– Ага! Неприятная ситуация, которой надо во что бы то ни стало избежать. Теперь я понимаю, почему ты хочешь, чтобы я вернулся – я должен взять на себя некоторую часть скуки.

– Джеффри... – Она явно мучилась, стараясь найти нужные слова. – Как дамы могут вытерпеть это – расставание с рыцарями, уезжающими на битву?

– Они нам верят, Джульетта. Верят в наши силы и в наше обещание вернуться.

– Но ведь не всегда можно обещать возвращение!

– Да. В тех случаях, когда рыцарь ощущает, что может больше не увидеть свою даму, он просто уезжает, не давая никаких обещаний.

Джульетта слабо улыбнулась и прикоснулась к его пальцам, сжимавшим копьё. Она подняла лицо к солнцу, и Джефффри показалось, что его золотое тепло течет через возлюбленную к нему, что оно растопило лак напускного веселья на ее лице и показало ему чувства истинной женщины.

Похоже, боги все еще не перестали развлекаться за его счет.

– Сегодняшний день еще далеко не закончился, Джефффри, – сказала Джульетта. – Говоря твоими собственными словами, я прошу у тебя обещания поспешить домой.

Он провел рукой по верхушке копья так, чтобы дар возлюбленной соприкоснулся с его кожей.

– Я увижу тебя прежде, чем улетит ночь, миледи.

Джозайя не ожидал, что Робби за время их разлуки приобретет такую уверенность в себе. Или что мальчик набросится на отчима с такой яростью.

– Ты не можешь идти в бой с нами! Ты не приходил на подготовку и не помогал Джефффри строить замок! – Робби устремил взгляд на желтую тунику Джозайи с гербом и затрясся от гнева. – Не понимаю, как это ма сделала тебе ту-

нику и шлем! Ты не имеешь права их носить!

– Знаю. Извини.

Робби изумленно ахнул, и этого звука не заглушил даже топот их шагов по жесткой земле. Они направлялись к небольшой группе деревьев, где капитан Чейни предложил устроить засаду. Джозайя поспешил объясниться.

– Я хочу извиниться за очень многое, Робби. Мы с твоей матерью... Ну, мы попытаемся, чтобы нам троим стало лучше жить. Наверное, мой приход сюда – это попытка начать. Я обо всем поговорил с Джефффри, и он согласился дать мне шанс. А ты согласен попробовать... сын?

Джозайя едва устоял на ногах, увидев, какая открытая надежда вспыхнула на мальчишеском лице. Он стиснул Робби плечо, чтобы уверить его в своей искренности, и обнаружил, что оно тоже дает ему опору, это нежное соприкосновение отца и сына.

– Иногда ты такой гадкий, особенно с ма, – прошептал Робби, снова став сбитым с толку мальчишкой. – Ты перестанешь быть таким гадким?

– Я буду стараться, – тоже прошептал Джозайя. – Беда в том, что у меня в голове живет демон ревности. Можешь спросить у Джефффри. И мне чертовски трудно будет его побороть.

– Угу. – Робби глубокомысленно наморщил гладкий лоб. Он бросил на Джозайю опасливый взгляд, говоривший скорее о том, что он боится не присутствия отчима, а его реак-

ции. – Джеффри научил меня сражаться. Может, я смогу тебе помочь наподдать этому самому демону.

– Может, и сможешь.

Джозайя добавил бы что-то еще, но внезапно голова его раскололась от острой слепящей боли. Он прикоснулся к месту ее концентрации и резко сглотнул, едва сдержав крик в присутствии ребенка: он увидел, что пальцы его окрасились кровью.

Похоже, в засаде их кто-то опередил.

– Какой-то дерьмоголовый бандюга попал в моего па камнем! – завопил Робби. – На нас напали! И с ними краснокожие!

– Камни и краснорожие?

Джеффри подсказал к ним, настолько низко пригнувшись к шее коня, что казалось, слился со своим боевым скакуном в единое целое. Оглушенному ударом Джозайе сначала почудилось, что странные звуки, которые издает Джеффри, выражают с трудом сдерживаемую ярость, но когда он подъехал ближе, стало видно, что д'Арбанвиль смеется. Смеется – когда над их головами свистят камни и стрелы, а порой даже пули!

– Наденьте шлемы, воины! Юный Робби, ты надевай мой. Если эти дерьмоголовые разбойники хотят разбить нам головы таким оружием трусов, то пусть удары придутся не по нашим черепам.

Да, этот человек может руководить боем, успел отметить

Джозайя той небольшой частью своего мозга, которую не успело охватить отчаянное стремление защитить сына. Хотя Джеффри двигался между горожанами, напоминая им, что надо принять устрашающее выражение лица и издавать пугающие крики, он успел втихую отправить тех, у кого было огнестрельное оружие, отстреливаться.

Один раз его конь громко заржал: по его передней ноге скользнула стрела. Тогда Джеффри низко пригнулся и поставил под следующий град стрел свой щит – так легко, словно видел приближение каждой стрелы. Когда все бойцы бросились на разбойников, рыцарь возглавил атаку. Метко пушенное копьё Джеффри до завязанной на нем странной ленты погрузилось в грудь разбойника, который, выскочив из-под ненадежного прикрытия редких деревьев, пытался прицелиться из ружья. Меч Джеффри, направляемый сильной и умелой рукой, отсек голову еще одному незадачливому бандиту, рискнувшему попробовать сделать выстрел с более близкого расстояния. Рыцарь не удостоил обезглавленный труп даже взгляда! Его смертоносные и точные удары вызвали крики ужаса в стане врагов. Многие разбойники начали отступать.

– Вперед, рыцари! – крикнул Джеффри. – Враги в панике, а их оружие на близком расстоянии бесполезно!

Джозайя напялил на голову ведро с прорезями для глаз и присоединился к соседям, которые перешли в атаку во славу Брода Уолберна.

Чтобы ощущать ход времени, женщине не нужно смотреть на часы. Одна за другой окружавшие Джульетту горожанки замолчали, дети перестали ссориться и играть... В конце концов в доме слышался только один монотонный голос миссис Эббот, бесконечно перечитывавшей письмо ее сына Германа. С тем же успехом она могла читать наизусть всю конституцию Соединенных Штатов – Джульетта не обращала на ее слова ни малейшего внимания.

Она не могла сосредоточиться ни на чем: голова ее туманилась от ужаса, сердце переполняли дурные предчувствия. Но ощущение приближающейся катастрофы имело очень мало отношения к откровенным страхам, которые читались на лицах остальных женщин. Они-то с верой и любовью отправили своих мужчин в бой. А Джульетта отправила Джеффри, измученного несколькими часами тайной любви, с признанием, что она не до конца верит его рассказу. Наверняка эти ее слова так и звучат в его ушах! Она всем сердцем жалела, что сказала ему об этом – особенно когда всей душой хотела ему верить!

Кто-то стиснул Джульетте плечо. Шелестя юбками, рядом с ней уселась Ребекка Уилкокс.

– Не тревожьтесь, мисс Джей. Джеффри приведет обратно всех наших мужчин.

– Знаю. – Джульетта прижалась спиной к сложенной из дерна стене. Почему-то надежность этой стены дарила ей незаслуженное утешение, хотя должна была напоминать о

невероятных утверждениях Джеффри. Кто слышал о круглых зданиях, окруженных рвом? Но, с другой стороны, кто когда-либо слышал, чтобы кучку переселенцев удалось убедить в том, что они – рыцари? И тем не менее Джеффри построил этот дом и обучил мужчин воинскому искусству. Опираясь на стену, Джульетта была абсолютно уверена в том, что скоро все бойцы вернутся, усталые и торжествующие. – Я была очень рада, что Джозайя присоединился к остальным, Ребекка. Мне казалось, он не одобряет... ну, всего происходящего.

– Не одобрял. – Губы Ребекки тронула лукавая улыбка. – Я его переубедила.

Джульетта невольно подняла брови, а Ребекка захихикала радостным смехом женщины, делящейся тайной своей влюбленности.

– Да, конечно, мы с Джозайей были не лучшими соседями. Не знаю, поняли ли вы, что у нас были серьезные нелады.

Джульетта была рада признанию Ребекки: привычное участие в заботах горожан ее успокаивало.

– Я догадывалась, что ваш брак был не таким счастливым, как у большинства.

Ребекка смущенно вспыхнула.

– До недавнего времени я была уверена, что мы хорошо это скрываем. А потом, когда вы с Джеффри зашли к нам домой и я увидела, как вы двое... – Она прижала руку к губам и густо покраснела. – Извините, мисс Джей! Я уверена,

что вы все уладили.

Джульетта покачала головой.

– Вам не за что извиняться, Ребекка. А потом, вы с Джозайей женаты. Мы с Джеффри – нет и никогда не будем. Слишком много... слишком многое стоит между нами, так что ничего не получится.

– Всего пару дней назад я и сама думала то же самое. – Ребекка нашла руку Джульетты и ободряюще ее пожала. – Я уже собралась сбежать с Робби – клянусь вам! – но Джеффри убедил меня дать Джозае еще один шанс. Он назвал это прыжком через пропасть недоверия.

– О, прыжки он обожает! – пробормотала Джульетта.

– Я могу понять, как женщине непросто будет свыкнуться с некоторыми идеями Джеффри. Может, вам тоже не помешало бы совершить такой прыжок.

Джульетта высвободила руку, внезапно ощутив неловкость из-за предложенной Ребеккой дружбы – ведь Бекки сопровождала ее тем же советом, который уже много дней давало Джульетте ее собственное сердце.

– Я рада, что вы с Джозайей уладили все недоразумения. Но нельзя сравнивать доверие к Джеффри с... с доверием к человеку обыкновенному, как Джозайя. Вы двое верите друг в друга. Вам не переполняют голову тысячи сомнений и сумасшедших идей.

– Вы не правы, очень не правы! – В глазах Ребекки заблестели слезы. – Джозае придется постоянно бороться с

собой, чтобы верить в меня, как бы часто и убедительно я ни показывала ему, что мне можно доверять. А мне придется часто притворяться и все сглаживать, если только я хочу, чтобы все у нас было хорошо. И подозреваю, что у нас это будет получаться не так часто, как мне хотелось бы.

– И это стоит трудов?

– Я его люблю. А он любит меня. Если ради этого не стоит трудиться, тогда уж не знаю, ради чего стоит.

Джульетта тоже не знала. Отважная рассудительность Ребекки и ее готовность бороться с недостатками мужа показали Джульетте, в чем она оказалась недостойна Джеффри. Ей очень легко было представить себе, как они с Джеффри оказались в положении Уилкоксов. Она, Джульетта, пытается, но часто не может ему верить. А Джеффри стойко выдерживает удары, наносимые его гордости, делая вид, что это не важно. И их поражения ужасно горьки, но их искупает сладость таких дней, как сегодняшний, когда ей удастся забыть о своих сомнениях, а ему – о перенесенной из-за них боли. Пока не наступит магический день, когда все муки больше не будут иметь никакого значения. Да, это стоит любых трудов!

Джульетта должна будет сказать об этом Джеффри. И такая возможность представилась почти в тот же момент, словно его хлопотливый кельтский божок снова устроил так, чтобы Джеффри оказался в нужном месте в нужное время. Отдаленный шум возвестил о приближении защитников Брода Уолберна. Дети стряхнули с себя усталость и бросились к

двери, выкрикивая сообщения о внешнем виде победителей, пока взрослые тоже не вскочили и не вытеснили детвору на улицу – и все побежали, побежали приветствовать возвращающихся домой мужчин.

Джульетта осталась позади, вытягивая шею и стараясь разглядеть Джеффри. Дрожь ужаса охватила ее, когда она увидела среди мулов Ариона – без седока. Джеффри такой высокий! Если бы он шел пешком, то на целую голову вывышался бы над всеми окружающими. Джульетта прижала к губам дрожащие пальцы, чтобы не закричать от боли, а в следующую секунду чуть не потеряла сознание от облегчения, когда толпа расступилась, и она увидела его шагающим рядом с конем.

Джеффри внимательно наклонял голову к своему четвероногому спутнику – именно поэтому она поначалу не увидела возлюбленного. Как это ни странно, он, казалось, был поглощен серьезным разговором с каким-то индейцем, чего не удавалось еще ни одному жителю Брода Уолберна.

Джульетта не стала окликать его, но его имя радостно пело в ее сердце, и каким-то образом Джеффри ее услышал. Его голова резко поднялась, а взгляд безошибочно устремился туда, где стояла его дама. Его лицо озарила настолько яркая улыбка, что Джульетта ощутила ее тепло даже издалека и бросилась бежать, бежать навстречу своему мужчине, возвращающемуся домой.

Глава 21

– Я целую вечность не получал такого удовольствия! – восторженно воскликнул Джеффри, когда она бросилась ему в объятия.

Джульетте больше всего хотелось бы осмотреть его с головы до ног и забросать тысячами вопросов о стычке, которая доставила рыцарю столько удовольствия. Но у нее ничего не вышло. Он прижал ее к своей груди и одарил таким крепким и долгим поцелуем, что его спутник-индеец протестующе хмыкнул. И тогда он просто поднял Джульетту на руки: одной рукой взял за плечи, а второй подхватил под колени, так что она сложилась чуть ли не вдвое, а ее ягодицы стукнулись о его бедро.

Джульетта спала с ним, целовала его, изучила каждую линию его тела, пока не узнала его лучше своего собственного, но она никогда прежде не осознавала, насколько он силен.

Она понимала, что весит побольше, чем хорошая кипа сена, но Джеффри нес ее так легко, словно пучок соломы. Она обхватила руками его шею, пытаясь убедить себя, что делает это только для того, чтобы ему было удобнее, но на самом деле наслаждалась теплом его тела, проникшим сквозь рукава ее платья, и мощными ударами его сердца у своей груди. Вместе с остальными горожанами Джеффри направился со своей ношей к круглому дерновнику.

Казалось, он в прекрасной форме. Тем не менее Джульетта пообещала себе, что позже непременно обследует его с головы до ног: надо убедиться, что любимый действительно не пострадал в бою.

Индеец произнес несколько слов, и после короткого молчания Джеффри что-то ему ответил. Джульетта решила, что они говорят на языке этого индейца. Казалось, он звучал гораздо более резко, чем французские слова, которые ей приходилось слышать из уст Джеффри, но в то же время в этом языке чувствовалось что-то мистически напевное.

Джеффри вскинул голову и расхохотался.

Джульетту изумила его беззаботность: можно было подумать, что уезжать на битву и возвращаться с победой – для него заурядное повседневное занятие вроде умывания или обеда. И тут она почувствовала знакомый конфликт: желание поверить всему, что Джеффри ей рассказывает, и уверенность в том, что его немислимые утверждения не могут быть правдой.

А как насчет прыжка через недоверие, который ей так рекомендовала совершить Ребекка? Тело Джульетты пронизала нервная дрожь, показавшая, что она пока не готова к такому прыжку. Однако она дала слово, что на этот день забудет о своих сомнениях, и постаралась разделить веселье Джеффри.

– Что было так смешно?

Она почувствовала, как он провел щекой по ее волосам.

А еще – она не была в этом уверена, но так ей показалось – он легко поцеловал ее в макушку.

– Это даме слышать не подобает.

– Откуда ты знаешь, что он говорит? Солдаты говорили нам, что научиться их языку невозможно!

Джефффри вздохнул, словно она глубоко его разочаровала.

– Я уже почти четыре часа провел в обществе этого человека, Джульетта. Помнишь, что я говорил тебе о моем даре к языкам?

– Полученным прямо от Бога.

Она спрятала улыбку, коснувшись щекой его плеча, а он прижал ее к себе крепче, выражая свое одобрение.

– Да. Хотя должен признать, что пока я толком не понял, как зовут этого парня. Придется спросить его еще раз.

Джефффри обменялся с индейцем еще одной стремительной серией щелкающих и гортанных звуков, после чего снова расхохотался.

– Кровь Господня, но он так остроумен – и при этом даже не улыбнется! А может, все так, как мне показалось: его зовут Хромой Селезень. Если бы меня отец наградил таким имечком, я был бы обречен никогда не улыбаться.

Джульетта искоса взглянула на Хромого Селезня, который действительно смотрел перед собой с совершенно непроницаемым лицом. Она часто думала о том, как бы интересно было поговорить с индейцем, но несмотря на ее решение вести себя непринужденно, момент казался неподхо-

дящим.

– Когда вы уходили из города, его с вами не было. Откуда он взялся, Джеффри?

– Он мой пленник, захваченный в разгар боя. А может быть, именно из-за этого он и боится улыбаться. Но он же знает, что я намерен получить за него выкуп! В этом городе для человека моего круга очень мало возможностей заработать деньги, несмотря на то что я сказал земельному агенту под клятвой.

Джеффри говорил настолько спокойно, что Джульетте понадобилось несколько секунд, чтобы разобраться во всем, что подразумевалось в его словах. Значит, был настоящий бой. Индейцы выступили против ее горожан на стороне приграничных разбойников. Трезвомыслящая и практичная вдова Уолберн сейчас начала бы бесконечные расспросы, потребовала бы объяснений. А Джульетта вместо этого сразу же подумала о том, что Джеффри негде будет поместить своего пленника, кроме как в собственном дерновом доме, и спросила:

– Это значит, что мы сегодня ночью не сможем остаться вдвоем?

– По крайней мере еще несколько часов, – ответил Джеффри. Вдох его говорил о разочаровании, но глаза блеснули предвкушением. – В конце концов, еще ведь предстоит хвастовство.

Действительно, несколько часов ушло на то, чтобы каж-

дый из участников боя встал и поведал о своих подвигах во время стычки с разбойниками. Женщины ахали по поводу каждой раны, начиная от царапины на плече у Джеффри, оставленной скользнувшей шальной пулей, и разбитого камнем лба Джозайи до занозы, которую Честер Тэтчер всадил себе в палец из древка собственного копья.

Джульетта сидела на полу рядом с Джеффри. Оба приклонились спиной к дерновой стене. Джульетта смотрела на оживленные лица горожан, и ее сердце переполнялось чувствами, которые она не могла бы выразить. Они казались такими счастливыми, такими дружными! И Джульетта чувствовала себя спокойной и уверенной, и это не имело никакого отношения к тому, что удалось прогнать разбойников, но было связано с сидевшим рядом с ней мужчиной.

Она незаметно вложила свои пальцы в руку Джеффри.

В его легком пожатии и в чуть понурившейся голове Джульетта чувствовала огромную усталость, но Джеффри не делал попыток завершить общее ритуальное хвастовство. Наоборот, казалось, он стремится его растянуть, напоминая то одному мужчине, то другому о забытых ими подвигах, об особо отважных поступках. Можно было подумать, он не хочет, чтобы день закончился.

Казалось, этого не хотят и все остальные жители Брода Уолберна. Но сначала заснули младенцы, а потом младшие ребяташки перестали разыгрывать сценки, посвященные только что услышанным подвигам. Даже те юнцы, кото-

рые мужественно сражались вместе с отцами, устало свернулись рядом с матерями, а мужчины, обычно проводившие дни в одиночестве, за плугом, охрипли от непривычно долгих разговоров и один за другим замолчали. У Джеффри опустились ресницы и темными тенями легли ему на щеки.

Джульетта приготовилась было встать и приказать реем расходиться по домам, когда на середину комнаты вышла миссис Эббот, размахивая письмом от своего сына Германа. Джульетту охватило острое чувство вины. Похоже, миссис Эббот мало было прочитать это письмо детям горожан. Теперь, когда все жители собрались вместе, наступил удобный момент покончить с этим делом. Она даже заставит себя прислушаться – ведь несмотря на то что миссис Эббот целый день читала письмо сына вслух, Джульетта не слышала ни единого слова.

Но для этого на минуту надо будет забыть свою озабоченность по поводу того, удастся ли ей остаться с Джеффри наедине, не погубив окончательно своей репутации. Ей совершенно не улыбалась мысль быть с ним, когда в доме будет находиться его пленник. И она, конечно же, не останется здесь, когда горожане начнут расходиться. Даже если Джульетте удастся убедить Джеффри отбросить щепетильность и на этот раз прийти к ней в дом, он кажется настолько усталым, что ей претит мысль о том, что ему придется одному идти через прерию, после того как все разойдутся. Но еще сильнее ей претила мысль о том, что придется провести эту

ночь – вообще хоть еще одну ночь – без Джеффри.

Миссис Эббот откашлялась.

– Ну вот, наступил ваш момент, друзья. Все здесь, и на то, чтобы прочесть письмо, надо всего пять минут.

Кое-кто застонал, но поскольку расходиться всем еще не хотелось, никто не стал мешать матери выразить свою гордость. Она развернула письмо и начала читать.

– «Дорогая ма, надеюсь, мое письмо застанет тебя в добром здравии...» и так далее и тому подобное. – Замолчав, она обвела взглядом присутствующих. – Если вы не возражаете, я не буду читать ту часть, которая интересна только для матери и сына. Гм! «Лейтенант Айвз пишет историю наших исследований, которая наверняка поразит мир. Я попросил у него разрешения поделиться кое-какой информацией с моей милой мамочкой, и он, конечно, согласился».

Покраснев, миссис Эббот обвела всех взглядом, словно для того, чтобы удостовериться, все ли заметили, как ласково обращается к ней сын.

– «Наша экспедиция, которую ведет Иритаба, индеец племени моджавов, воспользовалась новыми рейсовыми фургонами мистера Била, чтобы добраться до этих потрясающих каньонов. Ты, конечно, помнишь мое предыдущее письмо, в котором я объяснил тебе, как мистер Бил вдобавок к своим обязанностям инженера начал экспериментировать с верблюдами, чтобы использовать их как вьючных животных. Мы регулярно прочесываем пустыню, разыскивая тех

немногих, которым удалось сбежать. Однако я отвлекся.

Чтобы ты могла представить себе, насколько громадны пропасти, которые мы наносим на карту, я расскажу тебе о наших самых последних работах...»

– Пропасти? – прошептал Джеффри, резко выпрямляя спину.

Пропасти? У Джульетты больно заняло сердце. Похоже, Энгус Ок со свойственным ему злорадством решил вознаградить Джеффри.

Миссис Эббот кинула на Джеффри возмущенный взгляд.

– Я продолжу, если некоторые будут держать язык за зубами. «Мы попытались спуститься на дно каньона Хавасу, но смогли найти всего одну дорогу, которая бы вела вниз, и та оказалась всего в один фут ширины. Но мы, члены Военной службы инженеров-топографов, отважно пошли по ней. Мужчины и мулы растянулись цепочкой по крутому спуску, чувствуя себя так же неуверенно, как ряд летучих мышей, прицепившихся к прогнившей балке. Даже самые ловкие мулы не хотели идти вниз. И скажу тебе, мама, возвращение по этому головокружительному пути обратно мне повторять не хотелось бы. Во время спуска я мог поклясться, что дна не видно. А во время подъема нам показалось, что прошла целая вечность, прежде чем мы оказались наверху. Да это просто громадный каньон!»

Джеффри застыл в полной неподвижности. Он больно сжал пальцы Джульетты, но эта боль не шла ни в какое срав-

нение с тем ужасом, который наполнил ее душу, когда она услышала, что миссис Эббот описывает как раз такую смертельно опасную западню, какую разыскивал Джеффри.

– «Мой уважаемый лейтенант Айвз так прекрасно владеет языком! Опять-таки с его разрешения я поделюсь с тобой теми словами, которые он использует для столь наглядного описания этих каньонов: гигантские пропасти, колоссальные разломы и трещины столь глубокие, что взглядом не достать до дна».

Джеффри разжал руку. Джульетта заворуженно смотрела, как он согнул локоть и трясущимися пальцами **стиснул свой кельтский талисман. Ей стало больно до тошноты: теперь она потеряла своего возлюбленного!**

Джульетта понимала это с такой ясностью, какая приходила к ней всего несколько раз в жизни: когда она смотрела, как новорожденный жеребенок с трудом становится на свои долговязые ножки, и осознала, что Бог существует; когда почувствовала, как под ее рукой перестало биться сердце Дэниеля, и поняла, что муж мертв; когда смотрела, как Джеффри д'Арбанвиль посвящает в рыцари ее горожан, и осознала, что любит его.

Он уже сейчас казался Джульетте отчужденным и решительным: мужчина, которому надо завершить дело. Он больше не играл в рыцарство и освоение новых земель. Да, она его потеряла – и ей казалось, что

она умрет от этой невыносимой муки.

– Вы говорили, что у вас есть рисунок, леди Эббот. И карта.

Джульетте мучительно хотелось бы не слышать радостной напряженности слов Джефффри, не чувствовать, как он напрягся, словно готовясь вскочить и отобрать у миссис Эббот ее бумаги.

– Вы не дали мне закончить, Джефффри. – Миссис Эббот укоризненно нахмурилась. – Но раз уж вам так не терпится – да, Герман прислал мне то, что называл предварительным наброском, который выполнил некая знаменитость – Хайнрих Меллхаузен, кажется, или кто-то в этом роде. Можете взглянуть.

Она порылась в своих бумажках и достала выполненный тушью рисунок, который так и не отдала Джефффри в руки. Уродливые горные пики уходили воблака. Художник был настолько талантлив, что могло почудиться, будто действительно падаешь с обрыва в какой-то бездонный черный провал, зияющий у их подножия.

Джульетте показалось, что на рисунке изображена сама смерть, видение ада.

– А карта? – не успокаивался Джефффри.

– Да, и карта.

– Я должен получить эту карту.

– Ничего вы не должны! – Миссис Эббот ярко по-

краснела. – Я не отдам ни единой вещи из тех, что мне присылает мой сын Герман. Но я позволю Бину Тайлеру сделать для вас копию. У него рука хорошая.

– Вы очень щедры, леди Эббот. Но нельзя ли мне на минутку взглянуть на нее? Я хорошо запоминаю местность.

Джефффри отошел от Джульетты, даже не взглянув в ее сторону. Ее бок, который согревало его тело, ментально замерз – и холод проник в самое сердце.

Джефффри поднес карту к свече и пригнулся, чтобы лучше рассмотреть изображение в ее неверном свете. Он нетерпеливо заправил прядь длинных волос за ухо, так что Джульетта заметила темные тени у него под глазами и мрачную сосредоточенность, с которой он изучал карту.

В ответ на повелительный взмах его руки и несколько отрывистых слов, непонятных Джульетте, к нему поспешно подошел Хромой Селезень. Они начали изучать карту вместе, а потом по очереди принялись показывать направления. По возбужденным жестам Джефффри и утвердительному хрюканью Хромого Селезня было ясно, что в тайнах карты они разобрались.

В это мгновение Джефффри повернулся и посмотрел на Джульетту, и она прибавила еще один пункт к перечню того, что знала абсолютно точно: никогда еще она не видела, что-

бы чьи-нибудь глаза выдавали такую невыразимую печаль.

– Не уходи! – чуть слышно прошептала она. Возможно, он ее не услышал – это должно было навсегда остаться для Джульетты тайной, потому что в это мгновение Ребекка Уилкоккс воскликнула:

– Господи, да ведь уже полночь! Нам пора домой. Джозайя, Робби!

Полночь. Джефффри нашел то, что ему было нужно, как раз в тот момент, когда Джульетта почувствовала себя свободной от своего обещания верить ему.

Он продолжал смотреть на нее, в одной руке сжимая карту, а в другой – свою кельтскую подвеску. Джульетта знала, что он видит ее страх и отчаяние. Словно принесшееся из прошлого эхо, она услышала священные слова, которые он произнес во время церемонии посвящения в рыцари. «L'ordene de chevalerie». Рыцарь должен предпочитать смерть бесчестью. Данное рыцарем слово взять назад невозможно.

Джефффри поклялся вернуться обратно сквозь время, вручить талисман той, кому он предназначался, и исправить давно совершенное зло – пусть даже при этом сам он умрет. Он намерен броситься в пропасть, рядом с которой испытывали страх даже ловкие мулы, где даже закаленные солдаты чувствовали себя летучими мышами, цепляющимися за ненадежную балку.

– Не уходи! – повторила Джульетта. Ей противно было его

умолять, но сдержаться не было сил. Джеффри оторвал от нее свой взгляд и перевел его на талисман, словно его примитивный узор дарил ему силы.

Джувьетта не помнила, как огромным усилием воли заставила себя встать и присоединиться к уходящим горожанам. Если бы только Джеффри сделал какой-нибудь знак, чтобы она осталась! Если бы... если бы он попросил ее, она каким-то образом смогла бы преодолеть свой почти парализующий страх и отправиться с ним.

Но он даже не посмотрел в ее сторону.

Она была благодарна тому, что со всех сторон окружена горожанами, которые увлекали ее за собой, проталкиваясь через двери крепости Джеффри.

Джувьетта знала, что у Джеффри не было припасов. Даже человек с его феноменальной силой вынужден будет лечь отдохнуть после тех трудов, которых потребовал от него предыдущий день. Она ощущала в нем смертельную усталость: несомненно, как только толпа разошлась, он сразу же лег.

Или, может быть, Джеффри провел ночь так же, как и Джувьетта: время от времени проваливаясь в беспокойную дремоту, преследуемый душевными муками.

Он не сможет уйти, не поговорив с нею. Он такого не делает. Рыцарь никогда не уезжает, не попрощавшись со своей дамой... если только он не чувствует, что больше никогда ее не увидит.

Джульетта раз десять отгоняла от себя эту мысль – и всякий раз вставала, чтобы попытаться разглядеть в темноте его крепость из дерна.

При первых проблесках рассвета она надела свое голубое платье, даже не проверив, правильно ли застегнуты все пуговицы. Пытаясь отыскать пояс к нему, она вспомнила, что отдала его Джефффри, и сочла это добрым знаком. Он поклялся его вернуть – значит, он не уедет, не позаботившись о том, чтобы она получила его обратно. Поспешно проведя щеткой по волосам, она кое-как заколола их и тут услышала у себя во дворе знакомое ржание Ариона.

– Слава Богу! – прошептала Джульетта и невольно пошатнулась: теперь, когда Джефффри был здесь, она могла признаться себе, насколько сильно боялась того, что больше никогда его не увидит.

Она не сомневалась, что выглядит просто ужасно, когда выбежала из задней двери в одном ботинке, сжимая второй в руке. И платье у нее было застегнуто не лучше, чем рубашка у Джефффри в первый день его появления здесь. Но ей было все равно. Будь ее воля, Джульетта вообще не стала бы застегивать ни одной пуговицы.

– Джефффри? – Окликавая его, она заслонила ладонью глаза, в которые било встающее из-за горизонта солнце. – Джефффри?

Арион фыркнул и стал бить копытом. И тут Джульетта увидела, что на жеребце нет седла. И уздечки тоже. А в гриву ему вплетен ее голубой пояс, весь в пятнах крови.

– Джеффри!

Его имя невольно вырвалось у нее, и вместе с ним ее покинули все силы. Она неловко плюхнулась на землю прямо посреди пыльного двора.

– Он уехал, мисс Джей.

Эти слова толкнулись ей в грудь подобно мощным ударам, подтвердив то свинцово-тяжелое предчувствие, которое не давало покоя всю ночь.

Поначалу Джульетта не заметила Робби Уилкокса, который привалился к коновязи: ее глаза искали другую фигуру, гораздо более высокую и мощную. Робби подошел к ней, волоча ноги по пыли, и уселся рядом, словно горестная поза Джульетты ничуть его не удивляла.

– Сэр Джеффри и этот его краснокожий пленник заехали к нам домой, когда мы уже лежали в постели. Па ужасно разозлился, а ма сказала что-то насчет того, что если он не придет в себя, то она начнет нахальничать. И можете представить, мисс Джей, мой па рассмеялся!

– Что он сказал, Робби? Что сказал Джеффри?

– Угу. Я знал, что вы меня спросите. – Робби об-

хватил руками колени и уткнулся в них подбородком. – Что-то насчет того, как надо хорошо учить уроки, потому что... э-э... бывают моменты, когда мужчине становится жаль, что он не может читать и писать. Я точно не запомнил. Вы же знаете, как Джеффри иногда говорит!

– Да. – Сейчас Джульетта отдала бы все на свете, чтобы услышать эти порой чересчур напыщенные фразы Джеффри. – Пожалуйста, Робби. Подумай как следует. Ты на сто процентов уверен, что он уехал? Я не могу поверить, чтобы он уехал, а Ариона не взял.

Робби кинул на нее взгляд, полный оскорбленного достоинства – такому он мог научиться только у Джеффри!

– Мужчина никогда не обманывает даму, – торжественно произнес он, и у Джульетты сжалось сердце, когда в каждом слове мальчика прозвучали отголоски благородных фантазий Джеффри.

Робби нахмурился и по-ребячьи смущенно помотал головой.

– Дьявол, лучше бы он сам все это вам сказал! Я постарался все запомнить как можно лучше. Джеффри говорил, что честью мужчины распоряжаются клятвы и талисманы, но над дарами сердца не властна даже вечность. Арион теперь принадлежит вам, мисс Джей. Джеффри сказал, что вы поймете: ни один рыцарь не мог бы дать своей даме большего.

Она вспомнила, как Джеффри рассказывал ей об узах, которые существуют между рыцарем и его боевым конем, вспомнила, как он говорил, что его собственное тело болью отзывается на каждую полученную Арионом рану. Никакой подарок не мог стоить ему больше, чем расставание со своим необыкновенным скакуном, который, не уставая, мог за один день пронести своего всадника на расстояние в сто миль или даже больше.

– Робби... А он не говорил о возвращении?

– Господи, мисс Джей, да если бы он пообещал, что вернется, я бы сразу сказал вам, чтобы вы так не тревожились. Теперь... э-э... он говорил, что Хромой Селезень проводит его к каньонам в обмен на свою свободу. Джеффри сказал, вы поймете, почему он не захотел, чтобы вы ехали за ним. Ваше... э-э... предназначение – здесь. Он велел мне выразить это... э-э... как можно яснее, потому что у него осталась только вера в самого себя и он не может рисковать тем, что его пере... переубедят.

Джульетта почувствовала, как у нее по щекам пролегли влажные дорожки слез. Не моргая, она смотрела, как они скатываются в пыль. Тут заржал Арион, громко и печально, и она подняла взгляд на него. Его ржание, казалось, отражается от стен и никогда не замолкнет. Было видно, что коня совсем недавно хорошо обиходили: шкура у него блестела после тщательной чистки, на какую способны только очень сильные мужские руки. Она представила себе, как Джефф-

ри лишил себя отдыха и отложил отъезд ровно настолько, сколько понадобилось для того, чтобы в последний раз почистить своего возлюбленного коня и вплести ему в гриву пояс своей дамы. Арион снова заржал, безошибочно повернув свою аристократическую голову к западу, где Джеффри намеревался броситься в гигантский каньон, прорезавший Аризону.

Куда она поедет за ним? Хотя он запретил ей следовать за собой и не пообещал вернуться, а это значит, что он не собирается увидеть ее вновь. И она понятия не имела, боится ли он погибнуть во время прыжка или просто хочет исчезнуть, прежде чем реальность заставит исчезнуть всю магию их любви.

– Мисс Джей, а он действительно собрался прыгнуть в тот огромный каньон, о котором нам рассказала миссис Эббот?

Джюльетте была понятна внутренняя борьба, вызвавшая такой вопрос: искреннее опасение мальчика за неразумного друга было почти таким же сильным, как боязнь, что мисс Джей может посмеяться над его тревогой. Теперь, когда из жизни Джюльетты исчезло волшебство, в ней снова начала оживать вдова Уолберн. Вдове Уолберн ничего не стоило бы сказать Робби, что Джеффри скорее всего просто неудавшийся актер, который решил сбежать раньше, чем все поймут его обман. Никто не может быть настолько безумным, чтобы пересечь полконтинента с целью броситься в бездонную пропасть. Это просто убедительный розыгрыш – только

и всего.

Джульетте очень хотелось бы поверить в то, что это действительно был розыгрыш.

Она вспомнила описания, которые так заворожили Джеффри: трещины столь глубокие, что взгляд человека не достает до дна, обрывы настолько крутые, что по ним отказывались идти даже мулы. Человек не может упасть с такой высоты и не оказаться на дне каньона разбитым и навечно затихшим. Джеффри правильно сделал, велел ей остаться. Ее сил не хватит на то, чтобы поехать с ним и смотреть, как он бросится навстречу гибели.

– Боюсь, что он туда прыгнет, Робби.

– Кому-то надо его остановить!

– Этой ночью мне следовало остаться с ним.

Гордость заставила ее уйти. Почему ей было так необходимо, чтобы он сам попросил ее остаться? Несмотря на все свои благие намерения, Джульетта не смогла сделать даже крошечного прыжка через свое недоверие. Неудивительно, что Джеффри уехал без нее и больше не намерен ее видеть.

– Он... он останется цел, правда?

– Он говорит, что уже это делал.

– Зачем?

– Я точно не знаю. В его мыслях это все связано со словом чести и рыцарским долгом – и обещанием, которое он дал очень-очень давно.

– О, если он дал слово, то тогда должен был уехать! – На

лице Робби отразилось глубокое облегчение. – Тогда все в порядке.

Арион снова печально заржал, словно он, как и Джульетта, знал, что все далеко не в порядке, и больше никогда не будет в порядке.

Глава 22

В тот день через Брод Уолберна проезжали солдаты, которые привезли припасы и почту. Они были изумлены, когда слышали, что здесь кипела битва, из которой Брод Уолберна вышел почти невредимым. Джульетта наблюдала за толпой, которая, как всегда, собралась, чтобы встретить солдат. Мужчины, женщины и дети сгрудились вокруг отряда: несмотря на последние происшествия, все по-прежнему были рады любому событию, нарушавшему скучную повседневность их жизни.

– Сегодня одно письмо вам, мисс Джей, – заметил улыбающийся сержант, которому предстояло ночевать на ее постоялом дворе.

Джульетта вежливо поблагодарила его, но сердце у нее оборвалось при виде изящной надписи на обороте заклеенного конверта: «Профессор Уилльям Т. Берне, Гарвардский университет, Бостон».

Казалось, она чуть ли не час тупо смотрела на конверт, вертя его в руках и водя пальцем по сургучной печати, охранявшей его содержимое. Она даже понюхала его и вообразила, будто ощущает запах пыли и ладана, представив себе сторбившуюся спину монаха, записывающего имя Джеффри, чтобы профессор Берне смог его прочесть и подтвердить правдивость рассказов д'Арбанвиля. Ей надо только вскрыть

письмо – и она узнает, была ли хоть доля истины в том, о чем говорил ей Джеффри.

Но Джульетта не смогла этого сделать.

Чем было вызвано гневное возмущение Джеффри, когда он узнал о том, что она попросила сделать профессора Бернса: искренним негодованием мужчины, оскорбленного тем, что возлюбленная охотнее готова поверить незнакомому человеку, чем ему самому? Или это было хитроумной уловкой актера, который не хотел, чтобы его разоблачили? Но одно было ясно: Джульетта не может допустить, чтобы это письмо доказало или опровергло то, что представляла собой жизнь Джеффри д'Арбанвиля, не может рисковать тем, что его содержание сотрет все следы того человека, которого она полюбила вопреки рассудку.

Вокруг нее все счастливицы, получившие письма с востока, вскрывали конверты, зачитывали вслух отрывки, смеялись и плакали над известиями от родных и близких. Джульетта запихнула письмо от профессора Бернса в карман, так его и не вскрыв.

Позже, когда все ее постояльцы были накормлены и захрапели, она положила письмо на крышку туалетного столика. Расчесывая волосы перед сном, она не отрывала взгляда от маленького белого прямоугольника. Даже когда она легла и закрыла глаза, конверт все равно не давал ей покоя. А еще в ее мыслях постоянно присутствовал образ Джеффри. Его густые каштановые волосы трепал ветер, его рот приоткрыл-

ся в привычной белозубой улыбке... Джульетта помнила все: запах его сильного тела, текстуру его кожи, то, как завитки его волос щекотали ей грудь. Как рокотал его голос, когда он называл ее «миледи».

Спать она не могла, поэтому под покровом ночи отправилась к его круглому дерновнику, окруженному рвом. Здесь ничего не осталось от Джеффри: он забрал свои ржавеющие доспехи, туники, оружие и сбрую. Если бы в ее загоне не тосковал сейчас Арион, она могла бы усомниться в том, что Джеффри вообще существовал. Джульетта лежала на набитом соломой матрасе и вспоминала. Домой она вернулась только перед самым рассветом.

Брод Уолберна и ее собственные обязанности, связанные с ним, всегда удерживали ее на месте. С отъездом Джеффри она казалась себе опустевшим зачумленным кораблем, который стоит в гавани, но пуст. Паруса его превратились в лохмотья, а неумолимые волны разбивают его безжизненный корпус в щепки.

Она только теперь начала понимать, что брошенный в гавани якорь еще не обещает благополучия и покоя.

Джульетта пыталась угадать, сколько времени пройдет, прежде чем горожане перестанут упоминать о Джеффри. Она не сомневалась в том, что очень скоро расчетливые поселенцы превратят желтые туники с гербами в новые занавески для кухонь, а кое-кто попыбует забить глазницы ведрошлемов аккуратно подогнанными деревянными заклепка-

ми.

– Наверное, Джеффри не подходил для оседлой жизни. Хорошо, что он уехал, пока ваши отношения не стали слишком серьезными, – сказала ей на следующее утро Алма, которая зашла, чтобы взять займы мулов.

– А мне казалось, что это вам он понравился. Я знаю, что Бин Тайлер очень тревожился, когда слышал, как вас с Джеффри упоминали одновременно, – сумела равнодушно отозваться Джульетта, которой хотелось отвлечь Алму от этого разговора.

– Ах уж этот Бин! – Алма радостно улыбнулась и смущенно зарделась. – А потом, Джеффри пробыл здесь так мало, что не мог скомпрометировать ни одной порядочной женщины!

Джульетта проводила Алму взглядом, моля Бога, чтобы никто из горожан не догадался, что добропорядочная и сдержанная вдова Уолберн уже скомпрометирована – да еще как!

Джульетта забросила все дела и весь день провела на пастбище с Арионом, обхватив руками гладкую шею коня. Оба они смотрели на запад.

– А вам не приходило в голову отправиться за ним следом? – спросил ее за ужином капитан Чейни.

Она практически ни о чем другом и не могла думать.

– Я не могу бросить город.

Джульетта сама не знала, кого она хочет убедить капитана или самое себя.

– Сдается мне, что часть вашей души уже уехала... извините, мисс Джей.

Она ткнула вилкой в картофелину.

– Джефффри сказал, чтобы я за ним не ездила. Он приказал мне остаться здесь.

– И с каких это пор вы слушаетесь приказов?

Джульетте гораздо лучше удалось раздробить картофелину, чем собственные сомнения в том, что ей следовало поверить всему, что сказал ей Робби. Но даже если мальчик неправильно передал ей какие-то слова, несколько важных моментов оспорить было нельзя. Сейчас она перечислила их вслух, пытаясь убедить себя в том, что говорит все это ради капитана. На самом деле она испытывала непреодолимое желание высказать все.

– Джефффри позвал бы меня с собой, если бы я была ему нужна. И если бы он хотел, чтобы я поехала за ним, то не стал бы уезжать тайком, посреди ночи. Он... он слишком беспокоился о моей безопасности и не захотел бы, чтобы я выслеживала его одна.

– Ну, может, тут вы в чем-то правы, мисс Джей. – Капитан кивнул. – А что, если он все-таки актер и просто заигрался, а потом не знал, как выпутаться, не исчезнув без следа? Может, он не больше вашего намерен прыгать в тот каньон и просто не мог признаться в этом?

– Нет! – Джульетта никак не могла бы объяснить, почему настолько в этом уверена, и не сдержала грустного смеха,

осознав, что теперь, когда Джефффри уехал, она так безусловно верит в его честность и благородство. Какая горькая ирония – понимать, что она никогда не сможет доказать этого Джефффри, так же как и он не смог доказать ей своей веры в нее. – И потом, уже слишком поздно. Он ведь уехал еще позавчера. Мне ни за что не успеть догнать его вовремя.

Оба безмолвно соглашались с тем, что, когда Джефффри прыгнет в каньон, будет уже слишком поздно.

– Я бы сказал, что конь, которого он вам оставил, мог бы догнать любого мула или индейскую лошадь, на которых может ехать Джефффри. Может, он надеялся, что вы что-то докажете, поехав за ним следом?

Джульетта уронила вилку на стол.

– По правде говоря, я расспросил солдат насчет пути, который ему предстоит. – Капитан Чейни откинулся на спинку стула. Можно было подумать, он опасался начать этот разговор, а теперь испытывал облегчение оттого, что все-таки решился. – Добираться туда можно по-разному. Например, один тип – Обри, Ф.К. Обри, – проезжал в день по сто пятьдесят миль, и путь от Индепенденса до Санта-Фе занял у него пять дней и шестнадцать часов. А от Санта-Фе до того каньона в Аризоне рукой подать.

– Джефффри как-то сказал мне, что Арион может в день пробегать больше ста миль.

В Джульетте опять поднялось то смятение, какое всегда будили в ней обстоятельства, связанные с Джефффри. Мо-

жет, он действительно рассказал ей об этом и оставил ей своего коня для того, чтобы она имела возможность следовать за ним? Или дело обстояло именно так, как он пытался это представить: рыцарь оставил свое самое ценное имущество женщине, которую он любит и которую не рассчитывает больше увидеть?

– Есть еще и почтовая служба, мисс Джей. Они совершают регулярные рейсы из Вестпорта в Миссури: поездка обходится в сто двадцать долларов. Они едут намного медленнее, потому что приходится по дороге останавливаться на почтовых станциях. А потом еще солдат переводят из форта в форт. Конечно, отряду солдат до того места, что на карте миссис Эббот, добраться чуть ли не месяц.

– Месяц?!

– А может, и больше – некоторым солдатам ведь приходится идти пехом! Думаю, стоит считать, что двоим мужчинам, которые едут налегке, как Джеффри и тот индеец, можно передвигаться побыстрее, чем солдатам или почтовым каретам, но все-таки не так быстро, как ехал тот Обри. Так что... – капитан Чейни замолчал, чтобы подкрепиться глотком кофе, – ...вы могли бы положиться на старого и ненужного армейского шпиона, если бы на самом деле хотели вовремя его нагнать.

– На вас, капитан Чейни? Вы бы помогли мне его найти?

– Если будете держаться и не раскисать, как баба, то я бы сказал, что у нас есть неплохой шанс его догнать, – подтвер-

дил капитан Чейни.

– К долгим переездам я привыкла, – прошептала Джульетта. – А еще я могла бы попросить Бина Тайлера сделать нам копию с карты.

– Это я уже сделал. – Капитан Чейни похлопал себя по нагрудному карману. – Но должен вас предупредить. Страна очень большая, мисс Джей. Даже если Джеффри направляется прямо к тому месту, что обозначено на карте, есть немалая вероятность того, что мы туда приедем, а его не найдем. Или попадем туда слишком поздно.

На несколько секунд благодарность и надежда лишили Джульетту дара речи. Она зажала узловатые пальцы капитана между своими ладонями.

– Если Джеффри д'Арбанвиль, которого я люблю, там, то я его найду!

– Может, вы не сможете уговорить его изменить решение, – предостерег ее капитан.

– Может, это он уговорит меня передумать, – ответила Джульетта, – и я останусь с ним.

Капитан мгновение пристально смотрел на нее, а потом печально, но одобрительно кивнул.

– Похоже, вы уже это сделали.

– Знаете, может, сейчас самое время, чтобы вы начали называть меня по имени – Джульеттой.

Она почувствовала, что ее предложение доставило капитану удовольствие, и сама не могла понять, почему так долго

избегала этого знака дружбы. Старый вояка смущенно улыбнулся.

– Джульетта! Как та девица у Шекспира.

– Точно такая же, капитан Чейни. Я не хотела быть такой, но оказалось, что это именно так.

– Ну, надеюсь, не во всем. Мне кажется, у той истории был печальный конец.

– Не настолько печальный, как могло бы быть, – возразила Джульетта. – Раньше мне казалось, что она неправильно сделала, отказавшись от всего ради человека, которого любила. А теперь я понимаю, что, если бы она этого не сделала, она была бы обречена.

Они отправились в путь на рассвете. Джульетта надела свое платье, сшитое по фасону Блумер, и, как и капитан Чейни, прихватила с собой только чистую смену одежды и немного еды в седельных сумках, чтобы им не пришлось тратить время на охоту или поиски съедобных растений.

Непрочитанное письмо от профессора Бернса она приколотла булавкой под платье, так что оно лежало у нее у сердца все следующие недели, показавшиеся ей бесконечными, каждую радостно-пугающую и выматывающую милую их пути.

Джеффри сидел верхом на своей новой лошади, изумляясь тому, как плоское пространство, на котором они находились, вдруг прервалось далекими трещинами, изгибами, уходившими в глубь земли. Даже с намеренно выбранного им

расстояния в полмили он испытывал благоговейное восхищение провалами в красных породах, зияющими перед ним.

Хромой Селезень кинул на него мрачный взгляд, останавливая свою лошадь рядом. Джеффри понимал, что скорее всего они ведут последний разговор на магическом языке, столь подходившем к этим величественным местам.

– Ты намерен совершить эту глупость сейчас?

– Да.

– Прямо на моих глазах?

– Клянусь, ты самый жалкий образчик пленного, какого мне только приходилось захватывать, – сказал Джеффри с наигранной шутливостью. – Ты упустил тысячи возможностей сбежать, так что не вини меня, если все еще торчишь тут, выражая неудовольствие моими намерениями.

– Да, но без моего красноречия кто бы увековечил твой подвиг, кто бы поверил, что такой человек когда-то скакал по нашим прериям?

Джеффри было приятно знать, что о нем будет помнить товарищ-воин, а не только какой-то книжный червь – профессор. Возможно, когда-нибудь Джульетта услышит песню Хромого Селезня и поверит в Джеффри, что бы ей ни написал этот профессор Берне.

– Спасибо тебе, друг.

Несколько мгновений они сидели в дружеском молчании.

– Тебе бы следовало сначала заглянуть через край, Джеффри, – как это сделал я. То, что ты там увидишь, заставит

тебя передумать.

– Мое решение твердо.

Он прикоснулся к талисману, ища успокоения. Казалось, он пульсирует под его пальцами, и Джефффри задержался на месте дольше той минуты, когда намерен был перевести свою лошадь на полный галоп.

И тут лошади рыцаря и его спутника одновременно повернули головы назад, а еще секунду спустя менее чуткий слух Джефффри тоже уловил приближающийся топот копыт.

Хромой Селезень улыбнулся.

Джефффри не мог бы сказать, что удивило его сильнее: вид приподнявшихся в улыбке губ его сурового товарища, который впервые за все время их знакомства позволил себе это выражение чувств, или приближающееся к ним облако пыли. Постепенно Джефффри смог рассмотреть, кто же так напылил: это оказалась лошадь капитана Чейни, усиленно подгоняемая своим седоком, но отстававшая все сильнее, и быстرونгий гнедой конь с растрепанной всадницей, стрелой летевшие прямо к нему.

Когда Джефффри впервые увидел Джульетту, он принял ее за ведьму. И она действительно оплела его сердце чарами, похитила его разум и полонила все его чувства. Он был так же бессилен справиться со своими чувствами к ней, как умерить бешеную скачку своего пульса. Ведь сумеет он сделать то или другое – и будет обречен на верную смерть. Даже сейчас, когда он не сомневался в том, что появление возлюблен-

ной будет только попыткой помешать ему осуществить свои намерения, оно заставило его ликовать.

Он не сдвинулся с места, хотя всем существом своим хотел пустить лошадь навстречу Джульетте и встретить ее на полдороге. В эту минуту он сомневался в том, что у него хватит силы воли продолжить свой путь, если он свернет с него хотя бы на шаг.

Арион радостно заржал, приветствуя хозяина, и чуть не сбросил его с седла, ткнувшись мордой ему в грудь. Джефффри положил ладонь на шелковистую шкуру своего скакуна и ощутил кожей теплое конское дыхание. Ему хотелось бы, чтоб его кожу щекотало более мягкое дыхание, но он не мог придвинуться к Джульетте, когда их разделяла полутонная громада, требовавшая ласки с просто-таки щенячьим восторгом.

– Кровь Господня, Джульетта, нам надо спешиться, пока кони не расплющили нам ноги!

А в следующую секунду Джефффри уже стоял всего в одном шаге от любимой, мысленно проклиная надетые на нем ржавеющие доспехи. Даже если бы он поддался порыву и притянул Джульетту к себе, он ничего не почувствовал бы – и это казалось ему хуже адской муки. А возможно, все обстояло как раз наоборот. Если бы после этих недель бесплодного желания он ощутил ее тело, его по-человечески слабое сердце могло бы помешать ему выполнить долг.

Джульетта была покрыта дорожной пылью от кончиков са-

пожек до спутанных завитков волос, и стала вся серо-коричневой, за исключением синих глаз и кругов под ними, где она вытирала слезы. Проживи Джеффри еще шестьсот лет – и все равно ему не встретить женщины, которая показалась бы ему красивее Джульетты, какой она была в эту минуту.

Даже если бы Хромой Селезень и капитан Чейни в это мгновение сами кинулись в пропасть, он бы этого не заметил.

– Почему ты приехала, Джульетта?

– Потому что тебя надо было искать здесь. Ты был прав, Джеффри. Энгус Ок посылает тебя как раз туда, где тебе необходимо быть. Я должна была последовать за тобой в какое-то опасное и страшное место... Я должна была уехать из Брода Уолберна, чтобы найти мою любовь, мою жизнь!

Тут она бросилась ему в объятия, и он понял, что ошибался, считая, будто ничего не почувствует. Вес ее тела заставил проржавевшие звенья кольчуги вонзиться ему в тело, несмотря на кожаный жилет, и тысячи уколов напомнили Джеффри о боли, терзавшей его сердце с той минуты, как он покинул Джульетту. Ее тепло проникло сквозь металл, словно само ее естество входило в душу >ыцаря, которая будет вечно принадлежать ей одной.

А на возлюбленной никакой кольчуги не было, так что можно было с огромным удовольствием обнять Джульетту и попробовать на вкус горячую кожу ее шеи.

– А это что? – пробормотал он, почувствовав плотный бу-

мажный прямоугольник, приколотый у нее на груди.

– Письмо, которое прислал профессор Берне, как и обещал.

Его страсть мгновенно остыла, словно раскаленная подковка, опущенная в холодную воду.

– Ты не можешь основывать свое доверие на словах, которые написал незнакомый человек.

Джульетта лукаво ему улыбнулась.

– Ты прав. Сын миссис Эббот, Герман, все время писал о сбежавших верблюдах, а я ни единого не видела! А ты видел?

Джеффри не ответил на ее озорную увертку и указал подбородком на письмо профессора Бернса.

– Может, он подтвердил то, о чем я тебе говорил, и ты приехала просить прощения?

– Нет.

Значит, его самые худшие опасения оправдались. Он бы смог выдержать расставание с Джульеттой, зная, что она будет вспоминать о нем как о герое, который пожертвовал их любовью ради достойного дела.

– Значит, он назвал меня лжецом, а ты ему поверила и приехала упрекать меня за обман?

– Нет! – Джульетта ловко вынула письмо из-под платья. – Смотри. Я его не открывала.

На конверте выделялась печать из сургуча, скреплявшая неп прочитанное письмо.

Она засунула письмо обратно и снова прижалась к Джеф-

фри.

– Мне все равно, что там написано. Я люблю того человека, который сейчас стоит передо мной. Я не могу пообещать, что никогда не буду испытывать сомнений, но любить тебя я буду всегда. – Ее пальцы скользнули вдоль кожаного ремешка, охватывавшего его шею, и рыцарю показалось, что талисман одобрительно запульсировал, распространяя волны дрожи по его телу. – Давай отправимся прямо сейчас, пока я не успела слишком испугаться. Давай отдадим этот талисман по назначению. Мне надоело делить тебя с давно умершим королем, как тебе надоедало делить меня с памятью о бедном Дэниеле.

– Ты... ты прыгнешь вместе со мной? А как же твой город, Джульетта? Ты его бросаешь?

– Думаю, что благодаря тебе даже регулярной армии не удалось бы теперь согнать наших поселенцев с их земли. Брод Уолберна никуда не исчезнет, сколько бы времени мы ни отсутствовали.

– Значит, пока ты веришь всему, что я тебе говорил? Ее сияющее дивным светом лицо вдруг затуманилось, словно ясный летний день с наступлением сумерек, но она улыбнулась и прижала ладонь к его груди напротив сердца.

– Ох, Джеффри, мне предстоит поистине невероятный прыжок через собственное недоверие!

Когда Джеффри попытался посадить Джульетту на спину Ариону, тот отпрянул, так что влюбленным пришлось по-

меняться конями. Возможно, это было к лучшему: Джефффри не сомневался в том, что Арион прыгнет, не колеблясь, и увлечет за собой второе животное. А когда они попадут в родную эпоху Джефффри, вторая лошадь им весьма пригодится.

Джульетта отправляется с ним! Рыцаря охватила такая радость, что ему даже думать было трудно.

Он глубоко вздохнул, повернулся к ней – и у него сжалось сердце при виде того, как неподвижно она застыла в седле. Даже толстый слой пыли не мог скрыть смертельную бледность, покрывшую ее лицо.

– Ты испугалась, миледи!

– Когда ты так меня называешь, я готова на все. Но...

– Но?

– А что, если мы не... что, если мы окажемся в совершенно другом времени или месте, а не в том, которое ты ожидаешь?

Казалось, в талисмানে на его груди бьется жизнь.

– Не страшись! Энгус Ок доставит меня именно туда, где я должен оказаться. Ты же сама это сказала. И мы будем вместе, Джульетта.

Она вложила пальцы в его руку и, судорожно глотнув воздух, пустила лошадь медленным шагом. Он крепко сжал ей руку, жалея, что не может передать свой жар ее похолодевшим пальцам.

– Чего мне ожидать, Джефффри?

Он почувствовал прилив гордости: его отважная леди не хуже настоящего рыцаря ищет преимуществ, которые может дать знание.

– Сам прыжок покажется одновременно бесконечным и в то же время мимолетным, как вскрик сверчка. А потом наступит ужасная слабость и очень неприятное желание вывернуться наизнанку. – Джефффри натянул поводья, замедлив их и без того неспешное движение. – Когда мы окажемся на месте, притворяйся немой и постарайся скорчиться, пока я не найду плаща, чтобы прикрыть твою одежду. Там, откуда я явился, люди не будут так радушны к незнакомому человеку, внезапно появившемуся среди них.

Он всем телом ощутил ее испуганное содрогание и постарался заглушить свои слишком смелые надежды.

– Джульетта, если ты скажешь мне, что слишком боишься, чтобы остаться со мной, я не стану просить тебя прыгать. Я клянусь вернуться к тебе. Тебе необязательно это делать, миледи. Для меня достаточно дорого и то, что ты приехала сюда...

Джульетта прервала его благородные возражения, наклонившись к любимому и закрыв ему рот поцелуем.

– Джефффри, иногда ты слишком много говоришь. С этими словами она ударила каблуками в бока лошади, и та ринулась вперед. При этом Джульетта не выпустила руки Джефффри, так что чуть не вывихнула ему плечо.

Он никогда не подумал бы, что можно скакать во весь

опор, держа любимую за руку, но казалось, Арион ощутил его потребность не расставаться с Джульеттой и приспособил свой бег к аллюру второй лошади. Двум лошадям нужны считанные секунды, чтобы галопом преодолеть расстояние в полмили, но все же у нее было время на то, чтобы передумать. Когда до края каньона оставалось всего десятков шагов, Джефффри показалось, что Джульетта зарыдала, и у него ёкнуло сердце: он решил, что она намерена резко повернуть свою лошадь в сторону.

Но она этого не сделала!

– Не отпускай меня! – крикнула Джульетта, когда они вместе сорвались вниз.

– Никогда, миледи!

Но хотя Джефффри еще никогда не давал обещания с такой решимостью сдержать его, против него восстали высшие силы. Рыцарь весил гораздо больше Джульетты, а с учетом доспехов – вдвое больше, да и Арион был в полтора раза тяжелее второй лошади; он опережал ее в падении, и с этим ничего нельзя было поделать.

– Джефффри!

В ее крике слышалась паника: рука Джефффри начала соскальзывать, так что он держал уже только самые кончики пальцев Джульетты.

Ему надо было посадить ее в седло перед собой, но Арион отказался принять ее на себя, а Джефффри был так ослеплен своей возлюбленной, что лишился способности сообра-

жать. Чувствуя почти невыносимое усилие, раздирающее их руки, рыцарь разразился проклятиями: у него не осталось возможности перетянуть Джульетту на Ариона. Он понимал, что вынужден отпустить ее, иначе рискует сдернуть ее с седла, а потом уронить в бездонную пропасть.

– Джеффри! Обещай мне, что я снова тебя увижу! Крик Джульетты эхом отдавался от стен каньона, звуча все глуше: их окружал туман... Чувство одиночества было невыносимым.

– Ободрись, Джульетта! – громко прокричал Джеффри. – Мы будем вместе навсегда. Я клянусь в этом!

Глава 23

У Джульетты раскалывалась голова.

Казалось, язык у нее распух и стал вдвое толще обычно-го, кожа лица горела, предупреждая о том, что она слишком много времени провела на солнце, и обещая еще более неприятные ощущения. Джульетта то приходила в себя, то проваливалась в забытие, и ее ужасно мучил какой-то мощный, прямо-таки оглушительный рев. Далеко не сразу она поняла, что этот звук издает вода – мощный поток воды, проносящийся мимо. Она облизала губы, почувствовав вдруг отчаянную жажду.

С трудом встав на колени, она чуть не потеряла сознание от того, каких чудовищных усилий это потребовало, и прижала руку к животу, стараясь справиться с волной тошноты, поднявшейся в ее теле. О Господи, похоже, она страдает от какой-то ужасной болезни: это холера или летняя хворь, или какое-то еще из бесконечных заболеваний, которые терзают переселенцев...

Услышав прерывистое, сиплое дыхание, Джульетта повернулась к лошади. Бедное животное покачивалось на широко расставленных ногах, уткнувшись мордой в траву, хотя не делало ни малейших усилий, чтобы ее пощипать. Джульетте уже один раз пришлось видеть скакуна в таком ужасном состоянии. Ариона. В тот день, когда она впервые встретила

Джеффри.

– Джеффри!

Она хотела выкрикнуть его имя, но пересохший рот издал только хриплый шепот, такой слабый, что даже не испугнул любопытной птицы, прыгавшей поблизости. Джеффри предупреждал ее о слабости и тошноте, но она не ожидала, что эти ощущения окажутся настолько сильными. Даже столь слабого усилия, которое потребовалось для того, чтобы прошептать его имя, достаточно было, чтобы боль в голове стала почти невыносимой. Больше всего Джульетте хотелось бы сейчас свернуться калачиком и попытаться спрятать лицо от обжигающего солнца, но сделать это мешала острая жажда, а желание увидеть Джеффри грозило свести ее с ума.

А может, она уже сошла с ума? Джульетта внимательно осмотрелась, обведя взглядом стремительный поток воды, взгляделась вверх, туда, где края обрыва уходили в туман, но не увидела даже признака присутствия других людей. Можно было подумать, что девственную красоту каньона еще никогда и никто не нарушал. Это, видимо, было дном Первозданной Пропasti, о которой говорил Джеффри. Англия, год тысяча двести восемьдесят третий от Рождества Христова.

– Джеффри!

Она отыщет его – она должна его отыскать! Ноги отказывались ей повиноваться, так что она ползком подобралась к воде и сделала несколько глотков дарящей силы ледяной влаги. Это придало ей сил, и она с трудом поднялась на ноги,

но смогла сделать всего несколько шагов.

– Джеффри!

Этот окрик, каким бы слабым он ни получился, отнял у Джульетты последние силы, и она снова рухнула на землю.

У плеча что-то колело. Это оказалось письмо профессора Бернса: она вспомнила, что убрала его за пазуху, не потрудившись приколоть как следует. Теперь, когда она делом доказала, что верит Джеффри, прыгнув с ним в пропасть, ей можно прочесть это письмо. Джульетта вытащила его и ногтем большого пальца подцепила печать. Как Джеффри будет смеяться, когда она найдет его и признается в том, что вскрыла письмо, потому что ей так отчаянно хотелось его увидеть – и потому что она была так счастлива, что совершила этот прыжок и осталась жива, что ей достаточно было увидеть имя любимого на листке бумаги.

Джульетте понадобилось сосредоточить все внимание на строчках, потому что листок, казалось, то приближается, то снова удаляется, хоть она и готова была поклясться в том, что держит его надежно. Она прищурилась, и это немного помогло. Окружавшая ее тишина словно требовала, чтобы она прочла письмо вслух, и Джульетта так и сделала.

– «Дорогая моя миссис Уолберн, я с большим рвением принялся за ваше задание, выполнить которое мне помогал мой самый добросовестный ассистент. Мне очень жаль признаться, но нам обоим не удалось найти ни одного упоминания о Джоне или Деметре Рованвудах или Дрого Фиц-

болдрике. И хотя д'Арбанвилей было множество, никаких свидетельств о странствующем рыцаре, который звался бы Джеффри, не обнаружилось. Я сделаю это исследование своим хобби и буду заниматься им во время моих поездок по стране и за границу, хотя должен предупредить вас, что успехов в этом деле может и не быть...»

Пронизывающая ее голову боль переместилась прямо в сердце. Ощущение одиночества навалилось на Джульетту, словно холщовый мешок, который она набрасывала на кур, чтобы уgomонить их перед тем, как зарезать и отправить в кастрюлю.

Скомкав письмо, она швырнула его в воду, где оно недолгое время поболталось на поверхности, а потом затонуло.

– Нет! – Она снова поднялась на ноги. – Нет! Ответом ей были только щебет птиц, шум бегущей воды и тяжелое дыхание лошади.

– Нет!!!

Каньон был точь-в-точь такой, какой описал Герман Эббот в своем письме к матери. Джульетта вовсе не перенеслась в другое время. Она каким-то образом благополучно приземлилась на дне каньона, но при этом оказалась одна. Совершенно одна! Ни боевого коня по имени Арион. Ни рыцаря в проржавевшей кольчуге, давшего ей клятву в том, что они навечно останутся вместе.

По каньону разнесся чей-то вопль, преисполненный скорби и муки. Возможно, это был волк, горевавший о потере

подруги... Джульетта не задумалась над тем, почему от этого звука у нее пересохло в горле и еще сильнее заболела голова.

О Боже, если бы только она способна была четко мыслить! Может быть... может быть, она сделала что-то не так?

Она прыгнула без настоящей веры. Вот в чем дело! Вот почему ничего не получилось. Рыдая, Джульетта опустилась на колени у воды и сделала еще несколько глотков, не замечая, что острый гравий врезается ей в ладони и колени. Она сделает новую попытку. Поднимется наверх и снова прыгнет. У нее быстрее забилося сердце и немного окрепли руки и ноги. Цепляясь за выступы скалы, она сумела подняться по крайней мере фута на два, когда на фоне шума реки различила топот конских копыт. Топот был громче, чем гулкие удары ее сердца, громче, чем удары камней, скатывавшихся у нее из-под ног на дно каньона.

– Джеффри!

Джульетта закрыла глаза, вознося к небу благодарственную молитву, и поспешно скатилась вниз, не обращая внимания на то, что выступы скалы порвали ей платье и расцарапали кожу.

Но когда она снова открыла глаза, то увидела не Джеффри, а двух незнакомцев, которые смотрели на нее с глубокой тревогой.

– Говорил же тебе – это не верблюд вопит!

– Дьявольщина! Женщина. Белая женщина.

На них были синие армейские мундиры, а на плечах – эм-

блемы, которые узнали бы все, кому приходилось иметь дело с миссис Эббот: символы Военной службы инженеров-топографов!

– Какого черта вы здесь оказались, мэм? – Старший из двоих схватил ее пальцы своей мозолистой рукой и поставил женщину на ноги. – Вы были в плену у индейцев?

– Мы вас отведем в лагерь, там вы вымоетесь, – добавил его спутник. – Теперь вы в безопасности.

Разочарование лишило Джульетту дара речи, но когда солдаты заботливо повели ее к своим лошадям, она молча уперлась, стараясь справиться с дурнотой, которая настоятельно требовала принять их услуги.

– Извините, джентльмены, я не могу идти с вами. Мне надо вернуться и сделать новую попытку.

– Куда вернуться, мэм, и какую попытку сделать? Она махнула рукой в сторону невидимой вершины обрыва и почувствовала волну паники при мысли о том, какое пугающее предприятие ей предстоит. Надо идти туда немедленно!

– Туда, наверх. В первый раз я сделала что-то не так.

Военные, прищурясь, посмотрели вверх, а потом озадаченно нахмурились, словно не могли понять смысла ее слов.

– Вы хотите сказать, будто спустились по обрыву вниз, мэм?

– Нет, мы не спускались. Мы прыгнули. Мы с Джеффри...

Джульетта резко замолчала. Господи, они устали на нее, словно на сумасшедшую. У нее не было ни времени, ни

сил на то, чтобы пытаться их убедить в правдивости своих слов. Ей надо поскорее вернуться наверх и снова прыгнуть, пока не прошло слишком много времени, пока она не лишилась последних сил – иначе Джеффри будет сильно тревожиться из-за ее отсутствия. Она вырвала руку и бросилась бежать к скале, ужасаясь тому, как мало у нее сил и как плохо ее держат ноги.

Солдаты догнали Джульетту, прежде чем она успела добраться до первого выступа, и встали над ней с опасливым превосходством койотов, окруживших раненую антилопу.

– Ну-ну, мэм, – проговорил старший из них, нерешительно похлопав ее по плечу, словно прикасался к заключенной в клетку львице.

– Вы ведь не прыгали с этой скалы, правда же, мэм? – сказал тот, что был помоложе: так уговаривают капризного малыша признать правду. – Да ведь то, что упадет с такой высоты, разнесет в пыль отсюда до Рио-Гранде.

– Джеффри! – прошептала она, спиной сползая по отвесной стене. – Мы прыгнули вместе. Мне надо найти Джеффри!

Солдаты обменялись такими взглядами, что и без всяких слов стало ясно: они ей не верят и сомневаются в существовании какого-то там Джеффри.

– Ну-ну, – снова повторил старший. Теперь он уже отчаянно хлопал ее по плечу, и вид у него был почти такой же горестный, как у нее самой.

– Мы поищем... э-э... Джеффри, – пообещал тот, что помоложе. – Приятное разнообразие – не то что искать верблюдов. А вас пока отведем в лагерь. Нашему лейтенанту будет очень любопытно услышать то, что вы ему расскажете.

Джульетта встряхнула головой, понимая, что ей необходимо собраться с мыслями и перестать неосторожно высказывать такое, что заставляет храбрых военных усомниться в здравости ее рассудка. Возможно, где-то поблизости лежит Джеффри, и ему нужна помощь врача. Ей надо найти кого-то, кто мог бы ему помочь.

– Герман! – вспомнила она. – Герман Эббот. Он ведь офицер Военной службы инженеров-топографов!

– Ну да, мэм, точно. Он один из помощников лейтенанта Айвза.

– Вы должны немедленно отвести меня к нему!

Эта вполне здравая мысль заметно их ободрила, и, приговаривая что-то заботливое и дружелюбное, они повели ее между колючих кустарников и огромных камней. Они усадили ее на лошадь; Джульетта заметила, что они постарались не дать поводья ей в руки, а сами стали править.

Они направились вниз по течению.

– Что ты об этом думаешь, Марта? – пробормотал младший так тихо, что Джульетта едва его расслышала.

– Ни черта не понимаю, – ответил его старший напарник. Джеффри сжимал талисман, пытаясь справиться со своими желаниями. Больше всего ему хотелось сорвать подвес-

ку и швырнуть ее в Первозданную Пропать, проклиная Энгуса Ока, осыпая имя этого кельтского божка всеми мыслимыми оскорблениями, предоставив талисман забвению. Зловредный, мстительный, подлый бог: пообещать возвращение к жизни тем, кто испускает свой последний вздох ради любви!.. Ведь хотя Джульетта бросилась в пропасть вместе с ним, сейчас в священной дубовой роще его возлюбленной не было. Джеффри был в этом уверен, потому что обшарил тут каждый уголок, борясь со слабостью и тошнотой. К прочим невзгодам добавилось еще и больное горло, оттого что он беспрестанно выкрикивал имя Джульетты, так и не дождавшись ответа. Он был один. Абсолютно один.

Конечно, не считая Ариона, который сипел и кашлял, беспрерывно бросая на хозяина укоризненные взгляды. Похоже было, что эти прыжки в пропасть коням даются очень тяжело.

– Нам придется отважиться на прыжок всего только еще один раз, – пообещал Джеффри, поглаживая дрожащую шею своего боевого скакуна. – Всего один раз, когда мы закончим здесь нашу работу. А потом – все!

Их путь пролегал между раскидистыми дубами. Через некоторое время жутковатая тишина священной рощи сменялась отдаленным шумом, который всегда возвещал о продвижении армии: топот тысяч ног, конских и человеческих, скрип перегруженных фургонов, позвякивание доспехов и сбруи, глухой рокот голосов. От города Лондона, направля-

ьясь прямо к замку непокорной Деметры, двигалась армия короля Эдуарда – развевающиеся вымпелы возвещали всем желающим полюбоваться, что сам король выступил против своих врагов. Как и доказывал рыцарь Джульетте, Энгус Ок отправил Джеффри именно туда, где он был нужен.

Джеффри почувствовал, как в нем гаснут последние искры надежды. Если король Эдуард ведет армию против этой валлийской выскочки, ее муж Джон может уже быть мертвым, а Джеффри д'Арбанвиль в глазах короля оказался неудачником. Более того, король безжалостно ударит по замку Деметры, считая, что она отвергла предложение о помиловании, поскольку не знает, что его верный рыцарь не смог доставить ей талисман вместе с королевским ультиматумом. И что еще хуже, король может, сам того не ведая, попасть в приготовленную Дрого Фицболдриком ловушку.

Ну, не для того он летал по времени туда и обратно, чтобы допустить подобное!

Обстоятельства жизни вынудили Джеффри д'Арбанвиля научиться прогонять из своих мыслей все, не связанное с непосредственной задачей. Душа человека далеко не всегда легко мирится с тем, что надо сражаться ради золота и славы. Можно сойти с ума, если позволить себе задумываться над тем, что может случиться с теми невинными людьми, которые поневоле оказались втянутыми в его действия. Чтобы не предаваться бессильному отчаянию, Джеффри должен был не уступать разрывающей ему сердце тревоги за Джульетту,

должен был не думать о том, что она лежит на дне каньона, совершенно обессиленная и беспомощная, а на ее зов, обращенный к любимому, откликается только многократное эхо, отразившееся от отвесных скал.

Рыцарь поклялся, что вернется и навеки останется с Джульеттой. И он это сделает – или умрет, пытаясь сдержать клятву. Но сейчас, хотя сердце Джеффри отчаянно протестовало, он должен отогнать от себя все мысли о возлюбленной и с верой в кельтских богов и христианских святых считать, что они сохранят ее, пока он будет заниматься тем, что поклялся исполнить.

– Иди за мной, как только сможешь, – посоветовал он Ариону, не сомневаясь, что верный конь найдет его след и придет к хозяину. А потом Джеффри двинулся в сторону передвигающейся армии и почти поравнялся с последними рядами, прежде чем кто-то из безмозглых олухов догадался бросить ему вызов.

– Говори, зачем ты здесь, сэр! – с издевкой спросил какой-то оруженосец, и Джеффри пришлось подавить боль, пронзившую его сердце при воспоминании о том, как он в последний раз слышал такой вопрос в теплой кухне леди Джульетты.

– Я должен немедленно поговорить с королем. Наедине.

– А я с удовольствием получил бы личное благословение от папы. Убирайся.

Оруженосец отвернулся.

От изумления Джеффри даже споткнулся.

– Как ты смеешь отпускать меня, даже не подняв шума? Кто твой господин, ты, низкорожденный болван? Неужели он не научил тебя постоянной бдительности, которую должен проявлять воин, чтобы обеспечить безопасность своего сюзерена? И не вздумай притворяться, будто сразу признал во мне союзника, поскольку ты явно не пытался быть со мной вежливым!

Оруженосец побагровел, но у него хватило совести смутиться.

Какой-то рыцарь, по мнению Джеффри, слишком поздно заметивший эту небольшую стычку, отстал от своих спутников и рысью направился к ним.

– Нас с тыла беспокоят крестьяне, Борегар? – окликнул он оруженосца, когда подъехал ближе, но тут же подался вперед, чтобы всмотреться в странную фигуру, стоявшую рядом с воином. – Ба! Д'Арбанвиль?

– Монфор! – отозвался Джеффри, приветствуя сотоварища, а потом, махнув рукой на оруженосца, теперь льстиво улыбающегося, осведомился: – Надеюсь, это не твой прислужник?

– Нет. Мой еще хуже. Помощники у рыцарей сейчас совсем не такие, как в те времена, когда мы сами ходили в оруженосцах. Вот и состояние твоих доспехов об этом свидетельствует, да, д'Арбанвиль?

– Немного поржавели, признаю.

– Немного? Да у них такой вид, будто весь этот месяц ты плавал в Ла-Манше, не снимая кольчуги. Может, именно поэтому отряды, которые разослал по стране король, не смогли обнаружить твою жалкую шкуру.

Джефффри вздохнул. В ярости Эдуард никого не желал слушать. Достаточно нелегко будет убедить короля в том, какую опасность представляет Дрого Фицболдрик, тем более нечего и надеяться, чтобы король поверил, будто Джефффри вынужден был задержаться в будущем.

– У меня есть для короля известия.

– Есть или нет, но что у него для тебя есть выволочка, в том я не сомневаюсь. – Властно махнув рукой, Монфор приказал злополучному Борегару: – Отдай своего коня сэру Джефффри.

– И еще, – заметил Борегару Джефффри, садясь в седло, – подожди моего скакуна. А когда поставишь Ариона в стойло, отчистишь мои доспехи от ржавчины, размышляя при этом о печальных последствиях, которые выпадают на долю тех, кто предается лени.

– Да, сэр, – ответил оруженосец.

– Не думаю, чтобы Эдуард обошелся с тобой так же легко, – заметил Монфор, когда они пришпорили коней.

Однако Эдуард, который не испытывал особого желания изгонять женщину из приграничной твердыни, принял уверения Джефффри в собственной верности и его сообщения о предательстве Фицболдрика, не вдаваясь в подробности от-

носителем таинственного исчезновения рыцаря.

– Судьба нам улыбнулась. Я еще не избавил землю от Рованвуда, и в ловушку Фицболдрика мы попасть не успели. Обо всем этом мы поговорим позже, д'Арбанвиль. А сейчас ты можешь искупить свою вину, принеся мне голову Фицболдрика. – Король жестом отослал Джеффри в ночь. – Я желаю, чтобы этому был положен конец. По-моему, одному человеку, действующему самостоятельно, легче будет захватить этого супостата врасплох.

Джеффри склонил голову в знак согласия, почувствовав наконец всю глубину королевского недовольствия.

То, что он отправлен один в лагерь вооруженного неприятеля, смахивало на смертный приговор.

Глава 24

– Ну вот, мисс Джей.

Герман Эббот опустился на корточки у кровати Джульетты и вручил ей кружку с дымящимся кофе. Она сделала один глоток, но даже обжигающая жидкость не смогла прогнать холода, охватившего ее с той минуты, как она потеряла Джеффри.

– Поисковый отряд вернулся примерно пятнадцать минут тому назад.

– Сегодня что-то нашли? – спросила Джульетта, хотя ответ был ей уже известен, потому что Герман избегал встречаться с ней взглядом.

– Нет. – Герман извлек откуда-то палку и начал чертить на земляном полу непонятные узоры. – За последние три дня они выезжали шесть раз. Я не удивлюсь, если лейтенант Айвз прикажет прекратить поиски, поскольку мы не нашли никаких признаков ни мужчины, ни коня.

– Верблюдов тоже не нашли, но готова биться об заклад, что вы не перестаете их искать.

У Джульетты так сильно дрожала рука, что она поставила кружку на плоский камень, чтобы не выплеснуть на себя все ее содержимое.

– Мы ведь совершенно точно знаем, что сбежавшие верблюды тут, мисс Джей.

– И вы совершенно не уверены в том, что я говорю правду и что со мной действительно был мужчина, когда я прыгнула в пропасть.

Герман с такой силой налег на палку, что она переломилась. Стремительно осмотревшись, он прошептал, словно опасался, как бы их не подслушали:

– Вы ведь обещали мне, что больше не станете так говорить! Ну послушайте, мисс Джей! Я чувствую себя непосредственным виновником того, что вы... вы так горюете. Мне не следовало посылать матери сведения и карты, но мне и в голову не могло прийти, что кто-то вдруг решит... извините – решат... приехать сюда, чтобы все увидеть самим. Дорога ведь чертовски трудная, особенно для женщины. И вам надо принять во внимание, что тяготы пути могли отразиться на ваших чувствах.

Джульетта закрыла глаза, стараясь справиться с бессильной яростью, из-за которой ей хотелось вскочить и снова и снова кричать о том, как все было – пока до этих тупоголовых военных не дойдет. Они держали ее в палатке, отведенной под лазарет, чуть ли не как пленницу, а она никак не могла решить, то ли ей спешить обратно в Канзас, то ли еще и еще раз обшаривать каньон: она не сомневалась, что в одном из этих мест Джеффри непременно объявится. Джеффри пообещал, что кельтское божество отправит его туда, где он нужнее всего, а он был ей сейчас очень нужен. Отчаянно нужен! Перед лицом постоянного скептицизма военных бо-

лее слабому человеку уже начало бы казаться, что все случившееся было плодом фантазии. Ей необходимо было помнить о своей тезке, шекспировской Джульетте. Если бы та Джульетта не поддавалась отчаянию, она соединилась бы со своим возлюбленным здесь, на земле, а не только на небесах.

– Завтра я начну собственные поиски, Герман. Я чувствую себя совсем хорошо.

– Мы вам этого не можем позволить, мисс Джей. – Герман выпрямился, стряхивая с мундира воображаемую пыль. – Наше топографическое обследование почти закончено. Если не считать нескольких человек, которые останутся тут, чтобы нанести на карты последние мелкие детали, мы уходим завтра вечером. Мы проводим вас до Форт-Дифайенса, а оттуда вы сможете уехать в Канзас со следующей группой переселенцев.

– И вы позаботитесь о том, чтобы я так и поступила, хочется мне этого или нет.

– Да, мэм. Боюсь, что это так. – Хоть Герман говорил негромко, но в его словах ясно слышалась решимость. – Важной частью долга военных является забота о женщинах.

– Да, так мне уже говорили, – отозвалась Джульетта. Она снова легла и закрыла глаза, заканчивая неприятный разговор.

Джеффри ее найдет. Он обещал.

Дрого устроил свою ловушку с поистине дьявольской хитростью.

Джеффри целых три дня изучал смертельную западню, пока не отыскал слабое звено (оно было характерно для армий всех времен) – задремавшего часового. Но спящий был всего один. Остальной дозор оставался пугающе бдительным.

Джеффри ощутил холод в сердце. Он правильно сделал, вернувшись, чтобы предостеречь Эдуарда: если бы король по неосторожности угодил в засаду, которую устроил Дрого, то кровавое столкновение лишило бы Англию ее монарха. Какой это удивительный момент – когда рыцарь осознает, что, вероятно, спас страну от катастрофы. Но в то же время его отрезвляла мысль о том, чего это стоило ему лично: из-за принесенной им жертвы Джеффри больше всего хотелось поскорее со всем покончить и освободиться, так что все происходящее представлялось ему не столько триумфом, сколько тяжелым долгом.

Высоко в небе плыла луна, заливая своим серебряным светом местность, затаившую в себе смерть. Не лучшие условия для скрытного подхода, если прибегнуть к обычному методу: одеться в черное и перебегать из одной тени в другую. Но Джеффри заранее специально залез в воду в одежде, а потом обсыпал себя с ног до головы лучшей белой мукой королевского пекаря, так что теперь добавочный бледный свет луны был ему только кстати.

– Джульетта!

Рыцарь прошептал ее имя вместо обычного боевого кли-

ча. Привязав Ариона к дереву, он приказал ему не выдавать своего присутствия, а потом бесшумно подкрался и, перерезав горло спящему часовому, проник в логово Дрого.

– Ха! – крикнул Джеффри, откидывая завесу, скрывавшую вход в палатку Дрого и став так, чтобы луна осветила его бледную фигуру.

Проявленный Дрого трусливый ужас превзошел все, что мог ожидать Джеффри, маскируясь под собственный призрак. Дрого обмочил свои штаны, прибавив едкий запах страха к панической дрожи, от которой его спальная шкура слетела с матраса.

– Ты... т-ты... т-ты же умер! Я сам видел, как ты провалился прямо сквозь землю!

Джеффри мрачно осклабился.

– Земля круглая, ты, писунец! Круглая, как тонзура на макушке монаха!

– Еретик! Ты и правда пришел из ада. Убирайся обратно, тень!

– Сначала я отправлю туда тебя.

По глазам Дрого было видно, что он наконец понял, что происходит, – но слишком поздно. Личина Джеффри предоставила ему те секунды преимущества, которых он добивался.

Рыцарь столько раз представлял себе это последнее столкновение, но испытал удивительно мало удовольствия, расправившись наконец с человеком, который мешал ему столь-

ко лет, который намеревался поработить благородную даму и свергнуть монархию, чтобы осуществить свои корыстные цели. Джеффри знал, что хвастаться этим подвигом не станет.

Меч Джеффри был быстр и верен. И казалось, кельтский бог в эту ночь помогает ему: никто из наконец проснувшихся подручных Дрого не делал попыток помешать рыцарю покинуть лагерь с отрубленной головой их бывшего предводителя.

* * *

Почти весь следующий день Джеффри потратил на то, чтобы отчистить мучную кашницу, которая присохла к его коже и стала напоминать глиняную обмазку, которой крестьяне покрывали стены своих хижин.

– Мне бы хотелось поговорить с вами, мой господин, – сказал Джеффри, когда наконец привел себя в такой вид, что можно было играть роль слуги при монархе. С этими словами он подал королю кружку эля.

– Я этого ожидал. Счастливый конец для всех, так, д'Арбанвиль? – улыбнулся Эдуард. Монарх был доволен, поскольку получил клятву верности не только от Деметры, но и от соседствующих с нею непокорных баронов. Он жестом махнул в сторону пиршественного зала, где Деметра и Джон радостно обнимали друг друга под насаженной на пику го-

ловой Дрого Фицболдрика. – В королевстве теперь все благополучно – в немалой степени благодаря тебе, сэр Джефффри. Прежде чем ты изложишь свою просьбу, я хочу сказать, что знаю, как ты мечтал о поместье. Так случилось, что я присмотрел тебе даму – с землей и хозяйством в качестве приданого.

– Мой... мой господин... нет.

Джефффри с трудом сглотнул, ужасаясь тому, что скуперддэй Эдуард вдруг решил проявить щедрость к своему рыцарю – и именно теперь, после стольких лет его бесплодных мечтаний! Как, должно быть, сейчас смеются боги, второй раз предлагая Джефффри исполнение всех его желаний и зная, что обстоятельства не дадут ему принять этот дар.

– Нет? – Добродушие Эдуарда моментально превратилось в высокомерное королевское недовольство. – Ты настолько разважничался, что не желаешь принять от меня простого баронства?

– Никогда, сир! Это гораздо больше того, на что я смел надеяться. Я удовлетворился бы пустяковой вещицей и вашим словом по трем вопросам.

Эдуард опустил обратно в кресло, одновременно возмущенный тем, что его щедрое вознаграждение отвергнуто, и радуясь тому, что монарший богатства не уменьшатся.

– И что же именно ты просишь?

– Тот кельтский талисман, который я носил на шее. Я знаю, что он принадлежит Рованвуду, но мне этой вещицы

очень не хватает. – Джефффри мог только надеяться, что Энгус Ок простит ему желание швырнуть талисман в пропасть. Рыцарь думал о том, что талисману каким-то образом удалось перенести его сквозь время, и молился, чтобы он сделал это еще раз.

– Все, чем владеет Рованвуд, принадлежит мне, как его сюзерену. Идет, – недовольно проговорил Эдуард. Подозвав пажа, он приказал ему принести талисман, а потом снова повернул голову к Джефффри. – И освободите меня от моей клятвы верности вам, господин мой. Я бы хотел избавиться от обязанностей рыцаря.

Король подозрительно прищурился.

– А вот это уже не пустяк. У меня не настолько много рыцарей, чтобы я отпустил одного из них, не подумав о последствиях.

– Если вы мне откажете, то останетесь с рыцарем, который потерял вкус к сражениям, сир.

Эдуард нахмурился.

– Ты ведешь себя крайне неблагоразумно, так что я вижу, что трусом ты не стал. Ты всю свою жизнь посвятил делу рыцарства, д'Арбанвиль. Как ты зарабатываешь себе на хлеб, если я дарю тебе то, о чем ты просишь?

– Я думал заняться обработкой земли, господин мой. Эдуард расхохотался.

– Это настолько забавно, что я даю тебе мое разрешение. Идет – хотя делаю это с большой неохотой.

– И моя семья, сир. Отправьте им весть о том, что я здоров и счастлив, как никогда. И хотя я скорее всего больше никогда их не увижу, я буду всегда их помнить и молиться о них.

– Идет, хоть и не думаю, чтобы твой отец тосковал о встрече с земледельцем, д'Арбанвиль. И последняя просьба?

– Прикажите писцу, сир, подробно рассказать о событиях этого дня, позаботившись о том, чтобы по имени упомянуть меня, Джона и Деметру Рованвудов, а также изменника Дрого Фицболдрика.

– Дрого Фицболдрик, прежде чем пасть от твоего меча, случаем не успел ударить тебя по голове и вышибить тебе мозги?

– Нет, сир.

– Тогда ты должен был бы понимать, что если хочешь, чтобы твое имя было занесено в книги, тебе достаточно только принять баронство, которое я тебе предложил, и продолжать сражаться во славу Англии. Твои обязанности не будут настолько обременительными, чтобы ты не мог удовлетворить свое желание заняться земледелием. Мне претит мысль о том, чтобы прославлять приграничного выскочку записями о нем.

Джеффри не дрогнул перед недовольством короля.

– Я прошу вас даровать лишь то, о чем прошу, господин мой.

– Жалкий земледелец, прогневавший своего короля, заслуживает только того, чтобы его имя упоминалось в самой

малоизвестной книге.

– Мне этого будет вполне достаточно. В этом мире не так много книг, чтобы не найти каких-то сведений, если проявить должное упорство.

– А, ну ладно. Согласен, – с явной досадой уступил Эдуард.

Вернулся паж с талисманом, и Джеффри сжал в кулаке драгоценный предмет, не сдержав радостного возгласа, когда в ладонь его снова впечатался знакомый узор, который пульсировал, словно был доволен их повторной встречей. Талисман опять принадлежал ему, а Джеффри здесь отныне не связан никакими клятвами. Его ждала Джульетта, и он сможет вернуться к ней, не обремененный обещаниями и обязанностями. Джеффри почувствовал ликование и страшное нетерпение: не попрощавшись в последний раз с королем, он повернулся и устремился к Первозданной Пропasti.

Арион прыгать отказался.

Он резко остановился далеко от края пропасти, мотая своей мощной головой с протестующим ржанием. – Кровь Господня, Арион!

Джеффри выругался и, заставив коня повернуться, принял новую попытку – со столь же плачевным результатом.

Он попробовал завязать лошади глаза.

Он даже воспользовался дубовым прутом – и в первый и единственный раз на шелковой шкуре боевого коня появил-

ся след удара: единственный раз не во время битвы. А может, именно во время битвы, потому что тут явно начался поединок сильной воли, в результате которого вскоре оба – рыцарь и его верный скакун – тяжело дышали, но прыжок снова не состоялся.

Джефффри всегда высоко ценил сообразительность своего коня, которая не раз сослужила добрую службу, когда рыцарь просто обращал внимание на призыв чуткого животного к осторожности. Вероятно, с точки зрения лошади было разумно избегать повторения приступа той ужасной слабости и мучительной тошноты, которыми сопровождался каждый прыжок. Надо было только молить Бога, что присущий животному инстинкт не подсказывал ему, что еще один прыжок мог оказаться роковым. Джефффри поспешно отогнал от себя такую мысль. Поддаться ей хоть на долю секунды значило бы рисковать тем, что все кончится неудачей.

Рыцарь подошел к краю пропасти и изо всех сил потянул за уздечку. Арион уперся копытами в мягкую землю и согнул задние ноги, так что его массивную тушу невозможно было сдвинуть с места – при всей решимости Джефффри.

Охваченный досадой Джефффри бросил поводья и прошествовал к краю обрыва. Там кипели туманы, словно в ведьминском котле варилось какое-то адское зелье. От далекого рева у него заложило уши. Голова закружилась, так что он лишился способности соображать и остался наедине со своими страхами и сомнениями.

Возможно, кельтское божество окончательно от них отвернулось: ведь благородная цель была достигнута, и речь шла теперь только о мечтах и желаниях одного обыкновенного мужчины и одной простой женщины.

На Джульетте не было талисмана, а Джефффри не смог ее удержать. Возможно, она погибла.

Возможно, он совершит прыжок и окажется в совершенно другом месте и каком-нибудь немислимом времени.

Он может прыгнуть и просто погибнуть.

Врожденный инстинкт самосохранения заставил Джефффри отшатнуться назад, к Ариону. Рыцарь вдруг вспомнил о том, как Хромой Селезень уговаривал его посмотреть вниз с обрыва, предупреждая, что это зрелище может заставить белого воина передумать. Джефффри уцепился за гриву Ариона, дрожа и ужасаясь оттого, что ему изменила решимость.

– Нет, нет, нет! – прошептал он.

Он не может тратить время на то, чтобы успокаивать Ариона – ведь отсрочка может дать демонам сомнения подходящую почву, на которой они не замедлят посеять семена предательства.

Джефффри с такой силой стиснул зубы, что челюстям стало больно, и снял со своего скакуна седло и узду. Пусть Арион бродит один хоть целую вечность, пока кто-нибудь его не найдет. Джефффри невыносимо было думать, что его боевой товарищ мог бы умереть от голода или жажды, если бы его сбруя зацепилась за ветку дерева или запуталась в кустарни-

ке. Он швырнул вниз упряжь.

Несколько мгновений спустя Джеффри поймал себя на том, что, задыхаясь, глотает воздух: он невольно затаил дыхание, ожидая звука от падения. Но не услышал.

– Если к тебе вернется храбрость, то ты знаешь, как меня найти, – сказал он коню, который наблюдал за ним, раздувая ноздри и прядая ушами, словно не мог поверить, что его хозяин способен на такое.

А потом, крепко сжав в руке талисман, Джеффри пустился бегом к обрыву. Издав свой самый ужасающий боевой клич, он прыгнул, выпрямившись, словно копье, и полетел сквозь туман, который поглощал все звуки и ощущения, кроме стука его сердца – и нестерпимого желания вновь увидеть Джульетту.

Глава 25

Сержант Марта Кронин, обнаруживший Джульетту в каньоне, начал проявлять по отношению к ней прямо-таки отеческую заботливость, но Джульетта не испытывала от этого ни досады, ни радости.

Половина солдат считала, что этот самый Джеффри – всего лишь плод ее фантазии. Мнения второй половины разделились. Почта работала в обоих направлениях, а Герман Эббот, похоже, не меньше своей матушки любил зачитывать полученные им письма. Миссис Эббот сообщила ему новость об актере Джеффри д'Арбанвиле, поселившемся в Броде Уолберна. Некоторые из тех, кто верил в существование Джеффри, считали, что он ее бросил (оказывается, актеры таким поведением славились). Некоторые, как сержант Кронин, решили, что Джеффри умер, а Джульетта придумала свою странную историю для того, чтобы избежать реальности.

Но какого бы мнения они ни придерживались, все истолковывали почти нечеловеческое спокойствие Джульетты как оцепенение, вызванное чувством горя. Военные бросали на нее полные сочувствия взгляды и перешептывались между собой, когда думали, будто она их не слышит и не видит. Она все понимала.

Ей уже приходилось терять близких – родителей, Дэние-

ля, – но тогда для ее горя оставался хоть какой-то выход. Ей приходилось быть с близкими в их последние минуты, обмывать мертвые тела, хоронить, и все эти последние выражения любви заставляли друзей собраться вокруг нее, чтобы утешать ее и вместе с ней молиться. У нее была возможность попрощаться, отдать последнюю дань любимым, положить цветы к грубо сколоченному деревянному кресту...

Исчезновение Джеффри было совсем иным – таким окончательным, что после него не осталось никакого реального следа. Вообще ничего. Тем, кто верил в его существование, казалось, что Джульетта горюет о бродяге, который взял от нее, что мог, а потом исчез, когда она ему надоела. Джульетта понимала, что ей сочувствуют из-за того, что она якобы забыла гордость и бросилась следом за необычайно талантливым актером и обманщиком. Она единственная из всех знала совершенно точно, что имела несчастье влюбиться в казавшегося иногда странным рыцаря, пролетевшего сквозь время, – и когда он называл ее своей дамой сердца, он был абсолютно честен.

И так же абсолютно честно он пообещал ей, что они навечно будут вместе.

Поэтому было очень приятно, что нашелся такой человек, как сержант Кронин, который о ней заботился, особенно в тоскливые минуты, когда военный отряд готовился тронуться в путь. Ей надо будет придумать какой-то способ отблагодарить сержанта, когда Джеффри вернется и она снова ста-

нет собой.

– Ну, мы выезжаем, мисс Джей. С небольшим передовым отрядом, чтобы нам не пришлось всю дорогу до Форт-Дифайенса глотать пыль, которую поднимет караван. А потом дорога будет легче. – Сержант Кронин еще раз проверил, хорошо ли затянуты подпруги. – Не стесняйтесь крикнуть мне, если мы поедем слишком быстро или вам надо будет остановиться, чтобы... в общем, остановиться.

– У меня все будет в порядке, Марта, – сказала Джульетта, и сержант одобрительно кивнул.

Они проехали в дружелюбном молчании уже довольно большое расстояние, когда, несмотря на то что небо оставалось безоблачным, прогремел оглушительный гром. Лошади начали рваться и вставать на дыбы, фырканием и пронзительным ржанием выражая страх. По потемневшему небу быстро пробежало темное облако.

Неожиданная резкая перемена погоды вызвала ответную бурю чувств в груди Джульетты, и кровь в ней закипела и заволновалась под стать погоде. В следующее мгновение рассеченное небо вновь стало спокойным и облака рассеялись так же быстро, как появились. Засияло солнце – еще ярче, чем прежде.

– Нам надо повернуть обратно, – сказала Джульетта, оставшаяся настолько спокойной, что только теперь ей стало понятно, насколько твердо она верила в то, что Джеффри сдержит свое слово. – Джеффри вернулся.

Марта покачал головой и забрал у нее поводья.

– Мы не можем вернуться, мисс Джей. Похоже, над каньоном была гроза. Очень удачно, что мы уже оттуда уехали.

Джульетта осталась в седле и стала терпеливо дожидаться. Они уехали уже слишком далеко, чтобы можно было бежать обратно. Удивительное спокойствие не покидало ее. Джеффри найдет ее.

Прошло несколько томительных часов, прежде чем Марта повернулся в седле и, прищурясь, попытался разглядеть одно упорно не рассеивающееся облако.

– Ну что ты скажешь! – пробормотал он.

– Что там?

Джульетта попробовала всмотреться получше, но ее глаза не смогли разобрать того, что увидел опытный солдат, хоть она и сдвинула с головы шляпку, чтобы увеличить поле зрения.

– Похоже на чертова верблюда. Бежит прямо к нам, словно не терпится, чтобы его поймали. А мы уже полгода, а то и больше гоняемся за ними по этим горам! – Засунув два пальца в рот, Марта пронзительно свистнул, так что его лошадь испуганно всхрапнула. – Ну-ка, подъезжай сюда, Карвилл, и скажи: разве это не чертов верблюд? – рыкнул сержант, обращаясь к молодому солдату, который был с ним в тот день, когда они нашли Джульетту.

Карвилл подскакал поближе, остановил лошадь и поднял подзорную трубу, чтобы посмотреть туда, куда указывал

Марти.

Он изумленно ругнулся, но тут же попросил у Джульетты прощения:

– Извините за грубость, мисс Джей. Ты прав, Марта, это верблюды.

– Горбы какие-то странные.

– Это потому, что на нем кто-то едет. А следом за ними скачет огромный и старый гнедой жеребец. Никогда еще не видел, чтобы лошадь так ковыляла: кажется, вот-вот рухнет мордой вниз!

Джульетта ухватила за рукав Карвилла, жалея, что не может вырвать у него из рук подозрную трубу, чтобы самой все увидеть. С другой стороны, ее так трясло, что она, наверное, мгновенно уронила бы трубу в пыль.

– Всадник, на нем доспехи, да?

– А?

– Доспехи. Кольчуга. Блестящая, как серебро. Или, может, немного ржавая.

– Не-а. На нем только штаны и какой-то странный кожаный жилет. А вот волос у него ужас как много. И кажется, он этого верблюда так и костерит...

Карвилл еще продолжал свое описание, но Джульетта больше его не слушала. С громким криком «Ха!» она вырвала у сержанта поводья, а потом слышала только топот копыт своей лошади да собственный голос, окликавший Джеффри, навстречу которому она неслась во весь опор.

Они оказались слишком далеко друг от друга, когда лошадь Джульетты остановилась как вкопанная из-за своего отвращения к верблюду. Верблюд тоже остановился – похоже, из чистой вредности. Джульетте показалось, что она окаменела – так страшно ей было пошевеливаться: вдруг этот мужчина растает, словно предрассветный сон?

– Джульетта!

У Джеффри сорвался голос. Ей видно было, как судорожно сокращается его горло, словно окаймленное кожаным ремешком с кельтским талисманом. Когда он сделал наконец глубокий вдох, Джульетта тоже смогла вздохнуть полной грудью.

– Держись подальше от этого гадкого плюющегося животного!

Ей почему-то показалось крайне важным пошутить, пока она спешила, – просто для того, чтобы не разрыдаться и не броситься к Джеффри, сбив его с ненадежного сиденья.

– Ты это о ком, Джеффри, – о верблюде или об американском солдате?

Тут Джеффри улыбнулся, и его великолепная улыбка словно прибавила света и без того солнечному дню. И Джульетта поняла, что вот так же его улыбка будет освещать и все последующие дни ее жизни.

– Похоже, мне придется изменить свое мнение об американских солдатах: ведь им удалось так прекрасно сберечь тебя до моего возвращения!

Он забарабанил по верблюжьему горбу пятками, выкрикивая при этом что-то экзотически-непонятное. К величайшему изумлению Джульетты, верблюд вдруг опустил морду вниз и подогнул передние колени, а потом задние, но Джеффри оказался рядом с нею еще до того, как животное злобно фыркнуло и теперь просто ждало, лениво пережевывая свою жвачку.

Джеффри обхватил Джульетту руками и притянул к себе, прижавшись к ее губам в теплом и настойчивом поцелуе. Джульетта почувствовала, что на ее коже оттиснется отпечаток талисмана, но это ее совершенно не тревожило. Джеффри пообещал ей, что она будет с ним и он никогда с ней не расстанется! Он покачивался и дрожал, и Джульетта поражено поняла, что ее вера оказалась надежнее. Но и это не имело значения. Он пообещал, что они останутся вместе навечно – и так оно и будет.

– Этот верблюд тебя понял, Джеффри!

Она наслаждалась властными объятиями любимого и с наслаждением отдалась бы ему целиком, беспрепятственно.

– Это сарацинские команды. Во время верблюжьих бегов они давали мне преимущество над теми, кто считал ниже своего достоинства учить язык нечестивых.

– Верблюжьих бегов?

– Чтобы развлечься во время крестового похода. Осада – дело очень скучное. Я рад тому, что мне больше не придется им заниматься.

Его объятия не разжимались. Еще ближе они могли стать только в одном положении, и Джульетта не сомневалась в том, что они его примут, когда за каждым их движением не будут наблюдать всякие там верблюды и солдаты. Но сейчас ей было достаточно дивного ощущения присутствия своего возлюбленного, его сильного сердцебиения, его уверенности в том, что обоим не хочется, чтобы друг друга разделяло хоть малейшее расстояние.

Джеффри поднял любимую и, сделав несколько шагов, оказался по другую сторону верблюда. Там он прислонился к горбу и соскользнул по нему вниз, так чтобы усесться, опираясь спиной на бок терпеливого животного. При этом он так и не разжал своих объятий. Теперь влюбленные были скрыты от посторонних глаз, что вышло очень кстати, если принять во внимание их непристойно тесный контакт. Джульетта ощутила, как тело рыцаря наливается страстью, но он все еще не пытался ее целовать или ласкать. Он только обнимал и обнимал ее, но Джульетта еще никогда не чувствовала себя такой удивительно любимой.

– Эгнус Ок промахнулся, опустив тебя так далеко. Мы уехали из каньона несколько дней тому назад.

– И оставили такой ясный след, что его не потерял бы и полуслепой индеец-навахо. Пока Хромой Селезень провожал меня к пропасти, он научил меня просто потрясающим вещам.

– На тебе нет доспехов.

– Я их подарил человеку, который сможет оценить их по достоинству – когда они снова будут в таком состоянии, что их можно будет надевать. Мне они больше не понадобятся.

– Разве рыцарь может остаться без доспехов? Если бы Джеффри не обнимал ее так крепко, она, возможно, не заметила бы, что он невольно содрогнулся. Но он мгновенно успокоился: Джульетта не могла сказать, случайно или усилием воли.

– Я больше не рыцарь. Я простой фермер.

Он говорил с такой нарочитой небрежностью, что было ясно: за этим скрывается глубочайшая боль. Джульетту мучили противоречивые чувства. Ей казалось, что именно этого она и хотела – услышать, что Джеффри отказывается от своих диких фантазий. Тогда почему же ей впору громко кричать, протестуя против того, что он называет себя простым фермером?

«Потому что он никакой не фермер», – прошептал ей внутренний голос.

Он ее рыцарь-защитник. Его гордая голова полна всего самого необычного: незнакомых ей языков, верблюжьих бегов и рыцарственных понятий о долге и чести. Его сильное тело исчерчено шрамами, о происхождении которых он не желает говорить, и сила его посвящена защите того, что он любит и что ему воистину дорого.

Джульетте отчаянно хотелось оставить его именно таким, каким он был, а для этого надо было разобраться, почему он

вдруг отвергает свое прошлое.

– Джеффри, что произошло, пока тебя не было? Его вздох пощекотал ей макушку.

– Все – и ничего, потому что со мной не было тебя. Я был так полон тревоги и тоски о тебе, что пребывал словно в страшном сне. Я знаю, кто я и что я сделал, и все же... даже сейчас я изумляюсь и не могу поверить тому, что те вещи, которые когда-то казались мне самыми важными, стали представляться настолько мелкими, будто они имеют отношение не ко мне, а к кому-то другому.

– Расскажи мне все.

– Я скажу это один раз, а потом больше никогда не стану об этом говорить. Я исполнил все, что поклялся сделать. В награду мой сюзерен освободил меня от данной ему клятвы. Так что все позади, и нам больше нет нужды упоминать о моем прошлом.

У Джульетты защипало глаза от слез – она и сама не могла бы сказать, почему.

– Тебе придется объяснить все получше.

– Хорошо, хотя я, кажется, утратил вкус к хвастовству. Я опущу неприятные подробности, поскольку они не предназначаются для нежного слуха дамы. Достаточно будет сказать, что мое возвращение в тысяча двести восемьдесят третий год от Рождества Христова привело к окончанию многих приграничных конфликтов. А еще я спас короля Эдуарда от верной смерти, обеспечив таким образом будущее Англии.

Было ли это реальностью или бредовыми фантазиями? Джульетта цеплялась за его плечи, вспоминая, как молилась и как мечтала о его возвращении, зная, что без него ее мир отныне не сможет быть благополучным и счастливым. Если принять во внимание, насколько маловероятным представлялось возвращение Джеффри, то стоит ли считать, что его мечты и видения более немыслимы, чем ее собственные?

– Сам король пообещал, что мои подвиги будут занесены в хронику. Надо полагать, ты уже о них прочла, если открыла письмо, которое прислал тебе твой профессор Берне.

– А, письмо... Я его потеряла. Она проглотила болезненный ком.

Какое-то мгновение он молчал, а потом рассмеялся – чуть горько, как может смеяться человек, оказавшийся мишенью недоброй шутки.

Или как человек, который неожиданно обнаружил, что ему не надо продолжать запутанную ложь.

Но Джульетта приняла решение больше не допускать в свою душу подобных сомнений.

– Если ты меня любишь, Джульетта, то поможешь мне повернуться спиной к прошлому. Больше никаких историй о рыцарях, квестах и путешествиях во времени. Я намерен жить как Джеффри д'Арбанвиль, фермер. С Джульеттой, моей леди супругой.

– Ах, Джеффри! – Она прижалась лицом к его плечу, зная, что ее слезы моментально промочат его тонкий кожаный жи-

лет. – У меня такое чувство, будто ты отказываешься от вещей, которые для тебя по-настоящему важны. Я не уверена, что это хорошо.

– Я скажу тебе, что для меня самое важное. Тебе следует знать, что я очень люблю детей и чрезмерно привязан к собакам и норовистым лошадям, и был бы счастлив наполнить наш дом десятками и десятками тех и других, и третьих.

Джеффри взял ее за подбородок и заглянул ей в лицо. Его глаза были полны страсти, понимания и безусловной честности и благородства, которые обещали ей любовь и счастье – начиная с этой минуты.

– Я буду любить и лелеять тебя, миледи, покуда мы оба дышим – и покуда на небе будет место для наших душ.

– А я – тебя. – Джульетта прижалась к нему еще теснее, так тесно, что между ними не осталось места для сомнений или недоверия. – Но, Джеффри, десятки собак и лошадей?!

– И детей. А это значит, что нам надо избавиться от этого солдатского надзора и начать немедленно, поскольку женское тело ужасно медленно выполняет свою роль в производстве на свет потомства.

– В то время как мужское делает это прискорбно быстро?

– Порой, Джульетта. – Он весело ей улыбнулся. – Хотя одно можно сказать в пользу мужчины, которому для осуществления своих самых заветных мечтаний понадобилось ждать почти шестьсот лет. При этом он кое-что узнал насчет того, как надо не торопиться и растягивать удовольствие.

Эпилог

Сентябрь, 1860 год

Джульетта посадила маленького Джеффри себе на бедро, а ко второму бедру прислонила поднос, на котором стояли кружки с кофе, при этом стараясь не споткнуться о веселого щенка, дергавшего ее за подол.

– Пора вам устроить перерыв! – позвала она Алму и Джеффри.

– Боже, вы только посмотрите, как поздно! – Взглянув на каминные часы, Алма изумленно заморгала и начала поспешно убирать в сумку учебные материалы. – Обучать такого старательного ученика – сплошное удовольствие. Если и дальше так пойдет, Джеффри, то геометрии вы научитесь даже быстрее, чем учились читать и писать. Но боюсь, что сегодня я должна отказаться от кофе, Джульетта. Мы с Бинном обещали пообедать с Уилкоксами: Робби не терпит знакомить нас со своей маленькой сестренкой.

Джульетта едва заметила, как Алма ушла. Она наблюдала за тем, как ее муж закрывает учебник и откидывается на спинку стула, пока тот не откачнулся на задние ножки. Наверное, она никогда не избавится от желания протянуть руку и задержать Джеффри, опасаясь, что он опрокинет стул.

И она ничуть не сомневалась в том, что никогда не перестанет краснеть от наслаждения, когда он будет окидывать ее

с ног до головы взглядом, полным страсти и чувства гордого собственника.

– Что это жует малыш? – спросил Джефффри, когда Алма ушла и они оказались за столом друг против друга. Он не спеша пил кофе, но Джульетта обнаружила, что сама не может сделать и глотка.

– Это письмо. От профессора Бернса. Похоже, он прислал его из Лондона – из Англии.

В тот день, когда они прыгнули в пропасть, она предостерегла Джефффри, что сомнения могут по-прежнему возвращаться и мучить ее. Но они не возвращались, пока не пришло это письмо из Лондона, заставившее ее вспомнить об университетах – и театрах. Профессор мог вести исторические исследования в освященных временем залах Оксфорда и мог узнать правду о человеке, который, возможно, большую часть жизни провел на подмостках театра.

Джефффри наверняка заметит ее смятение: он всегда все замечает.

– Ага! Так ему понадобился целый год и путешествие вокруг света, чтобы наконец меня поймать!

Джульетту охватил ужас. Горло свело так, что она не могла говорить, не могла потребовать, чтобы Джефффри объяснил свои странные слова.

Он выпил еще немного кофе и с величайшей сосредоточенностью, характерной почти для всего, что он делал, стал наблюдать за жующим письмо малышом.

– Тебе бы надо его забрать, Джульетта, иначе он превратит бумагу в кашу.

Тут ее молчание мгновенно сменилось неудержимым потоком слов.

– Ему это не повредит. Моя мама всегда говорила, что это полезно, когда зубы режутся. Когда я была маленькая, я все время жевала бумагу.

Но она все же отняла письмо у малыша. Тот разразился протестующими криками, и ей самой впору было к нему присоединиться. Джульетта ничуть не огорчилась бы – ни капельки! – если бы сынишка испортил письмо так, что уже ничего нельзя было бы прочесть. Ей следовало бы отдать письмо одному из щенков или зашвырнуть его в загон к кобылицам и жеребьятам Ариона, которые втоптали бы в грязь эту мерзкую бумажонку.

– Ты не вскрыла свое письмо?

– Да.

– Так.

Он снова начал балансировать на задних ножках стула, пристально изучая ее лицо. Как она жалела, что не смяла этот проклятый конверт и не сунула прямо в плиту!

– Я тебя люблю, Джеффри! – Она заметила, что в голосе ее звучит отчаянная настойчивость. Глаза Джеффри на мгновение вспыхнули, сказав ей без слов, что это от него тоже не укрылось. – Я никогда еще не чувствовала себя настолько счастливой и живой, как в этот год. Ты был неизменно

заботлив и доказал, что на тебя всегда и во всем можно положиться. Ты защищал наш город и заслужил любовь всех горожан, тебя не беспокоила и не смущала память о моем первом муже. Ты мой собственный рыцарь прерий, и я не вынесу, если какое-то... какое-то напоминание о прошлом пробьет брешь в твоих доспехах. Мне все равно, что говорится в этом письме. Мне совершенно все равно!

– А мне это важно, любимая.

Джюльетта прижимала ребенка к своему сердцу, глядя, как Джеффри ломает печать. Напрасно пыталась она прочесть на лице мужа какие-то чувства, какую-то реакцию на то, что было написано в письме.

– Профессор Берне не слишком красноречив, – заметил он в конце концов.

Покачав головой, он подвинул ей письмо, повернув его так, чтобы она могла прочитать его, не беря со стола. Слезы мешали ей видеть, так что она разобрала не больше половины слов.

– ...В Лондоне... отдыхаю и работаю... международный симпозиум по правлению Эдуарда Первого... крошечный томик, оказавшийся внутри другой книги в личной библиотеке короля... предок вашего Джеффри... непонятное отсутствие... единолично подавил восстание... спас королю жизнь... изменил ход истории... открытие, имеющее огромное историческое значение... требует дальнейших исследований...

Она сама не заметила, что встала, но когда она оторвалась от письма, Джефффри уже стоял рядом, притягивая ее и их сына в свои объятия.

– Ты прав, – прошептала Джульетта, наслаждаясь жаром его тела, почти касаясь губами кожаного ремешка, на котором висел кельтский талисман, находившийся Джефффри неотлучно. – Профессору Бернсу недостает красноречия, но, возможно, это связано с тем, что у него' мало информации. По-моему, тебе следует ему написать и рассказать все как было, с точки зрения очевидца.

– Позже, леди супруга. – Джефффри прижался к ее губам в поцелуе, который окончился их общим смехом, но маленький Джефффри возмущенно завопил из-за того, они зажали его. – Сейчас я предпочел бы продемонстрировать тебе свои умения в области изменения хода истории. У меня задумано некое предприятие, которое, как я предсказываю, изменит жизнь всех членов нашей семьи девять месяцев спустя. Я люблю тебя, миледи.

Джульетта улыбнулась, полная приятных предвкушений.

– Вот это я попрошу тебя доказывать мне снова и снова, сэр Джефффри.